

Ю. М. Галенович

Китай

40 лет спустя
после Мао

20 лет спустя
после Дэна

ВКН

Ю. М. Галенович

**КИТАЙ:
40 ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ МАО,
20 ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ ДЭНА**

2-е издание, электронное

ВКН

Москва

2020

УДК 327[(470+571):(510)]
ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)
Г15

Галенович, Юрий Михайлович.

Г15 Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю. М. Галенович. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 388 с. — Москва : Издательский дом ВКН, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7873-1659-9

Мао Цзэдун умер в 1976 году. Дэн Сяопин умер в 1997 году. С тех пор Китай сорок лет живет после Мао и двадцать лет после Дэна. Их физически нет, но они все еще, как «призраки», витают, присутствуют в Китае сегодня.

И в то же время нынешний Китай — это Китай уже сорок лет спустя после смерти Мао Цзэдуна, двадцать лет спустя после смерти Дэн Сяопина. Это уже иной Китай, это «не тот» Китай. К нему следует и приходится относиться с учетом всего этого. Необходимо всмотреться в Китай и изнутри, и вовне, то есть попытаться рассмотреть и то, что происходит в Китае, с Китаем, а также и то, чем оборачивается для остального человечества знакомство с Китаем, вышедшим за свои прежние границы и «рамки», за традиционно сложившиеся представления о нем.

УДК 327[(470+571):(510)]
ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)

Электронное издание на основе печатного издания: Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю. М. Галенович. — Москва : Издательский дом ВКН, 2019. — 386 с. — ISBN 978-5-907086-27-2. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-7873-1659-9

© Ю. М. Галенович, 2019
© Оформление. ООО «ИД ВКН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Китай в состоянии неопределенности между прошлым и будущим	5
Что происходит с Китаем и в Китае	9
Трактовка в КНР сорокалетия после смерти Мао Цзэдуна, или Идеология Си Цзиньпина	33
Перипетии внутриполитической борьбы в КНР после смерти Мао Цзэдуна	86
Лю Шаоци — альтернатива Мао Цзэдуна	110
Как нам быть и что нам делать «на китайском направлении»	134
Первые полвека взаимоотношений между КНР и США	161
Вице-президент США Майк Пенс о Китае	195
«Корейское поле» противостояния Америки и Китая	269
Американский фактор в российско-китайских отношениях	295
Что пишут о Даманском полвека спустя в КНР и в РФ	306
Об авторе	376
Перечень работ автора	381

КИТАЙ В СОСТОЯНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩЕМ

Около ста лет тому назад, во втором десятилетии XX века, в Китае и с Китаем начали происходить перемены. Китай из состояния некоего оцепенения, неподвижности, своего рода политического анабиоза, начал переставать быть «недвижным» и стал приходить в движение. Он начал переставать быть **старым** Китаем и начал превращаться частично, частями во времени и в пространстве, особенно там, где речь шла о мыслителях, о совести и культуре нации, о политических лидерах, в некий **новый** Китай. Иной раз это затрагивало ту или иную часть всей нации Китая на мировой арене, китайский народ на континенте в целом.

Пожалуй, для Китая на протяжении всех последних ста лет более всего характерно промежуточное состояние неопределенности. Китай представляет собой своего рода гремучую смесь старого и нового.

Эти его части сосуществуют, не смешиваются, не происходят и планомерного процесса замены **старого** Китая **новым** Китаем.

Если об этом и говорят, то это в значительной степени остается только словами, сотрясением воздуха. В современном Китае, безусловно, есть новь, но есть, безусловно, и старое, то, что должно было бы со временем отжить.

Старое и новое несовместимы. Пока они сосуществуют, но со временем, очень длительным, можно надеяться на то, что новь все-таки возобладает.

Итак, Китай, сто лет тому назад начав сдвигаться с «насиженного места», уже не является прежним, или **старым**, Китаем и еще не стал целиком и полностью **новым** Китаем. Именно по этой причине и в самом Китае, и в мире в целом речь идет о модернизации Китая, или об обновлении Китая.

Процесс отрыва от прошлого, ухода от того, что тянет народ и страну назад, не дает им обновляться, процесс разрыва с прошлым, с отсталыми многовековыми традициями, с привычным закоряченным образом жизни и образом мышления, с иррациональными представлениями оказался не просто и не только болезненным, но и затяжным, пока просто бесконечным.

Китай находится в подвешенном, гибридном или смешанном состоянии, в состоянии неопределенности.

Он в одно и то же время и как бы оторвался от своего же прошлого, но оторвался далеко не полностью, и еще не приземлился в своем же будущем. Он сто лет тому назад начал свой скачок, или прыжок, из прошлого в будущее и до сих пор завис в этом состоянии начала прыжка из прошлого в будущее. Причем речь идет о процессе, который скорее всего можно называть именно попыткой прыжка, рывка, скачка, а не плавного или естественного перехода из одного состояния в другое состояние.

Мы предпринимаем попытку понять, что в настоящий момент, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века, происходит в Китае и с Китаем. Обратим внимание на совокупность лозунгов, которые выдвигают власти в Китае. На начавшуюся сразу же вместе с объявлением об образовании КНР борьбу внутри страны по вопросу о пути ее развития. Борьбу, связанную в свое время с именем Лю Шаоци — альтернативой Мао Цзэдуна. А также попытаться уяснить себе, как нам в нашей стране, учитывая и то, что происходит в Китае, и его политику в отношении нашей страны, можно было бы организовать работу «на китайском направлении». Наконец, сопоставить представления о своих двусторонних отношениях руководителей КНР и США.

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI века сошлись несколько дат, или вех, говорящих о том, что происходит в Китае и что происходит с Китаем.

Это прежде всего сорокалетие с начала движения Китая из тупиков, в которые страну завел своей политикой Мао Цзэдун. Такое движение стало возможным и необходимым после ухода с политической сцены и из жизни Мао Цзэдуна. С его смертью исчезла, воз-

можно, главная в то время, громадная преграда на пути движения Китая вперед, к прогрессу, к свободе и демократии.

Это полвека с того момента, когда США и КНР начали устанавливать контакты и связи между собой. Сам этот процесс является естественным. В то же время у каждой из этих двух сторон есть свои представления и о мире в целом, и о своей роли на планете. Процесс взаимного знакомства, узнавания оказался сложным и затяжным. Подлинного взаимопонимания здесь пока еще нет.

Это пятьдесят лет со времени гибели Лю Шаоци, антипода и альтернативы Мао Цзэдуна, политика и мыслителя всекитайских и мировых масштабов, поборника дружбы между нашими народами.

Сам феномен противостояния Лю Шаоци и Мао Цзэдуна — это показатель неизбежной борьбы в Китае, в том числе в руководстве КПК, по вопросу о путях развития страны; процесс борьбы между подлинным движением вперед и, по сути дела, стремлением оставаться во многом на рельсах старого Китая, старых, традиционных представлений, прежде всего о политическом режиме самовластия, да и о роли Китая на планете.

Это пятьдесят лет с момента начала по воле Мао Цзэдуна войны против нас на восточном и западном участках границы. Сам по себе факт неожиданного для руководителей СССР — КПСС нападения на границе, применения оружия, отношения к ним со стороны Мао Цзэдуна как к «новым царям», как к историческому, национальному, классовому и военному врагу нации Китая вызывает глубокие раздумья, говорит о вероятности крутых и неожиданных всевозможных поворотов в политике руководителей Китая, последователей Мао Цзэдуна, по отношению к любой стране.

Это сорокалетие со времени начала по воле Дэн Сяопина нападения на Вьетнам. И это факт, свидетельствующий о способности последователей Мао Цзэдуна осуществить военное нападение на любого соседа Китая, на любую страну, объявив ее при этом «союзником» того государства, которое в тот или иной момент эти последователи Мао Цзэдуна сочтут своим врагом.

Итак, повторим: мы предлагаем читателям познакомиться:

- с нашей трактовкой того, что в настоящее время происходит с Китаем и в Китае;

- с тем, что заявил Си Цзиньпин по случаю 40-й годовщины начала «политики реформ и открытости»;
- с нашей оценкой 120-летия со дня рождения Лю Шаоци;
- с тем, что можно было бы делать в нашей стране «на китайском направлении»;
- с тем, какую оценку состоянию отношений между Китаем и Америкой дали заместитель председателя КНР Ван Цишань и вице-президент США Майк Пенс;
- с трактовкой в КНР итогов встречи Трампа и Ким Чен Ына в Ханое в феврале 2019 года;
- с тем, что пишут о событиях на острове Даманском в КНР и в РФ полвека спустя после того, как это произошло.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КИТАЕМ И В КИТАЕ

В Китае существует традиция обозначать знаменательные события цифрами. Например:

Шуан ши — две десятки, то есть 10 октября 1911 года, — начало Синьхайской революции. Это, собственно говоря, и может рассматриваться как **начало движения** из прошлого в будущее, момент свержения монархического строя и переход к республиканской форме правления.

У сы — 4 мая 1919 года — **начало движения** за демократию и науку, или движения демократически настроенной китайской молодежи, день **начала движения** борьбы за новую культуру. Это еще один момент **начала движения** от старого Китая к новому Китаю, от старой культуры к новой культуре, даже от старого языка к новому языку, прежде всего в литературе.

Ци ци — 7 июля 1937 года — начало полномасштабной Антияпонской войны, или войны в целях оказания отпора Японии. Это событие также можно видеть как **начало движения** за освобождение от навязывавшегося Китаю иностранного, то есть в то время прежде всего японского господства.

К этому можно было бы добавить *Цзю цзю* — две девятки, то есть 9 сентября 1976 года, — день смерти Мао Цзэдуна. И это важный рубеж в истории современного Китая, когда с физической смертью Мао Цзэдуна закончилась эпоха его правления и открылась возможность **начала движения** по пути к новому, действительно новому Китаю, свободному от пут режима самовластия.

Продолжая обращаться к цифрам, 2019 год можно считать знаменательным, потому что это:

- год тридцатилетия событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине;

- год тридцатилетия восстановления нормальных дипломатических межгосударственных отношений между нашими странами;
- год сорокалетия со времени прекращения китайской стороной в одностороннем порядке действия договора между нами о дружбе, союзе и взаимной помощи;
- год сорокалетия нападения армии Дэн Сяопина на Вьетнам;
- год сорокалетия с начала осуществления в Китае «политики реформ и открытости»;
- год пятидесятилетия начала контактов и связей между КНР и США;
- год пятидесятилетия со времени гибели Лю Шаоци;
- год пятидесятилетия нападения армии Мао Цзэдуна на границу на нашу страну;
- год шестидесятилетия восстания в Тибете и, как его следствие, начавшейся через три года войны Китая с Индией;
- год семидесятилетия объявления о создании КНР и установления дипломатических отношений между СССР и КНР;
- год семидесятилетия начала упомянутого движения 4 мая 1919 года.

Все это — вехи, «китайские вехи» либо **начала движения**, либо приостановки в движении от старого Китая к новому Китаю.

Вспомнив об этих датах, можно обратиться к тому, что все это означало в истории международных отношений, о чем необходимо задумываться, отвечая себе на вопросы о том, что происходит в Китае и что происходит с Китаем.

Прежде всего необходимо исходить из того, что Китай в настоящее время представляет собой особую и отдельную часть человечества, часть нашей планеты, своеобразный **«особый район»** планеты Земля».

В свое время штаб-квартира Мао Цзэдуна в Яньани представляла собой **«особый район»** Китая». С тех пор упомянутый «район» сначала расширился, включив в себя континентальный Китай, а затем, особенно в последние сорок лет, начал «выходить» за прежние

пределы, «переваривать», предпринимать попытки превращать те или иные места на Земле в свои составные части.

Более того, начинает все явственнее ощущаться противостояние между Китаем и остальным человечеством. Причиной этого противостояния выступает осуществление руководителями КПК — КНР их глобальной стратегии, направленной на то, чтобы занять место «главного распорядителя» делами человечества или земного шара.

Происходящее в Китае вызывается главным образом, если не исключительно своими, китайскими, внутренними причинами.

Процессы, происходящие в Китае, настолько самостоятельны, что есть основания говорить о том, что это означает, что только Китай имеет возможность оказывать все большее воздействие или влияние на окружающий его мир, и при этом окружающий Китай мир, прежде всего в силу своей раздробленности, оказывается в положении, когда он не может хотя бы в какой-то степени влиять на Китай.

Китай оказывается в своем «движении» все более независимым от внешнего мира, способным оказывать свое воздействие.

В то же время внешний для Китая мир, остальное человечество, оказывается во все возрастающей зависимости от Китая.

Внешнее воздействие на Китай любой страны или части мирового сообщества, даже всего остального сообщества, еще может играть некоторую роль. Однако все это не определяет то, что происходит в Китае, что происходит с Китаем.

Китай раздирается противоречивыми желаниями: с одной стороны, «быть как все», то есть как наиболее успешные, прежде всего в экономике, в сфере материального благополучия, части человечества, и в то же время продолжать навязывать себя как якобы образец, пусть «пока» в истории, наилучшего управления делами всего человечества, как того, кто, дескать, открыл, в теории и на практике, в стратегии и тактике, свой исключительно китайский путь, который человечество, остальное человечество, должно признать путем создания «сообщества общей судьбы человечества», признать «китайскую мечту» общей мечтой остального человечества.

Китай, начиная условно с Опиумной войны 1840 года, прошел несколько стадий в своем отношении к человечеству, что сказыва-

ется и на ситуации в Китае в настоящее время: от узнавания и познания того факта, что вне Китая существует остальное человечество, через предъявление остальному человечеству «исторических счетов» за «обиды» и «унижения», нанесенные нации Китая остальным человечеством, к претензиям на наилучшее в истории управление делами всего остального человечества.

До Опиумной войны (или даже до XVII века) Китай существовал, будучи, как ему, вероятно, казалось, навсегда отгорожен в своей ойкумене горами, тайгой, океанами от остального человечества.

Оно, это остальное человечество, в сознании китайцев существовало как «варвары». Как нечто находящееся «на периферии» и ждущее приобщения к единственной и самой высокой культуре и цивилизации, цивилизации нации Китая. Ждущее, пока Китай — *Чжун го*, Центральное государство во всей Поднебесной — распорядится судьбой этих несчастных «варваров», этой «периферии».

В собственно китайском плавильном котле, как полагали некоторые политики в современном Китае, ханьцы и только ханьцы ассимилировали, постепенно поглощали и переваривали, всех «встречных и поперечных», то есть всех своих соседей.

Мао Цзэдун при встрече с Хрущевым говорил, что мы, китайцы, ассимилировали всех встретившихся нам на историческом пути. Между прочим, именно таким образом и именно при первой встрече с лидером КПСС — СССР после смерти Сталина Мао Цзэдун и довел до него и других руководителей КПСС — СССР эту мысль. Именно она, по замыслу Мао Цзэдуна, очевидно, и должна была отныне, раз и навсегда, определять отношения Китая и России.

Территория современного континентального Китая на 64% состоит из земель, которые исконно принадлежали или принадлежат не ханьцам, а монголам, маньчжурам, тибетцам, уйгурам, людям разных национальностей. Неханьцев в КНР менее десяти процентов населения. Таким образом, для китайцев традиционно привычно действовать в ситуации, когда «один на один» с любым соседом на Земле китайцы (нация Китая) имеют подавляющее численное превосходство.

Процесс включения неханьцев в состав Китая, их ассимиляции, был и продолжает являться длительным и сложным.

Более того, параллельно происходит процесс выхода из состава китайского государства, или, если угодно, из продолжающей существовать под иным названием «китайской империи», ряда ее частей, которые временно находились в этой «империи».

Другими словами, китайская империя оказалась имеющей многотысячелетнюю историю и продолжающей существовать в ином «внешнем виде», но, по сути, сохраняющей политический режим самовластия вплоть до настоящего времени. Тем не менее процесс распада этой империи продолжается.

Вьетнам, Корея, Монголия уже не входят в состав нынешнего государства на китайском континенте, хотя в истории они так или иначе находились в зависимости от Китая.

Складывается ситуация, когда крайне малочисленные по сравнению с ханьцами народы, особенно монголы, сумели уже более ста лет тому назад обрести независимость и самостоятельность и готовы умереть, но не попасть снова под господство ханьцев.

В связи с этим можно обратить внимание на тот факт, что 27 февраля 2019 года встреча лидеров Северной Кореи и Америки состоялась не в Китае, а на территории Вьетнама. И китайцы уже ничего не могли с этим поделать. Не смогли этому воспрепятствовать, хотя, вероятно, и продолжали пытаться извлекать выгоды из развития отношений Северной Кореи и Америки, да и Вьетнама и Америки, выдавая себя за «непременного посредника» в этих отношениях.

Тибетцы и уйгуры ведут упорную борьбу за свое независимое и самостоятельное существование, за свой образ мыслей и свой образ жизни. Эти вопросы имеют скрытый, но существенный фактор: одной из «невидимых» сторон в каждом случае выступают мир буддистов и мир мусульман в целом.

Тайвань, со всеми его аборигенами и «пришельцами с материка», фактически представляет собой государство, существующее уже 70 лет отдельно и наряду с КНР. Тайваньцы считают для себя наивысшей ценностью свободу и демократию, уважение к человеческой личности, ее приоритет перед государством. Они также предпочитают умереть, чем попасть под господство бесчеловеч-

ного политического режима самовластия, существующего в континентальном Китае.

Мало того, Тайвань — это пример того, как часть нации Китая сумела оказаться авангардом нации Китая на пути перехода со стадии **старого Китая** на стадию **нового Китая**.

В связи с этим далеко не случайно то, что властям государства в континентальной части Китая, то есть властям КНР, пришлось согласиться на существование Аомэня и Сянган в качестве «специальных административных районов». В определенном смысле благодаря этому, этой «уступке» и этой попытке обмануть проживающих там людей или на время успокоить их там поддерживается некое «равновесие», существует некая, в значительной степени декоративная «стабильность».

Повторим, что есть основания говорить о длительном и продолжающемся процессе распада того, что можно продолжать считать «китайской империей».

Вместе с тем, начиная по крайней мере с Опиумной войны в середине XIX века, в толще массы населения Китая, среди ханьцев, возникла и укоренилась искусственно насаждавшаяся властями, порожденная, в частности, исторически сложившимися представлениями о себе как о Центральном государстве на Земле, во всей Поднебесной, иррациональная мысль о том, что внешний мир, с которым стали знакомиться китайцы, нанес обиды Китаю, ущемил его суверенитет, его национальное самосознание и его величие, оказался, таким образом, в неоплатном долгу перед нацией Китая.

С этой точки зрения остальное человечество считается должником Китая. За ним есть:

- «долг крови» (во время «культурной революции» Мао Цзэдуна его подчиненные вывели сотни тысяч людей на демонстрации у посольства СССР в КНР; звучал лозунг *Сюе чжай яо юн сюе лай хуань* — «Долг крови придется платить кровью»; и это было в августе 1966 года, почти за три года до нападения на нас на острове Даманском);
- долг в виде несправедливо начатых и осуществленных войн против Китая;

- долг в виде попыток превращения Китая в колонию или полуколонию;
- долг в виде временно утраченных Китаем территорий и акваторий;
- долг в виде подвешенных вопросов о границах и о «неравноправных» договорах о границе;
- долг в виде попыток навязывать китайцам свои представления о религиях и об идеологиях.

На этой основе родилась и существует современная национальная идея (или идеология) Китая, выраженная в лозунге-призыве «Осуществить **великое** возрождение **великой** нации Китая». В последнее время в КНР начали употреблять и термин «обновление». При этом подразумевается и преподносится как нечто неопровержимое, мысль о том, что в истории человечества были времена, когда Китай, нация Китая уже управляла, причем наилучшим образом, «делами человечества».

Эта идея представляет собой проявление гипернационализма, национального эгоизма и национального эгоцентризма Китая. В то же время ныне состояние человечества таково, что в перспективе возможно только равенство всех наций, когда речь идет о «делах всего человечества»; равенство и разнообразие, одновременное признание двух этих понятий представляется единственно приемлемым для человечества.

Принимая это во внимание, важно отметить и подчеркнуть, что упомянутая национальная идея последователей Мао Цзэдуна, руководителей современных КПК — КНР — это наступательная идеология, наступательная глобальная стратегия. Когда речь идет о столь многочисленной нации, как нация Китая, очевидно, что существует необходимость чрезвычайно внимательно и настороженно относиться к характеру глобальной стратегии тех, кто оказывается «у руля» в Китае.

При этом остальное человечество, все его составные части, в той или иной степени, раньше или позже, уже подвергались или будут подвергаться нападению, давлению, оказываться в состоянии обороны, сопротивления наступлению последователей Мао Цзэдуна, которые фактически не признают принципы вечного

мира, полной независимости и абсолютного равноправия всех наций на Земле.

При таком взгляде на вещи, по сути дела, нет места ни для равноправия наций, ни для их самостоятельности и независимости, ни даже для вечного мира или мирного сосуществования на Земле. Далеко не случайно Си Цзиньпин, говоря, в частности, о Тайване, утверждает, что он и его приверженцы никоим образом не отказываются от применения силы, если они сочтут это необходимым.

В XIX веке в Китае на протяжении 14 лет бушевало массовое движение, или восстание, или война, появился термин *Тай пин тянь го* — «небесное государство великого благоденствия (покоя или спокойствия)» или «государство тайпинов», сторонников христианства или его особого проявления в Китае.

Это закончилось поражением тайпинов.

Некоторые авторы в Китае писали, что до начала Тайпинского восстания население Китая составляло 400 миллионов человек, во время восстания погибло 160 миллионов, после подавления восстания осталось 240 миллионов человек.

Если даже эти цифры и не верны, масштабы происшедшего, особенно число погибших людей, потрясают. В то же время в этом свете можно воспринимать и рассуждения Мао Цзэдуна в 1957 году на международном совещании в Москве о гибели трехсот миллионов китайцев в будущей ядерной войне: «зато с империализмом будет покончено».

И в то же время очевидно, что в Китае относительно быстро восполнили и до сих пор восполняют и наращивают численность населения страны, уменьшавшуюся временами по разным причинам.

Все это сказалось и продолжает сказываться на настроениях людей в Китае.

Таким образом, в Китай еще до появления там «иностранных идеологий» пришла «чужая» религия, появились своеобразные или самобытные, исключительно китайские, понимание и трактовка христианства, а китайские власти того времени подавляли эту попытку изменить образ жизни и образ мыслей в Китае, собственно говоря, изменить и сам Китай.

Далее, как отмечал, в частности, председатель, а затем генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, в Китай еще раньше марк-

сизма пришли «две госпожи»: **«госпожа Демократия»** и **«госпожа Наука»**. Очевидно, что это произошло в XIX веке и в начале XX века.

Здесь важно обратить внимание на то, что сам процесс начавшегося обновления Китая был и вплоть до настоящего времени остается неразрывно связан с марксизмом, с демократией, с наукой, с представлениями обо всем об этом в Китае и с попытками осуществлять все это или противодействовать осуществлению того или иного, в частности, осуществлению того, что понимается под марксизмом на практике.

Знакомство китайцев с иностранцами, Китая как нации с остальным человечеством, начиная с XIX века предстает и как попытка проникновения в Китай и неких религий и идеологий, и представлений о науках.

Хотя в истории гораздо раньше произошло «пришествие» в Китай буддизма. Знаменитый китайский ученый Ху Ши считал, что сначала буддизм попытался обосноваться в Китае как своего рода «завоеватель умов»; потом настал период «борьбы» между китайскими и некитайскими представлениями о буддизме, период «одомашнивания» буддизма; и все завершилось тем, что в Китае остался и прижился своего рода не «чужой», а свой, «родной», можно сказать, «домашний» или «семейный» китайский буддизм.

Именно этот буддизм и начал оказывать свое воздействие на другие народы и страны наряду с тибетским или индийским буддизмом. В то же время к настоящему времени ясно, что впереди еще долгий путь к тому, чтобы все те, кто считают себя буддистами, нашли общее понимание того, что это такое, или, что более вероятно, договорились о разумном и мирном сосуществовании. Что же касается буддизма в Китае, то оказывается, что эта религия, проникнув в Китай из-за его пределов, со временем была «освоена» в Китае, и нынешний континентальный Китай создал ситуацию, при которой от буддистов в Китае и вне Китая требуют признавать верховенство властей КНР.

Одним словом, все это свидетельствовало о том, что в истории до сих пор знакомство китайцев с иностранными веяниями в области религии и идеологии заканчивалось превращением «чужого»,

иностранный в «свое», китайское, специфически китайское, самобытно китайское или исключительно китайское.

В какой-то степени проявлением этого общего процесса явилась и замена монархии в Китае республикой — появление вместо *Дай Цин Ди Го* (великой Цинской империи) *Чжун Хуа Минь Го* (Республики Китая или Республики нации Китая / китайской нации). Термин «республика» в Китае приняли на вооружение. Однако вложили в него свое содержание. Так обстоит дело и в настоящее время.

Это сопровождалось появлением настроенной одновременно и республикански, и националистически *Чжун Го Го Минь Дан* — партии Гоминьдан Китая.

Так часть китайцев в конце XIX — начале XX века создали эту свою партию. В ее названии одновременно присутствуют понятия «страна», «государство», «отечество», «родина» и понятия «народ», «нация».

Другая часть китайцев создала в начале третьего десятилетия XX века свою партию: *Чжун Го Гун Чань Дан* — Коммунистическую партию Китая, или Партию общего имущества (общности имущества) Китая. В ее названии присутствует и понятие «Центральное государство», то есть Китай, и «общее имущество», то есть своего рода «общность всего и вся», включая население страны, все частицы нации Китая.

При этом в процесс внутреннего развития Китая вмешался (или сделал усилия принять в этом «участие», нашел в Китае тех, кто в своих целях допустил и использовал это «участие») еще некто извне Китая: «марксизм», «Коминтерн», «Советская Россия», РКП — ВКП(б) — КПСС.

Произошло временное соединение, объединение усилий китайских и советских коммунистов.

При этом и с той, и с другой стороны были и те, кто действительно исходил из необходимости находиться в союзе и дружбе, и те, кто фактически хотел бы использовать ситуацию исключительно или по преимуществу в своих интересах.

Со стороны Коминтерна и русских коммунистов это изначально было представление о том, что существуют некие «общие классовые интересы», которые соединяют коммунистов, пролетариев

всех стран, и являются более значимыми и более важными по сравнению с любыми иными интересами.

Все это происходило в ситуации, когда Коминтерн, советские коммунисты имели возможность оказывать существенную помощь китайским коммунистам и оказывали такую помощь, делая это совершенно искренне, оставаясь исключительно внешним фактором для Китая.

Китайские коммунисты нуждались в такой помощи, принимали ее. Внутри КПК разные люди относились к этому по-разному. Кто-то искренне считал себя и русских коммунистов братьями по классу, друзьями, товарищами, союзниками. Такими были Цюй Цюбо, Ван Мин, Лю Шаоци. Кто-то исходил из необходимости временно пользоваться этой помощью. Однако при этом относился к русским коммунистам с подозрением и, не имея на то оснований, обвинял их в навязывании китайцам своего контроля и господства. Таким был Мао Цзэдун. Такими были его приверженцы и последователи, прежде всего Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин.

При этом на практике стороны, советские (или русские) и китайские коммунисты, не могли ничего существенного навязывать друг другу и, по сути дела, ничего такого и не навязывали друг другу. Каждая сторона, и коммунистическая партия в России, и коммунистическая партия в Китае, оставалась в своих прежде всего внутренних, но и во внешних делах, по сути дела, полностью независимой, самостоятельной, равноправной. Конечно, тогда существовала такая организация, как Коминтерн, что придавало отношениям между коммунистами разных стран свои особенности, вызванные необходимостью совместно обсуждать и решать целый ряд общих вопросов.

Здесь важно отметить, что, очевидно, вся уже сложившаяся к тому времени история двусторонних отношений научила и побудила русскую сторону ничего не навязывать китайской стороне.

Интуитивно в России и тогда ощущали, что отношения с китайцами возможны и должны быть только на равных, и действовали именно так.

При этом помощь и содействие с этой стороны китайским коммунистам, по сути дела, всегда были и существенными, вполне материальными, и искренними. Это уникальное явление во взаимо-

отношениях между народами и странами, то есть между нациями на нашей планете.

Как внешний фактор помощь со стороны СССР оказалась на некоторое время необходима обеим упомянутым политическим силам (или партиям) в Китае, то есть и Гоминьдану (ГМД), и КПК. Они нуждались в объединении всех усилий в борьбе против своих противников и между собой за власть над Китаем, за создание единого китайского государства. В 1920-х годах на несколько лет общие интересы свели вместе советских коммунистов, гоминьдановцев и китайских коммунистов.

Так возникла ситуация, при которой для всех трех сторон, для СССР, КПК, Гоминьдана, оказалось естественным появление одновременно взаимоотношений сотрудничества и помощи между СССР и Гоминьданом, с одной стороны, и СССР и КПК, с другой стороны. Естественным оказалось сотрудничество двух наций — русских и китайцев — в ситуации, когда одна из этих наций, русские, сотрудничала одновременно с разными частями, с двумя частями другой нации — нации Китая. Из этого вытекает и ныне осуществляющийся принцип, требующий от России иметь связи того или иного возможного характера со всеми частями нации Китая, то есть в настоящее время и с континентальным, и с островным Китаем. Обе части нации Китая либо используют такую возможность, либо вынуждены мириться с этим.

Когда же в 1920-х годах задача создания единого китайского государства была в основном, на том этапе истории решена, прежние союзники, прежние политические силы, сотрудничавшие между собой внутри Китая, оказались в состоянии междоусобной борьбы.

Внутри Китая со временем возникло противостояние между Китайской Республикой и китайской советской, или коммунистической, властью, между партией Гоминьдан Китая и Коммунистической партией Китая.

И если восстание тайпинов было практически полностью, или исключительно, или собственно, китайским порождением, а появление Республики Китая было результатом борьбы внутри самого Китая, особенно борьбы против господства неханьской династии, маньчжурской династии, то есть если при этом внешний фактор

либо отсутствовал, либо выражался в принятии идеи республики вместо монархии, то появление КПК было связано с непосредственным участием в зарождении этой политической силы иностранцев: представителей Коминтерна, Советского государства, РКП — ВКП(б) — КПСС.

Как и следовало ожидать, такое вторжение внешнего элемента в китайскую внутреннюю жизнь оказалось исторически скоротечным, временным вкраплением. Чуждым и в конечном счете в той или иной степени враждебно или с подозрением воспринятым нацией Китая; в разные периоды истории и в разных формах и степени обеими главными политическими партиями Китая, рядом их руководителей как угроза ее самостоятельности, как попытка навязать нации Китая господство и контроль из-за рубежа.

На некоторое время, особенно во время войны за отражение военной агрессии со стороны Японии, с 1931 по 1945 год, нация Китая, ее главные политические силы снова оказались заинтересованы в использовании в своих общих интересах в ходе противостояния и войны с Японией СССР — ВКП(б). Здесь снова совпали интересы обеих наций. Для нашей стороны это была и защита наших интересов на Дальнем Востоке от потенциального нападения со стороны Японии, и продолжение осуществления нами политики, которая отвечала заинтересованности нашего народа в мирных и добрых отношениях с китайцами как нацией.

Однако затем в Китае для ряда его руководителей речь снова пошла о советской стороне как внешней, чужеродной.

При этом обе партии, КПК и ГМД, пытались использовать нашу страну каждая в своих интересах.

Советская сторона во время смертельной военной борьбы между КПК и ГМД, в 1946–1949 годах, пыталась до последнего сохранять отношения с государством, где правящей партией была партия Гоминьдан Китая, и в то же время оказывать существенную и искреннюю помощь КПК. С победой КПК во внутренней войне в Китае СССР в 1949 году прекратил дипломатические отношения с Китайской Республикой и установил их с КНР.

Так оказалось, что с этого времени нам пришлось иметь отношения только с одной частью нации Китая. Иных отношений не допускала пришедшая к власти над Китаем КПК. Нашей стороне

на сорок лет, вплоть до 1992 года, пришлось разорвать отношения с частью нации Китая, живущей на острове Тайвань.

Однако в конечном итоге, даже несмотря на всю ту искреннюю и существенную помощь, которую СССР — КПСС оказали КПК, эта партия и руководимое ею государство под воздействием политики Мао Цзэдуна стали относиться к СССР — КПСС как к военному, классовому, историческому и национальному врагу нации Китая и начали против СССР — КПСС в 1969 году войну на восточном и западном участках границы. Сам факт начала этой войны свидетельствует об, очевидно, «вечно» присущем Мао Цзэдуну враждебном отношении к нашему народу и нашей стране.

Все это свидетельствует также и о том, что все внешние факторы или силы могут оказывать лишь временное и ограниченное воздействие или влияние на Китай.

Китай отвергает любую существенную или решающую роль внешних сил, когда речь идет о нем самом.

Что же происходит в современном Китае и что происходит с современным, или с нынешним, Китаем?

Подводя итоги правления Мао Цзэдуна в Китае вскоре после его смерти, выступая в связи с 30-летием КНР, то есть выступая в 1979 году, маршал Е Цзяньин, председатель ПК ВСНП, сказал, что режиму того периода, то есть «эпохе правления Мао Цзэдуна», были присущи черты, или характеристики, феодально-фашистской диктатуры.

Следовательно, с точки зрения человека, в свое время фактического руководителя Военного совета ЦК КПК, маршала КНР Е Цзяньина, который сыграл решающую роль в устранении с политической сцены главных «наследников» Мао Цзэдуна, то есть «ядра» группы по делам «культурной революции», вдовы Мао Цзэдуна Цзян Цин, фактического руководителя правительства Чжан Чуньцяо, фактического руководителя партийного аппарата Ван Хунвэня, фактического главного идеолога Яо Вэньюаня, речь должна была идти о том, чтобы партия, государство, народ и страна избавились от всего того в «наследии» Мао Цзэдуна, что носило черты феодально-фашистской диктатуры.

Это означало, что Е Цзяньин и другие люди в Китае, в КПК — КНР, исходили из того, что Мао Цзэдун привнес в Китай черты

феодализма, феодальной структуры власти над обществом в Китае и в то же время добавил к этому феодализму черты, присущие фашизму. Таким был политический режим в Китае при правлении Мао Цзэдуна. Следовательно, в партии существовало и такое понимание ситуации. Поэтому после смерти Мао Цзэдуна и оказалось возможным «убрать» «выдвиженцев» Мао Цзэдуна, тех, кого он выдвинул во время «культурной революции». А дальше оказалось возможным в публичной речи прямо охарактеризовать политический режим при правлении Мао Цзэдуна как режим, которому присущи черты феодально-фашистской диктатуры. Это — большое достижение Е Цзяньпина и других членов КПК.

По сути дела, политический режим, установленный при правлении Мао Цзэдуна, и оказался главным фактором, который консервировал старый Китай и не давал возможности родиться действительно новому Китаю, стране, где были бы осуществлены принципы свободы и демократии.

Дэн Сяопин впоследствии попытался навязать свое определение режима в КНР: «социализм со спецификой Китая». Уже в 1980 году стало ясно, что главная «специфика» заключается в сохранении политического режима самовластия, в данном случае уже Дэн Сяопина.

Так уже тогда, сразу же по следам ухода из жизни Мао Цзэдуна и устранения наиболее ярких исполнителей его воли в ходе «культурной революции», столкнулись два взгляда на то, что собой представлял политический режим, установленный при правлении Мао Цзэдуна в Китае. Установка Дэн Сяопина оказалась попыткой сохранения под другим названием все того же политического режима, все той же системы самовластия в Китае. Если говорить о политическом режиме как о «сердцевине», или «ядре», старого Китая, то Мао Цзэдун и Дэн Сяопин — это, по сути дела, «хранители» (или «охранители») старого Китая.

В каких условиях приходится сегодня жить человеку в Китае?

Прежде всего там запрещены любые сомнения в абсолютной правильности того, что делает председатель Военного совета ЦК КПК, главнокомандующий всеми вооруженными силами КПК — КНР, генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин. К нему предписано относиться исключительно как

к «великому лидеру», очевидно имеющему право властвовать и над Китаем, и в дальнейшем при возможности над всем человечеством. Не допускается никакая критика Си Цзиньпина.

Далее, запрещены любые сомнения в отношении правильности проводящейся в настоящее время политики КПК.

Запрещены сомнения в правильности «70%» того, что творил в КПК — КНР Мао Цзэдун во времена своего правления.

Остается запретной такая тема, как подавление массовых мирных демонстраций с требованиями свободы и демократии в 1989 году на центральной площади Пекина.

Запрещены сомнения в правильности действий Мао Цзэдуна, когда по его воле солдаты его армии открыли огонь, сделали первые выстрелы из засады, начали войну на границе против нашей страны, на ее восточном и западном участках, в 1969 году.

В 2019 году в КНР было проведено по крайней мере одно мероприятие в целях прославления «подвигов» тех, кто, выполняя волю Мао Цзэдуна, убивал наших людей на границе, напал на нас, начал против нашего народа и нашей страны войну на границе. Их самих и их родственников, в том числе и в первую очередь родственников «павших» в этой войне, славил, обрядив в красные полотнища, как «продолжателей революции», «героев» и нынешних поколений китайцев.

В Китае цвет похорон — это белый цвет. С белым цветом скорбят. С красным цветом соединяют патриотизм и национализм, призывают к продолжению «революции», борьбы за «освобождение» нации Китая, за ее «возрождение».

Это также должно было символизировать то, что и в нынешнем Китае нынешние руководители КПК — КНР, проводя такую церемонию, когда проходит колонна людей, с плеч каждого из них, и мужчин и женщин, свисают одинаковые широкие красные полотнища, имеют своей целью сказать нынешним поколениям китайцев и напомнить нам о том, что эти руководители КПК — КНР продолжают «числить» за нами «долг крови», той «китайской крови», «крови нации Китая», которую, с их точки зрения, мы «пролили» и на острове Даманском. Нынешние поколения китайцев обучают тому, чтобы они считали, что солдаты армии

Мао Цзэдуна стреляли в нас потому, что мы, дескать, «пришли на китайскую землю» (то есть на остров Даманский). А ведь этот остров последователи Мао Цзэдуна считают входящим в те несколько миллионов квадратных километров территории (о трех-четырёх миллионах говорил Дэн Сяопин в беседе с тогда министром иностранных дел СССР Шеварднадзе), которые, с их точки зрения, «отняты» нами у Китая. В 2017 году в КНР был учрежден новый высокий военный орден. В числе первых награжденных был и один из тех, кто стрелял в нас на границе, на острове Даманском в 1969 году. На самом этом острове устроен мемориал, который является частью пропагандируемого в КНР массового туристического маршрута.

Запрещена объективная оценка событий «культурной революции» как преступления Мао Цзэдуна перед народом Китая, как величайшего горя для народа Китая в XX веке. Так и не осуществлено предложение знаменитого китайского писателя Ба Цзиня о создании Музея «культурной революции», предназначенного для воспитания подрастающих поколений в духе правильного, то есть отрицательного отношения к Мао Цзэдуну и этой его «революции».

Запрещена критика войны по воле Дэн Сяопина против Вьетнама в 1979 году.

Запрещена критика войны по воле Мао Цзэдуна против Индии в 1962 году.

Запрещена критика последствий осуществления Мао Цзэдуном ряда его политических кампаний.

Запрещена критика введения и существования системы «лагерей трудового перевоспитания» с 1957 по 2013 год.

Запрещена объективная оценка борьбы против Мао Цзэдуна таких руководителей, как Ван Мин, Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Линь Бяо.

Запрещена объективная оценка борьбы Ху Яобана и Чжао Цзыяна против Дэн Сяопина.

Одним словом, запрещена объективная оценка истории КПК, истории КНР, истории взаимоотношений нашей страны и Китая (СССР и КНР).

Все это имеет отношение и к настоящему, но более всего к прошлому, к истории. Все эти запреты фактически сохраняют то, что есть основания считать старым Китаем, и представляют собой препятствия на пути строительства нового Китая.

В настоящее время сохраняется политический режим, в котором установлена система самовластия или единовластия «лидера нации», главы партии и государства.

Существует режим управления страной одной партией, а фактически ее номенклатурой, ее руководством, ее высшим руководителем и вождем.

В нынешнем Китае отсутствуют свобода и демократия, права человека, выборы.

Люди привыкли жить в страхе. Режим настолько укрепился или представляется настолько незыблемым, особенно руководителям КПК — КНР, что он допускает все то, что с его точки зрения не представляет прямой угрозы для самой сути нынешнего режима.

17 декабря 2018 года, выступая в Обществе российско-китайской дружбы в связи с «40-летием политики реформ и открытости в Китае», посол КНР в РФ Ли Хой изложил ряд положений. При этом выступление Ли Хоя было рассчитано на российскую аудиторию.

Ли Хой прежде всего подчеркнул, что такие «реформы» и такая «политика открытости» оказались необходимы из-за того, что к моменту начала этих «реформ», то есть в 1978 году, в КНР было 250 миллионов абсолютно бедных людей. Уровень безработицы составлял 12%.

Посол не сказал, что виной тому была политика Мао Цзэдуна. Это явилось итогом действий Мао Цзэдуна, проявлением тех тупиков, в которые он своей политикой завел Китай.

Далее Ли Хой сказал, что политика «реформ» и «открытости» была начата на третьем пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 года. Там акцент был перенесен с классовой борьбы на экономическое строительство, то есть на строительство экономики.

Посол не сказал, что таким образом фактически был осужден политический курс Мао Цзэдуна на то, что именовалось у Мао

Цзэдуна «революцией», то есть на классовую и политическую борьбу, как внутри Китая, так и на мировой арене. По сути дела, все это было действиями Мао Цзэдуна с целью удержаться у власти. Расправиться со всеми, в ком он видел своих политических врагов.

Тем самым в 1978 году, по сути дела, был также признан правильным курс не на **революцию** и ее бесконечное продолжение («перманентную революцию»), а на **строительство**, предлагавшийся и по возможности осуществлявшийся Лю Шаоци.

Так был осуществлен переход от «революции» по Мао Цзэду к строительству в понимании его оппонентов.

Предстояла борьба по вопросу о том, каким будет это строительство.

Ли Хой сказал, что это была политика, которую осуществляло руководство партии, ядром которого был Дэн Сяопин.

Так оказалось, что имя виновника, ответственного за тупик, в котором оказался Китай, то есть имя Мао Цзэдуна, названо не было. Ответственность на него возложена не была.

Вместе с тем из такой постановки вопроса предлагалось сделать вывод, что все руководство КПК после смерти Мао Цзэдуна изменило прежний курс. При этом это было сделано в ситуации, когда у этого руководства было «ядро». Таким ядром предлагается считать Дэн Сяопина.

Так в настоящее время в Китае постоянно вводится понятие «ядра», то есть единовластного, самовластного «главного распорядителя» в КПК.

Тем самым формальную или официальную структуру руководства партией предлагается считать не существенной, а декоративной, пропагандистской, рассчитанной на массу членов партии и на людей, из которых состоит население страны.

У КПК в соответствии с такой постановкой вопроса есть и должен быть тот, кому реально принадлежит вся власть, абсолютная власть. Он именуется «ядром». Итак, после смерти Мао Цзэдуна предлагается видеть «ядром» руководства КПК Дэн Сяопина.

Судя по словам Ли Хоя, предлагается не упоминать тех, кто реально и официально возглавлял тогда процесс осуществления реформ и политики открытости: председателя ЦК КПК, а затем,

после упразднения этого поста, очевидно по его же настоянию, генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, премьера Госсовета КНР Чжао Цзяня, председателя Постоянного комитета ВСНП Вань Ли.

Ли Хой изложил то, как в настоящее время должно понимать и трактовать содержание «политики реформ и открытости».

Прежде всего то, что система народных коммун была заменена системой семейного подряда. Семья стала субъектом производственной деятельности. Стал осуществляться принцип «больше работаешь — больше получаешь». Было разрешено единоличное хозяйство.

Таким образом, не упоминается о том, что был осуществлен отказ от народных коммун как от структуры, введенной при правлении Мао Цзэдуна. По сути дела, создание народных коммун было шагом Мао Цзэдуна, который закреплял «образ мыслей» и «образ жизни» людей, присущие старому Китаю, то есть тому Китаю, где царило самодержавие, самовластие и где людей низводили до положения рабов, лишенных имущества; более того, до положения частиц самого этого «имущества», если говорить о термине, входящем в наименование партии: *Чжун Го Гун Чань Дан* — Партия общего имущества Китая; людей превращали в «имущество» партии, ее номенклатуры, ее «великого вождя».

Не упоминается о том, что эти изменения были осуществлены не по решению «ядра» партии, то есть Дэн Сяопина.

В Китае после смерти Мао Цзэдуна произошла антимаоцзэдуновская крестьянская революция. Крестьяне очнулись от анабиоза или своеобразного летаргического сна. Это произошло, как только режим ослаб.

При исчезновении «единовластного вождя», или «ядра», в данном случае такого, как Мао Цзэдун, крестьяне сами покончили с системой народных коммун, возвратили себе свои прежние семейные наделы.

Крестьяне в Китае всегда знали и знают, какой участок земли принадлежит их семье.

На практике крестьяне, крестьянские семьи владеют землей. Они не желают, чтобы ею распоряжался кто бы то ни было, в том числе КПК или государство, то есть КНР.

Дэн Сяопин и его приверженцы, то есть последователи Мао Цзэдуна, после его смерти были вынуждены смириться с возвращением крестьянами себе своих семейных земельных наделов.

В результате стихийного народного движения семья стала субъектом производственной деятельности в деревне. Вместо «коллективного» или «общего», то есть «ничейного», а по сути дела, принадлежащего партии-государству, вождю, номенклатуре земельного надела в деревне возродилось единоличное хозяйство. Так было ликвидировано одно из тех «завоеваний», которые навязал Мао Цзэдун, придя к власти в Китае.

Это был крах «революции» Мао Цзэдуна, его понятий применительно к деревне, к китайскому крестьянству, о коллективизме, об общности, об общем имуществе, о собственности как собственности партии.

Осуществление реформ далее означало переход предприятий на рыночные рельсы при разрешении им самим реализовывать свою продукцию. В результате цена должна была определяться рынком, и объем производства вырос. Это привело к повышению качества жизни.

Попутно можно отметить, что одним из уроков, которые руководству КПК пришлось вынести из правления Мао Цзэдуна после его смерти, был отказ от пустого призыва к коммунизму-социализму и перенесение внимания людей на понятие «зажиточности». Проявлением всего этого стало и «изобретение» Дэн Сяопином термина *сяо кан* — «уровень средней зажиточности».

Началось проведение политики открытия прибрежных районов для торговли и общения с внешним миром.

Это была одна из тех новаций, которые были начаты и осуществлялись под руководством главы правительства Китая Чжао Цзяна. Это — его заслуга.

Была провозглашена установка на то, что некоторые люди могут «пораньше» стать зажиточными. Это стимулировало других людей и вело к росту объемов производства.

Установка Дэн Сяопина на «бег наперегонки» в погоне за богатством, зажиточностью стала тем рычагом, результатом действия которого явилось и разрушение традиционных нравственных ценностей в Китае.

При правлении Мао Цзэдуна в результате «культурной революции» население Китая утратило веру в коммунистические идеалы.

После смерти Мао Цзэдуна, спасая себя, свое положение у власти, положение у власти номенклатуры КПК, Дэн Сяопин доразрушил и традиционные идеалы, и духовные ценности.

Так на месте идеологии в результате действий Мао Цзэдуна, а затем Дэн Сяопина образовалась «пустота». Однако «свято место пусто не бывает»; его сначала заполнило своей идеологией движение фалуьгун, а в настоящее время его пытается заполнить Си Цзиньпин своим лозунгом борьбы за «великое возрождение великой нации Китая».

Наконец, Ли Хой подчеркнул, что Китай будет продолжать «политику реформ и открытости». При этом ощущалось, что то, что при этом говорилось, было рассчитано и на Россию, и на Америку.

Ли Хой утверждал, что двери «открытости» не будут зарыты, а будут раскрываться все шире. Китай расширит доступ к своему рынку. Будет выступать за долевое участие иностранного капитала. Снимет ограничения в этой области. Будет создавать более привлекательную инвестиционную среду. Защищать имущественное право. Защищать конкуренцию. Защищать интеллектуальную собственность. Китай будет правовой державой. Все это было в особенности рассчитано на нынешнего президента США Трампа, учитывая ситуацию, создавшуюся в американо-китайских отношениях, и стремление руководства КПК — КНР найти решение существующих проблем.

Ли Хой подчеркнул, что Китай будет расширять импорт. В этих целях в ноябре 2018 года в Пекине была проведена первая международная импортная выставка. Китай будет открывать свой рынок для иностранцев.

Далее Ли Хой сказал, что китайско-российские отношения «непрерывно растут», что президент Путин говорил, что двусторонние отношения являются «дружественными и равноправными»; а председатель Си Цзиньпин говорил, что наши страны — это «хорошие соседи, хорошие друзья». Объем торговли в 2018 году превысит 100 миллиардов долларов. Сегодня страны стоят спина к спине. Китай выступает за политическое урегулирование острых вопросов в ООН, ШОС, БРИКС.

Ли Хой подчеркнул, что в 2019 году будет отмечаться «70-летие дипломатических отношений Китая и России», что президент Путин будет в Китае на втором форуме «Одного пояса, одного пути». И то, и другое выглядит как «подключение» РФ к осуществлению руководителями КПК — КНР своей внешней политики.

По словам Ли Хоя, ИДВ РАН и ОРКД содействуют развитию китайско-российских отношений. Это, в частности, означает, что в Китае есть намерения и планы использовать и в дальнейшем ОРКД и ИДВ РАН в своих интересах.

Еще одним показателем того, что в современном Китае существует разрыв между тянущим его назад политическим режимом и стремлением к новой жизни, к новой стране, к новому Китаю, является тот факт, что многие люди, которые представляют совесть нации, культуру нации, ее представление о человечности, творческие люди, подлинные интеллигенты, существуют как тот мир, который не соприкасается с властью.

Эти народные деятели литературы и искусства не идут в услужение к правящему режиму. И этот режим, по сути дела, ничем не соединен с этими людьми, а они не соединены с ним.

Руководители, предлагавшие иной, нежели Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, путь развития Китая, были в той или иной степени близки к «мастерам культуры», они взаимно находили общий язык.

Ван Мин писал стихи, Лю Шаоци восхищался глубиной отображения в драматургии человеческих чувств. Ху Яобан вел душевные беседы с замечательным писателем Ба Цзинем. Оба они осуждали «культурную революцию» Мао Цзэдуна.

Ни Мао Цзэдун, ни Чжоу Эньлай, ни Дэн Сяопин, ни Цзян Цзэминь, ни Си Цзиньпин в близости к китайской интеллигенции, к «мастерам человечности», к людям совести, людям культуры «не замечены».

Характерным для новейшего времени является, в частности, то, что лауреат Нобелевской премии по литературе Мо Янь в своем романе «Широкая грудь, массивные чресла», описывающем историю Китая за весь XX век, не нашел добрых слов в адрес политики КПК. Выдающийся художник Ай Вэйвэй живет своей творческой

жизнью. Кинорежиссеры Цзя Чжанкэ, Ван Вэй, Ху Бо, Цзян Вэнь не находят общего языка с властями КПК — КНР.

Настоящий интеллигент, правозащитник Лю Сяобо, лауреат Нобелевской премии мира, был фактически доведен до смерти в тюрьме при правлении Си Цзиньпина. А ведь Лю Сяобо выдвинул целую программу перехода от **старого** Китая к **новому** Китаю. К сожалению, во внешнем для Китая современном мире подвиг Лю Сяобо и его гибель в результате репрессий не получили должной оценки; его имя не было увековечено.

Если обратиться к духовной жизни в КНР в настоящее время, то целый ряд художественных произведений деятелей литературы и искусства говорят о том, что в нынешнем Китае «никто никому не нужен». Люди вынуждены вести борьбу за выживание, делать это в «исключительно китайской тесноте». Суперэгоизм и супернационализм — вот то главное, что присуще и личной жизни китайцев внутри страны, и поведению властей КПК — КНР на мировой арене.

Китай действительно в определенном смысле «сдвинулся» с места. Он овладел многими достижениями в технике, в технологии, в области производства вооружений. Способностью строить дороги, мосты, небоскребы.

Но его внутренняя жизнь из-за политического режима и природы многих китайцев осталась безысходной. И есть угроза распространения этой безысходности на остальной мир, на остальное человечество.

ТРАКТОВКА В КНР СОРОКАЛЕТИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАО ЦЗЭДУНА, ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА

18 декабря 2018 года газета «Жэньминь жибао» сообщила: *«Торжественное собрание по случаю 40-летия политики реформ и открытости состоялось сегодня в Доме народных собраний в Пекине. Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил на собрании с важной речью».*

(Здесь и далее мы будем цитировать «Жэньминь жибао» курсивом.)

В связи с заголовком этого сообщения и его содержанием прежде всего необходимо пояснить термин, который в этом случае применяет пропаганда ЦК КПК.

Она говорит о «политике реформ и открытости».

Этот термин прежде всего появился как своего рода эвфемизм для обозначения сути ситуации в стране на рубеже 1970–1980-х годов.

Речь идет о том, что в 1976 году, после 27 лет своего правления, в КНР умер Мао Цзэдун.

Исчез единовластный правитель.

В государстве с предельной концентрацией власти исчез главный элемент структуры власти, исчезла «сердцевина», исчез «сердечник» политического режима, созданного Мао Цзэдуном.

История и практика показали, что в этом случае возникает, по крайней мере на время, возможность осуществления перемен, изменения порядков и политического курса прежнего периода.

Возникает возможность одновременного появления и одновременных действий на политической сцене и наследников политического курса умершего вождя, и противников его политики.

Главным итогом властвования Мао Цзэдуна в Китае стало то, что он завел страну в тупик и в области экономики, и в сфере политики.

Дальше так жить было невозможно. Изменения стали императивом. Единственное, что их сдерживало, было физическое существование Мао Цзэдуна.

По сути дела, последний взрыв политической активности Мао Цзэдуна явился тем, что он называл своим «вторым» из всего-то двух главных свершений.

Первым таким свершением Мао Цзэдун называл то, что ему удалось «выгнать» Чан Кайши на Тайвань.

Вторым таким достижением, или свершением, он считал свою «великую пролетарскую культурную революцию».

Он ее, по его же словам, «разжег», и с ее помощью он в лозунговом плане хотел изменить образ жизни и образ мыслей населения Китая. По сути дела, он стремился до конца своей жизни сохранить власть в своих руках. Физически уничтожить тех, кого он считал в Китае своими главными врагами. А также изменить конфигурацию сил в мире. Обмануть или дезориентировать США своими заявлениями о том, что он и его Китай, как и США, считают СССР агрессором, а потому готовы создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны. Мао Цзэдун пролил кровь наших людей, начал войну на границе. Благодаря этому он добился того, что в последующие сорок лет ему и его последователям удалось заставить США самих своими действиями, своей политикой усиливать военный и экономический потенциал КПК — КНР.

При этом руководители США исходили из предположения и даже уверенности в том, что Мао Цзэдун и его последователи будут «всегда следовать» за США. Однако к началу второго десятилетия нынешнего века они вдруг были вынуждены прозреть и обнаружить, что наследники и последователи Мао Цзэдуна видят в США соперника и активно осуществляют свою глобальную стратегию, противостояние с Америкой в глобальных масштабах.

До смерти Мао Цзэдуна на протяжении целого ряда лет существовавший политический режим и структура экономики сохраня-

лись по инерции. Главным образом по той причине, что физически существовал сам Мао Цзэдун.

Сразу же после его смерти возникла новая ситуация.

В руководстве партии и государства оказались одновременно люди с разными представлениями об интересах народа и страны и о своих интересах. Люди с разными намерениями.

Оба таких «крыла» руководства существовали и действовали одновременно.

При этом речь не шла о возникновении открытой борьбы между ними. Борьба шла внутри партии. Прежде всего внутри ее руководства. Для населения декоративно сохранялось видимое единство в партии. Там главенствовал принцип подчинения меньшинства большинству, или подчинения, молчания оказавшихся «слабее» тем, кто был «сильнее», кто держал реальную власть, прежде всего над вооруженными силами, в своих руках.

Все в руководстве были согласны с необходимостью сохранения у власти в стране Коммунистической партии Китая и себя самих в качестве представителей и руководителей этой партии. Во всяком случае, каждый по своим причинам считал, что изменения в стране возможны только «сверху», и ни в коем случае не допускал взрыва возмущения масс снизу.

Дело было не столько в наименовании политического курса, сколько в сути реальных действий.

В среде руководителей партии возникла молчаливая договоренность мирно сосуществовать, по крайней мере на протяжении того периода, когда надо было исправить положение, сложившееся при правлении и жизни Мао Цзэдуна, произвести изменения, осуществить преобразования, устранить самое острое недовольство людей, населения в Китае.

Итак, с тем, что перемены, преобразования, изменения необходимы, были согласны все.

При этом одни стремились исправлять ситуацию, начать выводить страну из тупиков и во внутренней, и во внешней политике. А другие хотели, пойдя на некоторые перемены, допустив некоторые изменения, собственно, добившись определенного успокоения накопившегося недовольства населения и появления относительной стабильности, продолжить прежний политический курс

или, во всяком случае, сохранить главное с их точки зрения, то есть самовластие, диктатуру вождя, руководства партии, номенклатуры партии.

Таким образом, создалась обстановка, при которой обладавшие существенной реальной властью, державшие в своих руках вооруженные силы партии и государства, наследники и последователи Мао Цзэдуна, с одной стороны, сами не могли произвести необходимые перемены, не были способны вывести страну из тупиков и, с другой стороны, были вынуждены допустить «на первую линию» руководства партией и страной тех, кто был способен и стремился осуществить нововведения, в основном исправить положение, устранить главное недовольство масс населения.

Внешне создавалась благоприятная обстановка для перемен, для того, чтобы люди в стране смогли перевести дух, вздохнуть. История стран с подобными режимами говорит о том, что сразу же после исчезновения диктатора на некоторое время возникновение такой обстановки оказывается почти неизбежным.

С другой стороны, было очевидно, что последователи Мао Цзэдуна ждали своего часа и возможности вернуть все «на прежнее место».

В этой обстановке сторонники активного и реального вывода страны из экономического и политического тупика были вынуждены мириться с создавшейся в руководстве партии обстановкой. Они были вынуждены пойти на это и стремились использовать время и возникшие возможности для осуществления перемен, которые, как они надеялись, были не только необходимы для исправления положения, но и могли со временем создать новую ситуацию в стране, что могло бы в своем развитии позволить Китаю пойти новым путем, сменить и политический режим, и экономическую структуру, а может быть, и систему в стране.

В этой ситуации важно также еще раз подчеркнуть и обратить внимание на то, что у власти в Китае и после смерти Мао Цзэдуна осталась все та же политическая партия, Коммунистическая партия Китая.

Она не развалилась, не сошла с политической сцены. В условиях политического режима, созданного Мао Цзэдуном, было невозможно создать какую бы то ни было политическую партию

или альтернативную легально действующую политическую силу. Население страны оказалось «приучено» к тому, что власть КПК — КНР будет продолжаться «десять тысяч лет». Страх и пропаганда оказались неизменными столпами существовавшего режима. Так КПК осталась у власти после смерти Мао Цзэдуна.

Население так или иначе ощущало необходимость перемен, было в той или иной степени недовольно «порядками», существовавшими при правлении Мао Цзэдуна, но в то же время не поднялось на движение под лозунгом смены политического режима, с требованиями осуждения Мао Цзэдуна и его политического курса. Давление установленного режима, покорность и привычка подчиняться превалировали. Оказалось, что изменения можно было осуществлять только «сверху».

Констатируем еще раз: власть КПК над Китаем сохранилась.

Свою роль продолжало играть реально существовавшее руководство партии.

Выработанная им политика, даже ее наименование оказались компромиссом между последователями курса Мао Цзэдуна, с одной стороны, и сторонниками исправления положения, осуществления перемен, фактического начала демонтажа здания, построенного при правлении Мао Цзэдуна, с другой стороны.

Именно в этой ситуации и родилась формула «политика реформ и открытости». Это был термин, присущий именно времени после смерти Мао Цзэдуна. Тогда оказалось необходимым и возможным уйти от классовых характеристик, от терминов, присущих марксизму, обычных для КПК в предшествующий период. Появилась возможность и необходимость выдвинуть такие термины и формулировки, которые внешне как бы устраивали любого человека и не имели «классовой окраски». Это было еще одним проявлением сути происходившего, то есть фактического осуждения политического курса Мао Цзэдуна. Последователи Мао Цзэдуна имели возможность, по сути дела, продолжать его осуществление и в то же время были вынуждены делать это «не под знаменем классовой борьбы».

Объявленная тогда политика «реформ и открытости» явилась как своего рода «нейтральная», «компромиссная», «временно устраивавшая» всех и вся, людей и политические силы разных, даже противоположных, направлений.

Собственно говоря, здесь, выдвигая именно такую формулировку, до людей доводили мысль о том, что на какое-то время все согласны с тем, что необходимы «изменения и послабления».

Характер и возможности, пределы и цели этих изменений и послаблений каждый в руководстве партии представлял себе по-своему, по-разному.

Это была своего рода «оттепель по-китайски», «оттепель со спецификой Китая», со своеобразием Китая, самобытная китайская оттепель.

Важно также отметить, что фактически, таким образом, удавалось избежать внутренней, или гражданской, войны в Китае.

Хотя жизнь показала, что подспудные скрытые противоречия в Китае существовали и, как вулкан, ждали своего часа.

Эта самобытная китайская оттепель оказалась обрамлена двумя извержениями китайского вулкана.

Перед началом этой оттепели, в 1976 году, еще при жизни Мао Цзэдуна, произошел взрыв возмущения практически политической, проводившейся при Мао Цзэдуне, на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Спустя тринадцать лет после этого, в 1989 году, в конце самобытной китайской оттепели, произошло еще большее извержение китайского вулкана, взрыв протеста и требований свободы и демократии на той же центральной площади столицы Китая Пекина.

Попутно можно обратить внимание на то, что после смерти Мао Цзэдуна сначала произошла стихийная антимаоцзэдуновская аграрная революция, революция крестьян, разобравших себе в свое пользование свои земельные участки. На этом крестьяне, добившись некоторой экономической свободы, на время успокоились.

А далее прорвалось возмущение городского населения, особенно студенческой молодежи и интеллигенции. Оно оказалось одномоментным взрывом.

Однако, во всяком случае, и движение крестьян, и движение частей городского населения произошло. Это показало, что Мао Цзэдуну в свое время удалось обмануть эти слои населения своими обещаниями и захватить власть. Однако затем реальная политика Мао Цзэдуна вызвала разного рода скрытое или сдерживав-

шееся политическим режимом недовольство. Это недовольство, то есть фактически протест против обмана Мао Цзэдуна в те времена, когда он шел к власти, проявилось после его смерти.

Мао Цзэдун в свое время пришел к власти, во-первых, опираясь на вооруженные силы, то есть силой захватил власть, и, во-вторых, на обмане, на фальшивых обещаниях земли для крестьян и свободы и демократии для интеллигенции.

Он продержался у власти вплоть до конца своих дней в опоре на бесчеловечный режим самовласти. Однако после его смерти недовольство крестьян и интеллигенции прорвалось. Частично крестьянам кое-чего удалось добиться. Однако полное, или более полное, удовлетворение требований людей ждет своего часа.

Все это свидетельствовало и о сложности, и о противоречивости обстановки в стране, и о неизбежности изменений, и о наличии сил, которые сдерживали изменения, и о том, что массы оказались способны на разовые проявления своих настроений и требований.

Однако в Китае не нашлось людей, которые бы осуществили кардинальные изменения, поставили Китай на новые рельсы, повели его по пути свободы и демократии. Можно сказать и по-иному: те, кто хотел все это сделать, не имели возможности все это осуществить и были вынуждены считаться с обстановкой в руководящем слое номенклатуры КПК.

В то же время именно 1980-е годы стали в КНР тем, что получило у людей там наименование «золотого десятилетия реформ».

Именно тогда люди Китая впервые после нескольких десятилетий правления Мао Цзэдуна перевели дух, вздохнули свободнее.

И именно это десятилетие Чжао Цзыян назвал единственным десятилетием за все предшествовавшие сто пятьдесят лет, когда Китай не находился в состоянии войны.

Последней войной такого рода оказалась война последователя политического курса Мао Цзэдуна Дэн Сяопина против Вьетнама как «союзника СССР» в 1979 году. После этой войны Дэн Сяопин привел дело к одностороннему со стороны КНР прекращению действия договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенного в 1950 году.

Попутно можно отметить, что эта война понадобилась Дэн Сяопину с целью удерживаться у власти, подтвердить враждебный

нашему народу и нашей стране политический курс Мао Цзэдуна, продолжить движение по пути введения США в заблуждение с тем, чтобы заставить их продолжать поддерживать наследников Мао Цзэдуна в Китае.

Затем на протяжении десяти лет, то есть с 1979 по 1989 год, Китай не вел внешних войн, или войн за рубежами страны, и не переживал «классовые войны» внутри страны. В конце того же 1979 года КНР вступила в переговоры с СССР о нормализации межгосударственных отношений. Дэн Сяопин не смог предотвратить этого.

Именно тогда, в 1984 году, Ху Яобан побывал на границе с СССР и оставил в книге записей на пограничной заставе слова «Да здравствует дружба между народами КНР и СССР!». Ху Яобан в отличие от Дэн Сяопина не считал нужным ставить условия на пути нормализации межгосударственных отношений между СССР и КНР. Хотя Дэн Сяопину и удалось оттянуть на десять лет, с 1979 по 1989 год, нормализацию отношений между СССР и КНР, однако ему не удалось вообще не допустить движения в эту сторону, с этими целями.

Более того, существовали и проявлялись противоречия по вопросу о курсе во внешней политике между Ху Яобаном и Дэн Сяопином.

Ху Яобан полагал, что КПК — КНР необходимо укрепить отношения с СССР, Японией, Индией, с государствами Европы и на этой основе, имея прочный тыл, строить отношения с США.

Дэн Сяопин считал, что ему необходимо прежде всего и главным образом налаживать «союзнические» отношения с США. Дэн Сяопин, повторяя слова Мао Цзэдуна, предлагал Америке создавать всемирный единый фронт борьбы против СССР и был намерен демонстрировать США, что он готов ущемлять отношения с любыми странами, прежде всего с СССР и его «союзниками», чтобы только доказать США, что его, Дэн Сяопина, Китай — это союзник США в борьбе, холодной и иной войне против СССР.

Дэн Сяопин в этом отношении оказался плохим политическим и военным стратегом и тактиком. Его нападение на Вьетнам оказалось авантюрой, обернулось военным поражением, привело к осознанию того, что продвижение по территории Вьетнама не-

пременно закончится поражением, не принесло ему победы и навек поселило у вьетнамцев недоверие к политике КПК — КНР.

Дэн Сяопин ошибся и применительно к своей политике в отношении США. Американцы не поддерживали Дэн Сяопина в его войне против Вьетнама. Президент США укрепил военные связи с Тайванем в связи с тем, что произошло в китайско-вьетнамских отношениях из-за авантюры Дэн Сяопина.

Еще одним следствием внешнеполитического провала Дэн Сяопина стало то, что именно в 1985 году ЦК КПК, то есть политбюро во главе с Ху Яобаном и Чжао Цзянаном, приняло решение, фактически означавшее признание мысли Н. С. Хрущева о том, что нет фатальной неизбежности мировой ядерной войны.

Одним словом, 1980-е годы были одновременно и золотым десятилетием реформ, и десятилетием мира для Китая и мирной политики Китая.

В эти годы «на первой линии» руководства КПК — КНР стояли генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян, председатель Постоянного комитета ВСНП Вань Ли.

Для того чтобы лучше представить себе, какие три человека вышли тогда на «первую линию» руководства партией и государством, необходимо принимать во внимание следующее.

Вань Ли в свое время, до «культурной революции», был главным заместителем мэра Пекина Пэн Чжэня, того человека в руководстве ЦК КПК, фактически заместителя генерального секретаря ЦК КПК, который публично во время демонстрации на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1965 года в своей речи в присутствии Мао Цзэдуна заявил: *жэнь жэнь пин дэн*, то есть что «все люди должны быть равны». Пэн Чжэнь был и тем человеком в руководстве КПК, который стремился к тому, чтобы в стране «правил закон».

Вань Ли был тем первым из провинциальных лидеров, первым секретарем провинциального комитета КПК провинции Аньхой, который одобрил переход от системы народных коммун к семейному подряду.

Вань Ли говорил, что фактически все то, что делалось на протяжении 20 лет экспериментов Мао Цзэдуна, с 1958 по 1978 год, от «большого скачка» до «культурной революции», если говорить о состоянии экономики, пошло прахом.

Вань Ли сказал, что если бы люди в Китае, рабочие и крестьяне, узнали об этом, тогда можно было бы удивляться тому, что они не прогнали Коммунистическую партию Китая. (Это напоминает слова Сталина о том, что люди в иной стране «прогнали бы» своих руководителей, если бы на них обрушилось военное поражение 1941 года.)

Чжао Цзыян наряду с Вань Ли был тем руководителем провинции (в данном случае провинции Сычуань), который одобрил переход семейных земельных наделов в руки крестьян.

Чжао Цзыян считал, что при правлении Мао Цзэдуна в Китае не было никакой демократии, поэтому ее необходимо не совершенствовать, а создавать заново, с самого начала.

Подчеркнем, что один из двух главных официальных руководителей КПК — КНР, которые пришли к власти после смерти Мао Цзэдуна, утверждал, что на протяжении всего времени правления там Мао Цзэдуна, то есть с 1949 по 1976 год, в Китае так и не было никакой демократии.

И это было сказано тогда, когда Е Цзяньин, как уже упоминалось, публично заявил, что правление Мао Цзэдуна носило черты феодально-фашистской диктатуры.

Это — проявление несогласия многих руководителей партии с политическим курсом Мао Цзэдуна, еще один показатель того, что во времена правления Мао Цзэдуна КПК никогда не была монолитом, что в Китае всегда существовала альтернатива.

Чжао Цзыян говорил, что Китаю необходимо пройти через две заставы: заставу рынка и заставу демократии. Это означало, что ни того, ни другого в Китае до тех пор не было и все это надо было начинать строить, строить с самого начала.

Что же касается Ху Яобана, то он считал, что в «культурной революции» Мао Цзэдуна не было ничего хорошего.

Подвиг Ху Яобана был в том, что именно он фактически отменил беспрекословное, абсолютное подчинение указаниям, словам, резолюциям Мао Цзэдуна и открыл путь к реабилитации от ста до двухсот миллионов людей, так или иначе пострадавших во время «культурной революции».

По мнению Ху Яобана, перед Китаем стояли две главные проблемы: проблема нищеты (или бедности) и проблема невежества (или дикости).

Вот люди с какими взглядами получили возможность «сделать хотя бы кое-что» в 1980-х годах в Китае.

И именно по той причине, что у них были такие взгляды, взгляды, опасные с точки зрения Дэн Сяопина и других последователей Мао Цзэдуна, взгляды с их точки зрения грозившие гибелью КПК и КНР, Дэн Сяопин и иже с ним совершили на рубеже 1980–1990-х годов военно-партийно-государственный переворот в КПК — КНР, фактически или завуалированно отстранили от власти трех упомянутых руководителей: Ху Яобана, Чжао Цзыяна и Вань Ли.

Здесь можно обратить внимание на то, что весь более чем сорокалетний период после смерти Мао Цзэдуна есть основания видеть не как единый процесс, а как нечто состоящее из нескольких составных частей.

1976–1978 годы явились неким завершением периода правления Мао Цзэдуна и предысторией следующего периода истории Китая.

Сразу же после смерти Мао Цзэдуна, в момент его ухода из жизни, в партии и государстве у власти оказалась «гремучая смесь», представители несовместимых политических сил и настроений внутри КПК.

С одной стороны, это были формально те, кого Мао Цзэдун оставил как своего рода ядро руководства партией, страной, а главное, вооруженными силами.

Это был прежде всего Хуа Гофэн, который занимал все главные руководящие посты: председателя Военного совета ЦК КПК, председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР.

Это была «четверка» тех, кого Мао Цзэдун привел в высший руководящий орган, то есть в состав ПБ ЦК КПК, в ходе своей «культурной революции»: Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Цзян Цин, Яо Вэньюань.

Однако одновременно оказалось, что у них в руках была часть реальной власти, но не вся и не самая важная часть такой реальной власти.

Армия, вооруженные силы фактически оказались в руках маршала Е Цзяньина, который нашел общий язык с физически существовавшими Дэн Сяопином и некоторыми другими людьми, ранее

находившимися в руководстве, но оказавшимися формально вне него в момент смерти Мао Цзэдуна.

Е Цзяньин считал, что от власти должны быть отстранены те, кого мы перечислили как «четверку».

Е Цзяньин, заручившись моральной поддержкой Дэн Сяопина, Ли Сяньняня, Чэнь Юня, нашел единомышленника в лице начальника канцелярии ЦК КПК и руководителя спецслужб Ван Дунсина. Затем он заставил присоединиться к ним Хуа Гофэна.

Будучи фактическим руководителем вооруженных сил КПК — КНР, Е Цзяньин произвел уже упомянутый военно-партийно-государственный переворот, арестовав упомянутую «четверку».

Тем самым был открыт путь к преобразованиям в Китае.

Этот путь не был простым.

Хуа Гофэн на протяжении некоторого времени пытался вести себя как «главный руководитель». При этом он избрал в качестве основы своих действий утверждение о том, что Мао Цзэдун сказал (и даже написал) ему: *Ни бань ши, во фан синь* — «Если ты ведешь дела, я спокоен»; а также установку на *лян гэ фань ши* — «два абсолютно», то есть на то, чтобы исходить из «абсолютного следования» всему тому, что сказал и что наказал Мао Цзэдун.

Одним словом, Хуа Гофэн думал, что можно продолжать властвовать над Китаем в опоре исключительно на декларированную полную верность имени и делу Мао Цзэдуна.

Во времена хотя и не продолжительного «властвования» Хуа Гофэна официальная пропаганда КПК даже ввела наряду с термином «великий вождь», который присовокуплялся к имени Мао Цзэдуна, термин «мудрый вождь», как называли или требовали называть Хуа Гофэна.

За выступления против Хуа Гофэна, за слова, за критику в его адрес в Китае были расстреляны пятьдесят человек. При этом действовали так же, как во времена Мао Цзэдуна, когда, как мы уже упоминали, одной из тех, кого сочли «врагом» «председателя Мао», то есть женщине по имени Чжан Чжисинь, перед расстрелом перерезали голосовые связки, чтобы она «не смогла обманывать людей», выкрикнув перед смертью: *Мао чжу си вань суй* — «Десять тысяч лет (Да здравствует) председатель Мао!» (Характеристику политического режима самовластия, введенного Мао Цзэдуном

и продолженного Хуа Гофэном, нужно дополнить упоминанием о том, что после расстрелов людей, обвиненных в выступлении против «великого вождя» Мао Цзэдуна или «мудрого вождя» Хуа Гофэна, власти КПК присылали родным расстрелянных требование оплатить пулю, «истраченную» на расстрел.)

Ситуация в стране была иной. Сохранять «абсолютное повиновение» имени и слову умершего вождя было невозможно.

Мао Цзэдун завел страну в такой тупик, что без изменений существовать и жить дальше было невозможно. Это понимали очень многие руководители.

Очевидно, что существенную роль тут сыграло и стихийное массовое движение крестьян, которые фактически самостоятельно разобрали назад себе свои прежние семейные земельные наделы.

Произошла своего рода антимаоцзэдуновская крестьянская революция.

Народные коммуны исчезли.

Крестьяне стали сами распоряжаться делами на своих семейных земельных участках.

Это произошло не по решению руководящих органов партии.

Такие секретари провинциальных парткомов, как Вань Ли в провинции Аньхой и Чжао Цзыян в провинции Сычуань, первыми поддержали движение крестьян.

Затем и вся партия была вынуждена сделать это.

Никакой позитивной или инициативной роли во всем этом не играли Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна.

Однако после шага, сделанного Е Цзяньином, то есть после устранения с политической сцены «четверки», открылась возможность официального возвращения на руководящие посты Дэн Сяопина и других старых руководителей.

При этом было очевидно, что им придется, держа в руках реальные рычаги власти, прежде всего над вооруженными силами, смириться с тем, что на «первую линию», то есть для инициирования и осуществления необходимых преобразований, направленных на выход из тупика, в который страну завел Мао Цзэдун, приходится выдвинуть тех, кто показал и доказал, что не был замешан в действиях Мао Цзэдуна.

Так оказалось, что Дэн Сяопин смог вернуться к власти, занять в 1982 году пост председателя Военного совета ЦК КПК, но так никогда и не стал ни председателем ЦК КПК, ни председателем КНР, ни главой Госсовета КНР.

На авансцене появилась когорта инициаторов, моторов и делателей реформ, осуществления изменений в Китае.

Это и были генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян и (в конце 1980-х годов) председатель ПК ВСНП Вань Ли.

Когда им удалось сделать существенные шаги по пути нормализации обстановки в стране, поставить страну на путь реформ, а далее когда в стране поднялось движение за реформы не только экономического, но и политического характера, а они сочувствовали такой тенденции, тогда Дэн Сяопин вошел в сговор с другими последователями Мао Цзэдуна и путем заговоров, тайных интриг, действуя закулисно, из-за угла, осуществил то, что можно назвать «шоковой терапией со спецификой или со своеобразием Китая», то есть фактически подряд всего за два года сместил, устранил от власти двух генеральных секретарей ЦК КПК: Ху Яобана (в 1987 году) и Чжао Цзяяна (в 1989 году).

Дэн Сяопин также под предлогом «спасения КПК и КНР» от «грозившей» им «опасности», стремясь возродить в Китае «государственный страх», существовавший при правлении Мао Цзэдуна, в 1989 году применил свои вооруженные силы, включая бронетехнику, для подавления мирных демонстраций в столице страны с требованиями свободы, демократии, политических реформ. (Во вполне определенном смысле есть основания считать, что политический режим при Дэн Сяопине оказался подобен политическому режиму в СССР. В нашей стране в 1962 году имели место события в Новочеркасске. В КНР в 1989 году имели место события в Пекине. И в том, и в другом случае коммунистические власти применили оружие, стреляли и убили мирных демонстрантов.)

Так настал период, когда главными фигурами на политической сцене оказались:

Дэн Сяопин в качестве председателя Военного совета ЦК КПК;

Ли Пэн в качестве премьера Госсовета КНР, того человека, который официально несет ответственность за подавление по реше-

нию Дэн Сяопина мирных демонстраций с требованиями свободы и демократии в Пекине в 1989 году;

и Цзян Цзэминь, который, осуществляя указания Дэн Сяопина, сформировал в Шанхае «отряды рабочих», которые, вооружившись арматурой и другими подручными средствами, подавили движение студентов, требовавших свободы и демократии.

С 1989 по 1992 год в результате всех этих действий Дэн Сяопина, который фактически произвел еще один, теперь противоположный тому, который осуществил Е Цзяньин, военно-партийно-политический переворот, на пути политических реформ встал непробиваемый заслон, а экономические реформы оказались в состоянии паузы, они были на несколько лет приостановлены.

Затем Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна поняли, что есть возможность одновременно осуществлять действия в нескольких направлениях.

С одной стороны, восстановить и сделать еще более строгим и всеобъемлющим политический режим, введенный с приходом к власти Мао Цзэдуна.

С другой стороны, допустить такие изменения в экономике, которые одновременно давали бы возможность осуществлять приветствовавшиеся населением послабления и позволяли прямо или косвенно сохранить в руках партийной номенклатуры главенствующие высоты в экономике страны.

Кроме того, это позволяло номенклатуре КПК удерживаться у власти.

Наконец, такая политика в сфере экономики дала возможность побудить США, другие страны оказывать помощь в создании военного и экономического потенциала КПК — КНР.

В ходе этого процесса, когда у власти до 1997 года находился прежде всего Дэн Сяопин, а затем до 2002 года Цзян Цзэминь, свою роль на протяжении некоторого времени играл ратовавший за главное внимание к вопросам экономики и жизни населения премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи. В частности, Чжу Жунцзи предлагал не тратить большие средства на «мишуру» (например, на то, чтобы замостить гранитными плитами главную торговую улицу Пекина Ванфуцзин) по случаю празднования 50-летия КНР.

Далее наступили годы (2002–2012), когда у власти оказались Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, которые пытались согласовывать интересы людей и внутри страны, и на мировой арене. Они, в особенности Вэнь Цзябао, были сторонниками осуществления в КНР одновременно и политических, и экономических реформ. Все дело было в том, что в создавшейся в то время ситуации в руководящем слое номенклатуры КПК осуществить движение по пути таких реформ оказалось практически невозможно.

Кстати, необходимо упомянуть, что Цзян Цзэминь в 2001 году в Москве публично заявил, что из истории наших двусторонних отношений необходимо сделать три вывода: всегда дружить, никогда не быть в союзе, никогда не быть врагами. Иными словами, при этом подразумевалось, что мы якобы были «врагами» и что ответственность за это, дескать, лежит на нашей стороне.

Вэнь Цзябао в 2007 году в Москве говорил лишь об одном, о необходимости всегда находиться в отношениях дружбы.

Наконец, начиная с 2012 года к власти пришел, а точнее, у власти был поставлен Си Цзиньпин.

Он в одно и то же время в максимально возможной степени ужесточает существующий политический режим внутри страны, заново создает в КПК — КНР систему самовластного правления «великого вождя» и начинает активное осуществление на мировой арене глобальной стратегии, имеющей своей целью постепенное навязывание остальному человечеству своих правил, своего «нового порядка». В этом смысле Си Цзиньпин является и наследником, и последователем, и продолжателем «дела» Мао Цзэдуна, его глобальной стратегии.

Наконец, в заголовке рассматриваемого сообщения газеты «Жэньминь жибао» пропагандистски вопрос подан таким образом, чтобы выпятить и утверждать мысль о «великом лидере» нации, о том, что сегодня и отныне есть одно главное имя — символ нынешнего Китая. Символ нации Китая, символ и партии, и государства, страны и народа. И это председатель Си, председатель Си Цзиньпин. Никаких иных имен ни в прошлом, ни в настоящем, имен, сопоставимых с именем Си, нет и не допускается.

Так оказывается, что даже сам этот юбилей используется современной пропагандой как еще один повод для прославления са-

мовластия Си Цзиньпина, его роли как великого лидера, великого вождя всекитайского и мирового масштаба.

Перечисление постов, которые занимает Си Цзиньпин, также имеет свое значение.

Конечно, при этом подчеркивается утверждение о том, что в современном Китае всем и вся руководит партия. Партия руководит всем.

Поэтому здесь прежде всего говорится о том, что Си Цзиньпин занимает пост генерального секретаря ЦК КПК.

Следующим указан его пост председателя КНР. Так указывается на подчиненное положение государства, государственного механизма по отношению к партии.

Наконец, последним при этом перечислении указывается пост Си Цзиньпина как председателя Центрального военного совета.

Это — государственный орган.

При этом общеизвестно, что на самом деле главным органом руководства вооруженными силами Китая является Военный совет ЦК КПК.

В Уставе КПК сказано, что вооруженные силы, армия находятся под *цзюе дуэ лин дао* — «под абсолютным руководством» партии.

Си Цзиньпин занимает пост председателя Военного совета ЦК КПК. Состав этого партийного органа одинаков с составом государственного органа — Центрального военного совета КНР.

Военная власть в нынешнем Китае — главная власть. Именно эта главная власть прежде всего находится в руках Си Цзиньпина.

Одновременно здесь подчеркивается абсолютное единство всех трех «ветвей власти» в нынешнем Китае: военной, партийной и государственной.

Таким образом, трактовка ситуации в современном Китае, используя такой случай, как годовщина начала «политики реформ и открытости», начинается с внушения декоративного наименования этого периода и декоративного же толкования положения у власти Си Цзиньпина.

За этим декоративным толкованием, как люди в Китае хорошо понимают, кроется реальная ситуация, то есть самовластие Си Цзиньпина, максимальная концентрация власти в его руках, то

есть продолжение существования того главного, что взяли Мао Цзэдун и его последователи из марксизма, — учения о диктатуре, о самовластии и единовластии и о диктаторском политическом режиме.

Именно на этот стержень и нанизан весь механизм власти в КНР в настоящее время.

В КНР существует две опоры режима: военная власть и всевластие тотальной и единой партийно-государственной пропаганды.

Речь Си Цзиньпина представляет собой сгусток пропагандистских установок — лозунгов, которыми должны руководствоваться все члены правящей партии, да и все население КНР. Это краткое изложение идеологии Си Цзиньпина.

Перейдем к рассмотрению того, что сказал в этом своем выступлении Си Цзиньпин.

Оценка реформ и открытости

Реформы и открытость — это великое пробуждение нашей партии.

Проведение политики реформ и открытости — это великая революция в истории развития китайского народа и нации.

Си Цзиньпин начал с оценки «политики реформ и открытости». При этом он не говорил ни о том, каким было положение в стране перед началом этих реформ, ни о том, кто и почему довел страну до необходимости осуществлять эти реформы, ни о том, какой была обстановка в руководстве партии и почему именно Ху Яобан, Чжао Цзяян и Вань Ли оказались на «первой линии» руководства, в то время как Дэн Сяопин и Чэнь Юнь стали теми, у кого в руках были власть и авторитет и кто имел возможность следить за осуществлением реформ и принимать решения об их продолжении, изменении или прекращении.

Си Цзиньпин сказал, что «реформы и открытость» — это «великое пробуждение нашей партии».

Здесь сразу же возникает мысль о том, что до начала упомянутых реформ партия находилась во сне или в летаргическом сне,

в своего рода политическом анабиозе, то есть она фактически не жила, а лишь «существовала» при правлении Мао Цзэдуна.

Следовательно, вся эпоха правления Мао Цзэдуна предстает как пребывание страны и народа в своего рода бессознательном состоянии.

Вряд ли Си Цзиньпин думает именно так. Однако его слова наводят на эту мысль. Тем самым Си Цзиньпин с точки зрения пропаганды КПК не просто оказывается равен Мао Цзэдуну, но и превосходит его, если говорить о значении того, что делается в Китае при правлении Си Цзиньпина. Одно дело — бродить в потемках, действовать подобно лунатику во сне, и другое дело — бодрствовать и творить политику наяву.

Си Цзиньпин также считает, что осуществление «политики реформ и открытости» — это «великая революция в истории развития китайского народа и нации».

Здесь бросается в глаза постановка в один ряд двух понятий: «народ» и «нация».

При этом имеется в виду понятие народа применительно к населению такой страны, как Китай, такого государства, как нынешняя КНР. Речь идет о народе именно этого государства.

Понятие «нация», очевидно, применяется для обозначения всех китайцев, всей их совокупности, всех их живущих на планете Земля, имея в виду китайцев как часть человечества.

Важным также представляется обратить внимание на применение этих двух терминов — «народ» и «нация» — как того, что не носит подчеркнуто классового, марксистского характера, то есть приемлемо и как бы естественно воспринимается остальным человечеством.

Здесь для Си Цзиньпина, очевидно, важно подчеркнуть, что он предлагает всему человечеству видеть в Китае такую его часть, как Китай и китайцы. Понять, что сегодня КПК не говорит о классовом делении человечества и людей везде, в том числе в Китае, на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Си Цзиньпин, очевидно, хотел бы, чтобы люди на Земле забыли и не помнили о том, что КПК в теории руководствуется марксизмом, диалектическим материализмом, историческим материализмом и делит людей на классы, считает нескончаемой классовую

борьбу, имеет в своем арсенале понятие диктатуры пролетариата, или диктатуры народа, как об этом говорится в КПК — КНР.

Далее Си Цзиньпин здесь говорит об истории развития упомянутого «народа» и упомянутой «нации». Следовательно, речь идет об истории Китая и китайцев в целом на протяжении всей истории человечества, не деля историю китайцев на периоды существования того или иного государства, той или иной династии и тем более Китайской Республики.

Иными словами, с точки зрения Си Цзиньпина, речь должна идти о китайцах как о важной части человечества. О том, что есть такая нация, как китайцы, и есть остальное человечество.

А далее говорится о «великой революции в истории развития китайского народа и нации».

Следовательно, предлагается воспринимать происходящее в Китае как «великую революцию» части человечества, его такой передовой или ведущей части — нации, как нация Китая.

Си Цзиньпин начинает с претензий на значение происходящего в Китае для всего человечества.

Да, с его точки зрения, это революция нации Китая, для нации Китая, но именно для нации, а не для китайских неимущих — китайского пролетариата, китайского рабочего класса, китайского трудового крестьянства. Это не социальная революция, а революция нации, движение в интересах всей нации Китая.

Си Цзиньпин начинает с предложения видеть происходящее в Китае как нечто значащее для всего человечества, присущее одной (вероятно, с его точки зрения, важнейшей) из частей человечества.

Таким образом, то, что Си Цзиньпин именует «реформами и открытостью», предлагается видеть и как присущее Китаю как народу и нации, и как присущее Китаю как части человечества.

Всемирное значение Китая и происходящего в Китае для всей планеты, для всего человечества — вот что подчеркивает Си Цзиньпин и с чего он начинает свою трактовку значения происходящего в Китае. Так внушается мысль и о всемирной значимости Китая, и о всемирной значимости Си Цзиньпина.

О трех важных верстовых столбах

Создание Коммунистической партии Китая, основание Китайской Народной Республики, продвижение реформ и открытости и дела социализма с китайской спецификой стали важными верстовыми столбами на пути к осуществлению великого возрождения китайской нации с начала периода новой истории (после массового антиимпериалистического «Движения 4 мая»).

Си Цзиньпин выделил в «истории народа и нации Китая» то, что он назвал «тремя важными верстовыми столбами», то есть «тремя вехами». Так Си Цзиньпин вводит понятие «китайских вех» в историю и самого Китая, и человечества.

Это, с его точки зрения, которую в современном, нынешнем Китае предписывается безоговорочно повторять всем членам КПК и всем лояльным или вынужденным проявлять лояльность жителям Китая, главные вехи, точки отсчета в процессе движения Китая и всего человечества.

Первой такой вехой он назвал создание Коммунистической партии Китая, которое произошло в 1921 году.

С этого должно начинать отсчет подлинной истории и нынешнего Китая, и нынешнего человечества.

С КПК, с этой партии, все и началось.

Началось все то, что сегодня достигло таких «высот», и продолжается.

Партия — это «наше все» в нынешнем Китае.

А символом партии, воплощением партии, является беспредельно находящийся у власти в качестве «великого лидера» Си Цзиньпин.

Второй такой вехой Си Цзиньпин назвал «основание Китайской Народной Республики», что произошло в 1949 году.

Историю, исходя из этого, следует делить на предысторию, то есть на время до основания КНР, и собственно историю Китая и всего человечества, которая начинается с момента основания КНР в 1949 году.

Итак, сначала возникла партия.

Партия в итоге своей почти тридцатилетней борьбы, главным образом вооруженной борьбы, создала свое государство — КНР.

Если говорить о том, как это касается нашей страны, то следует обратить внимание на то, что КПК — КНР навязали властям РФ «празднование» «70-летия установления двусторонних отношений», то есть межгосударственных, дипломатических отношений, в 2019 году, то есть заставили вести отсчет дипотношений нашей страны и Китая с момента основания КНР.

Здесь главным и единственно значащим предлагается считать тот факт, что речь идет об отношениях Китая, нации Китая, такого ее государства, как КНР, с тем, что имело и имеет место в нашей стране, то есть и с СССР, и с Российской Федерацией.

При этом куда-то исчезают отношения РКП — ВКП(б) — КПСС с КПК, которые начались с 1921 года.

Куда-то исчезают отношения между СССР и Китайской Республикой, в том числе и в периоды, когда имело место сотрудничество двух партий — Гоминьдана и КПК, имела место помощь СССР нации Китая, ее государству, ее политическим партиям в ходе Антияпонской войны, имело место участие при содействии со стороны СССР объединенной делегации двух партий — Гоминьдана и КПК, — делегации Китайской Республики в церемонии подписания документа о создании ООН.

Отношения между государствами должны основываться на принципе равноправия. Это предполагает согласование формулировок с учетом фактов появления государств на территории и той, и другой страны.

В данном случае и при такой формулировке почему-то не играет роли то, что история СССР закончилась в 1991 году и с тех пор началась история другого государства в нашей стране, история Российской Федерации.

Следовательно, главное, что от нас требуется, — это идти в ногу с нынешним руководством КПК — КНР, соглашаться с его мнением, подчиняться трактовке им истории наших двусторонних отношений.

Наконец, третьей вехой Си Цзиньпин назвал сочетание или соединение «двух в одно», объединение двух понятий: продвижения «реформ и открытости и дела социализма с китайской спецификой».

Здесь предпринята попытка объединить в сознании и представлении прежде всего населения Китая, но и остального человечества...

и того, что фактически появилось как осуществление необходимых изменений ситуации, созданной «стараниями» Мао Цзэдуна, поисков путей выхода из созданных им тупиков во всех областях жизни Китая;

и того, что является навязанной Дэн Сяопином формулировкой относительно «социализма со спецификой (или со своеобразием, с исключительностью) Китая».

Основным содержанием этого, по Дэн Сяопину, должно быть следование неукоснительному осуществлению «четырех принципов» (социализма, демократической диктатуры народа, руководящей роли КПК, марксизма-ленинизма, «идей Мао Цзэдуна»), то есть, по сути, сохранение и укрепление политического режима самовластия, диктатуры, сформированного Мао Цзэдуном после его прихода к власти над Китаем.

Таким образом, по Си Цзиньпину, следует считать вехами, верстовыми столбами и основание партии, то есть КПК, и основание государства, то есть КНР, но на первом плане должно видеть то, что началось с момента осуществления «политики реформ и открытости», и то, чему в КПК — КНР, выполняя волю Дэн Сяопина, дали название «дела социализма с китайской спецификой».

Итак, создание партии, создание государства оказываются предысторией. Двумя опорами, основаниями, на которых начато строительство здания, составными частями которого являются «реформы, открытость», самобытный социализм, то есть исключительно китайский социализм, социализм Китая.

Китайская партия, китайское государство, китайский социализм — вот предлагаемые Си Цзиньпином три главные вехи в истории и для оценки и понимания нынешнего состояния дел и в Китае, и во всем мире.

От этого Си Цзиньпин, пропаганда ЦК КПК предлагают сегодня «танцевать, как от печки».

Целью такого исторического движения называется «великое возрождение нации Китая».

Отсчет этого движения предложено вести с начала периода новой истории, то есть «после массового антиимпериалистического Движения 4 мая» 1919 года.

Так, наряду с такими датами, как 1921 и 1949 годы, появляется и дата 1919 год.

Таким образом, речь идет о том, что вся нынешняя, то есть новая история Китая началась в самом Китае, самими китайцами. И в этом никакие иностранцы никакого существенного участия не принимали. Хотя они имели некоторое отношение к созданию КПК, но это произошло уже спустя два года после начала Движения 4 мая 1919 года.

Именно в 1919 году, еще до появления КПК, народ Китая, вся его масса начала движение борьбы против империализма. Это было начало такого движения. КПК потом возглавила это движение.

Движение 4 мая 1919 года — главное движение для периода новой истории Китая и человечества. Его должно считать антиимпериалистическим по своему характеру. Это оправдывает и обосновывает борьбу в ходе этого движения, то есть на протяжении всего периода новой истории, всего последнего столетия, с 1919 по 2019 год, против всякого империализма.

Известно, что в эпоху правления Мао Цзэдуна были введены понятия «двух империализмов»: *мэй ди* — «американского империализма» и *шэ ди* — «социалистического империализма», то есть империализма «советских ревизионистов», империализма, якобы определявшего политику нашей страны в отношении нации Китая.

Более того, известно, что Мао Цзэдун считал, что России и до 1917 года был присущ империализм, который после событий 1917 года в России только «усугубился» из-за того, что люди в России чрезмерно возгордились и «подняли свой хвост». Так у Мао Цзэдуна оказывается, что «советский империализм» — это «социалистический империализм», только усилившийся в результате того, что люди в нашей стране, наше тогдашнее государство, правившая в нем политическая партия, не имея на то оснований, переоценивая значение «революции 1917 года», «чрезмерно возгордились», по словам Мао Цзэдуна, «слишком высоко подняли свой хвост».

Вот и обозначен нынешний период китайской и мировой истории и его главное содержание. Это глобальное противостояние, борьба КПК — КНР против глобального врага, названного империализмом, при том понимании, что в истории КПК и КНР пришлось столкнуться с «двумя империализмами»: советским и американским.

Этот период и эта борьба продолжают и в настоящее время.

Здесь явно имеется в виду достижение конечной цели такого движения — полной победы над «обоими империализмами».

Си Цзиньпин не упоминает о том, что в свое время в Китае считали, что Движение 4 мая 1919 года было движением и за демократию, и за науку, и за новую культуру.

Итак, здесь, во всем этом построении, нет места ни для демократии, ни для науки, ни для культуры в их общечеловеческом понимании.

Что же касается социализма или всего того, что связано с этим понятием, то допускается, утверждается и имеется в виду исключительно принадлежащий Китаю, собственно китайский социализм.

Он противопоставляется любому иному социализму и в истории человечества, и в настоящее время.

Все остальные «социализмы» предлагается считать подлежащими замене их самобытным социализмом Китая, исключительно китайским социализмом.

Такая постановка вопроса, такая трактовка вех в истории Китая означает и то, что историю Китая члены КПК, население Китая, люди во всем мире должны видеть как состоящую в новейшее время из двух этапов.

Сначала, с 1840 по 1919 год, Китай оказался слабым, переживал период, когда внешние силы, пользуясь своим временным военным преимуществом, навязывали свою волю, свои правила, свои требования, свои соглашения и «неравноправные договоры» (в том числе по границам) нации Китая, подвергали ее достоинство унижениям и оскорблениям, то есть оказались в долгу перед нацией Китая.

Затем, с 1919 года, нация Китая начала борьбу за исправление создавшегося мирового порядка против всяческого мирового им-

периализма и намерена довести эту борьбу до конца, то есть добиться великого возрождения великой нации Китая, добиться того, чтобы все остальные нации «посторонились» и уступили дорогу, дали нации Китая выйти на ее законное место руководителя и экономической глобализации, и всех мировых процессов.

Десять непоколебимых основ

На протяжении 40 лет мы постоянно придерживались принципов раскрепощения мышления, основы на реальных фактах, развития в ногу со временем, деловитости и практичности, непоколебимо следовали руководящим положениям марксизма и основным принципам научного социализма.

Далее Си Цзиньпин выделил «десять непоколебимых основ» своей деятельности, того, что, с его точки зрения, определяло и должно неизменно определять политику КПК — КНР.

При этом Си Цзиньпин говорил не о тех нескольких годах, когда он находится у власти, а обо всем последнем 40-летию как об одном периоде.

Си Цзиньпин хотел бы тем самым создать впечатление, что партия, ее руководство на протяжении всех этих четырех десятилетий после смерти Мао Цзэдуна было единым, представляло собой монолит.

На самом деле, и мы об этом уже упоминали, Ху Яобан и Чжао Цзяян стремились осуществлять подлинные реформы и в экономике, и в политике и освобождаться от оков, в том числе идеологических, времен правления Мао Цзэдуна.

Далеко не случайно Дэн Сяопин, реагируя на это, ввел в качестве обязательных для партии свои «четыре основных принципа», главным содержанием которых была приверженность диктатуре, режиму самовластия.

Си Цзиньпин хотел бы создать впечатление, что ему и таким, как он, очевидно, прежде всего Дэн Сяопину, принадлежит все то, что он трактует как достижения всего периода, который он предпочитает именовать периодом «реформ и открытости».

При этом Си Цзиньпин не говорит ни об устранении путем интриг и фактических политических переворотов двух подряд

генеральных секретарей ЦК КПК, ни о подавлении с применением армии и оружия выступлений народа, мирных демонстрантов с требованиями свободы и демократии, то есть, по сути дела, политических реформ.

При изложении Си Цзиньпином первой из упомянутых «десяти непоколебимых основ» у него стоят рядом несовместимые позиции, которые отстаивали разные люди, разные руководители партии.

По сути дела, «раскрепощение мышления, основа на реальных фактах, движение в ногу со временем, деловитость и практичность» — это то, за что ратовали и чем руководствовались прежде всего Ху Яобан и Чжао Цзяян.

В то же время «руководящие положения марксизма и основные принципы научного социализма» — это фактически отсылка к тому, за что ратовал Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна, когда они главным образом стремились сохранять режим самовласти, режим концентрации власти. Политический режим, созданный Мао Цзэдуном.

Первая из основ, о которых говорит Си Цзиньпин, — это область идеологии. Без идеологии, по крайней мере без провозглашения набора лозунгов, Си Цзиньпин, руководство КПК обойтись не могут.

Из того, что сказано здесь Си Цзиньпином, следует, что после смерти Мао Цзэдуна руководству партии пришлось учитывать и уроки содеянного Мао Цзэдуном, и настроения, возникшие у населения страны. Оказалось, что Мао Цзэдун своей политикой, самими своими практическими действиями подорвал веру людей в Китае в те идеалы или в то, что подавалось пропагандой КПК как идеалы, когда Мао Цзэдун приходил к власти. Разочарование и отвержение «идеалов коммунизма», которые провозглашались Мао Цзэдуном, — вот итог политической деятельности Мао Цзэдуна в Китае.

Поэтому нынешняя идейная основа деятельности КПК составляется из ряда установок, которые появились именно как стремление партии доказать людям в Китае, что партия отрицает действия и установки Мао Цзэдуна применительно прежде всего к судьбам репрессированных людей, к многочисленным «движе-

ниям», осуществленным Мао Цзэдуном, к его «культурной революции».

Таким образом, первая часть нынешней идеологии — это отрицание политического курса Мао Цзэдуна. Весьма характерно, что здесь не упоминается имя Мао Цзэдуна, не употребляется термин «идеи Мао Цзэдуна».

Вторая часть идейной основы КПК в настоящее время оказывается завуалированной попыткой снова протаскивать установки и политические взгляды Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина.

Итак, Си Цзиньпин в сфере идеологии не может не подтвердить установки, на основе которой Ху Яобан и Чжао Цзяян начали реформы, и одновременно завуалированно протаскивает установки Дэн Сяопина.

При этом не упоминаются имена Ху Яобана и Чжао Цзяяна, не упоминаются имена Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Идеология Си Цзиньпина изначально оказывается безымянной.

Говорится о марксизме. Однако известно, что в КПК при этом имеется в виду только исключительно китаизированный марксизм. (В последнее время от дипломатов КНР в РФ доводилось слышать, что даже такой руководитель КПК, как Цюй Цюбо, еще в 1920-х годах, оказывается, «внес вклад в китаизацию марксизма».)

Говорится о социализме. Но в КПК при этом имеется в виду только исключительно китайский самобытный социализм.

В общем и целом идеология, которой руководствуется Си Цзиньпин, составлена из двух частей.

С одной стороны, для населения Китая, по сути дела, предлагается мысль о «великом возрождении великой нации Китая», то есть фактически мысль о верховенстве нации Китая в мире.

С другой стороны, по сути дела, идеология правящей партии — это мысль о самовласти и единовластии Си Цзиньпина, о незыблемости «абсолютного руководства» со стороны партии, Коммунистической партии Китая.

Мы постоянно ставили на центральное место экономическое строительство, неустанно освобождали и развивали производительные силы общества.

Далее Си Цзиньпин от идеологии переходит к политике в сфере экономики.

Именно экономика, отношение к экономике, политика в сфере экономики оказывается при этом второй из «непоколебимых основ» нынешнего политического курса КПК, то есть прежде всего политики Си Цзиньпина.

Так оказывается, что нынешние члены КПК должны считать, что одновременно и параллельно на протяжении всех 40 лет осуществления «политики реформ и открытости» партия и утверждала свое главенствующее положение в стране, и «ставила на центральное место экономическое строительство».

Людям в Китае предлагается исходить из того, что КПК, ее руководители в последние сорок лет своей истории всегда и неизменно «неустанно освобождали и развивали производительные силы общества».

Здесь несколько иное или новое значение обретает и термин «освобождение». Он применяется к производительным силам общества.

Так оказывается, что только после окончания правления Мао Цзэдуна КПК начала освобождать и развивать производительные силы общества.

При этом такое освобождение и развитие ставятся в зависимость от «абсолютного руководства» государством со стороны КПК.

Мы постоянно придерживались пути политического развития социализма с китайской спецификой, неустанно углубляя реформирование политической системы.

Третьей по счету «непоколебимой основой» своего курса Си Цзиньпин называет «путь политического развития социализма с китайской спецификой, неустанного реформирования политической системы».

Так, главное вынужденное изменение политики партии после смерти Мао Цзэдуна — фактический отказ от установки *цзянь вань бу яо ван цзи цзе цзи доу чжэн* («никогда не забывать о классовой борьбе») — оказывается стиснутым двумя утверждениями, с по-

мощью которых Си Цзиньпин пытается, следуя за Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, продолжать их политический курс.

Во-первых, речь идет об «абсолютном руководстве» или о диктатуре партии и ее «великого лидера».

Во-вторых, о самобытном или исключительно китайском, а не каком бы то ни было ином социализме.

Мао Цзэдун ввел установку на концентрацию власти, на свое самовластие или единовластие.

Дэн Сяопин попытался обосновать отказ от классовой борьбы, а в результате правления Мао Цзэдуна руководителям КПК под давлением настроений большинства народа страны пришлось от этого отказаться, введением установки о том, что у Китая есть свой, исключительно свой социализм, что то, что происходит в политической жизни Китая, следует воспринимать как «углубление реформирования политической системы».

Тем самым Дэн Сяопин попытался навязывать КПК, населению страны восприятие своего политического и военного переворота в 1989 году, устранение с политической сцены генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна и подавление силами бронетехники и с применением оружия мирных демонстраций с требованиями свободы и демократии как осуществление «углубления реформирования политической системы».

Это означает, что Си Цзиньпин предлагает членам КПК в настоящее время считать, что все то, что происходит в политической жизни страны, является «углублением реформирования политической системы».

При этом суть политического режима, тем более политической системы, остается неизменной со времен ее создания при правлении Мао Цзэдуна и ее восстановления при правлении Дэн Сяопина.

Фактически все три первые по счету политические установки Си Цзиньпина представляют собой попытку насильственно скрестить вынужденные меры в сфере экономики, экономической жизни людей страны с продолжением навязывания им системы самовластия, политического режима, установленного Мао Цзэдуном и восстановленного Дэн Сяопином после кратковременной, почти десятилетней, передышки, или оттепели, со спецификой Китая, самобытной или исключительно китайской оттепели.

Мы постоянно развивали передовую культуру социализма, укрепляли строительство духовной цивилизации социализма.

Четвертой «непоколебимой основой» своего политического курса Си Цзиньпин называет «развитие передовой культуры социализма, укрепление строительства духовной цивилизации социализма».

Прежде всего здесь важно иметь в виду, что речь у Си Цзиньпина идет не о каком-то абстрактном социализме, не о всемирном представлении или представлениях о социализме, а только и исключительно о китайском социализме. Этому исключительно китайскому социализму, с точки зрения Си Цзиньпина, принадлежит и своя исключительно китайская «передовая культура», и своя исключительно китайская «духовная цивилизация».

Здесь не только осуществляется курс на дальнейшее все большее отделение всего исключительно китайского от всего остального, некитайского, но и проявляется заинтересованность Си Цзиньпина и его сторонников в том, чтобы всемерно утверждать в сознании людей в Китае мысль о «своей культуре», о «своей цивилизации».

Фактически Мао Цзэдун заложил основы того курса в отношении культуры, который направлен на то, чтобы именно в области культуры отделять китайцев от некитайцев, разделять китайцев и не-китайцев, противопоставлять китайцев и некитайцев. Дэн Сяопин продолжил этот курс. Си Цзиньпин следует по тому же пути.

Мы постоянно обеспечивали и улучшали материальные условия людей в процессе развития.

Пятой «непоколебимой основой» Си Цзиньпин называет «обеспечение и улучшение материальных условий людей в процессе развития».

Итак, политический режим сохраняется, «мысль о «своей культуре и цивилизации» внушается, и в то же время все это предлагается считать неким совершенно необходимым и неизбежным сопутствующим фоном политики партии, направленной на экономическое строительство, развитие производительных сил обще-

ства, улучшение материальных условий жизни людей в процессе развития.

Иначе говоря, здесь предлагается считать то, что происходит в современном Китае, и освобождением и развитием производительных сил общества, и обеспечением и улучшением материальных условий людей в процессе развития.

Общество предлагается считать развивающимся, производительные силы общества развивающимися, экономическое строительство осуществляющимися.

Утверждается, что партия удерживает власть в своих руках, но при этом заботится об улучшении жизни людей страны. Материальное благополучие при этом как бы затмевает идеалы коммунизма. Исключительно китайский социализм внешне и на поверхности как бы выступает как движение к материальному благополучию.

Таковы лозунги Си Цзиньпина. Необходимо внимательно рассматривать то, как они осуществляются или не осуществляются на практике.

Мы постоянно защищали окружающую среду и сэкономили ресурсы, неустанно продвигали строительство экологической цивилизации.

Шестая «непоколебимая основа», о которой говорит Си Цзиньпин, — это политика применительно к окружающей среде.

Именно за годы, о которых идет речь, в особенности за 1990-е, 2000-е и 2010-е годы, фактически как следствие политики КПК, перед Китаем, перед людьми Китая встала актуальная, не терпящая отлагательства при ее решении задача сохранить землю и воду, пригодные для производства продуктов питания, для обеспечения жизни людей, их здоровья, и сохранить воздух, пригодный для дыхания.

В результате политики КПК в эти годы, да и ранее, под угрозой поставлено само выживание, физическое существование людей в Китае.

КПК своей политикой за 70 лет пребывания у власти создала проблемы с землей, водой и воздухом в стране или не сумела справиться с ними.

В последние годы ситуация стала настолько давящей, что КПК пришлось обратить на это внимание.

Во многих районах людям стало трудно дышать.

На многих землях стало невозможно выращивать продукты питания, настолько эти земли загрязнены.

В масштабах страны возникла проблема с питьевой водой, с водой, пригодной для жизни и для сельского хозяйства.

Все эти проблемы возникли именно как следствие того, что КПК, начиная со времен правления Мао Цзэдуна, а затем во времена правления Дэн Сяопина практически не проявляла заботы о жизни людей, человека в стране.

Бесчеловечность политического режима, созданного Мао Цзэдуном и восстановленного Дэн Сяопином после кратковременной передышки во времена Ху Яобана и Чжао Цзыяна, проявилась именно во все увеличивающейся нехватке пригодных для жизни земли, воды, воздуха.

Погоня за наращиванием военного и экономического потенциала, стремление осуществлять свои глобальные замыслы привели к растрате и ухудшению качества земли, воды и воздуха.

Все это достигло таких масштабов, что возникают обоснованные сомнения в том, что удастся восстановить приемлемую окружающую среду в Китае. Все это также неразрывно связано и с внешней политикой нынешних руководителей КПК — КНР, и с вопросом о выживании не только населения Китая, но и всего остального человечества.

Мы неизменно придерживались абсолютного руководства КПК над армией, неустанно продвигали модернизацию обороны и армии.

Седьмой по счету, хотя, по сути дела, первой, «непоколебимой основой» политики КПК Си Цзиньпин здесь называет «неизменный» курс на осуществление «абсолютного руководства над армией, неустанное продвижение модернизации обороны и армии».

Вся теория и практика, вся стратегия и тактика деятельности КПК вращается вокруг одного стержня.

Этим стержнем предстает забота о создании, сохранении, развитии и наращивании такого военного потенциала, таких вооруженных сил, которые обеспечивали бы решение двух главных задач, или двуетиной главной задачи:

- создание и непрерывное усиление диктатуры, политического режима, обеспечивающего продолжение пребывания КПК, ее номенклатуры, ее руководства, ее вождя у власти в стране, над страной;
- наращивание военного потенциала, в опоре на который постепенно будет удаваться решать все задачи в ходе осуществления глобальной стратегии Китая, глобальной стратегии КПК — КНР.

В Уставе КПК особо подчеркивается необходимость «абсолютного руководства» партии над вооруженными силами.

Партия пришла к власти над континентальным Китаем в опоре на винтовку, то есть вооруженным путем, путем войны захватила власть в стране.

Захватив власть, партия превратила свой костяк, то есть руководящий состав вооруженных сил, в основу управления партийно-государственным механизмом.

Так партия, используя свои вооруженные силы, установила контроль над страной, над всеми сторонами функционирования аппарата управления государством.

Партия применяла вооруженные силы в 1976 и 1989 годах для подавления демонстраций людей страны с требованиями свободы и демократии. (Собственно говоря, тогда в Китае произошло, по сути дела, то же самое, что имело место в 1962 году в нашей стране в Новочеркасске. КПСС и КПК несут ответственность за стрельбу и убийство людей, народа, который поднимался на защиту своих прав, выступал с жизненно важными для людей, для жизни требованиями.)

Партия использовала вооруженные силы в «войнах нового Китая», то есть в войне с Индией (в 1962 году), войне с СССР (в 1969 году), войне с Вьетнамом (в 1979 году). Нынешние руководители КПК — КНР никоим образом не отказываются от одобре-

ния своих прежних «войн нового Китая». Они не отказываются от угроз применения вооруженных сил, то есть от начала войны по своему усмотрению, в тех случаях, когда эти руководители сочтут это необходимым.

Фактически высшим органом власти в КНР является Военный совет ЦК КПК и его председатель, в настоящее время Си Цзиньпин.

Здесь Си Цзиньпин говорит фактически о неразрывной связи между курсом на абсолютное руководство вооруженными силами и курсом на наращивание военного потенциала, необходимого ему и нынешнему руководству КПК для осуществления глобальной стратегии Китая.

В своих выступлениях Си Цзиньпин говорит о необходимости повышать боеспособность вооруженных сил, готовиться к войне, обладать способностью воевать и побеждать в войне.

Изначально призыв *бэй чжань* — «готовиться к войне» — возник во времена правления Мао Цзэдуна. В этом призыве нашел свое выражение политический курс Мао Цзэдуна на подготовку войны против нашего народа и нашей страны.

Си Цзиньпин возрождает этот лозунг-призыв Мао Цзэдуна. Как и при Мао Цзэдуне, пропаганда КПК прямо не называет врага, против которого надо готовиться воевать, которого надо уметь побеждать в войне.

В настоящее время массовая телевизионная реклама службы в вооруженных силах состоит из призывов: «всегда ясно видеть задачи, всегда ясно видеть врага, всегда ясно осознавать ответственность, всегда быть в состоянии воевать, всегда быть в состоянии побеждать в войне».

Так, с одной стороны, на первом плане оказываются «чисто технические задачи», ни о каком конкретном враге прямо не говорится, и, с другой стороны, делается упор на подготовке нации Китая к войне, на нацеливании нации Китая на подготовку к войне и на победу в войне. И это происходит в ситуации, когда никакая угроза с чьей бы то ни было стороны не грозит нации Китая. Никто и никогда на нее не нападет, никакой угрозы оккупации территории Китая с чьей бы то ни было стороны нет.

Мы постоянно придерживались продвижения великого дела мирного воссоединения родины, осуществляли основной курс «одна страна — два строя».

Восьмой «непоколебимой основой» своего политического курса Си Цзиньпин называет курс на установление своей власти над островом Тайвань и над людьми, которые живут на этом острове.

Во фразеологии Си Цзиньпина это именуется «постоянным продвижением великого дела воссоединения Родины» путем «осуществления основного курса: “одна страна — два строя”».

В начале 2019 года Си Цзиньпин также говорил о «70-летию отношений между двумя берегами» Тайваньского пролива.

Мао Цзэдун, руководители ЦК КПК всегда подчеркивали «принципиальность» своей позиции, говоря о Тайване.

Когда в 1949 году становилось совершенно ясно, что Мао Цзэдун и КПК приходят к власти над континентальным Китаем, Мао Цзэдун обратился к Сталину с предложением-просьбой послать советские войска с целью захватить остров Тайвань и передать его под власть Мао Цзэдуна и КПК.

Это был один из тех шагов, в которых просвечивало подлинное отношение Мао Цзэдуна к нашему народу и нашей стране.

С момента окончания войны 1941–1945 годов, которая нанесла нам неисчислимый ущерб, войны, в которой на наши плечи выпала задача уничтожить сначала бóльшую часть вооруженных сил Гитлера, а затем самую мощную сухопутную японскую армию, Квантунскую армию, и освободить северо-восток Китая, прошло всего четыре года. Война унесла жизни миллионов наших людей, разрушила экономику огромной части нашей страны.

Для каждого человека в нашей стране отвечавшей настроению и мыслям в глубине его души была мысль: «Лишь бы не было войны».

И тут Мао Цзэдун предложил нам снова безоглядно броситься в войну, причем отдавать жизни уже не в борьбе против японских агрессоров, оккупировавших территорию Китая, а в войну одной части нации Китая против другой части нации Китая, вполне вероятно, и против США, положить жизни наших людей ради того, чтобы Мао Цзэдун получил власть над островом Тайвань.

Наша сторона, Сталин отказались выполнять волю Мао Цзэдуна.

Вполне вероятно, что Мао Цзэдун рассчитывал именно на это. Ему все это представлялось необходимым, чтобы оперировать этим аргументом в явном или скрытом споре с теми людьми в руководстве ЦК КПК, которые считали нас другом и союзником Китая. Мао Цзэдун стремился, получив отказ нашей стороны выполнить его требование прямо и непосредственно вступить на его стороне в войну в Китае, то есть оказаться в его подчинении, выдать это за якобы попытку господствовать над Китаем, навязывать КПК свой контроль, оставлять нацию Китая в разобщенном или разделенном положении.

Приходя к власти, Мао Цзэдун выдвинул установку: *Во мэнь и дин яо цзе фан тай вань* — «Мы непременно должны освободить Тайвань». Тем самым Мао Цзэдун стремился внушать людям, прежде всего в Китае, мысль о том, что в нем они должны видеть «вождя нации», ставившего целью осуществление интересов нации Китая. Себя Мао Цзэдун пытался при этом выдавать за выразителя интересов нации Китая, свои эгоистичные интересы за интересы нации Китая.

При этом Мао Цзэдун хотел, чтобы китайцы как бы забыли, что речь тут шла не об освобождении нации Китая, ее части, от иностранных оккупантов, а о захвате власти над нацией Китая в целом, о подчинении людей, находившихся на Тайване, бесчеловечному политическому режиму, устанавливавшемуся Мао Цзэдуном.

В дальнейшем Мао Цзэдун в своем «близком кругу» говорил: *Бу цзе фан тай вань би цзе фан тай вань хао* — «Лучше не освобождать Тайвань, чем освобождать Тайвань».

Очевидно, что Мао Цзэдун считал выгодным в целях осуществления своей глобальной стратегии сохранять создавшееся положение, то есть существование Тайваня как части нации Китая, которая не находится под его властью, под властью КПК, а оказывается по необходимости и неизбежно тем, что должны защищать американцы. Такая ситуация, с точки зрения Мао Цзэдуна, превращала вопрос о Тайване в своего рода рычаг в «политическом торге» Мао Цзэдуна с США.

В дальнейшем КПК перестала употреблять термин «освобождение» применительно к Тайваню и стала говорить о «воссоединении»

нации Китая. Так вопрос из сферы классовой борьбы, в том числе на международной арене, Мао Цзэдун и его последователи попытались «передвинуть» в сферу «борьбы за интересы нации Китая».

В свое время председатель ПК ВСНП маршал Е Цзяньпин предложил фактически оставить в стороне вопрос о государствах нации Китая и исходить из стремления налаживать отношения между двумя политическими партиями: КПК и ГМД. Это был еще один разумный шаг, предложенный Е Цзяньпином.

Затем Дэн Сяопин изменил позицию КПК и ввел установку «одно государство — два строя». Так Дэн Сяопин попытался навязать понятие государства как главное, скрыть суть дела, то есть навязывание людям режима самовластия.

В настоящее время Си Цзиньпин и другие руководители ЦК КПК то повторяют эту установку, то как бы забывают о ней и говорят об институционализации экономических отношений, об отношениях между берегами Тайваньского пролива. Уже упоминалось о том, что в начале 2019 года Си Цзиньпин говорил о «семидесяти годах межбереговых отношений». В то же время он напоминал, что КПК никогда не откажется от применения силы, если сочтет, что Тайвань предпринял шаги по пути к «сепаратизму».

На самом деле очевидно, что сложившееся и ныне существующее положение устраивает и Пекин, и Тайбэй, и Вашингтон.

Никто не стремится изменять это положение.

В равной степени ясно, что дело никоим образом не обстоит так, как утверждает Си Цзиньпин, по словам которого лишь горстка людей на Тайване стремится к «сепаратизму».

Подавляющее большинство тайваньцев выступает за сохранение нынешнего положения и со всей решительностью отвергает возможность и вероятность подчинения политическому режиму последователей Мао Цзэдуна, твердо настроено оставаться свободными людьми.

Мы неизменно придерживались независимой, самостоятельной мирной внешней политики.

Си Цзиньпин называет еще одной «непоколебимой основой» своего политического курса то, что КПК на протяжении всего пе-

риода существования КНР «неизменно придерживалась независимой, самостоятельной мирной внешней политики».

Представляется, что всем людям, всем нациям на планете необходимо самым внимательным образом следить за действиями руководства КПК — КНР и добиваться того, чтобы оно не отступало от провозглашенного им курса на вечный мир во взаимоотношениях со всеми своими соседями по планете.

Мы неизменно сохраняли приверженность укреплению и улучшению партийного руководства.

Наконец, последней по счету, но не по важности оказывается установка на «неизменное сохранение приверженности укреплению и улучшению партийного руководства».

По сути дела, речь идет о вечном положении КПК в качестве партии, находящейся у власти в Китае. Си Цзиньпин, последователи Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина намерены использовать все то, что находится в их распоряжении, прежде всего вооруженные силы, для того, чтобы вечно удерживать власть в своих руках.

Далее Си Цзиньпин обозначил «три великих (больших) скачка», или три главных, с его точки зрения, достижения нации Китая под руководством Коммунистической партии Китая.

Обращает на себя внимание то, что здесь Си Цзиньпин обратился к термину «большой (или великий) скачок», который в памяти людей, очевидно, в особенности в Китае, неразрывно связан со временами правления Мао Цзэдуна. Термин не осуждается, а берется на вооружение современной пропагандой КПК.

Три «великих скачка»

Китайская нация совершила великий скачок от становления на ноги к богатству и могуществу.

Си Цзиньпин при этом сразу же «берет быка за рога», то есть начинает с главного. Он употребляет термин «китайская нация» или «нация Китая».

Тем самым утверждается мысль о том, что и китайцы, и все остальное человечество должны исходить из того, что сегодня в мире существует и действует именно нация Китая.

КНР и КПК — это лишь названия государства этой нации и политической партии, которая держит власть в этом государстве.

Все то, что произошло с нацией Китая с момента создания КНР, то есть с момента прихода КПК и Мао Цзэдуна к власти над страной, должно воспринимать как единый «великий скачок» «от становления на ноги к богатству и могуществу».

Так Си Цзиньпин завуалированно выделяет три стадии упомянутого «великого скачка».

Первая стадия — *чжань ци лай* — «становление (подъем) на ноги» при правлении Мао Цзэдуна.

Вторая стадия — *фу ци лай* — «скачок к богатству» при правлении Дэн Сяопина.

Третья стадия — *цян ци лай* — «скачок к могуществу» при правлении самого Си Цзиньпина.

Все три стадии и весь такой скачок — это то, что следует воспринимать как происходившее с нацией Китая как с единым целым и происходившее на мировой арене.

Социализм с китайской спецификой осуществил великий скачок от утверждения к развитию и совершенствованию.

Итак, во-первых, Си Цзиньпин сказал о «скачке» нации Китая. Этот скачок был начат при правлении Мао Цзэдуна.

Тогда и произошел «подъем во весь рост, поднятие с колен» нации Китая.

Очевидно, что это нашло свое выражение и в политике разрыва отношений с СССР, создания вооруженного противостояния с нашим народом и нашей страной. И на этой основе в политике установления связей с США и использования США в своих интересах.

Далее Си Цзиньпин сказал о «скачке социализма с китайской спецификой». Иными словами, следует понимать это так, что такой социализм появился и совершил скачок.

С его точки зрения, здесь был совершен скачок, великий скачок «от утверждения к развитию и совершенствованию».

Иначе говоря, с одной стороны, нация Китая поднялась с колен, обрела богатство и ныне обладает и наращивает свое могущество, свою силу, свой прежде всего военный и экономический потенциал.

С другой стороны, у нации Китая есть свой особый и отдельный, самобытный, принадлежащий только ей, исключительно китайский социализм.

Этот социализм сначала прошел стадию утверждения.

Очевидно, что имеется в виду то, что Дэн Сяопин породил и начал утверждать этот исключительно китайский социализм.

Человечество впервые столкнулось с этим социализмом с китайской спецификой или исключительно китайским, самобытным китайским социализмом именно при правлении Дэн Сяопина.

Теперь, при правлении Си Цзиньпина, происходит процесс «великого скачка» от основанного и утвержденного Дэн Сяопином социализма с китайской спецификой к развитию и совершенствованию.

Следовательно, люди в Китае и во всем мире должны исходить из того, что на Земле существует исключительно китайский социализм, который в настоящее время развивается и совершенствуется.

И если первый «великий скачок» осуществлялся всей нацией Китая под руководством Мао Цзэдуна, то второй «великий скачок» начал осуществляться Коммунистической партией Китая под руководством Дэн Сяопина. И продолжает осуществляться той же партией под руководством Си Цзиньпина.

Китайский народ сделал великий скачок от недостатка в питании и одежде к среднезажиточности.

Наконец, Си Цзиньпин называет третий «великий скачок». С его точки зрения, это «великий скачок китайского народа от недостатка в питании и одежде к среднезажиточности».

Итак, получается, что в современном мире ныне активно действует нация Китая. Она поднялась с колен, то есть избавилась от подчинения и зависимости от кого бы то ни было на Земле, и, что здесь с этой точки зрения очень важно, от всего того, что связы-

вало ее идеологически и политически, духовно и материально, от СССР и КПСС.

Нация Китая ныне действует в современном мире как нация со своей идеологией, со своим исключительно китайским взглядом на мир. У нее есть только свой собственный, принадлежащий исключительно ей, самобытный китайский социализм, или социализм со спецификой Китая.

Итак, на Земле есть особая и отдельная нация. Есть ее особый и отдельный социализм.

Здесь Си Цзиньпин обращается к тому, что же принесли Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, он сам и Коммунистическая партия Китая китайскому народу, народу Китая.

Оказывается, следует полагать, что если до прихода к власти Мао Цзэдуна и его последователей народ Китая испытывал недостаток в питании и в одежде, то благодаря правлению Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и ныне Си Цзиньпина китайский народ избавился от недостатка в питании и в одежде и обрел зажиточность среднего порядка. Стал среднезажиточным, обрел достаток в пище и в одежде.

При этом не только остается на заднем плане, но и вообще как бы не имеет места то, что Мао Цзэдун своей политикой завел Китай, народ Китая в тупики и в сфере политики, и в области экономики, принес неисчислимое горе народу Китая, обрек на голодную смерть в мирное время десятки миллионов людей, погубил огромное число людей Китая в результате голода и политических репрессий. Обо всем об этом предлагается либо забыть, либо не помнить и не напоминать.

Далее Си Цзиньпин переходит к изложению того, что ему представляется «доказательствами» «правильности» осуществляемого им и другими последователями Мао Цзэдуна их политического курса.

Три «доказательства»

40-летняя практика в полной мере свидетельствует о том, что со времени проведения третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва компартия объединила и возглавила народы страны.

Избранный путь, теория, система и культура социализма с китайской спецификой являются совершенно верными.

Си Цзиньпин обращается к тому, что, с его точки зрения, доказывает правильность того курса, который КПК осуществляет на протяжении последних сорока лет.

Прежде всего это означает, что он при этом делит историю КНР на две части: первые тридцать лет и последующие, или последние, сорок лет.

Так оказывается, что и населению Китая, и иностранцам предлагается отделять то, что было при правлении Мао Цзэдуна, от того, что происходило и происходит после окончания этого правления.

Весь нынешний период, последние сорок лет, следует при этом видеть как период социализма с китайской спецификой. Это не капитализм и не строй с чертами феодально-фашистской диктатуры, как фактически охарактеризовал эпоху правления Мао Цзэдуна маршал Е Цзяньин в 1979 году.

Это время, когда КПК, ее «ядро», сначала Дэн Сяопин, затем Си Цзиньпин, избрали свой путь, определили его как социализм с китайской спецификой, создали теорию, систему и культуру этого социализма и на практике доказали, что этот путь, эти теория, система и культура являются правильными.

Можно сказать и по-иному: Си Цзиньпин утверждает, что именно практика осуществления этого пути и доказывает его правильность, доказывает, что он является совершенно верным.

Доказательством правильности нынешнего политического курса Си Цзиньпин предлагает считать то, что КПК на протяжении всех последних сорока лет удавалось «объединять и возглавлять» народы страны.

Именно благодаря нахождению теории, системы и культуры того, что именуется социализмом с китайской спецификой, КПК наконец удалось объединить и возглавить народы страны, добиться единства партии и народа в современном или нынешнем Китае.

Си Цзиньпин хотел бы, чтобы это было так. Своего рода «стабильность» действительно существует.

Вместе с тем практика, сама история стран с политическими режимами концентрации власти свидетельствует о том, что партия, ее номенклатура, ее лидеры больше всего боятся потенциально существующего разрыва между населением и ими, между народом и партией.

А такой разрыв существует. Он порожден и практикой деятельности Мао Цзэдуна, и определенными чертами политики нынешних руководителей.

В частности, и политической несвободой в стране, и экономическим строем, который порождает конфронтацию между партийным чиновничеством и неразрывно связанным с ним слоем тех, в чьих руках находятся «экономические высоты», с одной стороны, и массой населения, которая живет все еще бедно и трудно, с другой стороны.

40-летняя практика в полной мере свидетельствует о том, что развитие Китая предоставило успешный опыт и продемонстрировало светлые перспективы для многочисленных развивающихся стран в собственной модернизации.

Итак, первым доказательством правильности своего политического курса Си Цзиньпин предлагает считать то, что ситуацию внутри КНР следует видеть как неразрывное единство КПК и китайского народа.

Вторым таким доказательством Си Цзиньпин предлагает видеть то, что многочисленные развивающиеся страны считают опыт Китая, КПК — КНР, успешным и дающим светлые перспективы их собственной модернизации.

Таким образом, Си Цзиньпин утверждает, что политический курс, осуществляемый им и другими последователями Мао Цзэдуна, найденные ими путь, теория, система и культура, именуемые социализмом с китайской спецификой, не только пригодны для развивающихся стран, но и признаны ими таковыми.

Это означает, что Си Цзиньпин не только настаивает на продолжении движения по этому пути в Китае, но и предлагает двигаться по пути социализма с китайской спецификой развивающимся странам. Си Цзиньпин при этом считает, что и Китай успешно

идет по пути модернизации, и развивающимся странам следовало бы пойти или идти по тому же «китайскому пути».

40-летняя практика в полной мере свидетельствует о том, что реформы и открытость являются важной мерой компартии и народа в соответствии с современными требованиями эпохи; это неизбежный путь по следованию и развитию социализма с китайской спецификой, ключевой метод, решающий судьбу современного Китая, а также ключ к осуществлению цели «двух столетий» и великого возрождения китайской нации.

Итак, Си Цзиньпин предлагает считать свой политический курс успешным, видя доказательство этого:

во-первых, в том, что в Китае за ним и его партией идет китайский народ;

во-вторых, в том, что этот политический курс пригоден для развивающихся стран;

и, наконец, в-третьих, в том, что это неизбежный путь, путь, решающий судьбу современного Китая, дающий ключ к осуществлению задач выхода Китая сначала на путь средней и потом и высокой зажиточности населения, а в конечном счете и к осуществлению великого возрождения нации Китая.

Си Цзиньпин хотел бы внушать уверенность:

и в прочности положения у власти самого себя, номенклатуры КПК;

и в том, что за КПК — КНР по пути их социализма пойдут развивающиеся страны;

а также в том, что осуществимыми являются и цели подъема благосостояния населения страны, и прихода нации Китая на место признанного в мире руководителя всеми процессами глобализации, начиная с экономической глобализации.

Си Цзиньпин заканчивает свою речь изложением девяти установок, которые обеспечат осуществление его политического курса.

Иначе говоря, если в свое время Дэн Сяопин выдвинул то, что он именовал «четырьмя основными принципами», которые, по сути дела, сводились к неотступному осуществлению диктатуры,

режима самовластия, то в настоящее время Си Цзиньпин пытается «осовременить» все те же принципы. Со все той же целью обеспечить продолжение нахождения у власти над континентальным Китаем себя и своей политической партии.

Фактически Си Цзиньпин говорит о своего рода «девяти сваях», на которых он намерен поддерживать существующий в Китае политический режим, на которых Си Цзиньпин, руководство нынешней КПК, партийная номенклатура в КНР намерены удерживаться у власти.

На базе опыта 40-летней политики реформ и открытости «необходимо твердо придерживаться» следующих девяти положений:

Необходимо твердо придерживаться партийного руководства над всей работой, неуклонно укреплять и совершенствовать его.

Собственно говоря, здесь становится совершенно очевидно, что Си Цзиньпин и ЦК КПК использовали дату — сорокалетие того, что они именуют «политикой реформ и открытости», — для того, чтобы в концентрированном виде еще раз донести и пропагандировать, прежде всего в самой Коммунистической партии Китая, среди населения Китайской Народной Республики, мысль о твердокаменности их политических позиций. Об их намерении неотступно следовать по курсу, основанному Мао Цзэдуном, и удерживаться у власти. Не уступать ее никогда и никому.

Итак, речь идет, как уже упоминалось, об устоях, опорах, сваях, на которых существует нынешний политический режим в континентальном Китае. Режим, сердцевиной которого является установка на самовластие, на единовластие, на диктатуру над населением Китая сегодня и на планы распространения этого режима и этой системы на остальное человечество.

Речь здесь идет о том, чтобы твердо придерживаться партийного руководства над всей работой, неуклонно укреплять и совершенствовать его. Партия руководит всем и вся и будет продолжать это делать. Вот та главная мысль, которую Си Цзиньпин здесь доносит до населения Китая.

Так выясняется, что в результате обобщения всего своего опыта, особенно принимая во внимание то, что произошло на рубеже 1980–1990-х годов в нашей стране, нынешние руководители ЦК КПК, в первую очередь Си Цзиньпин, пришли к выводу о том, что прежде всего и главным образом для них, для того чтобы удерживаться у власти над Китаем, им необходимо взять из марксизма главное, то есть мысль о диктатуре внутри страны, диктатуре, которая устанавливается и поддерживается в ситуации, когда существует и действует режим единовластия или самовластия.

Главным инструментом и стержнем этого режима выступает политическая партия, находящаяся у власти и действующая как партия ленинского типа, то есть как, по сути дела, вооруженный отряд единомышленников, командующий повсюду и везде и не допускающий никакого участия в управлении населением и страной кого бы то ни было еще, кроме самой этой политической партии.

Главный вывод, который сначала Дэн Сяопин, затем все последователи и Мао Цзэдуна, и Дэн Сяопина сделали для себя, осмыслив по-своему случившееся в нашей стране, — это вывод о недопустимости какого бы то ни было расшатывания положения партии у власти.

Только продолжение существования этой партии, только ее постоянное укрепление могут спасти и нынешний политический и общественный строй в Китае. Тем самым полностью и абсолютно исключаются какие бы то ни было политические реформы, какое бы то ни было отступление от нынешнего политического режима в КНР.

Необходимо ставить народ на центральное место, постоянно осуществлять стремление народа к прекрасной жизни.

Итак, «первая свая» — это партия, Коммунистическая партия Китая, неизменно продолжающая осуществлять и то, что является политическим режимом Мао Цзэдуна, и его же глобальную стратегию. Предлагается считать, что: есть партия — есть Китай, есть Нация Китая; нет партии — нет Китая, нет Нации Китая.

Второй «свай» здесь называется «народ». Предлагается ставить народ на центральное место, постоянно осуществлять стремление народа к прекрасной жизни.

Это означает, что Си Цзиньпин и нынешние руководители КПК исходят из того, что одновременно существуют и их партия, и народ страны. Партии приходится принимать во внимание существование народа. Народу необходимо внушать, что партия ставит его на центральное место. Это означает, что партии нужно исходить из того, что она может твердо удерживаться у власти только в условиях, когда народ верит в то, что партия отводит ему центральное место. Это также означает, что партия должна делать то, что будет заставлять народ подчиняться партии. Партия должна, по крайней мере, обеспечивать «непротивление» народа политике партии.

Что же касается самого народа, то партии следует исходить из того, что главное — это внушать народу, что его жизнь является прекрасной, то есть, по крайней мере, она лучше, чем была «вчера» и что она будет «еще более прекрасной» «завтра».

Партии следует исходить из того, что народу нужны «хлеб и зрелища», все остальное он предоставит на откуп партии.

Речь в данном случае идет не об идеалах народа, не о стремлении народа к политической и экономической свободе. На первый план выдвигается обеспечение приемлемых для народа условий его существования, даже не жизни, а существования. Считается, что одно это обеспечит партии возможность продолжения пребывания у власти и движения по пути осуществления ее глобальной стратегии, ее всепланетных планов.

Необходимо твердо придерживаться руководящего положения марксизма, постоянно продвигать теоретические инновации на практической основе.

Третья «свая» — это «необходимость твердо придерживаться руководящего положения марксизма. Постоянно продвигать теоретические инновации на практической основе».

Итак, во-первых, следует сохранять партию и ее господство над существованием и жизнью населения страны.

Во-вторых, следует принимать во внимание необходимость обеспечения минимальных, хотя бы минимальных, условий для существования и, при возможности, жизни народа.

В-третьих, нужно сохранять, по крайней мере, термин «марксизм». Сохранять идеологию, в которой марксизм занимает свое место.

Это означает, что идеология КПК — КНР — это их собственная отдельная и исключительная идеология, это одновременно и идеология партии, и идеология нации Китая.

В КПК подразумевают, что речь идет исключительно и только о китаизированном марксизме, то есть о том, что в КПК считают только своим, своеобразным китайским марксизмом.

Следовательно, то же относится и к социализму, который в КПК сегодня именно по этой причине именуют либо социализмом с китайской спецификой, либо *чжун го тэ сэ ды шэ хой чжун* — самобытным китайским социализмом, исключительно китайским социализмом, социализмом Китая, а не чьим бы то ни было еще социализмом. Современные руководители Китая сохраняют понятия (или термины) «марксизм» и «социализм» как стержень или часть стержня своей идеологии.

При этом они отделяют свою идеологию и свои трактовки марксизма и социализма от любых других трактовок марксизма и социализма, существовавших в истории или существующих в настоящее время. Итак, марксизм в этом толковании — это часть идеологии современного китайского национализма.

Именно в этой связи речь идет о продвижении теоретических инноваций на практической основе.

Это означает, что КПК оставляет исключительно за собой право на развитие того, что она именует своей теорией марксизма.

При этом партия намерена вносить новации в этот марксизм, исключительно исходя из практики, из происходящего в Китае, из практики осуществления социализма с китайской спецификой, из практики осуществления своей глобальной стратегии.

Необходимо неустанно идти по пути социализма с китайской спецификой, постоянно придерживаться и развивать социализм с китайской спецификой.

Четвертой «сваей» называют продолжение неустанного движения по пути социализма с китайской спецификой. Китай должен

«постоянно придерживаться и развивать социализм с китайской спецификой».

Мы уже говорили о трактовке социализма в современной КПК в связи с трактовкой ею же марксизма.

Здесь можно лишь повторить, что в КПК — КНР полностью сохраняют, прежде всего на декларативном уровне, свою приверженность и марксизму, и социализму.

Однако речь идет об исключительно китайском марксизме и социализме, а не о том, что под этим понималось ранее в мире и понимается в других странах в настоящее время. Навязывание своей идеологии — одна из важных черт нынешнего политического курса КПК.

Необходимо также обратить внимание на то, что внешне, декоративно, КПК — КНР навязывают другим странам, в первую очередь России, мысль о том, что двусторонние межгосударственные отношения должны быть «деидеологизированы». На самом деле это означает, что руководители КПК — КНР хотели бы, чтобы никто никогда и никак не осуждал и не обсуждал их идеологию и в то же время иметь возможность навязывать свои установки и в Китае, и везде, во всем мире, в любой стране.

Необходимо твердо придерживаться совершенствования и развития системы социализма с китайской спецификой, постоянно выявлять и укреплять системные преимущества страны.

Пятая «свая» — это совершенствование и развитие системы социализма с китайской спецификой, то есть китайского социализма, социализма в трактовке КПК.

Итак, выдвигается тезис о существовании **системы** китайского социализма. Предлагается постоянно работать над совершенствованием и развитием этой системы. Очевидно, имеется в виду работа и внутри Китая, и на международной арене, то есть и применительно к нашей стране. Обращает на себя внимание то, что речь идет о **системе**, а не о **модели** социализма.

Необходимо твердо придерживаться первоочередной задачи развития, постоянно укреплять комплексную мощь страны.

Шестая «свая» — сосредоточение внимания на неустанном развитии Китая. При этом главным в этом развитии оказывается постоянное укрепление комплексной мощи страны.

Очевидно, что главным в этой комплексной мощи для Си Цзиньпина и КПК является военная мощь, военный потенциал.

Однако при этом они считают необходимым укреплять и экономическую мощь государства, а также его силу в других областях.

Согласно их планам, Китай должен постоянно усиливаться комплексно, то есть по всем направлениям, во всех сферах и областях.

Необходимо твердо придерживаться расширения открытости, постоянно продвигать совместное строительство сообщества с единой судьбой человечества.

Седьмая «свая» — это утверждение установки на продолжение политики открытости. Расширение рамок открытости. При этом разъясняется нынешнее толкование открытости. Это постоянное продвижение мысли о «совместном строительстве сообщества с единой судьбой человечества».

Итак, открытость сегодня — это прежде всего открытость внешнего мира, территории проживания всего остального человечества для Китая и китайцев, превращение ее в поле для как можно более свободных действий руководства КПК — КНР в целях осуществления его глобальной стратегии.

Это предполагает навязывание остальному человечеству мысли о том, что всем людям на Земле следует принять утверждение о том, что их судьба должна быть единой с судьбой нации Китая, с судьбой КПК — КНР. Все должны подчиниться властям КПК — КНР. Так навязывается господство последователей Мао Цзэдуна всему человечеству.

Необходимо всесторонне устрожить внутрипартийное управление КПК, постоянно повышать творческую силу, силу единения и боеспособность партии.

Восьмая «свая» — это намерение всегда и постоянно, каждый день и час, делать все более строгими порядки внутри самой КПК,

делать все более строгим и контролируемым внутрипартийное управление КПК.

Очевидно, что Си Цзиньпина заботит отсутствие должной творческой силы, силы единения и боеспособности партии. Очевидно, что дело тут не столько и не только в расшатывании дисциплины. Это тоже имеет место.

Главное же в том, что исторический опыт свидетельствует, что держать под строгим контролем почти стомиллионную партию не удастся.

Всегда возникают альтернативы, движения, направления мысли и деятельности тех или иных лидеров, тех или иных частей партии.

Забота об укреплении партии — это одна из главных забот Си Цзиньпина. Дело в том, что в истории партии никогда не существовало абсолютного единства, несмотря на некоторую декларативную видимость этого и при правлении Мао Цзэдуна, и при правлении Си Цзиньпина.

Необходимо твердо придерживаться мировоззрения и методологии диалектического и исторического материализма, правильно регулировать прочные отношения между реформированием и развитием.

Наконец, девятая «свая» — это призыв твердо придерживаться мировоззрения и методов диалектического и исторического материализма, правильно регулировать прочные отношения между реформированием и развитием.

Здесь бросается в глаза, что Си Цзиньпин мечется, ищет ответ на практически не решаемые проблемы Китая в настоящее время. Во всяком случае, не решаемые при руководстве со стороны КПК.

Си Цзиньпин, говоря о том, что, с нашей точки зрения, является «сваями», на которых он хотел бы удержать нынешний политический режим, употребляет термины «марксизм», «диалектический материализм», «исторический материализм».

Одно лишь произнесение этих слов проблемы не решает.

Да и на самом деле эти «теории» проблем Китая не решат.

Однако Си Цзиньпин произносит эти слова, надеясь на то, что по инерции члены партии будут тем самым сплачиваться.

Это еще одно намеренное подчеркивание Си Цзиньпином и для населения Китая, и для населения Земли приверженности его, его партии и государства социализму и марксизму. Во всяком случае, декоративная сторона всего этого тем самым подтверждается.

Однако при этом ощущается, что Си Цзиньпина и руководителей КПК в целом беспокоит **отсутствие прочных отношений, связей между реформированием и развитием.**

Так речь Си Цзиньпина заканчивается на том, что в теории и на практике существует неразрешимое противоречие между тем, что Си Цзиньпин и его коллеги считают реформированием, движением по пути реформ, реформами, спасающими КПК — КНР, и подлинным развитием страны.

Дело в том, что в Китае за последние сорок лет решались проблемы развития в той или иной конкретной области жизни нации, строительства тех или иных отраслей. Однако подлинного свободного развития людей, общества в Китае нет. Нет свободы, свободы политической, свободы экономической. Можно констатировать, что нынешний политический режим допускает некоторое развитие, но именно он является главным препятствием на пути выхода Китая на поле свободы и демократии и, следовательно, истинного развития людей Китая, нации Китая, Китая как страны и китайцев как народа.

ПЕРИПЕТИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КНР ПОСЛЕ СМЕРТИ МАО ЦЗЭДУНА

Мао Цзэдун умер 9 сентября 1976 года. День его смерти, если следовать некоторым обычаям, существующим в Китае, и лучше запомнить, можно именовать «двумя девятками», так как это произошло на девятый день девятого месяца.

С тех пор прошло уже сорок три года. Иной раз кажется, что Мао Цзэдун все еще живет и правит. В то же время утекло много воды. Более сорока лет. Многое стало иным. У власти в Китае, на самой ее вершине, официально в качестве «первого лица» в партии, побывали Хуа Гофэн, Ху Яобан, Чжао Цзяян, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао. В настоящее время находится Си Цзиньпин. Целая галерея портретов этих политиков с пояснениями сути осуществлявшейся ими политики могла бы быть представлена в некоем музее, если бы он существовал. В то же время ситуация, реальное положение дел в стране таково, что, образно говоря, первая четверть двадцатого столетия может считаться «временем Сунь Ятсена», вторая — «временем Чан Кайши», третья — «временем Мао Цзэдуна», а четвертая — «временем Дэн Сяопина».

После смерти Мао Цзэдуна прошло более сорока лет, после смерти Дэн Сяопина — более двадцати лет. Сорок лет Китай живет без Мао, двадцать лет без Дэна. И в то же время их незримое присутствие чувствуется, ощущается. Собственно говоря, думается, что все эти сорок лет без Мао, все эти двадцать лет без Дэна во внутривнутриполитической жизни Китая идет нескончаемая борьба за и против продолжения движения по «пути Мао» и по «пути Дэна». Во втором десятилетии нынешнего, двадцать первого века начинается ощущение намерение правящей партии, ее номенклатуры превратить настоящее время в «эпоху председателя Си».

Все это вместе взятое вызывает необходимость обратиться к рассмотрению процесса, перипетий внутривластической борьбы в Китае после смерти Мао Цзэдуна.

Историю Китая, начиная со второй половины XX века и вплоть до настоящего времени, есть основания делить на два периода. Первый, с 1949 по 1976 год, — это время, когда был жив и активно действовал Мао. Вторым, с 1976 года и до настоящего времени, — это время, когда Мао нет в живых. В первый период в Китае шла борьба Мао против тех, в ком он видел противников его политики. Во второй период в Китае идет борьба между теми, кто хотел бы так или иначе продолжать осуществление политического курса Мао, и теми, кто стремится добиться того, чтобы страна пошла другим путем.

Политическое наследие Мао является столь тяжелым, давящим на сознание людей, а корни его столь глубоки в массе населения страны, что эта борьба будет, очевидно, продолжаться еще очень долго. В каком-то смысле, очевидно, можно сказать, что Мао Цзэдуна удалось воспитать поколения китайцев, привыкших к культу «председателя», в свое время «председателя Мао» и ныне «председателя Си».

Мао оставил в качестве своего «наследника», или «преемника», Хуа Гофэна. В пропаганде его в отличие от Мао, которого именovali «великим вождем», называли «мудрым вождем».

Однако речь шла о том, что, по сути дела, ничто не изменилось. Просто один вождем сменил другого. На смену «великому» пришел «мудрый». Это означало, что вождем и система вождизма сохранялись. Вожди просто сменяли один другого, различались лишь по своим титулам: «великий» и «мудрый».

Величие и мудрость не подвергались сомнению. Не подвергалось сомнению главное — вечное существование вождя. Новый вождем провозгласил свою главную политическую установку: «два абсолютно». Это означало абсолютное подчинение всем указаниям и словам Мао.

Хуа Гофэн утверждал: «Мы должны осуществлять АБСОЛЮТНО каждую политическую установку, которую выработал и определил председатель Мао, и АБСОЛЮТНО каждое указание председателя Мао». Собственно говоря, это был главный,

откровенный вывод, к которому пришли все последователи Мао Цзэдуна. Разница между ними была в степени откровенности при выражении этой мысли. Кто-то «резал правду-матку», кто-то пытался скрыть свои убеждения, не говорить о них открыто. Однако для всех речь шла о том, чтобы сохранять Мао как основоположника всего и вся: и партии, и государства, и идеологии, и политической практики.

Так, сразу же после смерти Мао руководители КПК сохранили и подчеркнули неизменность двух главных идеологических понятий: «вождь» и «абсолютность». Это означало, что они считали своим главным орудием для «наследования», «перехвата» и удержания власти над народом и страной то, что им представлялось сутью марксизма: политический режим, основанный на требовании абсолютного подчинения абсолютной власти абсолютного вождя; сохранение максимальной (или абсолютной) концентрации власти, максимального (абсолютного) тоталитаризма, максимальной (абсолютной) диктатуры, максимального (абсолютного) самовластия или единовластия.

На этом они, то есть последователи Мао, шли и пришли к власти, на этом держались у власти все 27 лет правления Мао Цзэдуна, это они считали «ключом», открывающим путь к вечному продолжению их властвования над Китаем.

Абсолютная власть требовала абсолютного подчинения. Немедленно после смерти «великого вождя» от людей в КНР потребовали прославлять «мудрого вождя». Любое выступление против этой установки, непочтительное высказывание в адрес Хуа Гофэна каралось смертной казнью. Во время его пребывания у власти в масштабах всей страны по подложным делам более 50 человек были приговорены к смертной казни и казнены за то, что они «выступали со злобными нападками на мудрого вождя председателя Хуа» (см. нашу работу: Дао Ху-гуна. Кн. 2. С. 212–213).

Абсолютное повиновение Мао Цзэдуну при режиме самовластия, который Мао навязал людям в Китае и который восстановил Дэн Сяопин, предполагает абсолютное же подчинение человека любому, вплоть до самого рядового (чиновника, члена номенклатуры, сотрудника любого органа власти) члена властной структуры. Так понятие «величия вождя» оборачивается в КПК — КНР

требованием абсолютного подчинения представителям власти. Их нельзя критиковать, их можно и нужно только славить.

В 1975 году, за год до смерти Мао Цзэдуна, за высказывание против «величия» Мао Цзэдуна были, в частности, казнены Чжан Чжисинь и Ши Юйфэн. В 1977 году, через год после смерти Мао Цзэдуна, за осуждение Хуа Гофэна казнили Ли Цзюлянь. Подробности этих казней во «времена Мао и Хуа» помогают понять, что собой представляет бесчеловечный политический режим, продолжающий существовать в КПК — КНР.

Когда казнили Ли Цзюлянь, исполнители воли «председателя Хуа», а следовательно, и «председателя Мао», «стремясь избежать того, чтобы она перед массой людей не стала оправдывать себя или не выкрикнула лозунг, ей загодя острой бамбуковой спицей проткнули нижнюю челюсть и язык, скрепив их намертво. Иными словами, поступили точно так же, как в Шэньяне поступили с Чжан Чжисинь, которой перед казнью перерезали голосовые связки, и как поступили в Чанчуне с Ши Юйфэн, которой зашили оба угла рта. Тот же результат, но достигнут разными путями. После того как зачитали “приговор”, Ли Цзюлянь на грудь повесили большую доску с надписью “Ныне действующий контрреволюционный элемент”, а за спину укрепили доску, обозначающую, что этот человек обречен на смерть, горло крепко сдавили, в рот засунули полотенце, подняли приговоренную к смерти “преступницу Ли Цзюлянь” в грузовик, чтобы “с позором показать ее народу”, провезти по городу. Таким образом, она полностью была лишена всякой возможности издать хоть какой-то звук. После того как круг позора был сделан, ее застрелили в небольшом лесопарке в районе красноземных холмов в западных окрестностях города Ганьчжоу (в провинции Цзянси). Ее родные не решились приблизиться к труп и забрать его» (см. нашу работу: Дао Ху-гуна. Кн. 2. С. 203).

Однако преступления Мао перед народом Китая, тупики, в которые он завел народ и страну, были столь очевидны, были столь велики, что вскоре пришлось свернуть и отменить установку на «два абсолютно». Последователям Мао Цзэдуна, в том числе и прежде всего Дэн Сяопину, пришлось пойти именно на это под давлением ситуации в стране, под давлением настроений массы населения. Это для них было вынужденным решением. В то же

время это было показателем того, что в истории КПК — КНР смерть диктатора давала возможность людям гласно или негласно выразить такой протест против сути политического режима самовласти, что даже таким последователям Мао Цзэдуна, как Дэн Сяопин, пришлось с этим на некоторое время и в определенных рамках считаться.

На практике оказалось естественным и получившим всеобщее одобрение устранение из «верхушки» четырех главных протеже Мао, которых он выдвинул на руководящие посты в последние десять лет своего пребывания у власти, в годы своей «культурной революции»: его супругу Цзян Цин, которая претендовала на роль «императрицы-наследницы» или «императрицы-матери» любого формального или официального наследника Мао Цзэдуна; Чжан Чуньцяо, фактического руководителя правительства; Ван Хунвэня, фактического руководителя партийного аппарата, Яо Вэньюаня, фактического руководителя «фронта идеологии».

Однако у них в руках не было главной ветви власти в стране — власти над вооруженными силами. Поэтому фактическому руководителю этой ветви власти, ведавшему повседневным управлением делами Военного совета ЦК КПК, маршалу Е Цзяньину, который привлек на свою сторону фактического же распорядителя делами спецслужб Ван Дунсина, практически мгновенно, спустя всего месяц после смерти Мао, удалось арестовать упомянутую «четверку». Это позволяло открыть возможность для движения по иному пути. Во всяком случае, это означало осуждение ряда сторон политического курса Мао Цзэдуна.

В то же время в этой обстановке к власти оказалось возможным вернуться ряду тех, кто так или иначе был от нее отстранен во время «культурной революции». Никаких новых лидеров, тем более новых политических партий или организаций, в Китае тогда не появилось. Оказалось, что власть в целом по-прежнему находится в руках тех или иных руководителей КПК. Однако они не представляли собой монолит. У них были разные взгляды.

В частности, Е Цзяньин считал, что при правлении Мао Цзэдуна политический режим в стране носил черты феодально-фашистской диктатуры. Дэн Сяопин же исходил из того, что то, что

творил Мао Цзэдун, было «на семьдесят процентов правильным и лишь на тридцать процентов ошибочным».

При этом в реальной жизни сложилась ситуация, при которой надо было осуществлять смелые реформы, выводя страну из тупиков в политической, экономической и духовной жизни. Кто-то был способен на это. Кто-то не обладал такими способностями. Мало того, в стране сложилось такое положение, таким сильным было всеобщее, пусть и прямо не высказанное недовольство последствиями правления Мао Цзэдуна, что оказалось невозможным просто вернуть на свои посты или назначить на главные руководящие посты тех, кто был в глазах людей скомпрометирован близостью к Мао Цзэдуну и его политическому курсу. Люди, в частности, видели разницу, например, между Лю Шаоци, с которым Мао Цзэдун незаконно расправился, сгноив его в тюрьме, и Дэн Сяопином, которого Мао Цзэдун отделял от Лю Шаоци, считал, что Дэн Сяопин был просто невольно «вовлечен» в орбиту действий Лю Шаоци. Мао Цзэдун фактически в тактических целях просто на некоторое время «перевел на запасной путь» и держал «в запасе» Дэн Сяопина как своего преемника. После смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопина невозможно было выдвигать на главный официальный руководящий пост. Он так никогда и не был ни председателем ЦК КПК, ни генеральным секретарем ЦК КПК, ни председателем КНР.

Таким образом, после смерти Мао Цзэдуна КПК сохранила власть над страной, продолжала быть единственной правящей партией. При этом в Коммунистической партии Китая продолжало господствовать разделение на официальных и «теневых» руководителей, на «первую и вторую линии». Под «первой линией» подразумевались те, кто имел временную возможность и должен был решать накопившиеся реальные проблемы. Под «второй линией» имелись в виду те, кто держал в руках реальную власть над кадрами, над перемещением людей с поста на пост или в отставку в аппарате власти, а также власть над вооруженными силами и над органами политического сыска. В то же время велась борьба и за власть над механизмом пропаганды.

Можно сказать, что в этом нашла свое отражение и выражение присущая китайцам, населению страны, с одной стороны, тради-

ционная склонность или привычка к тому, чтобы выделять во всем сущем открытую и закрытую стороны, находящееся на поверхности и скрытое внутри; и, с другой стороны, склонность «сохранять лицо», на всякий случай «беречь и скрывать» главное и в случае «опасности» жертвовать некой «видимостью», внешней стороной того или иного явления, сохраняя его «внутреннюю суть».

Таким образом, в описываемый период в руководстве, как это уже случалось в истории КПК, образовались как бы стихийно или естественно, учитывая и настроения народа, населения, и расстановку сил внутри номенклатуры, «две линии».

«Первая линия» — для практического руководства партией, государством, то есть для практической работы по выводу страны из тупиков, в которые ее завел Мао Цзэдун. В какой-то степени это было похоже на ситуацию в конце 1950-х годов, когда Лю Шаоци пришлось заниматься такой же работой, оказаться на «первой линии», а Мао Цзэдун как бы отошел на «вторую линию».

«Вторая линия» — для руководства вооруженными силами и органами политического сыска, а также для сосредоточения сил «теневое руководство», что создавало возможности для интриг.

На практике все это нашло свое выражение в том, что спустя несколько лет после смерти Мао Цзэдуна «четверка» оказалась в тюрьме, Хуа Гофэн исчез из руководства, важную и в то же время «теневую» роль стали играть Чэнь Юнь и Дэн Сяопин. В КПК тогда говорили, что там, где другим руководителям приходится делать длинные доклады, убеждая людей в необходимости тех или иных шагов, Чэнь Юнь (который при правлении Мао Цзэдуна был одним из заместителей председателя ЦК КПК, то есть стоял на ступень выше Дэн Сяопина, который был тогда всего лишь генеральным секретарем при высшем руководстве, состоявшем из председателя Мао Цзэдуна и пяти его заместителей: Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая, Чэнь Юня, Линь Бяо; при этом после «культурной революции» из пяти заместителей председателя ЦК КПК остался в живых один только Чэнь Юнь) и Дэн Сяопину достаточно сказать всего два слова.

На «первую линию» в целях осуществления практической работы и успокоения настроений населения, внесения стабильности в общество были выдвинуты «не замаранные» соучастием

в преступлениях Мао Цзэдуна генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь и председатели ПК ВСНП Е Цзяньин (умер в 1983 году), затем Пэн Чжэнь (умер в 1988 году) и, наконец, Вань Ли.

Первым по рангу руководителем партии, сначала председателем ЦК КПК, а затем, когда, очевидно, по его инициативе, этот пост был упразднен, генеральным секретарем ЦК КПК стал Ху Яобан — антипод Мао Цзэдуна, человек, пострадавший от репрессий во время «культурной революции», считавший, что в «культурной революции» не было ничего хорошего, осуждавший культ личности, полагавший, что двумя главными проблемами Китая были нищета (бедность) и дикость (невежество), человек, который ввел в практику начинать каждый год с документа ЦК партии относительно положения дел в сельском хозяйстве; Ху Яобану также принадлежит заслуга в восстановлении доброго имени миллионов пострадавших во времена правления Мао Цзэдуна; Ху Яобан был действительно близок к народу и остался в памяти людей в Китае как самый уважаемый руководитель за все годы существования КНР.

Главой правительства стал Чжао Цзянь, человек, одним из первых поддержавший стихийный процесс возвращения крестьянами себе своих земельных наделов и фактической ликвидации системы «народных коммун», введенной Мао Цзэдуном. Чжао Цзянь исходил из того, что в КНР при правлении Мао Цзэдуна никогда не было демократии и ее следовало строить на пустом месте с самого начала. Он полагал, что Китаю предстоит пройти две заставы: заставу рынка и заставу демократии. Чжао Цзянь был руководителем, способным инициировать и осуществлять необходимые стране реформы.

Именно они стали инициаторами и практическими руководителями осуществления реформ, то есть поисков путей вывода страны из тупиков, в которые ее завел своей политикой Мао Цзэдун.

1980-е годы стали для людей в Китае «золотым десятилетием реформ», временем, когда они, фактически впервые за все время нахождения КПК у власти в стране, начали дышать свободнее. Тогда возникла возможность начать избавляться от дикости и нищеты, переходить к рынку и начинать строить демократию.

Закладывались основы развития экономики страны. Особое значение придавалось решению «трех проблем села»: самой деревни, крестьян и сельского хозяйства.

Это десятилетие, по словам Чжао Цзяяна, явилось и первым десятилетием мира для Китая за все последние к тому времени 150 лет его истории. Последняя по счету война произошла в 1979 году, когда по воле Дэн Сяопина было совершено нападение на Вьетнам. В 1985 году Политбюро ЦК КПК во главе с Ху Яобаном и Чжао Цзяяном приняло решение фактически о согласии с мыслью Хрущева о том, что нет фатальной неизбежности мировой ядерной войны. Это было также время движения к нормализации отношений с нашей страной, хотя Дэн Сяопин создавал препятствия на этом пути и задержал нормализацию отношений на 10 лет, с 1979 до 1989 года. Однако он не смог совсем прекратить движение по этому пути.

В конце 1980-х годов страна, ощутив определенные положительные результаты экономических реформ, подошла к нараставшим стихийно, особенно в среде интеллигенции, студенчества, поддержанным городскими жителями требованиям политических перемен, свободы и демократии.

В 1989 году на главной площади столицы происходили мирные демонстрации с политическими требованиями. Руководство КПК оказалось разделено. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян и его сторонники выступали за диалог и движение по пути экономических и политических реформ, в частности, за прозрачность того, что делала и как себя вела номенклатура.

Дэн Сяопин еще в начале 1980-х годов подтвердил свою приверженность установке на диктатуру, самовластие, единовластие. В 1987–1989 годах Дэн Сяопин путем закулисных интриг устранил от власти двух подряд первых руководителей КПК, генеральных секретарей ЦК КПК Ху Яобана и Чжао Цзяяна. Под лозунгом «спасения КПК и КНР», а по сути дела политического режима самовластия, Дэн Сяопин пустил в ход армию, танки против людей и раздавил мирные демонстрации на главной площади столицы КНР Пекина. Дэн Сяопин в 1987–1989 годах практически осуществил военно-политический партийно-государственный переворот, фактически применил «шоковую тера-

пию со спецификой Китая» к ряду руководителей партии и к народу Китая.

После этого наступил период политических репрессий. Люди, несогласные с политикой Дэн Сяопина, а следовательно, и Мао Цзэдуна, были вынуждены бежать из Китая. Дэн Сяопин развернул фактическую «охоту на ведьм», охоту на этих людей во всекитайских масштабах. Репрессии и страх, всеобщий страх — вот то, что сопровождало фактический приход к власти над Китаем Дэн Сяопина. При этом Дэн Сяопин не только не допустил движения по пути политических реформ, но и приостановил в 1989–1992 годах осуществление экономических реформ. Так на смену китайской оттепели, началу движения по пути освобождения «из-под глыб» политического режима Мао Цзэдуна, пришел период восстановления Дэн Сяопином и другими последователями Мао Цзэдуна политического режима, существовавшего при правлении Мао Цзэдуна. Вместо начал свободы и демократии была снова навязана диктатура, самовластие, теперь уже Дэн Сяопина.

События 1989 года — это проявление столкновений между упомянутыми сторонниками выхода из тупиков, созданных политикой Мао Цзэдуна, и сторонниками восстановления заколебавшегося политического режима, созданного Мао Цзэдуном. Условно говоря, между обновленцами и охранителями.

На протяжении 13 лет после смерти Мао, то есть в 1976–1989 годах, в Китае формально или внешне сохранились:

и КПК как единственная правящая, или фактически монопольно держащая в своих руках власть, политическая партия;

и КНР как государство, выполняющее роль рычага, инструмента упомянутой политической партии как внутри страны, так и на мировой арене.

Однако оказалось, что смерть Мао создала возможность и сделала неизбежным выход на поверхность столкновения между обновленцами и охранителями.

Собственно говоря, в КПК, в ее истории всегда, во всяком случае в период существования КНР, руководство партии не представляло собой монолит. Начиная с 1930-х годов шла борьба между Мао и его сторонниками, с одной стороны, и теми, кто имел иные представления о внутренней и внешней политике партии. Главное

противоречие при этом было в том, что Мао Цзэдун превыше всего ставил понятие власти, свое положение как единовластного правителя, а его противники стремились решать реальные проблемы, стоявшие перед людьми в Китае.

Главными представителями линии, противостоявшей намерениям Мао Цзэдуна, были Ван Мин и Лю Шаоци. В итоге Ван Мин оказался за пределами Китая и умер в Москве в 1974 году, а Лю Шаоци умер в застенках Мао Цзэдуна в Китае в 1969 году.

Однако история также показала, что при режиме самовластия смерть очередного «вождя», в данном случае Мао Цзэдуна, неизбежно ведет к столкновению между собой сил, которые по-разному относятся к «наследию» упомянутого «вождя». В Китае смерть Мао сделала неизбежной необходимость поиска путей выхода из тупиков, в которые страну завел Мао. И здесь оказалось, что охранители на это просто неспособны. Это могли сделать только обновленцы. Среди них главными фигурами были Ху Яобан и Чжао Цзыян. Они и заняли посты генерального секретаря и главы правительства страны. Они оказались «на первой линии», то есть руководили практической работой, были инициаторами реформ и теми, кто эти реформы осуществлял на практике.

Главной фигурой среди охранителей являлся Дэн Сяопин, который был вынужден временно согласиться на то, чтобы оставаться как бы в тени, «на второй линии», дожидаясь, пока обновленцы восстановят своего рода политическую стабильность в стране, однако сосредоточившись на закулисных интригах с целью устранения обновленцев и восстановления в принципе политического режима самовластия, созданного в свое время при правлении Мао.

К концу 1980-х годов стало очевидно, что и часть руководства КПК, прежде всего Ху Яобан и Чжао Цзыян, и, как это неоднократно было в истории Китая двадцатого столетия, интеллигенция, студенты при поддержке городского населения созрели для того, чтобы путем диалога, мирных демонстраций потребовать осуществления политических реформ, лозунгов свободы и демократии, а также углубления экономических реформ с целью повышения уровня жизни этих слоев городского населения. Важно подчеркнуть, что все это были мирные действия. Не было тайных закулисных интриг и заговоров, не было никакого вооруженного

мятежа. Их выступления не были выступлением оппозиции. Они не были оппозицией. Это была попытка части руководства партии, причем во главе с генеральным секретарем ЦК КПК и при сочувствии некоторых членов постоянного комитета ЦК КПК, а также масс студенчества и интеллигенции исключительно мирно начать необходимые политические реформы. Напротив, Дэн Сяопина и тех, кто ему содействовал, выполнял его волю, есть основания считать мятежниками, заговорщиками и теми, кто осуществил насильственный переворот против партии и народа.

Ху Яобан не был «комсомольским реформатором», как его иной раз пытаются называть. Ху Яобан был близким к народу, лучшим руководителем Китая второй половины двадцатого столетия. Это был политический деятель мирового масштаба, положивший начало борьбе в Китае за отказ от политического режима самовласти Мао Цзэдуна. Именно Ху Яобан осуществил реабилитацию сотен миллионов людей, так или иначе репрессированных при правлении Мао Цзэдуна. За Ху Яобаном практически шли лучшие люди в партии, подавляющее большинство китайского народа. С Ху Яобаном возникала возможность реформации партии и государства, движения к осуществлению лозунгов свободы, равенства, братства.

Столкновение Ху Яобана и Дэн Сяопина — это столкновение в борьбе за и против обновления Китая, за и против разрыва с наследием Мао Цзэдуна, с его самовластием и его политическим режимом.

Попутно представляется целесообразным обратиться к рассмотрению ряда мифов, созданных пропагандой КПК. Одним из таких мифов является утверждение, что Дэн Сяопин был якобы «отцом» китайских реформ. Сам термин «реформы» применительно к Китаю в рассматриваемое время представляется неким компромиссом между обновленцами и охранителями «наследия» Мао Цзэдуна. И та, и другая сторона имела возможность, произнося одно и то же слово «реформы», вкладывать в него разное содержание.

С точки зрения Ху Яобана, Чжао Цзяня, речь шла о необходимых кардинальных, существенных изменениях политики и экономического курса в целях преодоления бедности и дикости, достижения демократии, создания в Китае рынка.

С точки зрения Дэн Сяопина, речь вынужденно для него и его сторонников шла лишь о необходимости успокоить население и с помощью некоторых изменений в структуре экономики, и с помощью некоторого ослабления режима, реабилитации тех, кто пострадал во времена правления Мао Цзэдуна.

Таким образом, Ху Яобан и Чжао Цзяян прежде всего поддерживали изменения в деревне. Фактически антимаоцзэдуновскую аграрную революцию, отказ от системы народных коммун в деревне, возвращение крестьянами самим себе своих семейных земельных наделов, по крайней мере в свою фактическую собственность или в свое семейное пользование.

Далее, Ху Яобан и Чжао Цзяян возглавляли и осуществляли разного рода изменения внутри страны, прежде всего в области экономики. Одновременно, в значительной степени благодаря их принципиальным взглядам и позициям, в стране началось движение в сторону открытия возможности людям в Китае «свободнее дышать» с политической точки зрения.

Дэн Сяопин и иже с ним до определенной степени и до определенного времени были вынуждены терпеть то, что делали и инициаторами чего были Ху Яобан и Чжао Цзяян.

Впоследствии Дэн Сяопин, его последователи, пропаганда КПК «присвоили» себе успехи реформ, объявили себя, прежде всего Дэн Сяопина, «архитекторами китайских реформ». Это обман населения Китая и обман населения земного шара.

Еще одним мифом является утверждение о «разгроме оппозиции и об отставке ее лидеров, в том числе генсека ЦК КПК Чжао Цзяяна». Никакой оппозиции в лице Чжао Цзяяна и других членов ЦК партии не существовало. Никакой открытой борьбы в руководстве ЦК КПК не было. Дэн Сяопин действовал исключительно тайно и закулисно. Дэн Сяопин, действуя тайно, из-за кулис, путем интриг и заговора осуществил внутрипартийный переворот, насильственным путем устранил Чжао Цзяяна с поста генерального секретаря ЦК КПК. При этом насильственное отстранение Чжао Цзяяна внутри руководства партии происходило одновременно с применением бронетехники, вооруженных сил против своего же китайского народа, против его мирных демонстраций с требованиями свободы и демократии на главной площади Пекина Тяньаньмэнь.

Это помогло Дэн Сяопину (под предлогом или в результате давления, спекуляции на утверждении о «необходимости спасти КПК, спасти КНР») сохранить партию и ее единство, что, дескать, требовало молчания от тех, кого устранили из руководства, кого лишали возможности участвовать в политической жизни, в жизни партии, — а это были сначала Ху Яобан, затем Чжао Цзянь; заставить молчать Чжао Цзяня, отправленного под домашний арест, на протяжении шестнадцати лет, с 1989 по 2005 год, год его смерти, и заставить «примолкнуть» население страны, уstraшенное применением оружия и действиями органов политического сыска правящей партии против своего народа.

События 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь — это «китайское повторение» событий, повторение в КНР убийства, расстрела людей в СССР в Новочеркасске в 1962 году. Дэн Сяопин и те, кто с ним так же виновны в такого рода преступлениях перед народом Китая, как и руководители КПСС виновны в преступлении перед народом России, тогда СССР.

Пропаганда КПК пытается создать впечатление, что после событий 1989 года Дэн Сяопин, оказавшись в «некоторой изоляции», выдвинул Цзянь Цзямина. Здесь важно обратить внимание на то, что они вынуждены говорить и о слабости позиций Дэн Сяопина, и о том, что не партия, не народ, а именно и только персонально и лично Дэн Сяопин «выдвинул» Цзянь Цзямина на пост или на место генерального секретаря ЦК КПК.

Уточняя факты, можно упомянуть о том, что 23–24 июня 1989 года на пленуме ЦК КПК Цзянь Цзяминь был избран генеральным секретарем ЦК КПК. 6–9 ноября 1989 года Цзянь Цзяминь стал председателем Военного совета ЦК КПК.

Дэн Сяопин выдвинул и поставил Цзянь Цзямина на эти посты, вполне очевидно исходя из того, что в 1989 году Цзянь Цзяминь, являясь первым секретарем парткома КПК города Шанхая, сформировал отряды «пролетариев», вооруженных железной арматурой и другими подручными средствами, и в опоре на них подавил движение студентов, молодежи, интеллигенции в Шанхае в поддержку выступлений на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Первое и для него, с его точки зрения, главное, что сделал Дэн Сяопин, совершив внутривнутрипартийный, политический переворот

в Китае в 1989 году, — это восстановление, насаждение и утверждение режима личной власти, режима самовластия, при котором генеральный секретарь ЦК КПК, председатель Военного совета ЦК КПК Цзян Цзэминь был своего рода «вывеской», «зиц-председателем», а подлинным «хозяином» вооруженных сил, аппарата политического сыска, «хозяином» в партии и государстве, «решалой» дел в среде номенклатуры был сам Дэн Сяопин. Единоличный правитель, обладавший вплоть до своей смерти в 1997 году абсолютной единоличной властью в партии и государстве.

Пропаганда КПК создала еще несколько мифов. Она утверждала, что Дэн Сяопин якобы «благополучно выбрался из двух одна за другой опал еще при Мао Цзэдуна». На самом деле Дэн Сяопин показал себя при правлении Мао Цзэдуна, то есть в годы, когда существовала КНР и Мао Цзэдун был жив, приспособленцем, расчетливым, хитрым политиком и интриганом. Очевидно, что Мао Цзэдун заметил, оценил и использовал в своих интересах все эти личные качества Дэн Сяопина.

Помимо этого Мао Цзэдун использовал Дэн Сяопина, ввел его в механизм власти в столице с тем, чтобы тем самым «нейтрализовать» и обеспечить себе поддержку, «не выступление» против него весьма значительной группировки военачальников во главе с «одноглазым драконом», руководителем одной из главных группировок военачальников, маршалом Лю Бочэном. Дело в том, что в истории на протяжении многих лет Дэн Сяопин был комиссаром в войсках Лю Бочэна. Лю Бочэн ценил и использовал Дэн Сяопина.

Реально военные при правлении Мао Цзэдуна делились на три главные группировки во главе с тремя действительно боевыми маршалами: Пэн Дэхуаем, Лю Бочэном и Линь Бяо. Кроме того, свой авторитет в армии в целом всегда сохранял Чжу Дэ.

Мао Цзэдун, исходя из этой ситуации, назначил сначала Пэн Дэхуая (Мао Цзэдун был вынужден назначить на этот пост Пэн Дэхуая, особенно учитывая авторитет Пэн Дэхуая и во время анти-японской, и во время внутренней войны в Китае, и во время войны на Корейском полуострове в 1950–1953 годах, а затем облыжно обвинил Пэн Дэхуая, назвал его и его сторонников «антипартийной группировкой, имеющей связи с границей», то есть с СССР, что произошло тогда, когда Пэн Дэхуай внутри партии открыто высту-

пил со своим письмом, осуждая политику Мао Цзэдуна во второй половине 1950-х годов, когда в результате этой политики от голода умерли десятки миллионов людей);

а затем Линь Бяо (который оставался на этом посту с 1959 года до своей гибели в 1971 году, когда он фактически выступил против политики Мао Цзэдуна, против вооруженного нападения по воле Мао Цзэдуна на границе на СССР и против сближения на этой основе с властями США) министром обороны.

При этом Лю Бочэн, не занимая такого поста, всегда оставался одной из «трех опор» режима в армии.

Дэн Сяопин был своего рода представителем Лю Бочэна в центральном руководстве.

Дэн Сяопин доказал Мао Цзэдуну, что он лоялен, предан Мао Цзэдуну. Особенно когда речь шла о политике в отношении нашего народа и нашей страны.

В свое время Дэн Сяопин донес Мао Цзэдуну, что Гао Ган стремится занять более высокое положение в руководстве, пытаясь, дескать, ограничить власть самого Мао Цзэдуна.

При этом Дэн Сяопин, очевидно, исходил из того, что Мао Цзэдуну не нравилось то, что Гао Ган подчеркивал свои добрые отношения с представителями СССР.

Дэн Сяопин всегда стремился осуществлять политический курс Мао Цзэдуна по отношению к СССР, поддерживая утверждения Мао Цзэдуна о том, что наш народ и наша страна якобы являются историческим, национальным, классовым и военным врагом нации Китая.

Дэн Сяопин на протяжении практически всей своей деятельности в годы КНР проявил себя как враг нашего народа и нашей страны.

Мао Цзэдун выделил Дэн Сяопина и доверил именно ему возглавлять делегацию КПК на переговорах 1963 года в Москве. Собственно говоря, это были не переговоры с целью устранения разногласий и достижения договоренностей, а маневр Мао Цзэдуна, направленный исключительно на то, чтобы максимально углубить среди руководства КПК отношение к нашему народу и нашей стране как к якобы историческому, национальному, классовому и военному врагу нации Китая.

Если говорить о положении дел внутри руководства КПК, то Дэн Сяопин был поставлен Мао Цзэдуном при формировании новой руководящей группы в 1956 году (предыдущая группа сформировалась в 1949 году; она именовалась «пятеркой из Сибайпо», то есть из местечка, где располагался центр руководства КПК перед приходом к власти в Пекине; эту «пятерку из Сибайпо» составляли Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши; в первом десятилетии XXI века пропаганда КПК распространяла утверждение: «Откуда есть пошел новый Китай? Из Сибайпо») в положение генерального секретаря ЦК КПК, сосредоточившего в своих руках ведение всех практических дел внутри аппарата партии.

В первой половине 1960-х годов Дэн Сяопин, исходя из того, что Мао Цзэдун допустил передачу руководства практикой выведения страны из тупиков, в которые Мао Цзэдун завел страну своими «большим скачком» и «народными коммунами», Лю Шаоци, «пристроился» к Лю Шаоци.

Позднее, во время «культурной революции», Мао Цзэдун оправдал Дэн Сяопина, сказав, что он был «случайно вовлечен» в «штаб Лю Шаоци». Мао Цзэдун, сначала согласившись со словесным осуждением Дэн Сяопина как идущего вслед за Лю Шаоци, «второго по рангу» «стоящего у власти и идущего по капиталистическому пути», никогда не допускал никаких существенных репрессий в отношении Дэн Сяопина. Никто пальцем не коснулся Дэн Сяопина. Более того, все в руководстве знали, что Мао Цзэдун фактически продемонстрировал свое истинное отношение к Дэн Сяопину, отправив его «персонально» на самолете с личной библиотекой в одну из провинций, а затем и разрешив собраться вокруг него в предоставленном в его распоряжение особняке всей его семье. Там Дэн Сяопин благополучно пережил те годы «культурной революции», когда Мао Цзэдун фактически объявил Лю Шаоци «национальным предателем», навязал «исключение» Лю Шаоци из партии «навечно» и довел Лю Шаоци до смерти в своем застенке.

Дэн Сяопину не было никакой необходимости «выбираться» из «опалы». Он и не был в опале. Уже в первой половине 1970-х годов Мао Цзэдун вернул Дэн Сяопина на руководящие посты.

Кстати, это произошло после того, как Дэн Сяопин полностью и демонстративно поддержал действия Мао Цзэдуна против Линь Бяо, который, как уже упоминалось, выступал против подготовки и начала войны против СССР и сближения на этой основе с США. Дэн Сяопин, как и Мао Цзэдун, ненавидел наш народ и нашу страну. Он стремился побудить США фактически считать КПК — КНР своим союзником во всемирном едином фронте борьбы против нашего народа и нашей страны. Во второй половине XX века среди всех мировых лидеров только Мао Цзэдун и Дэн Сяопин призывали создать упомянутый всемирный единый фронт борьбы против СССР.

Что же касается отстранения Дэн Сяопина от постов в начале 1976 года, то и это не было репрессией. Никто снова и пальцем не дотронулся до Дэн Сяопина. Это просто был очередной маневр, с помощью которого Мао Цзэдун «спасал» Дэн Сяопина, выводил Дэн Сяопина из «зоны опасности», которая создавалась из-за персональной борьбы среди выдвиженцев Мао Цзэдуна между собой.

Таким образом, Дэн Сяопин — это один из главных «помощников» Мао Цзэдуна, в опоре на которых Мао Цзэдун осуществлял свои интриги внутри партии и политический курс, враждебный нашему народу и нашей стране, а это были Чжоу Эньлай, Кан Шэн и Дэн Сяопин.

Дэн Сяопин полностью поддерживал политический курс Мао Цзэдуна по отношению к СССР и к США. Именно ему Мао Цзэдун доверил изложение в ООН своей глобальной стратегии в 1974 году. В этой речи Дэн Сяопин объявил представителям всех государств — членов ООН, что, с точки зрения Мао Цзэдуна и с его точки зрения, с точки зрения Дэн Сяопина, в мировой истории к тому времени были три великие революции: американская, французская и китайская. Дэн Сяопин не упомянул тогда о революции в России в 1917 году. Дэн Сяопин выступил с этой речью во время «холодной войны» США и их союзников против Советского Союза.

Именно Дэн Сяопин стал тем, кто после смерти Мао Цзэдуна повторил его призыв к США создавать вместе с КНР, с Японией, с Западной Европой и с мусульманскими государствами всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей стра-

ны. Кстати, никто из последующих руководителей КПК никогда не опровергал это утверждение и не осуждал его.

После временного отстранения от постов в начале 1976 года и после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин снова оказался как бы «в запасе». Он продолжал пользоваться защитой со стороны Лю Бочэна. После смерти Мао Цзэдуна именно Лю Бочэн потребовал от Хуа Гофэна восстановить Дэн Сяопина на всех прежних руководящих постах. Хуа Гофэн послушно выполнил «приказ» Лю Бочэна.

Вернувшись к руководству, Дэн Сяопин настраивал внешнюю политику КНР на продолжение борьбы против СССР и на то, чтобы считать США главным партнером на мировой арене, подчиняя состояние отношений со всеми другими странами тому, что требовалось, исходя из совпадавших интересов Пекина и Вашингтона. Дэн Сяопин сделал все необходимое, чтобы между КНР и США были установлены дипломатические отношения. Это произошло в начале 1979 года. Сразу же после этого в беседе с президентом США Картером Дэн Сяопин заранее уведомил США о планах нападения на Вьетнам как на «союзника» СССР. В 1979 году по воле Дэн Сяопина вооруженные силы КНР совершили вооруженную агрессию и вторглись на территорию Вьетнама. После этого Дэн Сяопин фактически прекратил действие договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Дэн Сяопин не смог помешать началу переговоров между правительствами СССР и КНР в 1979 году, но выдвинул «три больших препятствия» на пути к нормализации этих отношений. Таким образом, он задержал на десять лет нормализацию двусторонних отношений между СССР и КНР. Дэн Сяопин в беседах с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и с генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым выдвинул в адрес нашей страны еще большие обвинения и предъявил еще большие территориальные претензии, чем Мао Цзэдун, прямо заявив, что наша страна якобы представляла собой «военную угрозу для Китая с севера».

Когда в 1984 году Китай посетил руководитель советских специалистов в КНР в 1950-х годах И. В. Архипов, Дэн Сяопин не встретился с ним, хотя состоялась встреча Архипова с Чэнь Юнем.

Дэн Сяопин также не встретился с президентом РФ Б. Н. Ельциным во время его визита в КНР. Одним словом, есть все основания считать Дэн Сяопина наряду с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем одним из родоначальников враждебного нашему народу и нашей стране политического курса.

Пропаганда КПК пытается исказить роль Чжао Цзяня в 1980-х годах, фактически сводя его оценку к утверждению о том, что он, дескать, фактически спровоцировал раскол в ЦК КПК.

На самом деле Чжао Цзянь был главой правительства КНР на протяжении почти всего «золотого десятилетия реформ», то есть в 1980-х годах. Именно он руководил тогда осуществлением реформ, он же многие из них инициировал.

Чжао Цзянь был фигурой «планетарных взглядов». Если говорить о том, как и почему Китай выходил в то десятилетие в мир и становился частью человечества, то именно в этом, очевидно, главная заслуга Чжао Цзяня.

В Чжао Цзяне сочетались качества руководителя практической работы правительства и понимание необходимости демократических перемен, начала строительства демократии в Китае, чего, как он считал, и об этом уже упоминалось, не происходило во времена правления Мао Цзэдуна.

Чжао Цзянь выступал за прозрачность имущественного положения номенклатуры. За постановку номенклатуры с самого верха, включая и заместителей министров, под контроль народа. За диалог с людьми, требовавшими политических перемен, движения в сторону свободы и демократии. Он выражал сожаление в связи с тем, что сам он слишком поздно приехал на площадь Тяньаньмэнь и встретился с демонстрантами.

Во время встречи с Горбачевым в Пекине в мае 1989 года Чжао Цзянь попытался обсуждать перспективы осуществления реформ в СССР и в КНР, но Горбачев уклонился от этого. Чжао Цзянь также предложил Горбачеву встретиться с представителями студентов, которые на главной площади столицы Китая проводили свои демонстрации, но Горбачев уклонился и от этого. Еще раньше, в конце 1988 года, делегация фактически представителей Чжао Цзяня встретила в здании ЦК КПСС с помощником Горбачева Шахназаровым и предложила обсудить вопрос о тактике компар-

тии в ситуации, когда коммунистическая партия может оказаться в парламенте не в одиночестве, а наряду с другими партиями.

Чжао Цзянь не занимался никакой тайной, закулисной деятельностью, он не занимался интригами. Он возглавлял ЦК партии, по сути дела, выражал мнение многих его членов, если не большинства.

Поэтому при столкновении взглядов Чжао Цзяня и Дэн Сяопина в 1989 году именно Дэн Сяопин был противником главного руководителя партии, противником общего настроения руководства партии, общего настроения активной массы населения страны. Только в опоре на закулисные махинации и на вооруженные силы, которые ему подчинялись, Дэн Сяопин и смог осуществить политический переворот 1989 года. Дэн Сяопин незаконно отстранил Чжао Цзяня от власти, фактически заключил его под арест. Чжао Цзянь, как мы упоминали, был вынужден молчать после этого целых шестнадцать лет, вплоть до своей смерти в 2005 году. Чжао Цзянь оставил воспоминания, которые были опубликованы за рубежами КНР. В частности, у меня на эту тему есть работа под названием «Чжао Цзянь и реформы в Китае».

Итак, с 1989 по 2002 год, то есть тринадцать лет, на посту генерального секретаря ЦК КПК находился Цзянь Цзэминь. Вплоть до 1997 года, то есть до своей смерти, фактически высшим распорядителем в партии оставался Дэн Сяопин.

Таким образом, даже этот факт свидетельствует о том, что выдумкой является утверждение, что при Дэн Сяопине (по решению Дэн Сяопина) в КПК на посту генерального секретаря ее ЦК человек может или должен находиться десять лет или не более десяти лет, то есть не более двух сроков после его избрания по итогам очередного съезда партии. К этому сразу же можно добавить, что и при жизни Дэн Сяопина такого не было. И после прихода к власти Си Цзиньпина, последователя Мао и Дэна, даже такое формальное положение в документах, то есть ограничение срока пребывания на этом посту, было отменено. Это лишний раз свидетельствует о том, что политический режим, созданный Мао Цзэдуном, восстановленный Дэн Сяопином и продолженный Си Цзиньпином, — это режим самовластия.

Здесь важен тот факт, что после смерти Дэн Сяопина Цзян Цзэминю не удалось самостоятельно удерживаться у власти. Очевидно, что под давлением внутри руководства, под давлением многих недовольных ни Дэн Сяопином, ни Цзян Цзэмином, а также под давлением тех, кто поддерживал в свое время Ху Яобана и Чжао Цзыяна, на пост генерального секретаря ЦК КПК в 2002 году пришел Ху Цзиньтао, а премьером Госсовета КНР стал Вэнь Цзябао.

Оба они принадлежали к когорте в свое время молодых руководителей, которых выдвигали в 1980-х годах в качестве кандидатов на руководящие посты. Так становилось очевидным, что Китай после смерти Мао Цзэдуна все-таки на протяжении 1980-х годов начал продвигаться в сторону осуществления всесторонних и экономических, и политических реформ. Тогда были заложены основы движения по пути избавления от нищеты (бедности) и невежества (дикости), начато преодоление застав при движении к рынку и демократии, но затем Дэн Сяопин насильно остановил этот процесс и силой удерживал государство на позициях восстановления политического режима самовластия, созданного Мао Цзэдуном. После смерти Дэн Сяопина в Китае снова попытались продолжать движение по пути реформ. Весь период нахождения Ху Цзиньтао у власти есть основания видеть как очередную попытку сдвинуть с места продвижение реформ. Ху Цзиньтао, в частности, признавал, что главная беда Китая в том, что в стране никто никому не верит, Ху Цзиньтао сделал девизом своей деятельности стремление согласовывать интересы людей внутри страны и на международной арене.

Очень много для продвижения экономических и политических реформ делал и Вэнь Цзябао. Важно отметить, что Цзян Цзэминь публично в Москве заявлял, что главными выводами из истории взаимоотношений СССР и КНР являются следующие: всегда дружить, никогда не быть в союзе, никогда не быть врагами. Об этом Цзян Цзэминь в присутствии президента РФ Путина заявил на собрании в МГУ в июле 2001 года. Вэнь Цзябао в Москве, в Большом театре, также в присутствии президента РФ Путина в своем выступлении говорил только о необходимости всегда быть в отношениях дружбы. Он не повторил слова Цзян Цзэминя, суть которых

в том, что союзнические отношения якобы нанесли вред Китаю и что СССР в истории якобы был врагом нации Китая.

Сам факт пребывания Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао у власти говорит о том, что в борьбе между последователями Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и их противниками были разные периоды, и что эта борьба приводила и может приводить и к поражениям последователей Мао и Дэна.

Оказавшись на посту генерального секретаря ЦК КПК, Си Цзиньпин говорил, что он «не станет китайским Горбачевым». Он также развернул кампанию, которая именуется «борьбой против коррупции». Думается, что это взаимосвязанные вещи.

В мире в XX веке был «социалистический лагерь», то есть одновременно существовало несколько государств, которые именовали себя «социалистическими». В мире тогда же существовало то, что именовалось «международным коммунистическим движением». К концу прошлого столетия исчезли как «лагерь социализма», так и «международное коммунистическое движение».

Что же произошло с последователями Мао Цзэдуна в этой ситуации? Они оказались одни в современном мире. При этом они никогда не были действительным или искренним членом «лагеря социализма» и «международного коммунистического движения».

Мао Цзэдун подготовил и начал на границе с СССР войну, то есть навязал КПК, населению КНР свое утверждение о том, что СССР, КПСС, наш народ и наша страна якобы являются историческим, национальным, классовым и военным врагом нации Китая. Мао Цзэдун в ходе борьбы между СССР и США предлагал США быть союзниками по всемирному единому фронту борьбы против СССР. Дэн Сяопин продолжил этот политический курс Мао Цзэдуна. Таким образом, на первый план в политике Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина вышел национальный эгоизм и национальный эгоцентризм, который они представляли как интересы нации Китая. Продолжая политический курс Мао и Дэна, Си Цзиньпин и заявил, что он «не станет китайским Горбачевым».

Главной задачей последователей Мао и Дэна, то есть в настоящее время Си Цзиньпина, являются поиск и использование методов, с помощью которых можно продолжать удерживаться

у власти, продолжать сохранять номенклатуру КПК у власти над Китаем.

Главным инструментом, используемым в этих целях, или одним из таких инструментов и стало то, что именуется при правлении Си Цзиньпина «борьбой с коррупцией».

На самом деле речь идет о стремлении номенклатуры, политического режима удерживаться у власти, уничтожая всех тех, кого она считает представляющими для нее опасность.

Си Цзиньпин и его приверженцы в КПК — КНР сохраняют политический режим самовластия. В политической жизни КНР продолжает существовать фактор «государственного страха». Работает единый аппарат пропаганды. В экономике предоставлены некоторые «свободы». Однако вся экономика, особенно там, где речь идет об интересах номенклатуры, об интересах КПК — КНР, где речь идет в особенности о нашей стране, о США, все находится под единым партийно-государственным контролем. Поэтому поиск и наказание преступников, коррупционеров, захватывая и некоторую часть тех, кто действительно совершил экономические преступления, главным образом направлены на то, чтобы карать всех тех, в ком Си Цзиньпин, последователи Мао и Дэна видят людей, которые могут повести Китай не по пути Мао и Дэна.

Борьба между сторонниками движения по пути свободы и демократии и теми, кто являются последователями Мао и Дэна, приверженцами политического режима самовластия, продолжается.

ЛЮ ШАОЦИ — АЛЬТЕРНАТИВА МАО ЦЗЭДУНА

Лю Шаоци — это человек, имя и дела которого остались в памяти людей в Китае.

Ему довелось жить и работать в условиях, когда действовал Мао Цзэдун.

Лю Шаоци был своего рода альтернативой Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун принес много горя народу Китая.

Лю Шаоци стремился повести Китай по пути, который отвечал интересам людей.

Лю Шаоци выводил страну из тупиков, в которые ее загонял своей политикой Мао Цзэдун.

С точки зрения Мао Цзэдуна, Лю Шаоци был внутри партии, внутри КПК, ее руководства, «человеком номер один», который «находился у власти», собственно возглавлял внутри власти «штаб», противостоявший Мао Цзэдуну, и, как утверждал Мао Цзэдун, «шел по капиталистическому пути».

Лю Шаоци был в Китае главным врагом для Мао Цзэдуна в годы его «правления».

Мао Цзэдун «руками Чжоу Энълая» в докладе на пленуме ЦК партии, сделанном Чжоу Энълаем, осудил Лю Шаоци как «предателя, провокатора и штрейкбрехера». По воле Мао Цзэдуна ЦК КПК «навечно» исключил тогда Лю Шаоци из КПК.

Дэн Сяопин попытался оправдать совершенное Мао Цзэдуном и Чжоу Энълаем в отношении Лю Шаоци, заявив, что Чжоу Энълай, дескать, должен был, то есть якобы был вынужден, выступить с этим докладом.

Одновременно Дэн Сяопин попытался навязать партии и населению страны утверждение о том, что совершенное Мао Цзэдуном на семьдесят процентов достойно одобрения и лишь на тридцать процентов заслуживает критики.

Лю Шаоци был председателем КНР, фактически «отцом китайской конституции». По воле Мао Цзэдуна его незаконно лишили

свободы, бросили в тюрьму, над ним издевались, мучили его физически и довели до смерти.

Лю Шаоци заслужил уважение людей как человек, противостоявший политическому курсу Мао Цзэдуна фактически с 1949 по 1969 год, год мучительной смерти Лю Шаоци в маоцзэдуновском застенке. Даже после смерти Лю Шаоци Мао Цзэдун попытался лишить его имени. Прах отца его сын получил как прах человека с другим именем. Мао Цзэдун настолько ненавидел Лю Шаоци, что стремился уничтожить в Китае всякую память о нем.

Лю Шаоци — это символ нового Китая, стремившегося стать страной с конституцией, выборами, обновленной политической жизнью, развивающейся экономикой, сохраняющей дружбу и союзнические отношения с нашим народом.

Мао Цзэдун — это символ старого Китая как государства с политическим режимом самовластия, государства с чертами феодально-фашистской диктатуры, государства, которое предало дружбу и союзнические отношения с нашей страной и совершило единственное во второй половине двадцатого столетия военное нападение на наш народ и нашу страну.

В 2019 году исполняется полвека со времени, когда в тюрьме в результате преследований и издевательств со стороны исполнителей воли Мао Цзэдуна погиб Лю Шаоци.

В 2018 году исполнилось 120 лет со дня его рождения.

Ему довелось прожить только семьдесят лет.

Он мог и должен был прожить больше и больше сделать для народа своей страны.

Со временем становится все более очевидным, что Лю Шаоци — это историческая фигура всекитайского масштаба.

Лю Шаоци был поборником дружбы между народами наших двух стран.

Образ Лю Шаоци, его деятельность и то, как его погубили, незабываемо. Это и нельзя забыть, и невозможно забыть.

23 ноября 2018 года в первой половине дня в Пекине в Доме Всекитайского собрания народных представителей ЦК КПК про-

вел «круглый стол в связи со 120-летием со дня рождения товарища Лю Шаоци».

В официальном сообщении об этом мероприятии говорилось, что «генеральный секретарь ЦК КПК, председатель государства, председатель Военного совета ЦК КПК Си Цзиньпин произнес важную речь». Присутствовали все члены ЦК КПК. В заседании приняли участие секретари ЦК, руководители ВСНП, НПКСК, центральных партийных, государственных и военных учреждений, а также Пекина, родины Лю Шаоци провинции Хунань, родные и друзья Лю Шаоци, его помощники и земляки.

Мероприятие официально имело самый высокий статус. Так было проявлено уважение и продемонстрировано признание значимости фигуры Лю Шаоци.

В то же время возникало ощущение, что всему этому был придан своего рода камерный характер. Хотя над сценой была укреплена надпись о проведении «круглого стола», на заднике сцены не было ни флагов партии и государства, ни портрета Лю Шаоци. Бросалось в глаза, что «юбиляра» прежде всего назвали просто «товарищем Лю Шаоци».

Следовательно, изначально его отнесли к фигурам «второго ряда», поставили ниже МАО ЧЖУСИ — «председателя Мао» и ЧЖОУ ЦЗУНЛИ — «премьера Чжоу», которых в КПК обычно именуют только так.

В целом официальное сообщение и фотография производили впечатление, что, с одной стороны, учитывая подспудно существующие настроения многих и в партии, и в стране, было невозможно не провести такое мероприятие, но, с другой стороны, это было сделано вынужденно и сведено к формальности.

В своем выступлении, или «в своей важной речи», Си Цзиньпин подчеркнул «важность самоотверженной борьбы за коммунизм нескончаемой смены поколений членов партии».

Тем самым прежде всего было указано на то, что речь шла об одном из представителей нескончаемых поколений борцов за коммунизм. Лю Шаоци оказывался при этом всего лишь «товарищем» по фамилии Лю, одним из бесконечного ряда единомышленников-коммунистов.

Да, он принадлежал к коммунистическому движению. Да, идейно он был «одной из частиц» этого движения.

Однако при этом создавалось впечатление, что человек, о котором идет речь, давно «ушел в прошлое», «остался в истории».

(Выступая 30 ноября 2018 года по тому же поводу в Обществе российско-китайской дружбы, временный поверенный в делах КНР в РФ Фань Сяньжун, говоря по-русски, подчеркнул, что с этой «важной речью» выступил нынешний «ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР» Си Цзиньпин.)

Судя по содержанию его речи 23 ноября 2018 года, Си Цзиньпин главным образом призывал нынешнее поколение членов КПК на первый план выдвигать «задачи и обстановку сегодняшнего дня».

Си Цзиньпин утверждал, что «сегодня история уже перешла в наши руки. Мы находимся в НОВОМ пункте НАЧАЛА истории, ведем ВЕЛИКУЮ борьбу, осуществляем ВЕЛИКИЙ проект строительства, продвигаем вперед ВЕЛИКОЕ дело, осуществляем ВЕЛИКУЮ мечту».

Идеи своего нынешнего «ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА» в современных КПК — КНР представляют как НОВОЕ НАЧАЛО, как «ВСЕ ВЕЛИКОЕ»: борьбу, строительство, дело, мечту. Вся предшествующая история при этом бледнеет, отходит на второй план. В этом случае не звучат даже имена Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Свои действия Си Цзиньпин называет наследованием и развитием ВЕЛИКОГО дела, за которое самоотверженно всю жизнь боролся революционер старшего поколения товарищ Лю Шаоци.

Вот первая и главная характеристика Лю Шаоци, данная Си Цзиньпином. Лю Шаоци у него один из «революционеров старшего поколения», всего лишь «товарищ Лю Шаоци».

Здесь, с одной стороны, как бы торжествует принцип равенства и братства коммунистов, членов партии.

С другой стороны, бросается в глаза, что нынешнего руководителя именуют «великим», и то, что он делает, называется «великим», в то время как Лю Шаоци оказывается «просто товарищем», одним из многих, не великим.

Таким образом, далеко не случайной оказывается надпись над сценой зала, где прошло это мероприятие. Это закрепление

«характеристики», или «ярлыка», который Лю Шаоци дал Си Цзиньпин.

Далее Си Цзиньпин сказал, что Лю Шаоци вел борьбу за независимость нации, за богатство и мощь нации и за счастье народа.

В этой формулировке проявляется попытка объединить прежде всего имена всех предшественников Си Цзиньпина, от Мао Цзэдуна до Лю Шаоци, создать впечатление, что и они, и Си Цзиньпин боролись и продолжают борьбу за главные свои и общие для всех них цели, прежде всего за независимость нации, за богатство и мощь нации и за счастье народа.

Такая постановка вопроса преследует цель создать впечатление, что руководство КПК на протяжении всей ее истории представляло собой монолит. При этом на первый план в качестве объединяющего начала выносится понятие НАЦИИ. Это соответствует тому, что в нынешний Устав КПК, в отличие от предыдущих его редакций, включена формулировка: КПК — это АВАНГАРД НАЦИИ КИТАЯ.

Такая постановка вопроса в речи Си Цзиньпина также направлена на то, чтобы как бы объединять лидеров партии, прежде всего Лю Шаоци и Мао Цзэдуна, якобы общей для них характеристикой борцов за независимость нации Китая.

На самом деле именно здесь кардинально расходились позиции Лю Шаоци и Мао Цзэдуна.

Конечно же, Лю Шаоци был за независимость и самостоятельность китайцев как народа и Китая как страны на мировой арене.

Однако его деятельность свидетельствовала о том, что он никоим образом не был согласен с Мао Цзэдуном, который пытался навязать в Китае и во всем мире характеристику прихода КПК к власти в Китае, создание КНР как победу прежде всего в борьбе за самостоятельность и независимость НАЦИИ КИТАЯ, как ОСВОБОЖДЕНИЕ НАЦИИ КИТАЯ от якобы навязывавшегося ей контроля и господства со стороны ВКП(б) — КПСС — СССР, то есть со стороны нашего народа и нашей страны.

Попутно необходимо отметить, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, упомянутое здесь ОСВОБОЖДЕНИЕ, понятие ОСВОБОЖДЕНИЯ в трактовке Мао Цзэдуна, должно считаться в КПК — КНР выше

и главное победы над японцами в результате отражения японской военной агрессии в 1931–1945 годах. Далеко не случайно, придя к власти, Мао Цзэдун переименовал главную площадь военной столицы Китая Чунцина из площади Победы в Антияпонской войне в площадь Освобождения. Свою победу, свой приход к власти он ставил выше победы китайского народа над японскими оккупантами. Свои вооруженные силы Мао Цзэдун также далеко не случайно именовал Армией ОСВОБОЖДЕНИЯ народа Китая. Очевидно, что, с его точки зрения, эта армия ОСВОБОДИЛА народ Китая; у нее еще впереди выполнение таких задач, как ОСВОБОЖДЕНИЕ других народов.

С точки зрения Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей, прежде всего Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, наш народ и наша страна должны были рассматриваться населением Китая как традиционный исторический, национальный, классовый, военный враг НАЦИИ КИТАЯ. Мао Цзэдун, а вслед за ним и Дэн Сяопин единственные из государственных руководителей на мировой арене своего времени призывали создавать всемирный единый фронт борьбы против СССР, против нашего народа и нашей страны, фронт, включающий в себя Китай, США, Европу, Японию, мусульманские страны.

Лю Шаоци всегда выступал за то, чтобы наши народы и страны жили в мире, в дружбе, в союзе и при взаимной помощи.

Наш народ и наша страна, с точки зрения Лю Шаоци, были другом, союзником и товарищем китайского народа и Китая как страны.

Лю Шаоци был поборником дружбы между нашими народами и странами.

Си Цзиньпин в своем выступлении утверждал формулу: «Мы будем бороться за ВЕЛИКУЮ победу самобытного социализма Китая, за осуществление ВЕЛИКОГО возрождения нации Китая», то есть мечты Китая.

Итак, исходя из такой постановки вопроса, Мао Цзэдун имел целью и добился ОСОБОЖДЕНИЯ, то есть, с его точки зрения, независимости нации Китая. Си Цзиньпин на этой основе провозглашал намерение возглавлять борьбу за великую победу самобытного социализма Китая.

Это означает, что с такой точки зрения нынешний социализм или, по крайней мере, та его часть, которая относится к Китаю, принадлежит только и исключительно Китаю, является имуществом, собственностью Китая; в настоящее время в мире существует самобытный социализм Китая, исключительно китайский социализм.

Попутно отметим, что в свое время Мао Цзэдун начал вводить понятие «современного ревизионизма», «советского ревизионизма» с тем, чтобы воспитывать своих приверженцев в духе вражды к такому «ревизионизму», а после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин пошел дальше по пути обособления, отделения «китайского социализма» от «остального социализма», выделения его, придания ему исключительности, превращения его в «имущество», в собственность Коммунистической партии Китая. Дэн Сяопин ввел термин «социализм со спецификой, с самобытностью, со своеобразием Китая».

Дэн Сяопин ввел термин *тэ сэ*. Пропаганда ЦК КПК со времен правления Дэн Сяопина и вплоть до настоящего времени навязывает перевод этого термина словом «специфика».

На самом деле речь идет о своеобразии, об особенностях, об особости, об исключительности Китая и китайцев как нации.

В истории двадцатого столетия предпринимались попытки:

- в Германии при Гитлере внушать мысль о немцах как об арийцах, как о высшей расе;
- в СССР при вождях КПСС о «советском народе» как о новой исторической общности на планете;
- в Китае при Дэн Сяопине о Китае, о его социализме как о том, что является *тэ сэ* — исключительным, превосходящим все остальное, то есть о китайцах как об исключительной нации на Земле.

Итак, сначала, еще в конце XX века, Дэн Сяопин ввел формулировку *ю чжун го тэ сэ ды шэ хой чжу и* — «социализм с исключительностью Китая». Затем, уже в XXI веке, руководители КПК сделали следующий шаг, и эта формулировка была преобразована, речь пошла о *чжун го тэ сэ ды шэ хой чжу и* — о «самобытном

социализме Китая», то есть об исключительно китайском, принадлежащем Китаю, социализме.

Очевидно, что при этом имеется в виду, что этот «самобытный социализм Китая» является единственно правильным и верным социализмом во всем мире.

При этом цель КПК, членов этой партии, судя по словам Си Цзиньпина, состоит в борьбе за осуществление ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ НАЦИИ КИТАЯ, то есть того, что следует понимать как МЕЧТУ КИТАЯ, МЕЧТУ НАЦИИ КИТАЯ.

Итак, по Си Цзиньпину, мечта и цель китайских коммунистов — это не коммунизм, не победа пролетарского интернационализма, не победа в классовой борьбе, а победа в борьбе за ВЕЛИКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ НАЦИИ КИТАЯ. Нация, исключительно нация Китая, и ее величие — вот главные понятия в лексиконе и в идеологии Си Цзиньпина и его приверженцев. ВЕЛИЧИЕ НАЦИИ КИТАЯ — это их национальная идея. Это предполагает согласие с мыслью об исключительности нации Китая, о ее превосходстве, о ее величии по сравнению с любыми частями остального человечества. Далеко не случайно в КПК — КНР пропагандируется и мысль о том, что БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ КИТАЮ.

Далее в своей речи Си Цзиньпин назвал Лю Шаоци одним из главных руководителей партии и государства; членом руководящего коллектива Центрального Комитета (КПК) первого поколения.

И здесь подспудно проводится мысль о якобы единстве взглядов и практической деятельности руководящего коллектива ЦК КПК, то есть Лю Шаоци и Мао Цзэдуна. На самом деле и здесь не лишним будет напомнить, что, начиная свою «культурную революцию», то есть свою борьбу в целях изменения образа мыслей китайцев, за уничтожение своих врагов, Мао Цзэдун выступил со своей дацзыбао, то есть со своим призывом: *пао да сы лин бу* — «нанести артиллерийский удар по штабу».

При этом под «штабом» имелись в виду в первую очередь Лю Шаоци и сторонники тех же взглядов, которых придерживался Лю Шаоци. Мао Цзэдун видел в Лю Шаоци врага и уничтожил его как врага. Причем он сделал это в том же году вслед за тем, когда по его воле его военные начали войну против нашего народа и нашей страны.

Одновременно в речи Си Цзиньпина говорится о существовании сменявших друг друга поколений руководителей ЦК КПК.

Поколения, конечно же, сменяли друг друга.

Однако между людьми того или иного поколения существовали непримиримые противоречия.

Так было применительно к истории КНР и в случае с Мао Цзэдуном, с одной стороны, и в случае с Лю Шаоци, Пэн Дэхуаем, с другой стороны.

Так было и в случае с Дэн Сяопином, с одной стороны, и Ху Яобаном и Чжао Цзяном, с другой стороны.

Си Цзиньпин говорил о том, что «мы соединяем высокие идеалы коммунизма с общими идеалами самобытного социализма Китая».

Это заявление остается лозунгом, риторическим утверждением, а на практике речь идет прежде всего и главным образом о самобытном, то есть исключительно китайском, социализме Китая.

Особыми и отдельными на мировой арене предстают при этом и нация Китая, и самобытный социализм Китая.

У них нет «родственников» в мире, они ни в ком не нуждаются. У них нет ни «старших», ни «младших» «братьев и сестер» и тем более нет ни «отца», ни «матери».

Более того, процесс «освобождения» нации Китая и появления самобытного социализма Китая перерастает в утверждение их превосходства над «остальным человечеством», их способности руководить экономической глобализацией и мировыми процессами вообще.

Наконец, Си Цзиньпин говорил о том, что надо бороться за исправление ошибок; что сегодня для нас на первом месте должны быть принципы партии, дело партии, интересы народа; что, допуская промахи и совершая ошибки, следует смело брать на себя ответственность за них; что нам надо упорно учиться; что нам надо стоять на позициях народа.

Здесь как бы подразумевается, что в истории КПК ее руководители совершали ошибки и промахи. Скорее всего тут имеются в виду действительно представители первого поколения руководителей КПК — Чэнь Дусю, Цюй Цюбо и другие.

В то же время не говорится ни о чем конкретно, особенно о промахах и ошибках, о преступлениях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, в частности там, где это касается Лю Шаоци.

В своей речи Си Цзиньпин не упомянул о том, что Мао Цзэдун преследовал Лю Шаоци. Он не говорил о страданиях Лю Шаоци, о том, как его мучили на «массовом митинге» и в тюрьме. Ответственность за преследования и смерть Лю Шаоци Си Цзиньпин попытался возложить не на Мао Цзэдуна, а на тех, кого сегодня в КПК — КНР предпочитают «отделять» от Мао Цзэдуна, то есть на Линь Бяо и на «четверку»: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюаня. На самом деле «четверка», действуя в отношении Лю Шаоци, лишь выполняла волю Мао Цзэдуна.

Председательствовавший на заседании член ПК ПБ ЦК КПК Ли Чжаньшу призвал «настойчиво изучать дух важной речи генсека Си Цзиньпина, тесно спланиваться вокруг ЦК партии, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин». Это демонстрация нынешнего положения дел в партии, в том числе культа личности в КПК ее нынешнего «ядра» и «великого лидера».

Итак, 24 ноября 2018 года исполнилось 120 лет со дня рождения Лю Шаоци.

Он был фигурой всекитайского и в определенной степени мирового масштаба, одним из руководителей Коммунистической партии Китая, фактически альтернативой Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци родился в конце XIX века, в 1898 году. Умер в 1969 году. Погиб безвременно в результате репрессий, которые обрушил на него Мао Цзэдун.

Лю Шаоци был человеком, жизнь которого пришлась на первые три четверти прошлого века.

Это политическая фигура, значимая для всего двадцатого столетия, политическая фигура крупного масштаба, значительная и для Китая, для нации Китая, и для всего мира, во всяком случае, для ситуации в мире в годы его активной деятельности в качестве одного из двух главных лидеров КПК — КНР.

То, что во многих случаях называют «эпохой правления Мао Цзэдуна», по сути дела, было временем соперничества Лю Шаоци и Мао Цзэдуна, временем, когда в Китае, для китайцев, существо-

вала альтернатива, существовал выбор между путем Лю Шаоци и путем Мао Цзэдуна.

В отличие от Мао Цзэдуна, Лю Шаоци был умелым строителем условий жизни для народа. Борьба за власть не была для него главным. Ему не была присуща та главенствующая над всем и вся тяга к интригам политического характера, к закулисной деятельности, к использованию нечестных приемов в борьбе за власть, которая была характерна прежде всего для Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци погиб в борьбе с Мао Цзэдуном. Физически он пал в этой борьбе.

Однако Лю Шаоци столько сделал для Китая и китайцев, предлагал и по мере возможности осуществлял такие меры, что с течением времени в Китае есть все основания отдать дань его памяти, признать его политической фигурой, которая с точки зрения интересов народа достойна самого высокого уважения. Он остается в памяти как человек, достойный уважения не только в Китае, но и в нашей стране.

Люди, с уважением относившиеся к нему в Китае, обращались к нему со словами: ЛЮ ЧЖУСИ — «председатель Лю». По сути дела, в этом обращении, да и в самом отношении людей в Китае к Лю Шаоци, проявлялось интуитивно ощущавшееся уважение к его делам, к его политике. Само появление в Китае «времен Мао Цзэдуна» термина ЛЮ ЧЖУСИ — «председатель Лю» было вызовом насаждавшемуся Мао Цзэдуном культу его личности, даже и самому термину МАО ЧЖУСИ — «председатель Мао».

Это знак признания значимости Лю Шаоци и его политики для народа Китая. Люди в Китае ценили и то, что под руководством Лю Шаоци выправлялось положение в стране после экспериментов Мао Цзэдуна над народом, а также доведенное практически до всех руководящих работников партии на «семитысячном собрании» в 1962 году в присутствии Мао Цзэдуна осуждение Лю Шаоци политики «большого скачка» и «народных коммун», инициированной Мао Цзэдуном.

О взглядах Лю Шаоци, о его отношении к предшественникам можно судить по его известному высказыванию: «Если в Европе был МАКЭСЫ — Маркс, то почему бы в Китае не

быть ЛЮКЭСЫ — Люрксу». Это означает, что он был человеком, понимавшим свою значимость, обладавшим высоким человеческим достоинством, идейно убежденным и относившим себя к сторонникам марксизма. Здесь важно обратить внимание на то, что Лю Шаоци, очевидно, не считал себя «ниже» Мао Цзэдуна ни как теоретик, ни тем более как практик, строитель страны.

Он любил жизнь, был уверен в том, что может многое сделать для своего народа.

В начале 1966 года после тяжелой болезни, незадолго до начала «культурной революции», он сказал: «Если бы только Маркс дал мне еще 10 лет жизни...» В политике ему довелось на протяжении нескольких десятилетий, находясь в числе главных руководителей КПК, вести нескончаемую тяжелую борьбу за осуществление линии, которая отвечала интересам народа и при этом не только не совпадала с курсом Мао Цзэдуна, но и была ему противоположна. Не случайно буквально через два-три дня после окончания восьмого съезда КПК в 1956 году, съезда, принявшего и одобrivшего линию, предложенную Лю Шаоци, Мао Цзэдун, промолчавший на съезде, заявил, что упомянутая линия, с его точки зрения, является принципиально неверной.

В первом десятилетии XXI века, в годы, когда генеральным секретарем ЦК КПК был Ху Цзиньтао, в Пекине на Сидане, неподалеку от того места, где находился в свое время отдел ЦК КПК, осуществлявший реабилитацию пострадавших от репрессий в годы «культурной революции» и действовавший под руководством Ху Яобана, появился огромный щит с надписью «Откуда есть пошел Новый Китай? Из Сибайпо».

В 1949 году Лю Шаоци был одним из «пятерки из Сибайпо», то есть руководителей КПК, приходивших к власти в стране. Перед перебазированием в Пекин ЦК КПК находился в деревне Сибайпо, где все боевые операции в ходе военной борьбы против войск партии Гоминьдан Китая планировались высшим руководством ЦК КПК, состоявшим из Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и Жэнь Биши. Именно эту «пятерку из Сибайпо» в КПК тогда, во времена руководства Ху Цзиньтао, и считали основателями нового Китая, то есть Китайской Народной Республики. Здесь

важно то, что при такой постановке вопроса все пятеро равны и никого не выделяют в качестве «великого вождя», «ядра» или «великого лидера».

Лю Шаоци тогда, в 1949 году, в этот важный момент в истории, фактически перед началом наших новых взаимоотношений, то есть взаимоотношений не только между двумя партиями (ВКП/б/ и КПК), но и двумя государствами (СССР и КНР), счел необходимым подчеркнуть важность дружбы и отношений доверия именно с нашим народом.

С 21 июня по 12 августа 1949 года, накануне объявления о создании КНР, Лю Шаоци целых 50 дней находился с визитом в нашей стране, где встречался со Сталиным, договаривался о заключении договора и о предоставлении помощи Китаю. Из нашей страны он тогда привез в Китай более двухсот наших специалистов высокого уровня.

Летом 1949 года при встречах с Лю Шаоци Сталин, узнав от него о трудностях с переброской вооруженных сил КПК в Синьцзян и о планах установления власти над Синьцзяном только в 1950 году, посоветовал немедленно установить контроль над Синьцзяном и помог в этом, предоставив для перебазирования частей Пэн Дэхуая советскую военно-транспортную авиацию, а также, узнав о планах объявить о создании КНР только в январе 1950 года, дал совет не ждать 1 января 1950 года, а объявить об образовании КНР как можно раньше, чтобы лишить внешние враждебные силы возможности помешать этому. Так и произошло: о создании КНР было объявлено 1 октября 1949 года.

Летом 1949 года, накануне создания КНР, делегации Лю Шаоци в Москве показали кинофильм, в котором были кадры документальной киносъемки испытаний атомной бомбы. В СССР впервые показали это иностранцам. Во время просмотра Сталин сам давал пояснения. Это было реальным проявлением доверия к Лю Шаоци, к КПК с нашей стороны, со стороны Сталина. Это был символ того, что ВКП(б) — СССР были готовы и предлагали считать наши народы и страны военными союзниками на мировой арене, «прикрываться» одним общим «ядерным зонтиком». Представляется, что Лю Шаоци высоко ценил этот шаг. В дальнейшем этот документальный фильм в СССР показали нескольким маршалам КНР. Так

с нашей стороны укреплялось взаимное военное доверие между нашими народами и странами.

В 1949 году, через несколько дней после объявления о создании КНР, Лю Шаоци наряду с выполнением других своих важных обязанностей стал председателем Общества китайско-советской дружбы.

Тогда же еще один руководитель ЦК КПК, Ван Мин, также поборник дружбы между народами наших стран, при содействии со стороны Лю Шаоци в качестве члена центрального правления этого общества выступал с докладами для руководящих работников на тему: «Китайско-советская дружба, внутренняя и международная обстановка и наши задачи».

2 января 1950 года Лю Шаоци в телеграмме находившемуся тогда в СССР Мао Цзэдуну предложил создать в Синьцзяне две компании на смешанном советско-китайском капитале для разработки цветных металлов и нефти. Таким образом, при активной роли Лю Шаоци именно китайская сторона обратилась к СССР с предложением создать упомянутые смешанные советско-китайские компании. Этот факт опровергает распространявшиеся в Китае пропагандой слухи о том, что создание смешанных компаний было якобы навязано нашей стороной китайцам.

В январе 1950 года в Москве во время пребывания там Мао Цзэдуна велись переговоры о заключении договора между двумя государствами.

В принципе вопрос о заключении такого договора, создававшего договорно-правовую основу для межгосударственных отношений, был согласован летом 1949 года во время пребывания в Москве Лю Шаоци. Однако Мао Цзэдун всячески сопротивлялся появлению такого документа.

Человек, причастный к происходившему, впоследствии заместитель заведующего отделом ЦК КПСС М. И. Сладковский, рассказывал, что тогда Мао Цзэдун написал Сталину записку со словами: «Товарищи из Пекина сказали: заключить договор». Работой в Пекине во время отсутствия Мао Цзэдуна, находившегося в СССР, руководил Лю Шаоци.

В 1952 году Лю Шаоци присутствовал на XIX съезде ВКП(б)/КПСС.

В дни съезда Сталин позвонил Лю Шаоци и извинился за то, что, будучи чрезвычайно занят работой в связи с проведением съезда, не сразу смог встретиться с Лю Шаоци.

При встрече снова решались вопросы о взаимодействии и о помощи.

При этом в ситуации, когда с момента создания КНР прошло уже три года, а страна жила без конституции и без парламента, что, очевидно, «устраивало» Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, вероятно в поисках решения этого вопроса, поддержки своей позиции, также осведомился о мнении Сталина по вопросу о разработке и принятии в КНР конституции и проведении выборов в ВСНП. Сталин одобрил эту идею. Она была воплощена в жизнь. При большой и активной роли Лю Шаоци Конституция КНР и ВСНП появились в 1954 году.

Таким образом, Лю Шаоци был первым из лидеров КПК — КНР встретившимся со Сталиным. Он оказался и последним из них беседовавшим со Сталиным. Эти встречи благодаря и позиции Лю Шаоци были полезны для обеих стран и обоих народов.

В 1954 году, накануне празднования пятилетия КНР, в Пекине открывалась Выставка достижений экономического и культурного строительства СССР. В это время в Пекин с визитом прибыл Н. С. Хрущев. На открытие выставки в качестве главного гостя с китайской стороны приехал не Мао Цзэдун, а Лю Шаоци. Так первая встреча на высшем уровне у Хрущева с китайскими руководителями состоялась с Лю Шаоци. Лю Шаоци оказался первым китайским лидером, который встретился с новым руководителем СССР.

Если говорить о ситуации в это время внутри Китая, то можно вспомнить, что в начале 1955 года, находясь на работе в КНР, я спросил у китайского коллеги, нужно ли Лю Шаоци выступать с самокритикой в ходе развернутой тогда всекитайской кампании. Собеседник ответил, что нужно. Я спросил: «А Мао Цзэдуну?» — «Ему не нужно», — сказал собеседник. Именно в такой обстановке Лю Шаоци и проявлял инициативу в развитии наших двусторонних отношений.

В 1960 году, несмотря на вынужденный действиями Мао Цзэдуна отъезд наших специалистов из КНР, Лю Шаоци посетил нашу страну. Лю Шаоци присутствовал на международном совещании руководителей коммунистических и рабочих партий

в Москве, и при его участии были согласованы документы этого совещания. Так Лю Шаоци еще раз подтвердил приверженность объединению усилий наших двух стран и в этом направлении.

Во время этой поездки он был первым и единственным из руководителей Китая за всю историю двусторонних отношений наших правящих тогда партий и государств, кто выступил на массовом митинге людей нашей страны в Москве, в «Лужниках». Там он вспоминал о своей поездке в нашу страну в начале 1920-х годов, выражал чувства дружбы к нашему народу и нашей стране, призывал к единству, заявив, что «Сплочение — это сила! Сплочение — это победа!». Так Лю Шаоци публично на весь мир подтвердил желание и намерения сохранять дружественные и союзнические отношения между нашими странами и народами. Это происходило тогда, когда Мао Цзэдун развернул «войну идей» против нашего народа и нашей страны.

Впоследствии стало ясно, что эта «борьба идей», которую пропаганда Мао Цзэдуна предлагала называть «полемикой», на самом деле была частью пропагандистской обработки населения Китая, подготовки его идейно к согласию с началом по воле Мао Цзэдуна войны против нас на границе в 1969 году.

Тогда же, в 1960 году, состоялась поездка Лю Шаоци по СССР, в которой его сопровождал председатель Верховного Совета СССР Брежнев, впоследствии вспоминавший о беседах с Лю Шаоци на озере Байкал.

Таким образом, причем не случайно, а закономерно, первым из руководителей КПК — КНР встречавшимся и обменивавшимся мнениями с руководителями СССР — Сталиным, Хрущевым, Брежневым — был Лю Шаоци.

В 1964 году китайскую делегацию на консультациях по пограничным вопросам возглавлял заместитель министра иностранных дел КНР Цзэн Юнцюань. В ходе «культурной революции» Цзэн Юнцюаня критиковали за то, что он был сторонником Лю Шаоци.

Во время упомянутых консультаций с китайской стороны было выдвинуто предложение проводить линию границы на реках по фарватеру и середине реки. Хрущев тут же согласился с этим предложением. Вероятно, оно было выдвинуто Лю Шаоци.

Благодаря договоренности, очевидно между Хрущевым и Лю Шаоци, стороны в том же 1964 году согласовали принцип, на основе которого впоследствии были подписаны соглашения о прохождении линии границы.

Все это дает основания утверждать, что Лю Шаоци сыграл важную роль и сделал то, что было в его силах, что от него зависело, для поиска путей решения пограничных вопросов в наших взаимоотношениях.

Попутно необходимо отметить, что позиция китайской стороны и на консультациях 1964 года, и на переговорах 1969 года, и на переговорах 1979 года практически всегда складывалась из двух несовпадавших платформ: одна — это враждебные нам взгляды Мао Цзэдуна, а затем Дэн Сяопина, которые в принципе стремились лишь к обострению отношений, и другая — взгляды Лю Шаоци, а затем Ху Яобана, суть которых состояла в том, чтобы искать и находить пути к решению практических вопросов и налаживанию наших двусторонних отношений.

После перемен в руководстве КПСС — СССР и ухода Н. С. Хрущева на пенсию, в ноябре 1964 года, во время приема в посольстве СССР в КНР по случаю очередной годовщины событий Октября 1917 года, Лю Шаоци сказал послу нашей страны Червоненко: «Сегодня все наше Политбюро с вами».

Он имел в виду то, что часть членов Политбюро в составе партийно-правительственной делегации КПК — КНР находилась в Москве, а другая часть, за исключением Мао Цзэдуна, посетила прием в советском посольстве. Так Лю Шаоци еще раз, причем в момент смены руководства в нашей стране, подчеркнул и довел до нашей стороны свою позицию по вопросу о сохранении и развитии наших отношений.

В 1965 году мне довелось переводить беседу председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Мао Цзэдуном и другими членами ПБ ЦК КПК. Мао Цзэдун подчеркнуто невежливо отнесся тогда к Косыгину. Мао Цзэдун после фотографирования сам, один, не рука об руку с Косыгиным, своим «главным гостем», которого он сам и пригласил (и встреча состоялась не по просьбе Косыгина, а по приглашению Мао Цзэдуна), пошел в зал переговоров. Лю Шаоци исправил неловкость и направился туда же вместе с Косыгиным.

К идущему впереди Мао Цзэдуна подскочила женщина и повела его под руку. Косыгин спросил у Лю Шаоци, кем она ему приходится. Лю Шаоци сказал, что она «помогает ему в быту». Все такого рода «мелочи», говорящие о ситуации и настроениях людей, имеют свое значение в наших отношениях с Китаем.

В ходе беседы Лю Шаоци стремился сохранить хотя бы существующие отношения, в частности, подчеркивал, что китайская сторона делает все возможное для нормальной доставки военных грузов из нашей страны во Вьетнам. В то же время Чжоу Эньлай во время предшествовавших ночных переговоров с Косыгиным отверг предложение нашей стороны разместить нашу авиацию на аэродромах в Китае с тем, чтобы она «закрыла небо» над Вьетнамом и предотвратила американские бомбардировки Вьетнама.

В том же 1965 году при встрече с послом нашей страны Лапиным, фактически личным представителем Брежнева, Лю Шаоци тепло вспоминал о своей поездке в нашу страну в начале 1920-х годов. Он подчеркивал, что знает Россию. Упомянул, что ему довелось тогда слышать и видеть Ленина.

Таким образом, Лю Шаоци оказался тем единственным руководителем КПК, которому довелось видеть и слышать Ленина, беседовать со Сталиным, Хрущевым и Брежневым, разговаривать с Косыгиным.

Беседа с послом Лапиным в 1965 году проходила в духе дружбы. Лю Шаоци не допустил и намека на трудности в наших двусторонних отношениях, не выдвигал никаких обвинений в наш адрес.

Попутно необходимо упомянуть, что Лю Шаоци молодым человеком в возрасте 23 лет в 1921 году отправился на учебу из Китая в Москву, проехал на поезде через всю Россию. Он был полон тогда надежд и идеалов. Очевидно, что Лю Шаоци, как и Сунь Ятсен, именно в те годы пришел к мысли о необходимости дружить с нашим народом и нашей страной, встал на позицию непременно находиться в союзе с Россией. Лю Шаоци вступил в КПК в 1921 году, находясь в нашей стране.

Вернемся к последнему периоду жизни Лю Шаоци. В начале 1966 года, всего за несколько месяцев до взрыва «культурной революции», когда между КПСС и КПК не было никаких связей,

произошел еще один, последний «контакт» Лю Шаоци с представителем нашей страны.

Тогда в Пекин прибыл с визитом президент Ганы Кваме Нкрума. Внезапно в Гане произошел государственный переворот. Нкрума перестал быть президентом. Он оказался в одиночестве в Пекине. Из СССР за ним был прислан самолет. При отъезде Нкрумы на летном поле не было ни души, не считая Нкруму и нашего посла. Я в качестве переводчика оказался свидетелем этой сцены. В последний момент к самолету подъехала машина. Из нее вышли Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Они попрощались с Нкрумой, и он поднялся по трапу. В этот момент посол СССР Лапин сказал Лю Шаоци, что у него есть письмо с приглашением делегации КПК на очередной тогда съезд КПСС. Посол подчеркнул, что в тексте письма нет никакой полемики. Лю Шаоци сказал: «Дайте мне это письмо». Это открывало возможность продолжать отношения между партиями. Впоследствии стало известно, что Мао Цзэдун не допустил поездки делегации ЦК КПК на съезд КПСС.

Когда началась «культурная революция» и в массовом порядке нарушались права людей, летом 1966 года Лю Шаоци принес из кабинета Конституцию КНР и, позвав дочь и сына, строго сказал: «Нельзя производить обыски в домах; избиения — это нарушение Конституции страны. Я — председатель Китайской Народной Республики и должен нести ответственность перед Конституцией!»

Итак, Лю Шаоци выступил не только как инициатор разработки и принятия Конституции КНР, но и как партийный и государственный лидер, защищающий Конституцию, а главное, людей Китая, их права, зафиксированные в Конституции, от действий Мао Цзэдуна и его приверженцев. И в этом случае нашло свое проявление совпадение идеалов, принципов и представлений о праве и справедливости в то время в нашей стране и в Китае.

5 августа 1966 года, то есть уже в ходе «культурной революции», Лю Шаоци в качестве председателя КНР принял делегацию Замбии. Тогда же Мао Цзэдун велел Чжоу Эньлаю позвонить Лю Шаоци и передать ему указание, чтобы он больше не встречался с иностранцами и не появлялся публично.

Во время состоявшегося тогда же, в августе, пленума ЦК КПК произошло «перемещение» Лю Шаоци со второго на восьмое место в иерархии руководителей ЦК КПК.

В ходе «культурной революции» Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая доводил до «доверенных лиц», вожаков отрядов красногвардейцев или хунвэйбинов, инструкции о том, как им следовало нападать с обвинениями на Лю Шаоци, какие действия и в какой последовательности производить в этих целях.

Несмотря на все это, тогда же, в конце 1966 года, Лю Шаоци появился в ранге главы государства на собрании по случаю столетия со дня рождения Сунь Ятсена 12 ноября 1966 года. Так Лю Шаоци обозначил и подчеркнул преемственность ряда взглядов Сунь Ятсена и своих позиций.

Вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, которая, кстати сказать, вслед за Лю Шаоци была председателем Общества китайско-советской дружбы, выступавшая на этом собрании с докладом, подчеркнула, что главное в завещании Сунь Ятсена — это три основные политические установки: союз с Россией, союз с коммунистами и поддержка рабочих и крестьян.

Очевидно, что и Лю Шаоци выступал за это. В частности, оказалось, что во время «культурной революции» Мао Цзэдуна, в ходе которой Мао Цзэдун воспитывал ненависть и военную вражду к нашему народу и нашей стране, Лю Шаоци еще раз и, как оказалось, последний раз в жизни использовал этот случай для демонстрации своей приверженности установке на дружбу и союз с нашим народом и нашей страной.

13 января 1967 года во время последней встречи Лю Шаоци и Мао Цзэдуна, которая состоялась в зале № 118 в Доме ВСНП, сам Лю Шаоци, предлагая поскорее завершить «культурную революцию», изъявил желание уйти с постов, в том числе председателя КНР и члена ПК ПБ ЦК КПК, принять на себя всю ответственность за ошибки и выехать на жительство в Яньань. Мао Цзэдун ограничился советом «почитать Хайдеггера и Дидро». Можно предположить, что между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном имелись существенные, принципиальные разногласия во взглядах на человека, человеческую личность, способность человека совершенствоваться и на вождя, которому следовало беспрекословно подчиняться.

Весной 1967 года один из членов «штаба» Мао Цзэдуна по осуществлению «культурной революции», Ци Бэньюй, опубликовал статью, в которой под предлогом критики кинофильма «Тайны Цинского двора», который был сделан в начале 1950-х годов, Лю Шаоци фактически было предъявлено обвинение в «национальном предательстве». Лю Шаоци доказывал, что обвинения лживы и беспочвенны, однако для Мао Цзэдуна, который видел в лице Лю Шаоци своего главного врага внутри Китая, важно было внедрять с помощью средств массовой пропаганды именно такое отношение к Лю Шаоци как к якобы «предателю» нации Китая. На самом деле именно Лю Шаоци, осуществляя свой курс, выводя страну из тупиков, в которые ее заводил Мао Цзэдун, действовал в интересах народа Китая, нации Китая, был патриотом своей страны в отличие и в противовес Мао Цзэдуну, чья политика и действия наносили неисчислимый вред китайскому народу.

Летом 1967 года Мао Цзэдун после существенной пропагандистско-агитационной подготовки, направленной на дискредитацию Лю Шаоци, осуществил решительные действия против него. Мао Цзэдун специально уехал из столицы и фактически «оставил на хозяйстве», то есть в качестве исполняющего обязанности начальника канцелярии ЦК КПК, все того же уже упомянутого Ци Бэньюя. Ци Бэньюй и организовал действия, в результате которых Лю Шаоци и его супруга Ван Гуанмэй оказались порознь в тюремном заключении.

5 августа 1967 года в Чжуннаньхае, резиденции руководства ЦК КПК, то есть по соседству с домом, в котором, находясь в Пекине, жил Мао Цзэдун, было организовано судилище, издевательство над Лю Шаоци. Перед этим под стенами Чжуннаньхая на митингах выкрикивали: «Вытащим тебя, старого пса, из Чжуннаньхая!», «Ты — куча собачьего дерьма, вызывающая омерзение у людей!».

Во время «судилища» в резиденции ЦК КПК, участники митинга — а это были сотрудники обслуживающего персонала резиденции ЦК КПК, то есть члены КПК, приверженцы Мао Цзэдуна, сотрудники «органов» политического сыска, — очевидно, выполняя данные им указания, кулакам и ногами били Лю Шаоци и его супругу.

Председателя КНР Лю Шаоци, которому в том году исполнилось 69 лет, таскали за седые волосы, заставляли его стоять, низко согнувшись, но с запрокинутой назад головой — ее оттягивали за

волосы назад — и в этой мученической позе унижения фотографировали. «Собрание», то есть издевательства, продолжалось два часа. Лицо Лю Шаоци распухло от побоев. Его заставляли стоять без обуви в одних носках. Мучителям так было удобно, причем скрытно, отдавливать человеку пальцы на ногах.

В тот день, то есть 5 августа 1967 года, Лю Шаоци в последний раз видел свою жену. Супругам удалось на какое-то мгновение соединить руки, но их тут же грубо оторвали и оттащили друг от друга.

Вечером того же дня после собрания Лю Шаоци продиктовал секретарю свой письменный протест, в котором требовал соблюдения Конституции.

Вскоре Лю Шаоци и отдельно от него его жена Ван Гуанмэй оказались в тюремном заключении. Это могло произойти только по прямому приказу Мао Цзэдуна.

В октябре 1968 года, выступая с докладом по «делу Лю Шаоци» на пленуме ЦК КПК, Чжоу Эньлай, до той поры неоднократно являвшийся передатчиком указаний Мао Цзэдуна относительно действий в отношении Лю Шаоци вожакам доверенных организаций красногвардейцев или хунвэйбинов, назвал Лю Шаоци «предателем, провокатором и штрейкбрехером». Он обвинял Лю Шаоци в национальном и классовом предательстве.

На пленуме в отсутствие Лю Шаоци, которого к тому времени уже больше года держали в тюрьме, было принято решение «навечно» исключить Лю Шаоци из КПК.

Лю Шаоци уведомили об исключении его «навечно» из КПК 24 ноября 1968 года, очевидно, специально приурочив «подарок» ко дню его 70-летия.

12 ноября 1969 года Лю Шаоци умер. Когда тело Лю Шаоци везли в крематорий на джипе, снаружи виднелись его оголенные ноги. Тело Лю Шаоци сожгли, оформив кремацию на вымышленное имя «Лю Вэйхуан».

Весь год после объявления ему о решении пленума ЦК КПК Лю Шаоци молчал. Это был год предсмертного протестного молчания. В Китае молчание значит многое.

Мне довелось видеть по телевизору в Пекине телевизионную передачу, в которой рассказывали о том, как во время «культурной революции» не раз встречались председатель ПК ВСНП

Чжу Дэ и исполнявший обязанности председателя КНР Дун Биу. Встретившись, они садились друг против друга, долго молчали и молча, не говоря ни слова, расходились. В пояснении подчеркивалось, что они таким образом выражали протест против «культурной революции».

Отмечая 120-ю годовщину со дня рождения Лю Шаоци, необходимо особо подчеркнуть, что он был председателем Общества китайско-советской дружбы. Один этот факт говорит о том, какое значение Лю Шаоци придавал дружбе между нашими народами, а также посылает сигнал о том, что возглавлять такое общество необходимо на уровне глав государств.

После Лю Шаоци, как мы уже упоминали, председателем этого общества была вдова Сунь Ятсена, Сун Цинлин. Она незадолго до смерти стала почетным председателем КНР.

Для каждого из них, и для Лю Шаоци, и для Сун Цинлин, это не было формальностью. Они отражали настроения и убеждения лучших людей и Коммунистической партии Китая и партии Гоминьдан Китая, собственно народа Китая и были убеждены в том, что именно такие отношения союза и дружбы с нашим народом и нашей страной соответствуют интересам нации Китая.

История нашей дружбы — это наше драгоценное наследие. В основе наших отношений находится взаимопонимание, дружба между народами. Чрезвычайно важно хранить и приумножать реестр добрых дел наших народов в отношении друг друга. Его следует всемерно пропагандировать и в нашей стране, и в Китае.

Наконец, необходимо отметить и еще одно качество Лю Шаоци. Мы имеем в виду его человечность.

Лю Шаоци после просмотра спектакля Пекинского народного художественного театра по пьесе выдающегося китайского драматурга Цао Юя «Гроза (*Лэйюй*)» сказал: *Шэнь кэ, шэнь кэ, фэй чан шэнь кэ* — «Глубоко, глубоко, чрезвычайно глубоко». Во время «культурной революции» Лю Шаоци критиковали и за это проявление человечности.

В это время в Китае проводилась кампания обвинений нашего народа и нашей страны в пропаганде «ревизионизма», под которым подразумевались «бесклассовые взгляды», проявления «мягкосердечности», «человечности», а также «миролюбия». Например,

критике подвергали известную в свое время песню со словами ребенка: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я».

В 1967 году Ван Гуанмэй, жену Лю Шаоци, обвинили в том, что она шпионка США, Гоминьдана и Японии. В тюрьме ее мучили. Подолгу вынуждали только сидеть и не давали ни ходить, ни стоять и не выпускали из камеры. Ван Гуанмэй содержали под Пекином в тюрьме Циньчэн, которая была в свое время специально построена для политических заключенных по советскому проекту. Первым заключенным этой тюрьмы стал Ши Чжэ — переводчик бесед Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая с советскими руководителями. Его обвиняли в том, что он был «советским шпионом». Из него выбивали показания о том, как Сталин, дескать, «делал своего шпиона» из Лю Шаоци. Ван Гуанмэй провела в этой тюрьме больше десяти лет. Говорят, что, выйдя из тюрьмы, она простила родственников Мао Цзэдуна.

В ходе «культурной революции» пострадали от репрессий и дети Лю Шаоци. В частности, его сын, у которого было русское имя Клим, учившийся в СССР, создавший там семью, имевший жену и детей, вернувшийся в Китай для участия в разработке ядерного оружия, преследованиями был доведен до самоубийства в возрасте 42 лет.

Через несколько лет после смерти Мао Цзэдуна, 29 февраля 1980 года, постановление пленума ЦК КПК от 1968 года относительно Лю Шаоци было аннулировано как «ошибочное», Лю Шаоци был назван «великим марксистом» и «пролетарским революционером» и полностью реабилитирован.

У меня вышли книги, в которых говорится о Лю Шаоци. Одна называется «Гибель Лю Шаоци». Другая — «Возвращение Лю Шаоци». Третья — «Китайская альтернатива». Мне повезло. Я четыре раза видел Лю Шаоци и переводил беседы с ним. В 1964 году с послом Червоненко. В 1965 году с главой правительства Косыгиным. В 1965 и 1966 годах с послом Лапиным.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что Лю Шаоци пользуется уважением и в нашей стране. В нем люди видят поборника дружбы между народами наших двух стран.

КАК НАМ БЫТЬ И ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ «НА КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ»

В начале XXI века ситуация в мире в целом изменилась.

Возник новый фактор, фактор Китая, активно воздействующий на международные отношения, и глобально, и в каждом из регионов, и в многосторонних, и в двусторонних отношениях каждой нации с Китаем. Ситуацию с определенными основаниями можно рассматривать как совершенно новую, как взаимоотношения Китая и остального человечества. Здесь и Китай, и остальное человечество оказались в новом для себя положении.

До сих пор человечество никогда в такой ситуации не находилось.

До сих пор Китай никогда такой роли на Земле не играл.

Ныне с Китаем приходится считаться всем. Всем приходится к нему приспосабливаться.

Одновременно и Китай оказался в совершенно новой для него ситуации, когда он «вышел в открытый космос», то есть стал присутствовать в жизни человечества в целом, должен действовать, существовать и жить в нашем мире, мире землян (попутно можно вспомнить, что Дэн Сяопин называл себя «гражданином мира»). В Китае это обозначается термином «открытость».

При этом имеется в виду и открытость Китая для остального человечества, но и прежде всего открытость остального человечества для Китая, доступность для Китая, для расцвета деятельности Китая, для использования в интересах Китая любого уголка Земли.

Более того, фактически речь во все большей степени и во все больших случаях идет о том, что Китай постепенно навязывает везде, где это ему удастся, ситуацию, при которой суверенитет той или иной страны оказывается ущемленным в том смысле, что власти такой страны не имеют возможности распоряжаться на тех частях, участках своей территории, своего жизненного пространства,

которое фактически оказывается в распоряжении представителей властей Китая: чиновников, бизнесменов, военных и т. д.

(Примером является ситуация в свое время на рынке в Москве, который назывался «Черкизон», а в настоящее время на фактически принадлежащем китайцам рынке «Садовод», а также в организации, именуемой «Москва». Там осуществляются неподконтрольные властям РФ финансовые операции по выводу иностранной валюты под видом криптовалюты за рубежи РФ. В частности, на территорию принадлежащей китайской стороне гостиницы упомянутой организации под названием «Москва» в столице РФ практически невозможно войти гражданину России. Эту гостиницу охраняет находящееся под властью китайской стороны ЧОП «Витязь», а финансовые и торговые операции осуществляются, как и ранее в случае с «Черкизоном», при посредстве тех или иных властей РФ. Очевидно также, что и в Москве, и в Санкт-Петербурге создаются своего рода чайна-тауны, то есть кварталы, фактически принадлежащие властям КНР. Разница между такими кварталами, скажем, в США и в РФ состоит в том, что в Америке там распоряжаются власти США, а в России — власти КНР.)

В то же время теперь Китаю также приходится в той или иной степени считаться с каждым своим партнером в отдельности и с вероятными действиями своих партнеров как по отдельности, так и так или иначе совместно.

При этом китайская сторона добивается того, чтобы в каждом случае иметь дела отдельно с каждым своим партнером. Например, даже в Европе китайская сторона принимает меры, направленные на то, чтобы отделять Европу в целом от США, а также разделять саму Европу, «привлекать на свою сторону» ту или иную европейскую страну, получать привилегии, особые права (скажем, владеть портами) в той или иной стране Европы, например в Греции или в Италии, как бы в противовес или по сравнению с другими странами Европы. Здесь показательными в последнее время представляются заявления в Германии и во Франции о том, что им необходимо начинать защищать свои интересы в связи с действиями, наступлением, курсом китайской стороны, а также о том, что им приходится обращать внимание на ущерб китайской стороной их интересов в Африке. Привлекает внимание и встреча президентов

США и Бразилии, на которой затрагивался вопрос о Венесуэле. При этом оказывается, что для обоих государств, то есть фактически и для Северной, и для Южной Америки, возникает вопрос о деятельности Китая и в Венесуэле, и в Латинской Америке в целом и о реакции на эту деятельность.

Китай, население которого составляет около одного миллиарда четырехсот миллионов человек, то есть примерно одну пятую часть человечества, начинает или начал играть активную и существенную роль применительно к любому аспекту взаимоотношений всех живущих на земле народов и всех стран. Проблема Китая становится общей проблемой человечества.

При этом имеет свое значение и численность населения Китая, то есть количественный фактор, а это во внешнем для Китая мире (каждой его составной части) приходится принимать во внимание, а также и то обстоятельство, что в настоящее время власти КНР утверждают, что в Китае осуществляется социализм со спецификой Китая, или исключительно китайский, самобытный китайский социализм. Иными словами, необходимо обращать внимание и на заявление президента США Трампа о том, что Америка никогда не будет социалистической страной. Идеологический аспект проблемы существует и требует внимательного изучения как применительно к ситуации внутри США, так и применительно к международной арене.

Остальное человечество впервые в своей истории оказалось лицом к лицу с социализмом в его нынешнем китайском исполнении. Здесь, очевидно, можно говорить о современном (главном и особом, исключительном во всем мире) «практическом социализме», или «социализме на практике».

На практике это означает, что в мире существует и действует:

- государство с самым многочисленным на Земле, как подчеркивают власти КНР, населением;
- государство, правящей партией в котором является Коммунистическая партия Китая;
- государство, обладающее мощным военным и экономическим потенциалом;
- государство, которому не грозит никакое нападение со стороны кого бы то ни было в мире.

Для Китая мир обеспечен навсегда. В том, что касается войны, начала военных действий, во взаимоотношениях со всеми другими государствами все зависит исключительно от властей КПК — КНР.

Наконец, речь идет о государстве, у руководителей которого есть своя глобальная стратегия.

Это означает, что они ставят своей целью то, что они именуют «великим возрождением великой нации Китая».

Попутно можно отметить, что у нынешнего президента США Трампа есть лозунг «Сделаем Америку снова великой». Так оказывается, что в современном мире и Китай, и Америка ставят перед собой одинаковые цели — возродить величие своей нации на Земле. Это чревато столкновением и противопоставлением интересов, а также требует согласования этих интересов.

Руководители КПК — КНР претендуют на обладание наилучшими способностями во всем мире в деле осуществления экономической глобализации. И при этом говорят о создании «нового порядка» на планете Земля, порядка в соответствии с представлениями о нем руководителей нынешних КПК — КНР.

Они намерены обеспечивать то, что они считают жизненными потребностями Китая, прежде всего в недрах Земли, а далее в самой земле, в воде и в воздухе, пригодных для жизнедеятельности. Иными словами, величие, лозунг возрождения величия, оборачивается:

- борьбой за существование во всемирных масштабах;
- борьбой за землю, за сушу и акваторию;
- за воду для питья и прочих нужд;
- за воздух, за чистый воздух для дыхания.

Стратегия руководителей КПК — КНР является глобальной и в том смысле, что они активно действуют не только в каждой области международных отношений — глобальной, региональной, многосторонней и двусторонней, но и в каждой сфере человеческой деятельности, прежде всего в политике, экономике и культуре.

Они намерены добиваться цели, в свое время поставленной Мао Цзэдуном, превратить Китай не только в политический (а они

полагают, что таким центром Китай является уже сейчас), но и в экономический и военно-технический (технологический) центр земного шара.

Именно на этом фоне следует воспринимать и оценивать политику современных руководителей Китая по отношению к нашей стране и к нашему народу.

В этой политике, учитывая историю наших отношений, есть основания видеть их декоративную и сущностную стороны.

Декоративно Пекин считает выгодным для себя провозглашать прекрасное состояние наших отношений. Называть их лучшими в истории, говорить о пике или вершине в их развитии, об обретении ими все более высокого качества, об их новом типе. Декоративная сторона отношений Китая с любой страной предназначена руководителями КПК — КНР и для того, чтобы нейтрализовать, «усыплять» бдительность партнеров, вводить их в состояние «спячки», неоказания сопротивления в случаях, когда наносится тот или иной ущерб интересам той или иной нации.

На самом деле на практике нашей стороне во все возрастающей степени приходится испытывать на себе давление со стороны руководителей Китая, настаивающих на выполнении своих все увеличивающихся требований.

Речь идет прежде всего о всевозможных природных ресурсах, а далее и о том, чтобы китайцы могли чувствовать себя на территории нынешней России, как у себя дома, в Китае. В том числе, как уже упоминалось, при осуществлении торговых и финансовых операций на территории нашей страны, операций, которые приносят китайской стороне десятки миллиардов долларов ежегодно.

Руководители КПК — КНР также побуждают наши власти нигде и никогда в мире не действовать так, чтобы это было сочтено угрозой или нанесением ущерба интересам или тому, что представляется такими интересами, руководителей КПК — КНР. Это означает, что речь тут идет не о равноправных отношениях независимых и самостоятельных субъектов международных отношений, действующих лиц на мировой арене, а о стремлении заставить подчиниться, следовать за Китаем, выполнять его волю,

Нашей стороне приходится иметь дело с осуществлением руководителями КПК — КНР своей глобальной стратегии примени-

тельно к России, а это требует защиты наших интересов везде и во всем, где это вызывается действиями или потенциальной угрозой такого рода действий с китайской стороны.

Прежде чем перейти к изложению конкретных действий, которые могла бы в этих целях предпринять наша сторона, необходимо остановиться на двух терминах.

Речь идет о термине «стабильность» и о термине «специфика».

Оба они входят в арсенал методов и средств внешней политики КПК — КНР.

Оба таковы, что при поверхностном взгляде могут представляться приемлемыми и абсолютно нейтральными, устраивающими любого человека на Земле, любую нацию на планете.

На самом деле китайская сторона вкладывает в них свое содержание и добивается с их помощью осуществления своих целей.

«Стабильность» — это термин, который в Китае Дэн Сяопин употреблял для оправдания своих действий в 1989 году, когда он заявил, что возникла угроза существованию КПК и КНР, когда он использовал вооруженные силы КПК — КНР для подавления мирных демонстраций в Пекине с требованиями свободы и демократии.

В нашей стране уже в нынешнем столетии один из чиновников опубликовал статью, в которой писал:

«Следует помнить о “красной линии”, заходить за которую недопустимо с точки зрения не только норм межгосударственного общения, но и национальных интересов самой России. Скажем, внутривластная стабильность в КНР — это не тема для догадок спекуляций» (Приходько С., заместитель руководителя Администрации Президента РФ по внешней политике. Москва — Пекин: мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2. Март-апрель).

Это означало запрет на объективное изучение в нашей стране всеми, в том числе и учеными, того, что происходит в Китае, и того, что собой представляет политика руководителей КПК — КНР, в частности и прежде всего в отношении нашей страны.

По сути дела, стабильность в понимании руководителей КПК — КНР — это запрет кому бы то ни было делать что бы то ни было на нашей планете, что может быть расценено в Пекине как

покушение, как подрыв существующего в Китае политического режима, установленного в свое время Мао Цзэдуном, затем несколько ослабленного при Ху Яобане и Чжао Цзыяне и восстановленного при Дэн Сяопине.

«Специфика» — это еще один термин, порожденный Дэн Сяопином. Это перевод на русский язык китайского слова *тэ сэ*, перевод, навязанный нашей стороне пропагандой ЦК КПК, и перевод, которому подчинились в нашей стране. На самом деле речь идет о самобытности, особенности, особости, исключительности Китая и китайцев, об их якобы превосходстве над всеми остальными и над каждой из остальных частей человечества. В этом термине отражается мысль о делении человечества на китайцев и некитайцев, фактически о противопоставлении китайцев и некитайцев на планете. Это своего рода современное деление людей на своих и чужих.

С нашей точки зрения, необходимо исходить из подлинного значения этих терминов при рассмотрении политики КПК, властей КПК — КНР, и их действий по отношению и к нашему народу, и к нашей стране, и их действий по отношению к населению Китая, и их действий по отношению к любой из частей современного человечества.

В настоящее время и во всем обозримом будущем вопрос о состоянии наших отношений с Китаем и об их перспективах предстает главным и самым важным, жизненно важным вопросом для внешней политики нашей страны. Короче говоря, вопрос о Китае — главный вопрос внешней политики нашей страны. Именно на этом вопросе необходимо сосредоточить главные усилия в нашей стране в области внешней политики.

От его решения, от обретения или необретения возможности обеспечить и защитить интересы нашего народа и нашей страны зависит существование нас как народа.

Необходимо учитывать активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК — КНР их глобальной стратегии, а также тот факт, что вся их деятельность, направленная на нашу страну, осуществляется под руководством из единого центра и в опоре на самый многочисленный в мире партийно-государ-

ственный аппарат или механизм. Фактически каждый китаец видится ими как часть нации Китая, с которой они себя отождествляют, рассматривается и используется ими как «принадлежность», как «имущество», как «собственность» КПК — КНР, как инструмент осуществления их глобальной стратегии.

Это побуждает осознать необходимость осуществления определенной организационной работы.

Прежде всего, учитывая исторический опыт, в нашей стране необходимо создать и иметь постоянно действующий главный руководящий центр работы по Китаю — Верховное государственное совещание по Китаю (по проблемам, связанным с Китаем, «на китайском направлении»). Постоянными или неперенными членами этого органа должны быть президент страны, глава парламента, глава правительства, министры обороны, иностранных дел, экономики и финансов, а также руководители силовых ведомств.

Этот центр должен разрабатывать политику и принимать главные стратегические решения. При этом важно всегда исходить из мысли о необходимости осуществления всей политики в отношении Китая, всех действий «на китайском направлении» под единым централизованным руководством и в интересах нашего народа и нашей страны, то есть нас как нации на мировой арене.

В администрации президента необходим специальный отдел по Китаю. Это должен быть совершенно отдельный орган, непосредственно подчиненный президенту и обслуживающий все нужды упомянутого Верховного государственного совещания по Китаю.

Его задача — это сбор и анализ всей необходимой информации, выработка предложений и рекомендаций для Верховного государственного совещания. Все государственные учреждения должны быть обязаны предоставлять упомянутому отделу всю информацию по Китаю, по нашим взаимоотношениям с Китаем.

Вся работа, в какой бы то ни было степени связанная с Китаем, на всех уровнях и во всех сферах и областях должна осуществляться в соответствии со стратегическим курсом и практическими указаниями Верховного государственного совещания по Китаю.

Все государственные органы, вся практическая деятельность всех министерств и ведомств, корпораций, любых политических, экономических, культурных и общественных организаций и уч-

реждений, имеющих связи с Китаем, должна осуществляться в соответствии с указаниями Верховного государственного совещания и находиться под контролем упомянутого отдела по Китаю в администрации президента.

Вся деятельность в сфере национальной безопасности, обороны, экономики, финансов, торговли, любой конкретной практической деятельности, связанной с Китаем, должна отвечать трем главным принципам наших двусторонних отношений с Китаем:

- вечный мир;
- абсолютная независимость и самостоятельность;
- полное равноправие.

Это означает, что нам необходимо прежде всего обеспечивать мир, вечный мир во взаимоотношениях с Китаем. Важно при этом исходить из понимания того, что если говорить об угрозе начала войны, то если такая угроза возникает и будет возникать, то она исходит и если будет исходить, то всегда будет исходить исключительно со стороны Китая, руководства КПК — КНР.

Важно также иметь в виду то, что угроза нашей независимости и самостоятельности в наших двусторонних отношениях с Китаем, если она исходит и будет исходить, то только с китайской стороны. При этом защита наших интересов предполагает и активные действия, особенно по согласованию наших интересов с другими действующими лицами на мировой арене.

Наконец, нашей стороне важно всегда исходить из того, что угроза нарушения равноправных отношений с Китаем всегда исходит, может и будет (если будет) исходить со стороны Китая.

У нашей стороны нет и никогда не будет никаких возможностей и никакой необходимости создавать военную угрозу для Китая, посягать на независимость и самостоятельность Китая, ставить китайскую сторону в неравноправное положение. Наша страна находится в обороне, а китайская сторона находится в наступлении, если говорить в принципе о том, как сложилась ситуация на мировой арене.

При этом нам нельзя допускать какого бы то ни было ущемления материальных интересов нашей стороны. Иными словами, в практике наших взаимоотношений с Китаем мы не должны

допускать нанесения ущерба нашим материальным интересам. Такого рода действия вероятны и возможны только с китайской стороны.

У нашей стороны нет и не будет никаких возможностей иметь в Китае организации и отдельных людей, которые действовали бы в наших интересах, тем более в ущерб глобальной стратегии руководителей КПК — КНР. Это означает, что в современной ситуации на мировой арене нет и не может быть никаких существенных политических сил в Китае, которые бы действовали в интересах какой бы то ни было другой страны. В то же время внутри каждого государства могут существовать и появляться силы, которыми манипулируют руководители КПК — КНР.

Все, что нами и у нас делается во взаимоотношениях с Китаем, должно быть выгодно для нашей стороны. Термин «взаимная выгода» в истории наших отношений являлся и в настоящее время является декоративным, обеспечивающим благоприятную атмосферу для осуществления контактов и связей. В настоящее время на практике этот термин является лишь прикрытием стремления китайской стороны навязывать нам свою волю, извлекать одностороннюю выгоду из наших двусторонних отношений.

Недопустимо никакое ущемление наших интересов, оправдываемое ссылками на некую политическую целесообразность.

Здесь необходимо принимать во внимание то, что с китайской стороны в истории наших взаимоотношений неоднократно делались шаги с целью побудить нашу сторону соглашаться на выдвигавшиеся китайской стороной «справедливые и рациональные» предложения, исходя из «политической целесообразности», и «принимать политические решения» там, где путем экономических и прочих переговоров достичь решения, устраивающего китайскую сторону, не удавалось (в частности, это происходило применительно к решению пограничных вопросов). Необходимо иметь в виду, что в практике отношений с китайской стороной она всегда стремится навязывать то, что выгодно только ей.

Все политические соображения должны учитывать интересы нашей национальной безопасности и одновременно подчиняться нашей экономической заинтересованности. Нельзя допускать того, что иной раз трактуется как необходимость или неизбежность пре-

валирования политики, соображений политического характера, над экономикой во взаимоотношениях с Китаем.

Под этим обычно скрывается желание представителей нашей стороны пойти на уступки китайской стороне, выполнить ее требования, внешне в расчете обеспечить мир в наших отношениях, а по сути дела, в ущерб нашим интересам.

С точки зрения политики наша сторона, по сути дела, должна всегда действовать абсолютно самостоятельно и независимо от китайской стороны. Это не исключает допущение мысли о том, что китайская сторона может в том или ином случае поступать так, что это отвечает нашим интересам. Такую ситуацию необходимо использовать, проявляя, однако, максимальную бдительность и осторожность.

Главное здесь во всех случаях — это твердая защита наших интересов, коренных, принципиальных интересов нашего народа и нашей страны. От них нельзя делать никаких отступлений.

Наши экономические интересы во взаимоотношениях с Китаем должны соблюдаться и защищаться целиком и полностью. При этом важно максимально подробно и на фактах показывать и доказывать людям нашей страны выгоду от любых договоренностей экономического и иного характера во взаимоотношениях с Китаем, убеждать людей в нашей стране в том, что во всех случаях их интересы защищаются. Вся такого рода деятельность должна носить прозрачный характер.

Работа на китайском направлении государственных, научных, образовательных учреждений должна быть полностью материально обеспечена, учитывая необходимость их деятельности и в нашей стране, и в Китае, и во всех третьих странах, где это необходимо.

Средства на работу по Китаю должны выделяться специальной строкой в бюджете государства.

Это означает, что имеется необходимость по-новому развернуть всю работу по Китаю, «на китайском направлении».

Эту работу необходимо видеть как часть деятельности по обеспечению безопасности нашей страны, обеспечению нашего выживания на планете. Нельзя забывать о том, что по воле Мао Цзэдуна война против нас на границе уже начиналась и эти дей-

ствия Мао Цзэдуна, его стратегический курс в отношении нашей страны до сих пор не осужден в КПК — КНР.

Эта работа должна быть организована в масштабах России в целом. Необходимо создать сеть государственных, научных, образовательных учреждений, которые полностью или частично участвуют в работе по Китаю, занимаются отношениями с Китаем. Все они должны быть связаны между собой. Их работа должна быть скоординирована.

Необходимо также создать сеть учреждений и пунктов работы «на китайском направлении»:

- в государствах — бывших республиках СССР;
- в приграничных с Китаем государствах;
- в странах Европы, в США, в Японии, в Австралии, в Индии, в Африке, в Латинской Америке, по всему миру.

Необходима координация работы внутри нашей страны и за ее рубежами. Имеется в виду не раздувание масштабов такого механизма, но существование точек, которые квалифицированно и скоординированно должны заниматься этой работой.

Работа по Китаю должна быть высокооплачиваемой и стать привлекательной для специалистов всех возрастов.

Работа по Китаю должна быть разделена и состоять из открытой, публичной части, обеспечивающей благоприятную атмосферу в двусторонних отношениях и их декоративную сторону, и глубоких объективных исследований сути стратегии и тактики, идеологии, теории и практики, действий и пропаганды руководителей КПК — КНР в отношении нашего народа и нашей страны.

Главным в аналитической работе по Китаю необходимо считать:

- изучение отношений России и Китая, их прошлого, настоящего и будущего;
- изучение политики руководства КПК — КНР в отношении России;
- изучение политических сил Китая и борьбы между ними, прежде всего по вопросу о политике в отношении России.

Попутно следует упомянуть о необходимости такой работы на Тайване и применительно к Тайваню. Более того, необходимо ве-

сти работу со всеми теми китайцами по национальности, которые живут вне КНР, имеют собственное мнение о ситуации в Китае, настроены в пользу мирных и дружественных отношений между нашей страной и Китаем.

При этом особое внимание необходимо уделять работе с китайскими военными, военачальниками. Среди них могут быть люди, исключаящие войну в наших взаимоотношениях.

В нашей стране необходимо иметь отдельный и специальный всероссийский научный центр по Китаю. Таким основным центром научной, аналитической работы по Китаю мог бы стать Институт Дальнего Востока РАН.

Вне зависимости от того, как называется такой научный центр, а он мог бы именоваться Институтом Китая Российской академии наук, в фокусе его работы должно быть изучение именно Китая, именно политики руководителей Китая, именно двусторонних отношений России и Китая. (Попутно можно вспомнить о том, что подобный центр существует в системе учреждений Академии общественных наук Китая и в его наименовании есть слово «Россия».) Все остальное должно быть подчинено решению именно упомянутых задач. Нельзя растворять изучение Китая, политики КПК — КНР по отношению к России в иных проблемах. Ставить их как бы в равное положение с изучением Китая и таким образом ослаблять нашу способность защищать наши интересы перед лицом осуществления руководителями КПК — КНР их глобальной политики, прежде всего в отношении нашего народа и нашей страны.

Конечно, такой научный центр наряду с самыми главными темами может изучать и другие проблемы, как Китая, так и те глобальные, многосторонние и двусторонние проблемы, которые имеют отношение к вопросу о Китае и его политике, но только именно в этом ключе.

Соединение в одном научном центре как бы на равных изучения Китая, его отношений с нашей страной, с изучением других стран или отдельное изучение вопросов, относящихся к китайской культуре, вне связи с вопросами обеспечения наших интересов во взаимоотношениях с Китаем, не продуктивно.

Такой научный центр мог бы, имея определенную поддержку, средства и полномочия, координировать научную иссле-

довательскую работу по Китаю в сфере науки, вырабатывать рекомендации для сферы образования и делового мира (практических связей в области экономики и торговли с Китаем). Все эти направления в его работе должны быть полностью материально обеспечены.

В этих целях в ИДВ наряду с нынешней структурой можно было бы создать общественную некоммерческую организацию — Общество китаеведов.

Оно могло бы стать центром (и формой) проведения общегосударственных конференций, семинаров, иной научной деятельности китаеведов и всех людей, интересующихся Китаем, соприкасающихся в практической работе в области экономики, финансов, торговли и т. п. с Китаем, а также всех работников в сфере образования, начиная со школьного образования и включая университетское образование, связанное с изучением Китая. В работе этого общества могли бы принимать участие только граждане нашей страны, но не КНР.

Необходимо подчеркнуть, что вся эта работа должна быть, как уже упоминалось, обеспечена с финансовой точки зрения. Средства для ее осуществления должны предоставляться ИДВ РАН. Иначе говоря, ряд сотрудников ИДВ РАН могли бы получать свою зарплату, имея при этом обязанности вести работу по линии упомянутого Общества китаеведов. Формально это общество могло бы выступать как исключительно общественная и некоммерческая организация. По сути дела, это должен быть находящийся на содержании и обеспечении государства всероссийский научный центр организации работы «на китайском направлении» в сфере науки и образования.

На работу по Китаю нельзя жалеть никаких средств.

Необходимо лишний раз подчеркнуть, что речь идет о разработке плана действий по обеспечению существования и выживания нас как народа и страны.

Необходимо учитывать опыт истории, когда руководители нашего государства, правящей партии просмотрели войну, нападение на нас в 1969 году, не приняли во внимание предупреждения о возможности и вероятности применения Мао Цзэдуном и его приверженцами оружия против нас на границе.

Необходимо вырабатывать и осуществлять такую политику, которая обеспечила бы нам защиту и сохранение мирных, благоприятных для нас отношений во всем обозримом будущем.

Внутри ИДВ РАН (а также и в соответствующих иных центрах работы по Китаю) необходимо объединять усилия всех специалистов по Китаю и специалистов по другим странам и проблемам, когда речь идет о работе по Китаю. Тем самым можно было бы устранить ныне существующий разрыв и между китаеоведами в различных центрах и учреждениях, и между китаеоведами и людьми других специальностей, которым приходится или которые должны заниматься вопросами, связанными с Китаем.

ИДВ РАН мог бы стать ведущим центром, объединяющим усилия в работе по Китаю, прежде всего всех институтов РАН, занимающихся международными отношениями, а также других организаций и учреждений в Москве, ведущих работу «на китайском направлении».

Здесь необходимо учитывать, что эта работа должна осуществляться прежде всего компетентными людьми, специалистами, профессионалами именно по Китаю, особенно теми, кто хорошо владеет китайским языком.

Объединение усилий китаеведов и специалистов по США, по всем другим странам, континентам и областям работы, рассмотрение вопросов со всех сторон, особенно сопоставление взглядов китаеведов и некитаеведов, может дать нужные и важные результаты.

Имеется в виду, что и внутри ИДВ, и при объединении усилий ИДВ и других институтов РАН было бы целесообразно изучать ту или иную тему следующим образом: с одной стороны, в ИДВ РАН, например, можно было бы исследовать состояние и перспективы развития китайско-американских отношений, а в ИСКАН РАН можно было бы исследовать состояние и перспективы развития американо-китайских отношений, а затем соединить результаты исследования этой проблемы китаеоведами из ИДВ и китаеоведами и другими специалистами из ИСКАН.

То же самое можно было бы делать применительно ко всем соответствующим институтам РАН: Африки, Латинской Америки, востоковедения, Европы. Сюда было бы целесообразно включить ИСАА при МГУ, ВШЭ, Дипломатическую академию и МГИМО (У)

МИД РФ. Тот же принцип мог бы оказаться полезным и внутри каждого из упомянутых учреждений.

Одним из последних по времени, недавних явлений международной жизни, которое свидетельствует о необходимости координации такой работы и объединения усилий, является проблема, связанная с положением в Венесуэле.

Здесь объединение усилий института Дальнего Востока, ИСКАН, Института Латинской Америки могло бы дать возможность лучше осмыслить глубину и широту проблемы, ее глобальный характер.

Более того, представляется, что все это говорит о том, что работа «на китайском направлении» становится неременной частью работы каждого соответствующего учреждения Российской академии наук, во всяком случае каждого из институтов, занимающихся исследованием международных отношений. Мнение этих институтов, в частности, в данном случае Института Латинской Америки в сочетании с мнением Института Дальнего Востока РАН, могло бы помочь лучше осмыслить глобальный характер происходящего в Венесуэле, способствовать пониманию интересов как самой этой страны, так и ряда стран, связанных с ситуацией в этой стране: России, Америки, Китая, государств Латинской Америки, прежде всего Бразилии, Аргентины, Мексики. Это может помочь выработать рекомендации для нашей политики в этом отношении.

В настоящее время обращают на себя внимание контакты РАН с китайскими учреждениями по проблемам Мирового океана, северо-восточной части Тихого океана. В данном случае, как и во всех других подобных случаях, прежде чем приступить к такой работе с китайской стороной, важно обменяться мнениями между Институтом океанологии РАН и ИДВ РАН.

Необходимой представляется также координация и объединение усилий центров исследований по Китаю — научных и образовательных учреждений в Москве и в других городах России. Это можно сделать при соответствующем финансировании и при руководящей роли упомянутого отдела по Китаю в Администрации Президента РФ, а также на практике ИДВ РАН.

В работе по Китаю также необходимо объединение усилий научных и государственных организаций, а также деловых кру-

гов. Важно устранить существующий в настоящее время разрыв между государством, бизнесом и наукой, когда речь идет о Китае. Необходимым представляется создание государственного органа, который бы координировал и направлял эту работу. Координация работы МИД, РСПП, ТПП и ИДВ могла бы дать полезные результаты.

Отдельно и специально необходимо наладить работу Общества российско-китайской дружбы. Оно не должно представлять собой своего рода «филиал» посольства КНР в РФ.

Китайские дипломаты в Москве подчеркивают, что то, что они именуют «народной дипломатией» и во что они включают и работу по линии Общества российско-китайской дружбы, — это один из инструментов внешней политики КНР. Необходимо исходить из того, что со стороны КПК — КНР нет никакой «народной дипломатии», нет никакой «дипломатии народа». Есть дипломатия КПК — КНР, которая использует все формы оказания нужного им воздействия на иностранцев. Народ Китая не имеет никакой возможности осуществлять какую бы то ни было свою дипломатию, отдельную от внешней политики, от дипломатии правительства КНР. Вся работа, именуемая в КНР «народной дипломатией», является частью внешнеполитической деятельности КПК — КНР.

Эта работа, как и другая работа посольства КНР в РФ, а также деятельность китайского культурного центра в Москве, должна быть поставлена под строгий контроль МИД РФ, других государственных учреждений. Нельзя допускать ущерба интересам нашего народа и нашей страны, пропаганды враждебных нам взглядов на историю, состояние и перспективы наших отношений.

Общество российско-китайской дружбы может и должно пропагандировать реестр добрых дел сторон в отношении друг друга, значение дружбы в истории, в настоящем и будущем.

Особо подчеркивать значение того, что было сделано нами в истории для китайцев как народа и страны.

Общество должно получить необходимую финансовую поддержку со стороны государства.

Почетным председателем общества целесообразно быть действующему президенту РФ.

Филиалы общества целесообразно создать во всех соответствующих регионах нашей страны.

В Китае нам надо иметь столько же центров нашей пропагандистской работы, сколько мы допускаем в нашей стране институтов Конфуция.

Эти институты Конфуция в нашей стране должны быть поставлены под строгий контроль наших соответствующих органов. Нельзя допускать превращения их в центры пропаганды политики руководителей КПК — КНР (здесь следует учитывать, что упомянутая пропаганда включает в себя враждебную по отношению к нашему народу и нашей стране трактовку истории наших отношений, а также сбор разного рода информации, в том числе и информации разведывательного характера). Институты Конфуция могут помогать людям в нашей стране изучать китайский язык, однако с тем, чтобы это не превращалось в пропаганду того, что наносит ущерб нашим интересам.

Вся их деятельность и распространяемые ими материалы должны находиться под нашим контролем, подвергаться нашей цензуре.

Их деятельность допустима только в целях обучения желающих китайскому языку и рассказов о культуре Китая, с тем, однако, чтобы это не оказывалось враждебным нашему народу и нашей стране.

Наши культурные центры в Китае, учитывая, в частности, использование китайской стороной имени Конфуция, могли бы носить имя Льва Николаевича Толстого. Нам необходимо во всем, даже в «мелочах», добиваться абсолютного равноправия с китайской стороной. Это относится и к наименованию центров просветительской работы в нашей стране и в КНР.

Деятельность наших центров Льва Толстого должна быть направлена на обучение желающих русскому языку и состоять из рассказов о нашей культуре.

Необходимо поставить под строжайший контроль туризм из КНР в нашу страну. При этом необходимо исходить из того, что все это носит, если говорить о деятельности китайской стороны, китайских властей, политический характер. Направлено на осуществление глобальной стратегии КПК — КНР в отношении нашего народа и на-

шей страны, представляет собой орудие пропаганды прежде всего взглядов КПК — КНР на историю наших двусторонних отношений, на воспитание китайских туристов в том духе, что наша страна якобы является «должником» нации Китая, что за нами якобы есть «территориальный долг», что многие наши земли лишь «временно находятся» в составе России. Вся эта деятельность властей КПК — КНР показывает, что пропагандируемый ими принцип «деидеологизации» наших двусторонних отношений на самом деле является лишь прикрытием подлинной политики этих властей и предназначен для того, чтобы вводить в заблуждение наши власти (которые во многих случаях «обманываться рады»), наших людей.

В эту работу в КНР вкладывают идейное, идеологическое, пропагандистское, содержание и одновременно организуют дело таким образом, что все это приносит политическую и идеологическую, экономическую и финансовую выгоду исключительно современному китайскому государству. Фактически на территории нашей страны в сфере туризма существует «китайский анклав», который целиком подчинен и в политическом, и в организационном, и в экономическом отношении властям КНР.

Нам необходимо допускать работу на нашей территории только наших туристических организаций и гидов.

Все разъяснения гидов должны представляться в письменном виде нашим соответствующим учреждениям, проходить проверку и утверждаться нашими соответствующими органами при консультации со специалистами по Китаю, например в ИДВ РАН.

Нельзя допускать никакой «китайской самодеятельности», то есть, в частности, никакого «красного туризма». Совершенно недопустимым представляется то, что происходит в 2019 году, то есть организация и демонстрация властями КПК — КНР в нашей стране, начиная с Ульяновска, выставки из КНР под названием «В Китае родился Мао Цзэдун».

Пропагандистская деятельность китайской стороны в нашей стране, в частности через китайский культурный центр в Москве, должна быть поставлена под контроль с нашей стороны с учетом мнения компетентных китаеведов, в частности в ИДВ РАН.

Еще одним важным направлением работы по Китаю должна стать работа МИД РФ, государственных учреждений, а также на-

учных и образовательных центров с коллегами и другими организациями во всех бывших республиках СССР. К этому МИД должен привлекать ученых из всех научных центров, в том числе из ИДВ РАН.

Работа по Китаю должна вестись:

- и на территории нашей страны;
- и в Китае;
- и во всех регионах и странах всего мира, где это необходимо.

Речь идет о работе «на китайском направлении» по линии МИД, всех специальных ведомств, а также научных центров, включая ИДВ РАН.

Она не должна ограничиваться только территорией нашей страны. На эту деятельность необходимо специально выделять средства во всех соответствующих учреждениях.

Необходимо искать и находить общий язык по этому вопросу с людьми и организациями всех заинтересованных стран во всем мире. На работу со специалистами из иностранных государств, занимающимися Китаем, необходимо выделять средства, обеспечивая как углубление понимания нами «проблем Китая», так и осуществление нашего влияния в соответствующих странах.

Необходимо выделить в специальную область работы и изучения вопрос о действиях Китая в этих странах, в бывших республиках СССР, и о том, что она означает с точки зрения интересов России, как на нее следует реагировать.

Необходимо установить все возможные связи с этими государствами по вопросам, касающимся Китая. Это предполагает установление и развитие связей по всем направлениям, в частности, в сфере науки и образования, а также бизнеса.

Необходимо также восстановить и начать устанавливать и всемерно развивать связи с китаеведами Америки, Европы, Индии, Японии, Израиля, мусульманских стран.

Также отдельно важно установить научные связи и с соседями Китая. А также с государствами Азии, Африки, Латинской Америки, Канады, Австралии.

Во всех этих странах по линии МИД РФ, других государственных и научных учреждений необходимо создать точки изучения

проблем, связанных с Китаем, его политикой и ее значением с точки зрения интересов РФ. Необходимо также специально предусмотреть выделение средств для осуществления научных командировок, проведения семинаров, конференций «по китайской линии», закупки соответствующей литературы. В настоящее время это практически не делается.

Необходимо принять меры для того, чтобы в нашей стране, очевидно в закрытом порядке, была бы развернута работа по откровенному и объективному обмену мнениями между всеми соответствующими специалистами, чтобы их научная работа не ограничивалась требованиями «не наносить ущерба лучшему периоду в истории наших двусторонних отношений с Китаем» или, например, мнением о том, что «в пограничном вопросе поставлена точка».

Очень важным предстает в настоящее время и изучение ситуации с гражданами РФ в КНР, исследование вопроса о работе с ними государственных органов КНР через граждан Китая, а также вопроса о нашей реакции на эту работу в целях защиты интересов наших граждан и нашей страны.

В настоящее время создалась совершенно новая ситуация там, где речь идет о проживании и работе людей из нашей страны, да и из других стран, на территории КНР. Это становится большой проблемой, которая требует отдельного широкого и глубокого изучения. Встает вопрос о характере сосуществования иностранцев и китайцев на территории КНР, особенно там, где это касается людей из нашей страны, из бывших республик СССР.

Наконец, важным представляется и вопрос о деятельности граждан КНР, властей КПК — КНР на территории России применительно:

- к российским руководителям всех уровней;
- чиновникам;
- военным;
- деловым людям;
- работникам средств массовой информации, науки, образования, культуры;
- населению нашей страны.

Эта деятельность должна быть поставлена под контроль с целью не допустить нанесения какого бы то ни было вреда интересам нашего народа и нашей страны. В частности, речь должна идти о предотвращении шпионажа в любой области и на любом уровне против нашей страны.

Необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство.

Мао Цзэдун говорил Хрущеву о том, что китайцы ассимилировали всех, кто «попадался» им на историческом пути.

Следовательно, традиционно власти КПК — КНР отношения с иностранцами, включая нас, людей нашей страны, видят только как отношения с объектом ассимиляции.

Далее, известно, что в Китае, также традиционно, руководствуются мыслью о том, что китайцы никогда и нигде не будут национальным меньшинством.

Это относится и к тому, как видят в Китае настоящее и будущее китайцев на территории нашей страны.

Здесь можно и нужно обратить внимание на то, что власти КПК — КНР фактически создают на всей планете сеть «гнезд», «опорных баз» или «опорных пунктов», обеспечивающих интересы руководителей Китая (иной раз это, например, просто сеть ресторанов, пунктов одновременно и питания, и наблюдения, точек, в которых работают бессемейные сотрудники, направленные туда соответствующими ведомствами из КНР). При этом сохраняется и развивается система «китайских поселений, или чайна-таунов», которые фактически не находятся под юрисдикцией и контролем со стороны властей страны пребывания. Китайцы, многие китайцы, работающие за рубежом КНР, фактически продолжают жить своей особой жизнью, внутри своих сообществ, и не смешиваются с людьми страны пребывания, тем более не становятся гражданами страны пребывания. Все это создает весьма специфическую ситуацию и требует определенных действий, реакции на создавшееся и создающееся положение.

Наконец, мне приходилось слышать от китайцев, что они хотели бы, чтобы любой китаец чувствовал себя на территории нашей страны точно так же, как он чувствует себя в Китае, в особенности

в том, что касается его производственной деятельности, деловой активности.

Все это вместе взятое требует учета при формировании и осуществлении нашей политики по отношению к пребыванию китайцев в любом качестве на нашей территории и в нашей политике, в том, что касается пребывания и положения наших граждан на территории Китая во всех тех случаях, когда нарушаются в чем бы то ни было их права.

Глобальная стратегия Китая, ее осуществление на практике, то, что деятельность Китая на мировой арене приобрела глобальный характер, — все это требует от нас учета, анализа, выводов в теории и на практике.

Вся наша деятельность «на китайском направлении» во всем мире в настоящее время приобрела новый характер.

Нам необходимо во всей нашей деятельности в любой стране иметь специалистов, которые изучали бы особенности нашей там работы с учетом действий, стратегии и тактики КПК — КНР.

Нам это необходимо делать и во всех областях: в сфере внешней политики, в дипломатии, в области бизнеса, экономики, науки и техники, военно-технических связей и т. д.

Это необходимо в сфере культуры, науки, образования, туризма, спорта и т. д.

Везде нужны люди, способные согласовывать решения с учетом наших интересов, интересов Китая и интересов той или иной, практически каждой страны.

Нам надо готовить таких специалистов в МГИМО, ИСАА, ВШЭ и т. д. При подготовке специалистов по Китаю, будущих китаеведов, необходимо добиваться того, чтобы они:

- прежде всего были «политически подкованы», то есть знали историю наших взаимоотношений, были знакомы с трактовкой этой истории нашей стороной и властями КПК — КПК (представляется, что во всех соответствующих вузах, университетах необходимы специальные обязательные курсы для студентов по истории русско-китайских, советско-китайских отношений);

- далее, обладали бы знаниями в области китайского языка, исходя при этом из того, что основу таких знаний лучше всего закладывать в нашей стране, обучая будущих специалистов прежде всего пониманию и переводу письменных текстов, умению читать по-китайски, присовокупляя в дальнейшем, на этой фундаментальной основе овладение навыками разговорного языка в Китае;
- и, наконец, получали бы знания в той или иной области применительно к той конкретной работе, которой им придется заниматься «на китайском направлении».

На практике нам сегодня нужно возродить и создать в соответствующих научных учреждениях, прежде всего в ИДВ РАН, группы специалистов по Китаю, специализирующихся по странам, регионам, международным организациям, по мировой экономике и международным отношениям, включая ООН и ее организации.

Нам надо в ИДВ иметь специалистов по Китаю и той или иной стране, по тому или иному региону в центрах Кореи, Японии, Монголии, Вьетнама и так далее, по Индии, Бразилии, Южной Африке, европейским странам, каждой из них (прежде всего Англии, Германии, Франции, Италии) по отдельности.

Все упомянутое требует создания специализированных групп подготовки «штучных» специалистов во всех соответствующих учебных заведениях. Это должны быть люди со знанием по крайней мере трех языков: китайского, английского и еще одного языка.

В начале 1990-х годов сфере наших двусторонних трансграничных отношений появились «помогайки-китайцы», подносившие товары нашим «челночникам». Сегодня в «помогаек-китайцев» (помощников, обслуживающий персонал) превратились многие наши чиновники, бизнесмены, работники во многих областях. Это надо изучать. С этим «надо что-то делать», этого нельзя допускать и это следует прекратить.

Отдельно обращает на себя внимание положение дел на берегах озера Байкал. Недопустимым представляется фактическая передача этих земель в собственность китайцев. В равной степени нельзя допускать строительства водовода из озера Байкал в КНР, а также строительства на берегу озера Байкал фактически принад-

лежащего китайской стороне предприятия по производству бутылок с байкальской водой с целью доставки ее в КНР.

Важным также представляется обратить внимание на продажу в собственность китайцев гостиницы «Пекин» в центре Москвы. Фактически это создание чайна-тауна в Москве, в самом ее центре. Эта гостиница будет превращена в территорию, куда вход нашим властям будет запрещен. Гражданин РФ будет себя чувствовать в этом чайна-тауне как на чужой, иностранной, китайской территории. Появление такой гостиницы в Москве означает, что московские и центральные власти подчиняются требованиям властей КНР и допускают создание в центре столицы РФ квартала, куда вход властям и гражданам РФ фактически запрещен, и при этом не имеют равных соответствующих прав и мест в столице КНР. Это одновременно является показателем того, что китайцы ощутили некие опасности для себя и в Москве, и в целом на территории РФ.

Можно в дополнение к сказанному обратить внимание на то, что широко разрекламированный «красный туризм» из Китая в Россию оказался несостоятельным проектом.

В Ульяновске за последние три года мемориальный комплекс Ленина посетили всего семь тысяч китайцев. Есть основания говорить о том, что «красный туризм сдулся».

Китайцы ощутили реальное отношение, настороженность наших людей, вполне определенное и возрастающее недоверие к китайцам, властям КПК — КНР со стороны граждан РФ. Власти Китая в этой ситуации усилили свою деятельность на территории нашей страны. Они стремятся заставить наших пропагандистов, работников СМИ, ученых работать на Китай, на ЦК КПК.

При этом они используют то обстоятельство, что власти РФ фактически поощряют такую работу «в интересах китайской стороны» и создают атмосферу, в которой практически невозможно, в частности для ученых и журналистов, высказывать какие бы то ни было критические соображения, направленные на защиту наших интересов и представляющие собой анализ пропагандистской и иной деятельности представителей властей КНР, действующих на нашей земле и так или иначе ущемляющих наши интересы.

Попутно можно обратить внимание на то, что в КНР признавали, что рассказы своих, то есть китайских, пропагандистов

о том, что произошло в нашей стране и выразилось в исчезновении КПСС — СССР, не убеждают население КНР, не убеждают китайцев. Поэтому органы пропаганды КПК придают большое значение поиску, нахождению и использованию в своих интересах (для восхваления политики КПК как «имеющей достижения, которых нет в других странах», а также для утверждения о том, что «будущее принадлежит Китаю», и для критики того, что происходило и произошло, да и происходит, в нашей стране) тех «специалистов по Китаю» и вообще работников в любой области, кто готов повторять и «углублять» все пропагандистские установки КПК: работников средств массовой информации, ученых и т. д. Здесь в той или иной форме присутствует и «материальная заинтересованность». Им оплачивают поездки в Китай, издание книг и статей и т. д.

Давление представителей властей КНР на людей нашей страны усиливается. В конце ноября 2018 года советник посольства КНР в РФ Цзян Сяоян посетил одного из наших экспертов, готовившего проведение презентации в Министерстве культуры РФ книги заместителя председателя общественного совета при этом министерстве Рибаса о Си Цзиньпине, и высказал мнение о нецелесообразности проведения такого мероприятия всего за несколько дней до его проведения. Это произошло несмотря на то, что перед этим на протяжении длительного времени проводилась работа по подготовке к изданию упомянутой книги (биографии Си Цзиньпина в серии «Жизнь замечательных людей»). Это делалось при координации с китайскими правительственными учреждениями.

В марте 2019 года в интернете появилось сообщение о том, что сотрудники посольства КНР в РФ устно и письменно по электронной почте обращаются (иной раз «на ты») к сотрудникам «Независимой газеты» с требованиями не публиковать те или иные статьи о состоянии экономики Китая, несмотря на то что статьи написаны на основе официальных статистических данных. При этом эти дипломаты из китайского посольства даже позволяют себе заявлять, что сотрудник газеты за невыполнение требований китайских дипломатов может попасть «в черные списки» и лишиться возможности побывать в КНР. Китайские дипломаты при этом также издевательски заявляют, что если говорить о недовольстве в той или иной стране, то такое недовольство существует

не в КНР, а в РФ, в частности, по следам выступления президента РФ Путина о положении в стране. Эти примеры лишний раз подтверждают обоснованное мнение о том, что чиновники китайских правительственных учреждений уже на протяжении ряда лет, очевидно выполняя указания своего центра, пытаются контролировать работу по изучению Китая в нашей стране, работу по Китаю наших общественных организаций, работу наших людей, которые пишут об этой стране.

В нашей стране сама сложившаяся ситуация требует того, что, образно говоря, «везде должны быть наши специалисты по Китаю». Это общегосударственная задача. Повторим, что теперь таким специалистам необходимо знание китайского, английского и еще по крайней мере одного языка. Глобальная стратегия Китая требует глобального ответа на нее в нашей стране. Таким сегодня выглядит и является «китайское направление» и работа «на китайском направлении».

ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КНР И США

В январе 2019 года в КНР отметили сорокалетие установления дипломатических отношений между КНР и США.

Следовательно, отсчет начинают с 1979 года.

Попутно можно отметить, что власти КПК — КНР действуют наступательно, навязывая в случае с нашей страной отсчет с момента образования КНР, хотя у нас и до этого были отношения и с КПК, и с Китайской Республикой, а также не принимая во внимание то, что на рубеже 1991 и 1992 годов у нас перестало существовать одно государство — СССР и появилось нынешнее, другое государство — Российская Федерация. Очевидно, что тем самым предлагается исходить только из появления такого государства, как КНР, и не обращать внимания на появление такого государства, как РФ.

В случае с США также не принимается в расчет то, что даже в период существования КНР у американцев и китайцев (между властями двух государств, КНР и США) имели место разного рода связи и контакты. В частности, на протяжении ряда лет велись переговоры на уровне послов, а далее, начиная с конца 1960-х годов, появились и поддерживались контакты между помощником президента США по национальной безопасности Киссинджером и премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем. В 1972 году состоялась встреча президента США Никсона и председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. Тем не менее предлагается начинать отсчет с объявления об установлении дипломатических отношений, то есть с 1979 года. Здесь власти КПК — КНР явно навязывают неравноправие и нашей стране, и Америке.

Можно отметить, что при этом предлагают исходить из того, что сегодня эти отношения «берут новый старт».

Таким образом, историю своих отношений с США нынешние руководители КПК — КНР делят на два периода: один с 1 января 1979 года, то есть с момента установления дипломатических отношений и с начавшегося 29 января 1979 года по приглашению президента США Дж. Картера визита в США заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина; другой фактически начиная со времени пребывания на своем посту председателя КНР Си Цзиньпина.

Позиция властей КНР, их отношение к этой дате, выраженное в речи заместителя председателя КНР Ван Цишаня, дает возможность обратить внимание на особенности трактовки в КПК — КНР истории и нынешней ситуации в двусторонних отношениях.

Однако, прежде чем обратиться к этому вопросу, представляется важным воспользоваться этой возможностью и отметить некоторые особенности трактовки в КПК — КНР развития китайско-американских отношений, начиная с момента образования КНР.

С этой целью мы обратимся к книге Сюн Чжиюна «Сто лет китайско-американских отношений», изданной в Пекине издательством «Шицзе чжиши чубаньшэ» в 2006 году. По сути дела, это учебник для людей, которые учатся «на дипломата» в Пекине.

Там прежде всего отмечается, что в 1949 году пути двух стран, Китая и Америки, разошлись. Это объясняется тем, что в то время «Китай был в лагере социализма авангардом борьбы против империализма», а «Америка была в лагере капитализма вождем антикоммунизма».

Итак, сразу же, «с самого начала» вводятся понятия «авангард» применительно к Китаю и «вождь» применительно к США. Каждый уже тогда был лидером в своем «лагере». Мысль о «большой двойке» лежит в основе такой трактовки ситуации.

Этот тезис выдвигается также с той целью, чтобы создавать в умах читателей то представление, что в свое время каждой из этих двух стран пришлось считаться с некими «внешними условиями», с обстановкой в мире, с существованием двух лагерей: лагеря социализма и лагеря капитализма. Следовательно, само деление планеты на мир социализма и мир капитализма оказалось тогда господствовавшим, и из-за него странам пришлось пойти разными путями. Противоречия между ними возникали и существовали во взаимоотношениях этих двух государств как следствие существо-

вавшей в те времена борьбы «империализма» с «коммунизмом». Оба этих термина предлагается видеть как временные и вынужденные обстоятельства, которые помешали тогда странам установить и наладить отношения.

Оказывается, что идеология, господствовавшая в те времена и в Китае, и в Америке, заставила страны пойти по разным путям.

При этом стремятся создать впечатление, что КПК — КНР и тогда выступали с позиций осуждения «безусловного вечного зла», то есть империализма, а Америка исходила из «пещерного антикоммунизма».

Так, с одной стороны, все-таки оправдывается позиция КПК — КНР и в то же время осуждается позиция США,

С другой стороны, здесь содержится намек на то, что все это было своего рода «оболочкой» и не отвечало коренным интересам ни той, ни другой нации. Нации в то время, в той обстановке, не имели возможности исходить из своих коренных интересов. Только по этой причине между ними не были установлены дипломатические отношения в момент создания КНР. Можно отметить и то, что здесь подразумевается, что КПК — КНР и тогда были готовы установить отношения с Америкой. Только США несут ответственность за то, что межгосударственные отношения не были установлены между КНР и США с самого начала, с момента образования КНР.

Далее выделяется период с 1949 по 1959 год. Тогда Китай и Америка «скатились в трясину враждебных отношений». Это нашло свое выражение прежде всего в том, что Америка не признала новый Китай.

Так развивается мысль о том, что изначально главным виновником отсутствия отношений были США.

Затем произошла «война с целью оказания отпора Америке и оказания помощи Корее». В итоге имели место переговоры о мире.

И здесь подразумевается, что Китаю тогда пришлось давать отпор США, помогать Корее и что в результате американцам, дескать, пришлось пойти на переговоры о мире.

Тогда же Америка заключила с Тайванем договор о взаимной обороне. Это означает, что, даже несмотря на «урок», который Мао

Цзэдун, дескать, преподавал США в Корее, заставив их пойти на переговоры о мире, американцы продолжали свой «неверный» курс и подписали с Тайванем договор о взаимной обороне.

Таким образом, вслед за обвинением в адрес США в том, что они не установили отношения с КНР в момент ее образования, здесь американцев осуждают за то, что они повели войну в Корее, а Китаю пришлось дать им отпор, попутно защитив Корею, оказав ей помощь и вынудив США пойти на мирные переговоры.

Однако американцы все никак не могли понять, что им необходимы отношения с КНР, и усугубили свою вину, создав новое препятствие в отношениях, вмешавшись во «внутренние дела» «Китая», заключив «договор» с одной из «составных частей» «Китая». Власти КПК — КНР навязывают всем в мире свое толкование ситуации, в частности, присваивая себе исключительное право считаться «Китаем».

На самом деле есть основания говорить о «Китае» как понятии из области истории и культуры. Однако если говорить о современных международных отношениях, то существуют два государства нации Китая. Одно — в континентальном Китае. Оно называется КНР. Оно существует с 1949 года. Другое — на острове Тайвань. Оно именуется Китайской Республикой. Оно возникло в результате Синьхайской революции 1911 года.

Дальнейшие события описываются в КНР следующим образом.

Вскоре имел место первый контакт между Китаем и Америкой в Женеве. В результате Америка и Китай начали вести переговоры на уровне послов. В то же время возник кризис в Тайваньском проливе.

Таким образом, признается и подчеркивается, что первый контакт (не считая всего того, что происходило в Корее) у представителей КНР и США состоялся в 1954 году в Женеве.

Это привело к началу с середины 1950-х годов переговоров между официальными представителями властей КНР и США на уровне послов.

Такое развитие событий явно приветствуется в КНР.

В то же время, то есть одновременно с позитивным взглядом на всю историю установления контактов и связей, на весь процесс

движения в сторону взаимного признания и установления отношений непременно, раз за разом, предпринимались попытки осуждать США, особенно за их политику в том, что касается Тайваня.

Таким образом, власти КПК — КНР пытаются одновременно решать две задачи: с одной стороны, создавать затруднения у американцев, ставить их в положение своего рода «должника», который «должен» идти навстречу позиции КНР по вопросу о Тайване, с другой — искать поддержку со стороны населения КНР, демонстрируя ему себя как якобы представителя «всей нации Китая», включая тайваньцев.

В КНР выделяют следующий период во взаимоотношениях Китая и Америки: 1959–1969 годы.

При этом утверждается, что именно тогда США начали осуществлять в отношении Китая политику по принципу «сдерживания, но не изоляции». Китай поддержал Вьетнам в его войне с целью «оказания отпора Америке». Тогда же возник «единый фронт борьбы против Америки».

Таким образом, внушается мысль о том, что США были вынуждены постепенно соглашаться с тем, чтобы искать пути к установлению и развитию контактов с КНР. В то же время подчеркивается, что КНР в 1950-х годах «поддерживала» или «поддержала» Корею, а в 1960-х годах «поддержала» Вьетнам с целью оказания отпора США.

Более того, здесь подчеркивается, что Мао Цзэдун попытался оказывать давление на США именно в середине 1960-х годов. В 1965 году КНР открыто выдвинула политику «единого антиамериканского фронта». Это была попытка, с одной стороны, припугнуть, оказать некое давление на США тем, что КНР будет содействовать всем тем во всем мире, кто будет выступать против США (однако КНР будет это делать только в том случае, если США не изменят свою политику в отношении КНР), и, с другой стороны, довести до американцев мысль о том, что Мао Цзэдун и его союзники внутри руководства КПК (но не Линь Бяо) оставляют СССР за рамками упомянутого единого фронта борьбы против США.

Попутно необходимо сказать, что именно это десятилетие, то есть 1959–1969 годы, было временем, когда Мао Цзэдун активно готовил установление связей с США. В этих целях он организовал

во всекитайских масштабах идеологическую борьбу против нашего народа и нашей страны как якобы исторического, национального, классового и военного врага нации Китая. В эти же годы Мао Цзэдун настроил таким же образом свою армию, свои вооруженные силы на войну, на подготовку войны против нас и разработал планы нападения на нас на границе. Одним словом, период подготовки к установлению связей с США был и периодом подготовки войны против нас. Все это было неразрывно связано.

Далее в КНР выделяют период 1969–1976 годов. Здесь обращают внимание на «пинг-понговую дипломатию во взаимоотношениях Китая и США». Упоминают о тайных поездках Киссинджера в Китай. Останавливаются на визите в Китай Никсона. Говорят о создании КНР и США миссий связи.

Итак, с такой точки зрения последние годы жизни Мао Цзэдуна — это, собственно говоря, период, когда внутри страны, внутри КНР, он фактически выполнил свою главную задачу — перевел население страны на рельсы военной вражды к нашему народу, к нашей стране, устранил с политической сцены противников войны против нас, прежде всего Лю Шаоци, а также, очевидно, Линь Бяо (который был вынужден бежать из страны) и, есть основания так считать, Пэн Дэхуая, не говоря уже о всекитайской кампании охоты на «советских шпионов». Вся деятельность Мао Цзэдуна в 1969–1976 годах была сосредоточена на решении главной теперь задачи в сфере внешней политики, то есть на том, чтобы побудить США, заставить власти США вступить в контакты с ним и его государством на основе «общего понимания»: СССР — это, дескать, агрессор, угрожающий и КНР, и США. Очевидно, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, все это открывало возможность использовать США в целях наращивания военного и экономического потенциала КНР и в то же время просто отложить на некоторое время (или замаскировать) открытое и активное соперничество с США на мировой арене.

Факты, о которых здесь упоминается, говорят о том, что именно после нападения на нас на границе два государства, КНР и США, вступили в активную фазу налаживания между собой двусторонних межгосударственных отношений, установили контакты между высшими руководителями государств, осуществили встречу пре-

зидента США Никсона и фактического главы государства и правящей в нем партии в Китае, то есть Мао Цзэдуна, создали миссии связи в столицах: в Вашингтоне и в Пекине. Именно тогда и был решен вопрос о поддержке Америкой прихода представителей Мао Цзэдуна, КНР в Организацию Объединенных Наций. Иными словами, есть основания говорить о том, что период межгосударственных отношений КНР и США начался именно в эти годы.

В КНР говорят как об одном цельном периоде об отношениях Китая и Америки в 1977–2005 годах (здесь называется 2005 год, так как книга, о которой мы говорим, была издана в 2006 году).

При этом обращают внимание на то, что на двух путях — путях Китая и Америки — возникли пересечения. При этом Китай благодаря политике реформ и открытости стал богатым и могучим, а Америка в опоре на инновации обрела стабильное положение сверхдержавы.

Итак, оказывается, что с такой точки зрения две страны, Китай и Америка, с 1949 по 1976 год, то есть в период правления Мао Цзэдуна в Китае, фактически как бы благодаря его правлению прошли длинный путь.

Китай — от авангарда борьбы против империализма к тому, чтобы выступать в качестве «богатого и могучего» государства. Америка — от знаменосца антикоммунизма к тому, чтобы «в опоре на инновации обрести стабильное положение сверхдержавы».

Иными словами, борьба идеологий — антиимпериализма и антикоммунизма — за это время фактически как бы испарилась, рассеялась.

Становится все более очевидным, что во взаимоотношениях на мировой арене, в частности во взаимоотношениях Америки и Китая, Китая и Америки, главную роль играют не идеологии, хотя и они имеют значение, а национальные эгоизмы, которые внешне выступают иной раз под вывеской национальных интересов.

С этой точки зрения оказывается, что, возможно, с самого начала национальный эгоизм китайцев, части китайцев, диктовал им необходимость использовать в своих интересах знамя и лозунги коммунизма, пролетарского интернационализма в борьбе за власть над Китаем, а затем, когда эта цель была достигнута, стал дикто-

вать им необходимость использовать США, американцев, обманув их своим якобы согласием следовать за американцами в общей для Китая и Америки борьбе против СССР, против нашего народа и нашей страны.

В то же время национальный эгоизм диктовал Мао Цзэдуну и его последователям использование технологий, всего того, что из этой политики можно извлечь у американцев, для того, чтобы наращивать свой военный и экономический потенциал, считая такие действия временными, чтобы затем открыто соперничать с США на мировой арене.

С этой точки зрения, во-первых, у нашей страны, у СССР — КПСС, никогда не было действительно искреннего союзника в лице последователей Мао Цзэдуна и, во-вторых, политика Мао Цзэдуна и его последователей определялась и определяется прежде всего именно национальным эгоизмом и национальным эгоцентризмом.

На рубеже 1960–1970-х годов Америка и Китай вступили в двусторонние отношения как две нации (как два государства), которые обладали каждая своим могуществом и положением на мировой арене, и, исходя из национальных интересов, начали новые межгосударственные отношения, по сути дела, равных партнеров. Такова трактовка в КНР того, что тогда происходило.

В рассматриваемой работе при этом подчеркивается, что в этот период, то есть на рубеже между 1970–1980-ми годами, Китай и Америка установили дипломатические отношения, и в 1979 году состоялся визит в Америку Дэн Сяопина. В Америке был принят Акт об отношениях с Тайванем. Китай и Америка опубликовали коммюнике от 17 августа. Китай урегулировал внешнюю политику, и был осуществлен взаимный обмен визитами между Китаем и Америкой на уровне глав правительств. Быстро развивались отношения в области экономики и торговли. Начался расцвет связей в науке и технике, культуре и образовании. Непрерывно укреплялись военные отношения Китая и Америки. Имело место развитие отношений между берегами Тайваньского пролива.

Все эти оценки содержатся в книге, появившейся в КНР в годы правления Ху Цзиньтао, который выступал за гармонию внутри

страны и на мировой арене, за научный подход, за мир и сотрудничество, за развитие.

С одной стороны, именно этим определяется такая по преимуществу позитивная оценка того, что происходило в двусторонних американо-китайских отношениях в первом десятилетии XXI века.

С другой стороны, позднее выяснилось, что последователи Мао Цзэдуна всего лишь ждали своего часа, чтобы от пассивной фазы перейти к активной фазе соперничества с США на мировой арене.

Имея все это в виду, представим себе, что действительно происходило во взаимоотношениях КНР и США, если смотреть на это с нашей точки зрения.

На рубеже 1960–1970-х годов, в 1969 году, именно после и определенно в связи с началом по воле и во исполнение глобальных замыслов, глобальной стратегии Мао Цзэдуна военного нападения, военных действий, войны на границе против нашей страны активизировались до того времени спорадические контакты между правительствами в Вашингтоне и в Пекине, то есть фактически было положено начало межгосударственным отношениям между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой.

Естественным и нормальным представляется наличие отношений между такими нациями, как Америка и Китай, между такими государствами этих наций, как США и КНР. Отсутствие таких отношений представляется ненормальным.

Обстановка внутри самого Китая, на мировой арене в момент прихода Мао Цзэдуна и КПК к власти над континентальным Китаем сложилась таким образом, что установление межгосударственных, особенно дипломатических, взаимоотношений между США и КНР оказалось невозможным. Прежде всего из-за позиции США, которые не могли разорвать сложившиеся к тому времени и существовавшие много лет, особенно в период Второй мировой войны, связи с Китайской Республикой.

Итак, КНР появилась; о ее образовании было объявлено 1 октября 1949 года, а между США и КНР отношения установлены не были. Возникла своего рода международная аномалия.

Она существовала два десятилетия. Существенным фактором ее появления было имевшееся тогда, особенно в нашей стране, представление о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, о том, что наши народы и наши страны связаны десятилетиями неразрывной дружбы и идейным единством, интернационализмом, марксизмом-ленинизмом, что определяло наш военный союз и исключало саму мысль о вероятности, возможности и допустимости войны или военной вражды между нами.

Казалось, что наши народы и страны навечно объединены общей идеологией. Историей дружбы, особенно помощи, искренней и существенной помощи, с нашей стороны Коммунистической партии Китая, начиная с момента ее создания в 1921 году, затем в борьбе против враждебных ей сил внутри Китая, а далее в войне сопротивления Японии, или в Антияпонской войне, и, наконец, в войне КПК против Гоминьдана за власть над континентальным Китаем.

Тридцать лет борьбы, войн увенчались созданием КНР. Возникла перспектива вечного военного союза классовых братьев и союзников, друзей. У нас был тогда один общий классовый враг — капиталистические государства, прежде всего США. Наш народ и наша страна на протяжении первых десяти лет существования КНР оказывали ей существенную и искреннюю помощь в создании вооруженных сил КПК — КНР, при начале индустриализации КНР, во всех областях деятельности КПК — КНР.

Однако неожиданно для нас всего за десять лет, а особенно за последние пять лет перед 1969 годом, по воле Мао Цзэдуна в КПК — КНР было произведено, осуществлено перестроение на рельсы исторической, национальной, классовой и военной вражды к нашему народу и нашей стране.

Мао Цзэдун морально, идеологически, пропагандистски, а также материально подготовил партию, то есть КПК, государство, то есть КНР, нацию, то есть население Китая, к внешне «естественному» восприятию этими партией, государством, населением начала по воле Мао Цзэдуна его солдатами и военачальниками войны против нашего народа и нашей страны.

Это, повторим, совершенно неожиданно для нас произошло в 1969 году сначала на восточном, а потом и на западном участке границы между СССР и КНР.

По воле Мао Цзэдуна был сделан первый выстрел в этой войне, была пролита кровь наших людей, были подло из засады убиты наши пограничные представители, наши пограничники.

Мао Цзэдун пролитой им кровью, а также фактически демонстрацией согласия населения КНР с этим актом разделил наши народы и страны, наши стоявшие у власти в своих странах политические партии, КПСС и КПК, наши государства, СССР и КНР. Именно это породило обоснованное недоверие людей в нашей стране и к Мао Цзэдуну, и к политике его последователей.

Именно эти действия Мао Цзэдуна, именно его политика, рассчитанная им и на воздействие на китайцев, и на воздействие на американцев, на население других стран, и создали, открыли возможность, прежде всего для США, для руководителей этого государства, начать решительные действия с целью установления сначала контактов, а затем и связей, межгосударственных отношений с КНР.

Так, с одной стороны, в 1969 году началась история взаимоотношений США и КНР, начался процесс установления естественных для этих двух наций нормальных межгосударственных отношений.

И, с другой стороны, это было не мирным и естественным процессом, а действием на крови наших людей, на демонстрации Мао Цзэдуном американцам своего отношения к нам как к историческому, национальному, классовому и военному «врагу» нации Китая.

Если отношения КНР и СССР строились на понимании существования общего для них военного врага, то есть США, то отношения США и КНР строились на понимании существования общего для них военного врага, то есть СССР.

Таким образом, к 2019 году история американо-китайских отношений насчитывает уже свои первые полвека.

В КПК — КНР отметили это событие приемом в Пекине. Однако речь шла, с точки зрения нынешнего руководства КПК — КНР, о «сорокалетию» китайско-американских отношений.

С тем чтобы попытаться лучше понять позиции, политику и трактовку истории нынешним руководством КПК — КНР, можно обратиться к рассмотрению речи, произнесенной по этому случаю

заместителем председателя Китайской Народной Республики Ван Цишанем.

Итак, заместитель председателя КНР Ван Цишань на приеме в Золотом зале Дома ВСНП 10 января 2019 года по случаю сорокалетия установления дипломатических отношений между Китаем и Америкой произнес речь. Она была опубликована в газете «Жэньминь жибао» на второй странице 11 января 2019 года. (Цитаты из речи Ван Цишаня будем приводить курсивом.)

Ван Цишань начал свою речь с обращения. Он обратился к присутствовавшим, то есть к китайцам и американцам, со словами:

Дамы, господа, друзья!

Всех вас с добрым днем!

Сегодня мы отмечаем этим приемом здесь сороковую годовщину установления дипломатических отношений между Китаем и США.

Ван Цишань начал с «доброй ноты». Он обратился к «друзьям» и пожелал всем присутствовавшим, то есть китайцам и американцам, «доброго дня».

Благоприятная, благожелательная атмосфера — вот то, что, с точки зрения нынешнего руководства КПК — КНР, должно присутствовать и поддерживаться в области двусторонних американо-китайских отношений. Декоративная сторона необходима обеим сторонам. Ее желательно не нарушать, не портить.

Ван Цишань подчеркнул, что КНР считают необходимым отметить сороковую годовщину установления дипломатических отношений между КНР и США.

Это означает, что в Китае придают особое значение тому, чтобы стороны ценили эти отношения как отношения двух государств. Все то, что предшествовало установлению дипломатических отношений, при этом оказывается лишь подготовительным этапом, шагами на пути к главному событию — установлению дипломатических, именно дипломатических, а не каких-либо иных, суррогатных отношений.

Оказывается также, что при правлении Мао Цзэдуна удалось сделать многое, важное, но не удалось добиться такой важнейшей цели, как установление дипломатических отношений. Очевидно, что именно и только дипломатические отношения оказываются, с точки зрения нынешних руководителей КНР, действительно главными, равноправными и приемлемыми отношениями.

По сути дела, тут подразумевается, что с 1949 по 1979 год, то есть на протяжении 30 лет, по вине США между сторонами не было дипломатических отношений, США много лет не видели в КНР равного партнера, но Китаю наконец удалось заставить США признать Китай равным себе и в этой сфере.

Установление дипломатических отношений подается как победа КПК — КНР в борьбе за равенство, за достойное место во взаимоотношениях двух наций: Китая и Америки.

Попутно можно обратить внимание на то, что в речи Ван Цишаня не упоминаются имена ни Мао Цзэдуна, ни Никсона. Сегодня важнее вчера, настоящее важнее прошлого. Устремленность в будущее основывается на обращении ко дню сегодняшнему, к его проблемам и возможностям.

Сорок лет тому назад руководители двух государств, Китая и Америки:

- *исходя из коренных интересов народов двух стран,*
- *проявив необычное стратегическое предвидение и исключительную политическую смелость,*
- *осуществили решение исторического характера об установлении дипломатических отношений между Китаем и Америкой и тем самым открыли новую страницу в отношениях Китая и Америки.*

Итак, не упомянув даже имени Мао Цзэдуна, не вспомнив о его роли в установлении межгосударственных связей между КНР и США, заместитель председателя КНР Ван Цишань начал свою речь с оценки события, которое он, очевидно, считал главным в истории двусторонних отношений. Он говорил об установлении сорок лет тому назад, то есть в начале 1979 года, дипломатических отношений между КНР и США.

Ван Цишань сказал, что сорок лет тому назад руководители двух государств, КНР и США, «осуществили решение исторического характера и открыли новую страницу в отношениях Китая и Америки».

Ван Цишань не называет имен этих руководителей.

В Америке в это время президентом США был Джимми Картер. Государственным секретарем США был тогда Сайрус Вэнс.

В КНР в это время никто не занимал пост председателя КНР. Председателем ПК ВСНП был Е Цзяньин. Премьером Госсовета КНР был Хуа Гофэн. Фактически он к этому времени утратил положение «первого лица» как в партии, так и в государстве.

По сути дела, у Ван Цишаня речь идет о Картере и Дэн Сяопине.

Именно они принимали упомянутое «историческое решение» и «открыли новую страницу в китайско-американских отношениях». Так на место основателя нынешних отношений с китайской стороны Ван Цишань фактически продвигает Дэн Сяопина, хотя здесь и не называет его по имени.

Эти «руководители» действительно исходили из коренных интересов народов двух стран, хотя помимо этих интересов существенную роль при этом играли замыслы руководителей, их глобальная стратегия. Здесь согласие было декоративным, по существу стратегии не совпадали.

Что касается «необычного стратегического предвидения» и «исключительной политической смелости» упомянутых и неупомянутых руководителей, то предвидение у каждой стороны было свое, расчеты и замыслы были у каждой стороны свои.

Термин «политическая смелость» в данном случае применительно к Китаю не только оправдывает тот шаг, который в то время сделал Дэн Сяопин, но и подразумевает, что он, именно он «проявил исключительную политическую смелость», на время как бы исключив прямое и открытое осуществление глобальной стратегии Мао Цзэдуна, а на самом деле только отведя все это «в тень». Предлагая китайской стороне пока «не проявлять» себя, свои подлинные расчеты и замыслы, накопить силы, причем и за счет «ограбления» американцев, и только впоследствии «выйти из тени», вступив в активное соперничество с американцами.

В том году товарищ Дэн Сяопин подчеркнул, что с течением времени установление китайско-американских дипломатических отношений будет оказывать все более глубокое и все более далеко идущее влияние и на развитие отношений между двумя странами, и на защиту мира во всем мире, и это всенепременно будет проявляться во все более полной мере. История уже подтвердила это исполненное предвидения суждение. В настоящее время отношения Китая и Америки уже стали одними из тех двусторонних отношений, которые в сегодняшнем мире имеют самый большой потенциал, оказывают самое важное влияние.

Итак, сначала указав на историческое значение самого факта установления дипломатических отношений между КНР и США, Ван Цишань прежде всего подчеркнул первостепенную важность и важнейшую роль для ситуации во всем мире именно двусторонних отношений Китая и Америки. Именно в силу этого обе стороны должны ценить свои отношения. Китайская сторона ждет от американской стороны общего понимания самого главного, а именно того, что и сегодня, и в перспективе двусторонние отношения Китая и Америки определяют и будут определять всю ситуацию на планете.

Председатель Си Цзиньпин указал, что там, где дело касается отношений Китая и Америки, есть тысяча доводов в пользу того, чтобы должным образом наладить отношения Китая и Америки, и нет ни одного довода для того, чтобы испортить эти отношения, сотрудничество является наилучшим выбором для обеих сторон.

Здесь перебрасывается мост к пониманию позиции китайского руководства в настоящее время: когда-то Дэн Сяопин пошел на установление дипломатических отношений, у него было «необычайное стратегическое предвидение». Американцы должны понять, что китайская сторона исходит из признания того факта, что в современном мире в настоящем и будущем именно и только эти две страны, две нации, нация китайцев и нация американцев, обладают и будут обладать самым большим потенциалом и будут

оказывать самое большое влияние на ситуацию на планете Земля в целом; Си Цзиньпин, следуя по пути Дэн Сяопина, предлагает американцам исходить из того, что есть тысяча причин для того, чтобы, несмотря на возникающие противоречия и разногласия, наладить отношения Китая и Америки, и ничто не должно наносить ущерб этим отношениям. Очевидно, что имеется в виду предложение Си Цзиньпина исходить из того, что никакие события в мире, в любом регионе, в любой стране, в любых двусторонних и многосторонних отношениях, не должны сказываться на нормальном состоянии и постоянном развитии китайско-американских отношений. Сотрудничество Китая и Америки Си Цзиньпин считает нужным ставить превыше всего.

*Недавно (в последнее время) председатель Си Цзиньпин и президент Трамп провели успешную встречу, говорили по телефону и взаимно направили поздравления по случаю **сорокалетия** установления дипломатических отношений между Китаем и Америкой.*

Далее Ван Цишань перешел к констатации того, что происходит в отношениях КНР и США в настоящее время. При этом он прежде всего выделил контакты между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом США Трампом. Именно это можно и, с точки зрения руководителей КНР, должно считать началом начал в двусторонних отношениях.

Это важный момент. Очевидно, что тактика осуществления внешней политики КПК — КНР включает в себя такой прием, как представление внешнему миру картины отношений как зависящей в первую очередь, если не абсолютно, от атмосферы во взаимоотношениях первых лиц, в данном случае председателя КНР и президента США. Это позволяет маневрировать, вести переговоры, оставляя последнее слово за первыми лицами.

Так, в ситуации, когда возникают затруднения, оказывается возможным сосредоточить внимание или увести внимание от реальных трудностей и выдвигать на первый план утверждения об «успешной встрече» глав государств и о том, что они говорили по телефону, поздравляли один другого с сорокалетием дипломатиче-

ских отношений. Декоративная сторона присутствует и помогает за ее вывеской иметь время для ведения переговоров о возможной сделке.

Главы двух государств положительно оценили развитие на протяжении сорока лет отношений между Китаем и Америкой, которые носят исторический характер. Председатель Си указал, что обе стороны должны совместно продвигать вперед отношения между Китаем и Америкой, лейтмотивом которых должны быть слаженность, сотрудничество и устойчивость, добиваясь того, чтобы отношения между обеими странами развивались еще лучше, принося счастье народам обеих стран и народам всех стран всего мира.

Тут же Ван Цишань вводит трактовку своей стороной того, как следует понимать и оценивать содержание бесед первых лиц. Прежде всего выдвигается мысль о том, что «главы государств положительно оценили развитие на протяжении сорока лет отношений между Китаем и Америкой, которые носят исторический характер».

Это еще один прием китайской дипломатии — представлять и населению КНР, и мировому общественному мнению свою характеристику, или трактовку, ситуации, делая это таким образом, как будто бы это и есть общее понимание и общность взглядов обеих сторон, в данном случае КНР и США.

В случае с нашей страной китайская сторона делает то же самое, выдвигая тезисы о наилучшем периоде во взаимоотношениях России и Китая за всю их историю, хотя наши страны были союзниками во Второй мировой войне, а также находились в отношениях дружбы, союза и взаимопомощи по крайней мере в 1950-х годах; и о том, что следует отмечать семидесятилетие отношений между нашими странами, хотя с 1949 по 1991 год это были отношения СССР с КНР, а с 1992 года это отношения РФ с КНР.

В случае с китайско-американскими отношениями ощущается, что китайская сторона обеспокоена пересмотром в Америке характера отношений между США и КНР. Выдвижением там мысли о том, что на самом деле КНР осуществляла на протяжении послед-

них сорока лет политику соперничества, борьбы за замену Китаем Америки в качестве мировой сверхдержавы. Поэтому китайская сторона навязывает американцам принятие мысли о том, что всю сорокалетнюю, по ее мнению, нынешнюю историю двусторонних отношений следует оценивать положительно, то есть снимать вопрос о двойственности политики КНР, о своего рода обмане китайской стороной своего американского партнера.

Далее американской стороне навязывается мысль о том, что на китайско-американские отношения следует смотреть как на отношения, которые носят «исторический характер».

С точки зрения нынешних руководителей КПК — КНР, американцы должны ставить само установление двусторонних отношений и их существование превыше временных разногласий и противоречий, исходить из того, что «исторически» Китай и Америка сорок лет тому назад стали равными партнерами, и именно из этого следует исходить и в настоящее время.

Одним словом, Ван Цишань предлагает американцам и для самих себя, для Америки, и для Китая, и для внешнего мира представлять отношения КНР и США как «всегда носящие позитивный характер», как демонстрирующие «исторический характер», то есть намерения обеих сторон в историческом плане, на все обозримое будущее — исходить из неизменного и непоколебимого существования таких отношений между КНР и США.

Ван Цишань представляет населению Китая, населению США, всему человечеству позицию председателя КНР Си Цзиньпина, который, дескать, «указывает, что обе стороны должны совместно продвигать вперед отношения между Китаем и Америкой, лейт-мотивом которых должны быть слаженность, сотрудничество и устойчивость».

Так оказывается, что сначала китайская сторона выдает свою трактовку договоренности между главами государств, фактически навязывая трактовку их характера, а затем навязывает американской стороне исходные позиции, определяющие характер отношений.

При этом очевидно, что сделка между КНР и США возможна в нынешней ситуации при том условии, что американцы согласятся принять условия КПК — КНР и считать или, во всяком случае,

декларировать, что сделка позволяет действовать слаженно, сотрудничать и ситуация ныне и в будущем будет устойчивой.

Ван Цишань также предлагает США совместно пропагандировать мысль о том, что, и несмотря на ситуацию в настоящее время, и несмотря на то, какой именно может оказаться «сделка» в результате нынешних переговоров, нынешние и будущие отношения между КНР и США будут становиться все лучше и будут приносить счастье и народам Китая и Америки, и народу всей Земли.

Собственно говоря, это своего рода ультиматум китайской стороны американцам. Китайская сторона предлагает найти пути к решению возникших вопросов, заключить сделку, декоративно утверждая, что она выгодна обеим сторонам, а на самом деле оставить положение в основном прежним и, главное, оставить нетронутым утверждение о том, что в интересах США приравниваться к Китаю, считаться с требованиями руководителей КПК — КНР.

Президент Трамп подчеркнул, что развитие отношений Америки и Китая, которым свойственны сотрудничество и конструктивный характер, является для него приоритетом. Главы двух государств достигли важного общего понимания и указали направление с тем, чтобы обе стороны продвигали отношения Китая и Америки в сторону дальнейшего развития.

Изложив позицию Си Цзиньпина, Ван Цишань дал свое толкование того, что присуще президенту США Трампу, когда он ведет речь об отношениях с Китаем. Здесь выделяется и подчеркивается то, что, с точки зрения руководителей КНР, и должно быть позицией американской стороны.

Прежде всего от американцев требуется, чтобы они считали сотрудничество и конструктивный характер двусторонних отношений приоритетом при подходе к Китаю и к отношениям с ним.

Под приоритетом, очевидно, понимается желание китайской стороны, чтобы власти США жертвовали чем-то ради поддержания и развития отношений с КНР.

Далее Ван Цишань ввел термин «общее понимание» руководителей двух государств. Внешне, первоначально, может показаться,

что речь идет о том, что действительно объединяет руководителей КНР и США при подходе к двусторонним отношениям. На практике это обычно оказывается тем приемом дипломатии КПК — КНР, когда там пытаются выдать желаемое, с их точки зрения, за общие взгляды тех или иных лиц или государств.

Оглядываясь на прошедшие сорок лет, мы видим, что отношения Китая и Америки переживали разрушительное воздействие ветров и дождей, выковываясь, продвигались вперед и достигли таких громадных успехов, которых люди того времени не могли себе и представить. Они не только принесли народам обеих стран громадную пользу, но и мощно способствовали делу мира, стабильности, процветания всего мира.

Ван Цишань отмечает «разрушительное воздействие ветров и дождей» на отношения КНР и США за прошедшие сорок лет. Очевидно, что к этой категории он хотел бы отнести и нынешние «трудности» во взаимоотношениях. Во всяком случае, такого рода декоративная оценка была бы приемлемой с точки зрения руководителей КПК — КНР.

Вместе с тем Ван Цишань хотел бы побудить власти США ставить на первое место мысль о «громадных успехах», «которые люди того времени не могли себе и представить», и о «громадной пользе» этих отношений.

Это представляется мыслью, которую китайская сторона хотела бы внушить американцам, побудить их принять именно такую оценку прошедших десятилетий в двусторонних отношениях.

На самом деле ситуация настолько более сложная, нынешнее недовольство в США политикой КНР за прошедшие годы существования двусторонних отношений настолько велико, что остается под вопросом то, удастся ли китайской стороне навязать такое мнение американским партнерам.

В момент установления дипломатических отношений объем двусторонней внешней торговли между Китаем и Америкой не достигал и 2 миллиардов 500 миллионов долларов, взаимные инвестиции были почти на нуле; а в 2017 году объем двусторонней

внешней торговли превысил 580 миллиардов американских долларов, различного рода инвестиции превысили 230 миллиардов американских долларов.

Ван Цишань приводит цифры роста товарооборота и инвестиций между КНР и США. И это тот прием, который китайская сторона применяет во взаимоотношениях с другими государствами, например с нашей страной. Здесь «количеством» заменяют объективный анализ «качества» отношений.

В момент установления отношений между Китаем и Америкой объем связей (обмены людьми) между Китаем и Америкой ежегодно был на уровне всего лишь нескольких тысяч человеко-раз; в 2017 году он превысил цифру в 5 миллионов 300 тысяч человеко-раз; численность китайских студентов в США превысила 400 тысяч человек; численность американских студентов в Китае также возросла и достигла 20 тысяч человек. Стороны уже создали 50 дружественных провинций и штатов и 227 породненных городов.

Ван Цишань продолжает использовать все тот же прием, когда «количеством» подменяют «качество». Речь должна идти о содержании всех такого рода обменов, о стратегии, о замыслах тех, кто такие обмены осуществляет. Речь должна идти о том, что все это означает для каждой из сторон, каковы положительные результаты и отрицательные последствия всего этого.

За истекшие срок лет обе стороны развили приносящее богатые плоды обмена сотрудничество в различных областях на двусторонней основе, на региональной основе и в глобальных масштабах. Реестр сотрудничества обеих сторон возрастает, охватывая все, начиная с отношения к горячим точкам до борьбы против терроризма, за предотвращение распространения (оружия массового уничтожения); от необходимости реагировать на мировой финансовый кризис, действовать в области защиты окружающей среды, предотвращения эпидемий и вплоть до исследований Луны.

Ван Цишань далее продолжает перечислять и называть области, где существуют связи между сторонами. И здесь «назывной характер» оценок не может удовлетворять. Все это требует качественного анализа.

Эти успехи на полу не валяются, они представляют собой сгусток ума и крови сердца нескольких поколений руководителей и деятелей обеих стран. От имени правительства Китая и народа Китая я шлю благородный привет и выражаю чувство глубокой благодарности присутствующим здесь новым и старым друзьям и тем людям обеих стран, которые на протяжении длительного времени проявляли заботу, поддерживали развитие отношений Китая и Америки!

Ван Цишань уходит от объективного анализа плюсов и минусов в сфере двусторонних отношений. Продолжая применять обычные приемы дипломатии КПК — КНР, Ван Цишань пытается переключить внимание на вопрос о том, что и само установление отношений, и то, что происходило в двусторонних отношениях, то, что эти отношения принесли, досталось дорогой ценой.

Фактически Ван Цишань угрожает американцам потерей «достижений», то есть самого факта установления и существования нормальных отношений между КНР и США, в случае если американская сторона не пойдет на дальнейшие уступки и не согласится с принципиальными оценками и трактовками китайской стороны.

Ван Цишань обещает при этом «ценить» «старых друзей» и обещает «льготы» «новым друзьям Китая» в Америке. Все это относится и к отношениям с другими странами, в том числе с нашей страной.

Дамы, господа!

Только не забывая об изначальных намерениях, можно оказаться последовательными в своих действиях. Сорок лет тому назад дипломатические отношения между Китаем и Америкой были установлены с той целью, чтобы расширить общую пользу народов двух стран, с той целью, чтобы содействовать миру, стабильности, развитию во всем мире. Спустя сорок лет от-

ношения между Китаем и Америкой берут новый старт, при этом обе стороны должны последовательно, с начала и до конца, крепко-накрепко помнить об изначальных намерениях, со всей твердостью придерживаться лейтмотива «согласование, сотрудничество, стабильность», в еще большей степени принося счастье обеим странам и вместе с тем принося пользу всей Поднебесной.

Ван Цишань фактически от имени Си Цзиньпина, нынешнего руководства КПК — КНР, предлагает властям США согласовать основу «общего понимания» между сторонами.

Прежде всего это мысль или предложение «не забывать об изначальных намерениях».

Иными словами, предлагается вспомнить и помнить о том, как и по каким причинам стороны пришли к решению об установлении межгосударственных, а далее дипломатических отношений. Здесь важным представляется вспомнить, что речь тогда шла о том, что в отношениях КНР и США нет существенной угрозы начала войны между ними.

Считать, что тогда исходили из желания принести пользу и обоим народам, и вообще делу мира, стабильности и развития во всем мире.

Иными словами, предлагается считать само установление отношений и их поддержание отвечающим, идущим на пользу и того, и другого народа.

Конечно, это так. В то же время, особенно в нашей стране, невозможно забыть и нельзя забывать о том, что Мао Цзэдун и Никсон заявляли, что они исходят из того, что нашу страну они видят как угрозу, считают, что существует опасность совершения нашей страной агрессии, опасность войны с нашей стороны как в отношении Китая, так и в отношении Америки.

Конечно, при этом, как мы уже подчеркнули, речь шла и о том, что война между Китаем и Америкой исключается.

Очевидно, что прежде всего нынешние руководители КПК — КНР предлагают США считать, что существование дипломатических отношений между ними — это своего рода залог выполнения обеими сторонами обещания не начинать войну против партнера.

На этой основе китайские руководители предлагают США развивать двусторонние отношения, руководствуясь лейтмотивом «согласование, сотрудничество, стабильность».

При этом утверждается, что это будет приносить счастье обоим народам и пользу всей Поднебесной.

По сути дела, это предложение пока, «вечно», мирно сосуществовать, решая возникающие проблемы и не доводя дело до открытой враждебности и тем более до войны.

Здесь присутствует и намек на то, что именно от решения такой «большой двойки», то есть от решения КНР и США, зависит и судьба всей Поднебесной.

Это фактически предложение, не нанося никакого ущерба партнеру, видеть все проблемы в мире как объект согласования между КНР и США.

Взаимно уважать друг друга, находить общее, несмотря на существующие различия, — вот тот путь, на котором обе стороны могут сжиться.

Ван Цишань предлагает и принципы, которыми следует руководствоваться в двусторонних китайско-американских отношениях.

Это взаимное уважение, поиск общего, несмотря на разногласия.

Ван Цишань утверждает, что сожительство сторон возможно только при соблюдении каждой стороной этих принципов.

Это означает, что китайская сторона требует от США согласия с тем, что в КПК — КНР трактуют как суверенитет КНР, требует соглашаться с тем, что происходит внутри Китая. Только на основе согласия с китайской стороной искать решение всех возникающих в мире проблем.

А далее китайская сторона заявляет о том, что она всегда будет выдвигать свои требования и будет настаивать на том, чтобы американская сторона принимала эти требования, сохраняя лицо с помощью утверждения, что уступки Китаю делаются в соответствии с принятой обеими сторонами формулой: искать общее, сохраняя разногласия.

Три совместных коммюнике Китая и Америки и важное общее понимание, которого достигли руководители двух государств, — вот основное руководство правильного построения отношений двух стран.

Как и во взаимоотношениях с другими странами, руководители КПК — КНР навязывают США принятие утверждения о том, что «основное руководство правильного построения отношений двух стран» — это «три совместных коммюнике» КНР и США, а также «важное общее понимание, которого достигли руководители двух государств».

Практика взаимоотношений с КПК — КНР показывает, что партнерам КПК — КНР приходится в этих случаях сталкиваться с трактовкой китайской стороной и содержания тех или иных деклараций, и того, что именуется в КПК — КНР «важным общим пониманием руководителей двух стран».

Спустя сорок лет отношения между Китаем и Америкой берут новый старт, обе стороны должны твердо придерживаться вышеупомянутых принципов и общего понимания, взаимно уважать суверенитет, безопасность, развивать дело с взаимной пользой, твердо придерживаться того, чтобы путем диалога согласовывать соответствующие действия и урегулировать разногласия, а это и есть тот ключ, с помощью которого можно гарантировать здоровое и стабильное развитие по пути вперед отношений Китая и Америки.

Изложив то, что, с его точки зрения, представляет собой истоки и основополагающие принципы двусторонних китайско-американских отношений, Ван Цишань переходит ко дню сегодняшнему.

И здесь оказывается, что он повторяет уже выдвинутые им установки и утверждает, что именно на этих принципах следует решать возникшие в настоящее время вопросы.

Он называет их «разногласиями», призывает урегулировать их путем диалога. При этом подчеркивает, что только на этом пути «можно гарантировать здоровое и стабильное развитие по пути вперед отношений Китая и Америки».

Таким образом, с одной стороны, позиция руководителей КПК — КНР по вопросу о нынешнем состоянии отношений состоит в том, чтобы затушевать глубину и суть существующих разногласий, разных оценок того, что до сих пор происходило в этих отношениях, и в том, чтобы заставить американцев считать возникшие проблемы простыми разногласиями, которые вполне можно устранить путем диалога.

На самом деле здесь главное все в той же угрозе: если Америка не согласится с мнением руководителей КПК — КНР, ее ждет нездоровое и нестабильное состояние китайско-американских отношений.

При этом Ван Цишань особо подчеркивает, что на историю двусторонних отношений следует смотреть как на два периода.

Первый из них закончился. Второй только начинается. Стороны в начале нового периода находятся в ином положении, чем в начале первого периода. Американцам следует осознать, что они имеют дело с **совсем новым** Китаем, поэтому им также следует соглашаться на условия, которые Китай выдвигает, беря старт новых отношений.

Это также означает, что китайско-американские отношения предыдущих сорока лет были одними. Китайско-американские отношения нового начинающегося периода должны быть и будут другими.

Их здоровое и стабильное развитие зависит от того, осознают ли американцы **новую** ситуацию в мире, **новое** соотношение сил между КНР и США, осознают ли они, что у них нет выбора, что с Китаем и его требованиями придется считаться.

Во всяком случае, при выполнении выдвинутых условий американцы могут надеяться на своего рода нормальное, устойчивое, **МИРНОЕ** развитие китайско-американских отношений в обозримом будущем.

Сосредоточенность на сотрудничестве, расширение области общих интересов — вот та движущая сила, с помощью которой отношения Китая и Америки на протяжении этих сорока лет, этого длительного времени, наполнялись и обновлялись, непрерывно продвигались вперед.

Ван Цишань не оставляет американцам выбора. Они должны сотрудничать с КНР. В понятие сотрудничества они должны вкладывать то содержание и ту трактовку, которая выдвигается китайской стороной.

Ван Цишань предлагает американской стороне, причем делая это таким образом, что от такого предложения невозможно отказаться, исходить только из того, что в Китае считают «областью общих интересов». Дело американцев — согласиться с таким принципиальным подходом и действовать так, как от них этого требует китайская сторона, то есть в соответствии с желаниями китайской стороны.

Ван Цишань напоминает американской стороне, что, с его точки зрения, двусторонние отношения наполнялись и обновлялись и были благоприятными для обеих сторон на протяжении всех предыдущих сорока лет, непрерывно продвигались вперед только на упомянутой им основе, то есть только при таком поведении американцев, которое не вызывало недовольства со стороны руководителей КПК — КНР.

Спустя сорок лет отношения Китая и Америки берут новый старт (снова начинают движение), обе стороны должны соответствовать новой реальности, непрерывно изыскивать и расширять общие точки пересечения (соприкосновения) своих интересов, непрерывно углублять и продвигать вперед практическое сотрудничество с тем, чтобы народы обеих стран получали еще большие результаты.

Ван Цишань специально выделяет и подчеркивает свою формулировку: «обе стороны должны соответствовать новой реальности», то есть приспособляться к новой реальности, действительности. Это прямое напоминание о том, что действительность стала иной, реальность не та, что была в начале американо-китайских отношений.

Американцы, с точки зрения руководителей КПК — КНР, пока так и не поняли, не осознали со всей глубиной эти изменения.

Теперь нет никаких оснований думать, что Китай будет в чем-то следовать за США, будет зависеть от США.

Теперь возможно развитие отношений номинально или внешне «только на равных», а по сути дела, при подчинении требованиям китайской стороны.

Дружественные обмены между народами двух стран — это проточная вода из источника для непрерывного развития отношений Китая и Америки.

Руководители КНР предлагают руководителям США положить в основу двусторонних отношений, считать и называть источником непрерывного развития отношений «дружественные обмены между народами двух стран».

Так нынешние руководители КПК — КНР используют термин «дружба», формулу «дружба между народами» во взаимоотношениях с США.

Так оказывается, что американцам предлагают видеть отношения КНР и США прежде всего или в своей основе как отношения двух народов.

Это означает и требование считать КПК и КНР выразителями интересов народа Китая и представителями народа Китая.

Так, нынешние руководители КПК — КНР хотели бы внести в межгосударственные отношения КНР и США такой элемент, как взаимное признание или по крайней мере признание американцами того, что КПК и КНР — это единственные законные представители народа Китая, и признать, что нынешние отношения — это отношения дружбы между китайским и американским народами, это прежде всего «дружественные обмены между народами двух стран». Это своего рода вмешательство во внутреннюю жизнь США, в свободу мыслей и действий американцев, в их основные представления о человеке и государстве.

Это еще один пример использования нынешними руководителями КНР возможности выступать как «совершенно одинаковое» с другими государство на мировой арене, при этом протаскивая мысль о необходимости для остального человечества признать право руководителей КПК — КНР по-своему трактовать и навязывать суть и характер взаимоотношений на мировой арене, особенно тогда, когда речь идет о политических режимах и общественном строе.

Спустя сорок лет отношения между Китаем и Америкой берут новый старт, и в этих целях обе стороны должны проявлять широту взглядов, соответствовать желаниям народов обеих стран усиливать обмены и сотрудничество, активно стимулировать сотрудничество в промышленности и торговле, образовании, культуре, спорте, науке и технике, в том, что касается молодежи, на местах (на периферии) осуществлять дальнейшее укрепление (бетонирование) основы взаимоотношений Китая и Америки в том, что касается воли народа и общества.

Именно исходя из вышеупомянутого, Ван Цишань и подчеркивает, что американцы должны «проявлять широту взглядов», «соответствовать желаниям народов обеих стран».

Это означает, что американцы должны отказаться от прежних взглядов, от своей идеологии, от оценки того, что собой представляют политические режимы самовластия, предельной концентрации власти.

Ван Цишань навязывает принятие «более широкого взгляда на вещи».

Очевидно, что при этом имеется в виду желание заставить американцев понять, что ныне, не как сорок лет тому назад, речь идет не об идеологии, а о законных желаниях и возможностях нации Китая занимать в мире то место, которое она сама считает законным для себя.

Именно поэтому в КПК — КНР применяется термин *ба цюань чжу и* — «гегемонизм» по отношению к другим государствам, обвиняя их в желании незаконно властвовать над миром, в то время как такое желание нации Китая подразумевается законным.

Нация Китая вышла на мировую арену и требует считаться с ней именно как с нацией, а не продолжать видеть в ней представителя некой идеологии.

В частности и в особенности идеологии «прежнего» марксизма, социализма.

В КПК — КНР давно уже выдвинули и проводят линию на то, чтобы никто в мире не смешивал «китаизированный марксизм» с «прежним марксизмом», «социализм со спецификой Китая или

самобытный исключительно китайский социализм» с «прежним социализмом».

С точки зрения нынешних руководителей КПК — КНР, китаизированный марксизм и самобытный социализм Китая — это внутреннее дело нации Китая. На мировой арене все должны считаться с Китаем, с КПК — КНР, как с нацией, имеющей свои права на мировой арене.

Ван Цишань навязывает американцам трактовку практического осуществления контактов и связей между КНР и США как выполнение воли народа Китая, народа Америки, воли общества в Китае, общества в Америке.

Перевести отношения «на народную основу» в сфере деклараций о характере двусторонних — вот в чем здесь желание руководителей КПК — КНР.

При этом они предлагают продолжать развивать всесторонние отношения между КНР и США, то есть расширять и углублять именно ныне существующие связи, сотрудничество, которое носит именно нынешний характер.

Вопрос сегодня в том, что американцы стремятся изменить характер отношений, заключить с КНР новые соглашения и договоры, которые будут, с точки зрения американцев, в большей степени отвечать их интересам.

Дамы, господа!

В этом году исполняется 70 лет Китайской Народной Республики.

Вне зависимости от каких бы то ни было быстро происходящих изменений в сфере отношений между государствами Китай будет твердо и неизменно идти по своему пути, по-деловому и кропотливо делать свое дело, добиваясь того, чтобы народ Китая жил еще более счастливой жизнью.

Ван Цишань в конце своей речи подчеркнул твердое намерение нынешних руководителей КПК — КНР идти по их собственному пути.

Это заявление Ван Цишаня предназначено и для того, чтобы дать понять американцам, что руководители Китая предлагают

отделять и выделять отношения КНР и США из всего комплекса международных отношений, а также еще раз сказать американцам, что налаживать и развивать двусторонние отношения с Китаем Америка сможет, только считаясь с тем, что Китай идет по своему пути, то есть учитывая интересы и требования китайской стороны, нынешних руководителей КПК — КНР.

Движение Китая по пути реформ нельзя остановить, открытые двери будут становиться только все более широкими.

Ван Цишань в конце своей речи доносит до слушателей утверждение о том, что нынешняя внешняя политика КПК — КНР — это, во-первых, все та же политика, которая осуществлялась все последние сорок лет. Формулировка остается той же: реформы и открытость. Курс представляется неизменным. Это и напоминание о том, что именно сорок лет назад и именно при таком курсе и были установлены дипломатические отношения между КНР и США.

Во-вторых, китайская сторона предлагает внешнему миру формулу, термины, которые выглядят как бы нейтральными, приемлемыми для кого угодно во всем мире. В них нет никакого отталкивающего идейного содержания.

Наконец, в-третьих, здесь имеется в виду предупреждение в адрес США: никому никогда не удастся остановить движение Китая; он будет продолжать то, что он именует реформами, он будет все шире открывать двери, то есть и допускать внешний мир в Китай, и сам выходить через открытые двери во внешний для него мир. Воздействие Китая на мировые дела будет только увеличиваться, возрастать. Вот что при этом имеет в виду Ван Цишань, если говорить об Америке.

Мы будем продолжать искренне и открыто учиться у других стран, углублять с ними взаимное доверие и сотрудничество, всегда будем строителями мира на Земле, будем теми, кто вносит вклад в дело развития на планете, будем защитниками международного порядка, будем создавать сообщество судьбы человечества.

Ван Цишань далее перечисляет лозунги, которые нынешние руководители КПК — КНР выдвигают в расчете на то, что они будут «усыплять» человечество.

Он говорит о том, что Китай будет «продолжать искренне и открыто учиться у других стран». На самом деле это означает, что настало время, когда на практике внешняя политика руководителей КПК — КНР становится во все возрастающей степени поведением «всемирного учителя, наставника», «мирового кормчего», того, кто навязывает «ученикам» свое мировоззрение и свою волю.

Ван Цишань говорит об углублении Китаем взаимного доверия и сотрудничества с другими странами. На самом деле Китаю при продолжении нынешнего курса его руководителей становится и будет все труднее убеждать, прежде всего соседей Китая, а далее и весь мир, и в своей искренности, и в том, что ему можно безоглядно доверять. Тому учит и история, и нынешняя политика Китая. Доверие и сотрудничество Китая в отношениях со многими странами основывается на посулах и подачках со стороны КНР чиновникам и бизнесменам той или иной страны.

Ван Цишань декларирует, что Китай всегда будет строителем мира на Земле. Действия и декларации КПК — КНР, в частности, в отношении Тайваня могут показывать всем государствам, что Китай предлагает мир на своих условиях, считает миром принятие другими его требований. И при этом грозит применением силы, экономической и военной, в случае отказа подчиняться его требованиям. Неурегулированность, в частности, вопросов, касающихся Южно-Китайского моря, также свидетельствует не о миролюбии, а о подлинной политике КПК — КНР.

Ван Цишань повторяет заверения в приверженности КПК — КНР строительству на Земле. Это внешне может выглядеть как сотрудничество и помощь со стороны Китая, будучи на практике обеспечением в настоящее время и прежде всего экономических интересов руководителей КПК — КНР.

Ван Цишань называет Китай защитником международного порядка. При этом внешне может показаться, что он выступает за тот порядок, который приемлем для всех государств, хотя на самом деле речь идет о *синь чжи сюй* — «новом порядке» в понимании и трактовке руководителей КПК — КНР, предполагающем,

в частности, главную роль Китая в сфере «экономической глобализации». Сам термин «новый порядок» был выдвинут еще Цзян Цзэмином.

Наконец, Ван Цишань провозглашает, что руководители КПК — КНР «будут создавать сообщество судьбы человечества». И это на первый взгляд и тем, кто безоглядно верит во все то, что декларируют руководители КПК — КНР, может показаться приемлемым, обещающим, отвечающим интересам человечества. На самом деле речь идет о том, что руководители КПК — КНР навязывают человечеству, всем и каждой нации, принятие мысли о том, что все они должны подчиняться нации Китая. Считать свою судьбу общей судьбой с нацией Китая, фактически превращаться в нацию Китая, соглашаться с навязыванием им мысли об общности их судьбы с судьбой нации Китая, то есть с подчинением каждой нации воле нации Китая.

Все государства всего мира, включая Америку, непременно будут обретаать, получать еще большие благоприятные возможности и выгоды благодаря мирному развитию Китая и дальнейшему осуществлению политики реформ и открытости Китая.

Ван Цишань заканчивает на обещании всем странам, включая США, получения «еще больших благоприятных возможностей и выгод благодаря мирному развитию Китая и дальнейшему осуществлению политики реформ и открытости Китая». Это означает, что США, все страны оказываются перед ультиматумом: они должны соглашаться с требованиями руководителей КПК — КНР, и только при этом условии им будет «обеспечен мир». Всем предлагается соглашаться с номинальным провозглашением внешней политики КНР политикой «мирного развития Китая и дальнейшего осуществления политики реформ и открытости Китая».

Итак, теперь я предлагаю тост:

***за громадное развитие сотрудничества Китая и Америки,
за еще более прекрасное завтра отношений Китая и Америки,
за здоровье всех присутствующих здесь друзей!***

Агентство Синьхуа. Пекин. 10 января 2019 года.

Ван Цишань предложил тост за «громадное развитие сотрудничества Китая и Америки». Вот главное условие Китая, вот главное требование к США. Они должны считать то, что происходило и происходит в двусторонних отношениях, отвечающим интересам Америки и считать выполнение требований руководителей КПК — КНР единственной возможностью для США оставаться страной, с которой у Китая существуют мирные нормальные отношения сотрудничества.

Представляется важным отметить, что в октябре 2018 года вице-президент США Майк Пенс изложил позицию правительства, президента США по вопросу о нынешнем состоянии американо-китайских отношений.

В январе 2019 года заместитель председателя КНР Ван Цишань изложил взгляд руководителей КНР на сорокалетнюю историю китайско-американских отношений.

Мы проанализировали речь Пенса в нашей работе «Америка — Китай: глобальное противостояние». Мы приведем нашу трактовку далее и в данной работе.

В данном случае мы остановились на позиции китайской стороны.

Сопоставление взглядов помогает лучше понять происходящее.

В то же время характерным и важным представляется то, что каждая сторона «оставила как бы про запас» выражение мнения по этим вопросам первых лиц государств: президента США и председателя КНР.

Это свидетельствует и о том, что каждая сторона твердо настаивает на своей позиции, и о том, что каждая сторона на всякий случай резервирует за собой право высказаться от имени президента в случае США и от имени председателя КНР в случае с Китаем.

Стороны пока ищут решение возникших серьезных вопросов.

При этом президент США испытывает давление разнородного общественного мнения в своей стране и вынужден его учитывать. Председатель КНР должен считаться с различными настроениями номенклатуры КПК. И в том, и в другом случае трудно предсказывать развитие событий.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ США МАЙК ПЕНС О КИТАЕ

С приходом на пост президента США Дональда Трампа политика Америки в отношении Китая изменилась. Создается впечатление, что Америка опомнилась и совершила крутой поворот в американо-китайских отношениях. Здесь необходимо обратить внимание на то, что следует из речи вице-президента США Майка Пенса о политике администрации США по отношению к Китаю.

4 октября 2018 года вице-президент США Майк Пенс выступил в Гудзоновском институте с речью на тему о политике нынешней администрации США по отношению к Китаю (<https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018>; цитаты будут даваться курсивом).

Это большое событие и во внешней политике нынешней американской администрации, и в истории взаимоотношений Америки и Китая.

Это выражение мнения о нынешнем состоянии двусторонних отношений.

Это мнение прежде всего президента США Трампа. Хотя в политических и дипломатических целях речь произнес вице-президент США Майк Пенс.

Президент Трамп счел необходимым публично довести до американского народа, до «правителей» Китая и до всего человечества свою оценку того, что происходит в американо-китайских отношениях, о внешней политике КНР и о намерениях нынешней американской администрации.

Это имеет отношение к ситуации на земном шаре в целом. Говорит о расстановке сил на мировой арене.

Речь предназначена и для американцев, и для союзников США, и для китайцев, и для остального человечества.

Появление этой речи свидетельствует, что президент США Дональд Трамп счел ситуацию в США и в мире такой, что это потребовало публично объявить о ее оценке, об оценке политики руководителей Китая и о политическом курсе Америки в отношении Китая в настоящее время.

Очевидно также, что выступление администрации по этому вопросу диктовалось и политической ситуацией в Америке, и состоянием дел в сфере внешней политики на планете в целом. Президент Трамп стремился таким образом найти в Америке поддержку и своего положения, и своей политики как внутри страны, так и за рубежом.

Дело было также и в том, что вопрос о Китае, о политике США в двусторонних отношениях с Китаем, относительно внешнеполитического курса КПК — КНР на мировой арене был одной из главных тем предвыборной программы Трампа. Он обещал защищать интересы США, граждан Америки, особенно в сфере экономики, от действий Пекина. При этом он, очевидно, опирался на мнение о том, что в Америке, в широких кругах ее населения, созрела необходимость по-новому поставить вопрос и об оценке политики КНР в отношении США, и о том, что следует взять новый курс в политике США в отношении КНР, сделать крутой поворот в политике США в отношении Китая.

С точки зрения президента США Трампа, прошедшее после его прихода в Белый дом время подтвердило необходимость декларации твердости правительства и народа Америки в деле защиты их интересов перед лицом политики Пекина, которая наносила вред США и на территории страны и требовала ответа на китайский вызов на планете в целом.

В истории взаимоотношений Америки и Китая речь Пенса по ее значению можно сравнить с речью в свое время президента США Джона Куинси Адамса, которую он произнес в 1842 году по следам Опиумной войны.

Собственно говоря, и в прошлом, и в настоящее время ситуация сложилась таким образом, что это требовало пересмотра имевшегося к тому или к этому моменту традиционного взгляда в Америке и на Китай, и на двусторонние отношения, и на обстановку на планете в целом. Америка и в первый, и во второй раз

нуждалась в переоценке отношения к Китаю, в переходе от благодушия и иллюзий к объективной и твердой позиции в целях защиты того, что в Америке считали своими главными ценностями.

Вице-президент США Майк Пенс начал свою речь с обращения к тем людям, которые «размышляют о будущем нетривиальным образом». Это означает, что нынешняя администрация подчеркивает в обращении к американцам необходимость в вопросе о Китае мыслить не стандартно, не «привычным образом». Ситуация, с точки зрения нынешних руководителей США, требует нового взгляда на состояние и будущее американо-китайских отношений.

Пенс отметил, что Гудзоновский институт вот уже на протяжении полувека посвящает свои исследования такой цели, как содействие глобальной безопасности, процветанию и свободе, продвижению того, что является жизненно необходимой правдой, а потому освещает путь вперед для американского руководства.

Здесь сразу же бросается в глаза позиция нынешней американской администрации, которая доводит до сведения американцев, что «настало время сказать правду» о состоянии американо-китайских отношений. Очевидно, что имеется в виду упрек в адрес предыдущих администраций, которые такую правду не говорили.

Пенс передал институту привет от 45-го президента США Дональда Трампа.

Это означало, что он выражает единое мнение президента и вице-президента США. Это также свидетельствует о том, что они сочли необходимым выступить и высказать свое мнение по этому вопросу на самом высоком уровне, довести мнение президента США до американцев.

Пенс прежде всего подчеркнул, что нынешняя администрация с самого начала сделала приоритетными свои отношения с Китаем и председателем Си Цзиньпином. Следовательно, эти отношения находятся и на самом верху, и в самом центре внимания и деятельности нынешней администрации президента США. Именно это администрация президента США сочла необходимым с самого начала подчеркнуть и довести в своем послании до населения Америки.

США приняли меры для того, чтобы довести это до китайской стороны.

Вице-президент Пенс сказал, что 6 апреля 2017 года, то есть вскоре после вступления в должность, Трамп приветствовал Си Цзиньпина в Америке, а в ноябре того же года президент Трамп совершил поездку в Китай, где встретил теплый прием со стороны лидера Китая.

Так обе стороны продемонстрировали, что они намерены развивать отношения в благоприятной атмосфере, подчеркивать стремление к этому обеих сторон.

Очевидно, что поддержание нормальных межгосударственных отношений, отношений на высшем уровне, благоприятной атмосферы и личных отношений высших руководителей — все это то, что необходимо для взаимоотношений и других государств с Китаем.

Пенс подчеркнул, что на протяжении последних двух лет, то есть в 2017 и 2018 годах, Трамп *выковывал прочные личные отношения с председателем Народной Республики Китая, и они тесно работали по вопросам, представляющим общий интерес; самым важным среди них является денуклеаризация Корейского полуострова.*

Итак, были выражены намерение и готовность президента США установить и поддерживать отношения сотрудничества с председателем КНР, то есть на высшем уровне американо-китайских отношений. Сам факт установления и поддержания таких отношений оценивается однозначно положительно. Более того, именно существование таких отношений считается в США одним из залогов возможности решать все существующие проблемы. Американцы заявляют, что они не собираются наносить ущерб личным отношениям президента Трампа и председателя Си Цзиньпина.

Далее было упомянуто, что между сторонами имеются области общего интереса.

Наконец, Пенс подчеркнул, что самым главным из таких вопросов является денуклеаризация Корейского полуострова.

Это прежде всего означает, что американцы довели до китайцев, что многое в американо-китайских отношениях в настоящее время зависит от позиции и поведения председателя КНР в отношении усилий, которые президент США прикладывает для того, чтобы добиться денуклеаризации Корейского полуострова.

Этот вопрос находится в центре американо-китайских отношений в настоящее время.

Американцы ожидают, что Китай будет содействовать США в их усилиях решить этот вопрос.

Американцы выделяют сотрудничество по этому вопросу именно в двустороннем порядке, между США и КНР.

Все это отражает один из принципов внешней политики президента Трампа. Он предпочитает решать вопросы лично и в двустороннем порядке с каждым из партнеров.

В то же время это можно воспринимать и как учет позиции руководства КНР, которое также нацелено на решение проблем с другими странами по преимуществу в двустороннем порядке.

И это, очевидно, желательно учитывать во взаимоотношениях других государств с Китаем.

Так вице-президент Пенс сначала изложил подход, с которого американская администрация начала отношения с властями КНР. Подчеркнул добрые намерения американской стороны. Обозначил то, что с самого начала во взаимоотношениях США с КНР встал один важнейший для администрации США вопрос. Речь идет о выполнении обещаний президента США. Вопрос в том, чтобы снять ядерную угрозу для Америки, когда это касается Корейского полуострова. Предполагалось, что других проблем или препятствий на пути развития американо-китайских отношений нет.

Можно предполагать, что именно этот вопрос президент США Трамп поставил перед председателем КНР Си Цзиньпином еще в апреле 2017 года.

Как бы там ни было, а президент США сделал вопрос о ситуации на Корейском полуострове своего рода оселком, на котором он стремился проверить, готов ли Китай идти навстречу США при оказании давления на КНДР.

Во всяком случае, это означало, что США будут стремиться решить вопрос о денуклеаризации Корейского полуострова прямо и непосредственно с руководством Северной Кореи и будут оценивать позицию КНР в этом вопросе как проявление или не проявление готовности содействовать США в решении вопроса о Корее.

Одновременно американцы лишний раз проверяли, какой является позиция КНР, когда речь идет о других странах, а также проверяли прочность отношений КНР и КНДР.

Было также очевидно, что президент Трамп исходит из того, что Северная Корея намерена решать свои вопросы (прежде всего о денуклеаризации, об установлении дипломатических отношений с США, о прекращении состояния войны и о заключении мирного договора, о нормализации отношений с Южной Кореей) прямо и непосредственно с США, и она в этом вопросе не находится в подчинении у Пекина. И в то же время, то есть при этом, учитывалось и то обстоятельство, что декоративно или в целях «сохранения лица» было необходимо говорить об этом с Китаем или делать вид, что мнение Китая здесь, безусловно, учитывается.

Возможно, что свою политику в отношении Северной Кореи президент США Трамп начал, исходя из предположения или знания того, что Северная Корея намерена договориться о денуклеаризации, об установлении нормальных отношений с США и Южной Кореей, о мире на Корейском полуострове, продемонстрировав при этом, что во всех этих вопросах КНДР не находится ни в подчинении, ни в зависимости от КНР, что КНДР стремилась утвердиться в качестве самостоятельного и не зависящего ни от кого (в том числе и в первую очередь от Китая) государства.

Оценивая сложившуюся ситуацию, есть основания считать, что Северная Корея созрела для движения к договоренностям с США и Южной Кореей на такой основе, как мир, самостоятельность и равноправие. Таким образом, вся шумиха с запусками ракет и с ядерными бомбами, и тем более с угрозой войны, была лишь маневром, предназначенным для того, чтобы искать и найти пути решения главных упомянутых вопросов. Реальной угрозы войны со стороны Северной Кореи ни в отношении Южной Кореи, ни в отношении США не существует.

Попутно обращает на себя внимание то, что переговоры о ситуации на Корейском полуострове ведутся главным образом между США и КНДР при некотором участии Южной Кореи. Что касается Японии, Китая и России, то они оказались при этом в роли своего рода «зрителей».

Далее вице-президент Пенс перешел к другим вопросам и подчеркнул, что сегодня, то есть в настоящее время, администрация президента США считает, что *американский народ должен знать, что Пекин, очевидно на протяжении и настоящего, и предшествующего времени, осуществляет в полной мере правительственный подход, при котором он, то есть Пекин, использует политические, экономические и военные орудия, инструменты, а в равной степени и пропаганду с той целью, чтобы продвигать свое влияние и действовать в своих интересах, к своей выгоде в Соединенных Штатах Америки.*

Иначе говоря, с точки зрения президента США, сегодня ситуация такова, что следует открыто довести до сведения народа США, что китайские власти в своей политике в отношении США исходят исключительно из своей выгоды и стремятся оказывать влияние и воздействие на Америку именно в этом духе, в своих интересах.

При этом было подчеркнуто то, что политика и действия китайской стороны в отношении США — это целиком и полностью политика китайских властей, правительства КНР. Это действия Китая как государства, а не действия неких отдельных и независимых от властей Китая компаний или частных лиц. Взаимоотношения между Америкой и Китаем с этой точки зрения необходимо видеть как отношения правительств, государств. Это требует в Америке ответа на действия китайской стороны всех американцев во главе с президентом США. Нынешняя администрация США, именно исходя из такого понимания ситуации, и сочла необходимым уведомить все население США о том, что и в предшествующее, и в настоящее время Пекин «использует политические, экономические и военные орудия, инструменты, а в равной степени и пропаганду с той целью, чтобы продвигать свое влияние и действовать в своих интересах, к своей выгоде в Соединенных Штатах Америки».

И если к такому выводу приходит администрация США, то и другим странам необходимо задумываться над этим и делать из этого свои выводы.

Далее вице-президент США разъяснил, что *Китай употребляет свою мощь самым активным образом, активнее, чем когда бы то ни было в прошлом, с той целью, чтобы оказывать влияние, воздействие и чтобы вмешиваться во внутреннюю политику и внутривнутриполитические действия в «нашей стране», то есть в США.*

Это означает, что администрация президента Трампа доводит до населения США мысль о том, что она начала практику своих взаимоотношений с КНР с самых доброжелательных позиций, никоим образом не затрагивая ни внутренние для Китая вопросы, ни сложные проблемы в двусторонних американо-китайских отношениях, в первую очередь экономических, торговых и финансовых.

И вот, несмотря на это или в этой ситуации, выждав почти два года, администрация США столкнулась с небывалой по сравнению с любым периодом в истории американо-китайских отношений активностью властей КНР, которые не только пытаются оказывать влияние, оказывать воздействие на дела внутри США, на политику администрации США внутри своей страны, но и пытаются вмешиваться и в состояние внутренних дел в США, и во внутреннюю политику в Америке. Такой ситуации еще никогда не было за всю историю отношений между Америкой и Китаем.

Вице-президент Пенс довел до американцев, что администрация президента Трампа осуществила решительные действия в целях защиты принципов и политики, присущих Америке с давних времен.

Американцы на протяжении последних двух лет наблюдают за практикой двусторонних отношений. Они видят и то, что делает администрация США, и то, что делают власти КНР. Время, когда можно было ограничиваться действиями «на практическом уровне», пытаться решать вопросы путем только дипломатических контактов и связей, ушло. Администрация президента Трампа вынуждена открыто защищать перед американским общественным

мнением свои действия и доказывать, что интересы США находятся в опасности, что им угрожает политика властей Пекина и что США вынуждены защищаться, принимать необходимые меры, чтобы прежде всего не допустить разрушительного воздействия на внутривнутриполитическое положение в США политики Пекина. Пекин стал угрозой внутри США. Вот о чем администрация президента Трампа уведомляет публично американцев.

Президент США вынужден публично разъяснять американцам свою политику и свои действия во взаимоотношениях с Китаем. На практике позицию президента Трампа излагает вице-президент Пенс, тем самым подчеркивая и важность вопроса, и единство мнений президента и вице-президента.

Все это также свидетельствует о том, что администрация президента США, заново оценив все то, что происходило в американо-китайских отношениях, начиная с визита в КНР президента Никсона в 1972 году, вынуждена не только пересмотреть многое в прошлой политике, не только принимать необходимые меры, но и оправдываться перед американцами фактически за ошибочную политику на протяжении нескольких последних десятилетий.

Все это заставляет по-новому взглянуть на ситуацию в мире в целом, на политику КПК — КНР на мировой арене. Реакция нынешней администрации США на политику Китая — это вынужденный практикой, проистекающий из переоценки характера американо-китайских отношений политический курс. Объективно США вынуждены перейти от во многом пассивной политики к политике защиты своих интересов в условиях активного наступления китайских властей на интересы США и во всем мире, и применительно к ситуации внутри самой Америки. Последнего американцы никак не ожидали.

В декабре 2017 года президент США Трамп выступил с документом «Стратегия национальной безопасности». В этом документе он описал «новую эру» «соперничества великих держав», для которой характерно то, что иностранные государства начали «заново утверждать свое влияние регионально и глобально». Они «бросают вызов геополитическим преимуществам Америки и пытаются изменить международный порядок в свою пользу».

Этот пассаж посвящен Китаю. Здесь говорится о том, что Америка должна вырабатывать и осуществлять свою стратегию, стратегию национальной безопасности, то есть обеспечивать безопасность американцев как народа и страны, учитывая прежде всего то, что человечество вступило в новую эру, а это эра соперничества великих держав. Фактически это прежде всего эра соперничества Америки и Китая.

Итак, с этой точки зрения в нынешнем мире выделяются две главные великие державы. Это Америка и Китай. Именно от их стратегий и от их договоренностей зависит существование человечества.

У Китая есть стратегия. Трамп подчеркивает, что главным содержанием, сутью стратегии, глобальной стратегии Китая является то, что КНР перешла к активной политике утверждения своего влияния на планете в целом, влияния регионального, то есть и в каждом отдельном регионе, а можно сказать, и применительно к каждому государству, к каждой нации, и глобально, то есть на планете в целом, применительно ко всему человечеству. Следовательно, возникает задача и для каждой из частей человечества, и для всего остального человечества защищать свою независимость и самостоятельность во взаимоотношениях с Китаем. Защищать себя от воздействия и влияния, то есть от господства и контроля со стороны Китая.

Глобальная стратегия Китая, ее осуществление на практике уже в настоящее время бросает вызов тому, что в США считают своими геополитическими преимуществами. Эти преимущества оказываются под ударом со стороны Китая. Это проявляется, в частности, в том, что Китай поощряет разногласия, противоречия и столкновения между Америкой и каждой из всех остальных наций или каждого из регионов Земли.

Наконец, глобальная стратегия Китая имеет такую цель, как изменение существующего мирового порядка. Китай пытается создать впечатление и внушать остальному человечеству, что все то, что создано и существует на планете, — это не то, что должно существовать. Управлять делами человечества должны не все люди, не нации сообща или по договоренности, а Китай. Человечество должно подчиниться Китаю, признать, что судьба всего осталь-

ного человечества и судьба каждой части человечества, каждой нации, каждого государства, каждой национальной общности должна быть общей с судьбой нации Китая, то есть признать свое подчиненное положение по отношению к нации Китая.

Соперничество, о котором тут идет речь, — это, по сути дела, борьба властей КПК — КНР за навязывание своего контроля и господства остальному человечеству.

Вице-президент США Пенс разъяснил, что стратегия президента Трампа, или нынешняя стратегия США, состоит в том, что США взяли на вооружение новый подход к Китаю. Следовательно, речь идет о том, что до сих пор, то есть до прихода Трампа на пост президента США, у Америки был другой, устаревший подход к политике в отношении Китая.

Вице-президент Пенс сказал, что «мы» (то есть США) стремимся к отношениям с Китаем на основе честности, взаимности и уважения суверенитета, и США осуществили жесткие и быстрые меры с целью добиться этой цели.

Итак, от Китая Америка сегодня требует в первую очередь честности. Это серьезное требование. От Пекина в Америке требуют доказать честность во взаимоотношениях с Америкой, прежде всего с властями США. То, что происходит в настоящее время, честностью в Америке не считают.

Далее США предлагают основывать отношения с Китаем на основе взаимности. По сути дела, это требование полного или абсолютного равноправия. Это также означает, что нынешние действия Китая в Америке не считают отвечающими принципу равноправия сторон или принципу взаимности.

Затем США требуют соблюдения принципа уважения суверенитета, то есть полной независимости и самостоятельности сторон. Вероятно, тут имеется в виду договоренность о разграничении «суверенитетов» Америки и Китая. И этот вопрос в настоящее время не решен.

Вице-президент США также подчеркнул, что меры, которые США приняли и будут принимать в этих целях, будут и жесткими и быстрыми. Иными словами, китайской стороне предлагается выбор: оказаться перед лицом жестких и решительных скорых дей-

ствий со стороны США или пойти на переговоры с целью поиска приемлемых для обеих сторон мер или действий применительно к тому или иному вопросу.

Вице-президент США Пенс сначала изложил общую характеристику политики США в отношении Китая, а затем перешел к истории американско-китайских отношений с тем, чтобы продемонстрировать то, как много сделали США для Китая.

Вице-президент Пенс отмечает, что в 2017 году во время своего визита в Китай *президент Трамп сказал, что «у нас есть возможность укрепить отношения между нашими двумя странами и улучшить жизнь наших граждан»*. Видение нами будущего основано на лучших страницах нашего прошлого, когда Америка и Китай обращались друг к другу в духе открытости и дружбы.

Итак, в начале своего общения с руководителями КНР президент США Трамп подчеркивал, что с приходом к власти его администрации он предлагает укрепить отношения между США и КНР.

Здесь явно просматривался намек на то, что до сих пор отношения были недостаточно хорошими и требуется сделать что-то для их укрепления. Это был призыв к китайской стороне обсуждать состояние отношений и выслушать мнение американцев о том, что надо сделать для укрепления отношений. Президент Трамп тогда же предлагал договариваться о мерах, в результате принятия которых будет улучшена жизнь граждан и в США, и в Китае. Это также был прозрачный намек на то, что интересам американцев положение дел во взаимоотношениях с Китаем наносит ущерб и эту ситуацию необходимо исправлять, принимая соответствующие предложения президента Трампа по защите материальных интересов граждан США.

Далее президент США и вице-президент США призывали китайскую сторону исправить нынешнее положение дел, обратившись мыслями к прошлому, взяв из него лучшее. Иными словами, речь шла о том, что нынешним отношениям недостает того, что было присуще отношениям США и Китая в определенные периоды истории, а именно открытости и дружбы.

Эти термины в данном случае необыкновенно важны. Америка обратилась к Китаю в начале президентства Трампа с заявлением о том, что американцы пришли к выводу о том, что китайская сторона не ведет себя искренно и не открыта в своих действиях по отношению к Америке.

Более того, американская сторона заявила, что состояние дел, состояние отношений между США и Китаем требует большего, а именно требует отношений подлинной дружбы, а это означает отказ от конфронтации и от соперничества в духе враждебности.

Пожалуй, это главное или очень важное в позиции нынешней администрации США. Американцы довели до сведения китайских властей, что они проанализировали и историю, и состояние двусторонних отношений за последние десятилетия и пришли к выводу о том, что глобальная стратегия КПК — КНР — это стратегия не мирного сосуществования, а соперничества, то есть борьбы против Америки «на всех направлениях». США в этой ситуации призвали Китай заново осмыслить все это, отказаться от конфронтации и вместе с американцами искать пути сожительства на принципах мира, самостоятельности и равноправия.

Вице-президент Пенс начинает с упоминания о том, что еще в те времена, когда «наша молодая нация» «по следам революционной войны» *искала новые рынки для экспорта, китайский народ приветствовал американские суда, груженные жэньшиэнем и пушиной.*

Здесь сквозит намек на то, что отношения начались мирно, с торговли, и что американцы не в пример англичанам не ввозили в Китай опиум.

Пенс продолжает: *когда же Китай страдал от оскорблений и эксплуатации на протяжении того, что именовалось «веком унижений», Америка отказалась участвовать в такого рода политике в отношении Китая и выступила за политику «открытых дверей», и все это с тем, чтобы мы могли иметь свободную торговлю с Китаем и сохранять суверенитет Китая.*

И здесь американцы напомнили, что они не несут ответственности за «век унижений» Китая, а также о том, что Америка первой

стала ратовать за политику открытых дверей, за свободу торговли и при этом выступала за соблюдение суверенитета Китая. Опять-таки здесь продолжена линия на утверждение мысли о том, что американцы и начали отношения с Китаем с «добрых дел» в отношении Китая, и продолжили это в XIX веке, оставаясь на своей особой, благоприятной для Китая и для двусторонних отношений позиции.

Особо подчеркнуто то, что США никогда не посягали на суверенитет Китая. В этом состоит отличие политики США в отношении Китая, как здесь намекают, и от политики Англии, и от политики других государств Европы, а также Японии и России.

Американская политика представлена как уникальная на мировой арене, непохожая на политику других стран по отношению к Китаю.

У американско-китайских отношений нет никаких «исторических корней» враждебности или исторической вины перед Китаем. Напротив, это Китай должен исходить из того, что он может обвинять кого угодно в унижениях и оскорблениях по отношению к китайцам, но не американцев.

Вице-президент США продолжает: *когда американские миссионеры добрались до берегов Китая, они были тронуты богатой культурой древнего и при этом трепетного народа, и они (миссионеры) не только распространяли веру; они также основали некоторые из первых и прекрасных университетов в Китае.*

Итак, вице-президент США напоминает и подчеркивает, что американцы пришли в Китай с миром, с предложением обмениваться товарами на основе справедливости, с уважением суверенных прав Китая и с предложением приобщиться к вере, но не к идеологии. Более того, на практике именно они начали процесс основания в Китае первоклассных университетов, то есть способствовали делу просвещения и образования в Китае. И здесь ощущается намек на то, что американцы вели себя и не как японцы, и не как люди из Западной Европы, и в особенности не как русские. Это и напоминание о том, что вера и идеология — разные вещи. Это из России пришла идеология. (Здесь может приходить

на ум высказывание Мао Цзэдуна о том, что «залпы Октябрьской революции» в России донесли до китайцев марксизм. Может возникнуть мысль о скрытом и не непременно позитивном смысле этого высказывания.) Очевидно, что тут имеется в виду и напоминание об утверждении Мао Цзэдуна о том, что это Россия, «царская и советская», дескать, все пыталась с помощью и силы, и навязывания идеологии поставить Китай под контроль и подчинить его своему господству. За американцами «такого греха» нет — вот что означают эти слова вице-президента США Пенса.

Исторический экскурс продолжается: *когда грянула Вторая мировая война, мы (американцы и китайцы) стояли вместе как союзники в битве против империализма. А следствием той войны стало то, что Америка гарантировала то, что Китай стал одним из основателей Устава ООН и одним из тех гигантов, которые формировали послевоенный мир.*

В данном случае американцы нашли новый термин.

Они не стали повторять за китайцами термин «антияпонская война». Они не стали повторять и за руководителями КПК термин «антифашистская война». Они не стали употреблять термин «война против японских милитаристов». Вместо всего этого они сегодня, во втором десятилетии XXI века, предложили нынешним руководителям КПК — КНР говорить о той войне как о войне против империализма. Сюда может вкладываться взаимопонимание в вопросе о противопоставлении Америки как демократии германскому и японскому империализму. Сюда можно при желании вписать и напоминание о позиции Мао Цзэдуна, который считал, что в мире есть два империализма, то есть что помимо западного, в том числе американского, империализма — МЭЙ ДИ есть и социалистический, или советский, империализм — ШЭ ДИ.

Вице-президент США также хотел бы утвердить мысль о том, что именно и только благодаря политике США Китай стал одним из основателей или учредителей ООН, а также что это Америка позволила Китаю или предоставила Китаю возможность оказаться среди тех немногих, кто формировал весь порядок на планете по следам Второй мировой войны.

В целом линия на описание «добрых дел» Америки по отношению к Китаю тут продолжается. США рисуются как тот, кто только и делал, что заботился о Китае, может быть, если принимать во внимание перспективу или дальнейшие события во вред своим собственным интересам.

Вице президент США далее переходит к описанию «печальных страниц» истории отношений США и КНР. Он сказал, что *вскоре после того, как КПК взяла власть в 1949 году, она стала осуществлять «авторитарный экспансионизм». И тогда всего через пять лет после того, как «мы воевали вместе (на одной стороне), мы стали воевать один против другого, это происходило в горах и в долинах Корейского полуострова»: «Мой родной отец видел сражения на этой границе свободы».*

Здесь прежде всего бросается в глаза разница между ментальностью в нашей стране, в Китае и в Америке.

У нас зачастую при описании «печальных или трудных страниц» истории наших взаимоотношений с Китаем многие пытаются как-то «сгладить» или «пригладить» факты.

Например, касаясь событий 1969 года на восточном и западном участках границы, то есть в районе острова Даманского и в районе Жаланашколь, хотят создать впечатление, что либо этого «вообще не было», либо это были незначительные события, своего рода «конфликты» или «инциденты», в возникновении которых либо виноваты обе стороны, либо что в этом как бы никто не виноват, а произошли они как-то «случайно», «непроизвольно».

На самом же деле ответственность за произошедшее лежит только на Мао Цзэду, который идейно и материально подготовил военное нападение на наш народ и нашу страну. Начал единственную во второй половине двадцатого столетия войну против нас. Виновен в гибели наших людей. Совершил все это намеренно, видя в этом единственное средство заставить американцев понять, что он считает нас историческим, традиционным, национальным, классовым и военным врагом нации Китая, а потому американцам выгодно принять его предложение об установлении межгосударственных отношений Америки и Китая, США и КНР.

Китайские руководители, Мао Цзэдун и его последователи, ведут себя следующим образом. Они и в свое время, при Мао Цзэду, и в настоящее время трактуют произошедшее тогда, в 1969 году, как правильные действия Мао Цзэдуна, как то, в чем якобы виновата только наша сторона. И с этим нам приходится жить.

В нашей стране многие стараются «обойти» этот вопрос, делать вид, как будто бы его не существует, или отделяются фразами о том, что это было давно и инцидент, дескать, исчерпан, затерт самым прошедшим временем.

Так в наших двусторонних отношениях возникает скрытый потенциальный взрыв существенных разногласий по вопросу о войне в 1969 году.

Американцы, судя по тому, как представил «печальные страницы» прошлого вице-президент США Майк Пенс, ведут себя по-иному. Они со всей определенностью излагают свою трактовку происходившего в двусторонних отношениях.

При этом они находят формулировки, позволяющие искать и сохранять нечто общее в понимании ситуации.

Вице-президент США Пенс называет войну в Корее в 1950–1953 годах «авторитарным экспансионизмом».

С одной стороны, это безусловное и твердое осуждение одной из сторон, которая только одна и исключительно одна виновна в развязывании той войны.

Ответственность тут лежит на китайской стороне.

С другой стороны, причиной войны предлагается считать «авторитарный экспансионизм», то есть отклонение от «демократического республианизма».

Вина, таким образом, возлагается персонально и лично на представителя упомянутого «авторитаризма», то есть на Мао Цзэдуна. При этом он не называется, его имя не произносится. Не употребляется и термин «тоталитаризм». Не упоминается ни о Северной Корее, ни об СССР, ни о «коммунистическом мире».

Предлагается считать это своего рода «зигзагом» истории.

Одновременно это называется «экспансионизмом», то есть предлагается осуждать экспансию, выход за свои границы с целью захвата или установления своего контроля и господства.

Вице-президент не называет по имени того, кто виноват в начале войны, ту страну, которая осуществляла «авторитарный экспансионизм».

Но он упоминает о «горах и долинах» Кореи.

Так оказывается, что война велась не на территории Америки и не на территории Китая. Это «посторонняя война».

Это не «американо-китайская война».

Таким образом, в истории двух стран «как бы» не было их войны между собой. Это чужая война и для американцев, и для китайцев. Это война только Мао Цзэдуна, только «ЕГО авторитаризма».

Однако при всем при том американская сторона четко указывает на то, что всего пять лет тому назад, то есть в 1945 году, Америка и Китай были союзниками, воевали на одной стороне. И вот в 1950 году им пришлось воевать друг против друга. Очевидно, что здесь сквозит предложение осудить этот зигзаг в отношениях, но не делать ту войну препятствием для дальнейшего развития отношений.

Нельзя исключать и того, что в современных США приняли во внимание различные толкования или трактовки Корейской войны в КПК — КНР. В свое время, при правлении Мао Цзэдуна, утверждалось, что НОАК нанесла первое во всемирной истории военное поражение вооруженным силам США. Однако ближе к настоящему времени в КНР была выдвинута трактовка тех событий как «некитайской войны». Эта война не была отнесена к числу войн, которые в КНР официально или публично именуются «войнами нового Китая» (а это война против Индии в 1962 году, война против СССР в 1969 году, война против Вьетнама в 1979 году); она не была поставлена в один ряд с ними. Так и в Китае, и в Америке склонны «выносить ту войну за скобки».

Корейская война ныне трактуется в КПК — КНР как война, навязанная Китаю Советским Союзом.

Вице-президент США Пенс заканчивает обращение к «той войне» упоминанием о том, что его отец был ее живым свидетелем. Это означает призыв к китайцам понять чувства американцев, американского народа, который понес жертвы в той войне. Американская позиция по этому вопросу предстает совершенно четкой. Это та постановка вопроса, которая заставляет партнера

принимать ее во внимание и в то же время предлагает искать пути к поискам взаимопонимания.

Попутно, применительно к истории наших отношений с Китаем, можно было бы говорить, когда речь идет об отношениях с Китаем, что то, что произошло в 1969 году, было выдвижением на практике необоснованных территориальных претензий к нам, неспровоцированным военным нападением на нас и проявлением волонтаризма.

При этом необходимо подчеркивать, что это глубоко ранило чувства нашего народа. Это было вооруженное нападение на нас. В нем наша сторона никоим образом не виновата. Наша сторона здесь ни в коей мере не была ни провоцирующей, ни нападающей стороной. Она подверглась неожиданному и необоснованному нападению.

В настоящее время становится все более очевидно, что та война была нужна Мао Цзэдуну, в особенности после событий 1968 года в Чехословакии. Мао Цзэдун стремился доказать США, что он не только не находится в военном союзе с нашей страной, но, напротив, действует по отношению к нам как по отношению к военному, историческому, национальному и классовому врагу его Китая. Китая как нации.

Вице-президент США Пенс продолжает: *но даже жестокая и отвратительная Корейская война не смогла ослабить наше взаимное желание восстановить связи, которые соединяли нас на протяжении столь длительного времени. Отчуждение Китая от Соединенных Штатов окончилось в 1972 году, и вскоре после этого мы восстановили дипломатические отношения, начали открывать взаимно друг для друга наши экономики, и американские университеты начали готовить новое поколение китайских инженеров, руководителей бизнеса, ученых и чиновников.*

Итак, сегодня в Америке не говорят персонально ни о своих, то есть об американских, ни о китайских политических лидерах, которые осуществляли двусторонние отношения и действия в отношении друг друга. Речь идет о взаимоотношениях двух наций на мировой арене: американцев и китайцев.

Корейская война, безусловно, осуждается как жестокая и отвратительная. Следовательно, выражается желание больше никогда не допускать такого рода войны, возможно, войны вообще между странами. Предлагается отдавать приоритет существованию соединявших обе страны связей. Желание создавать, продолжать и развивать такие связи выводится на первый план.

Это означает, что в США подчеркивают, что то, что соединяет США и Китай, должно рассматриваться как то, что больше и важнее всего иного.

Весь период с 1949 по 1972 год предлагается рассматривать как отчуждение Китая от Соединенных Штатов.

Это нечто бесформенное и случайное. В этом никто не виноват, не считая того, что это, как полагают в США, совершила китайская сторона.

Америка же, так тут получается, никогда не отстраняла, не отчуждала себя от Китая. Она всегда стремилась устанавливать и поддерживать связи и не виновата в том, что с китайской стороны на некоторое время были проявлены иные настроения.

Особо подчеркивается, что вскоре после возобновления связей были восстановлены дипломатические отношения.

Хотя на самом деле речь шла не о восстановлении, а об установлении дипломатических отношений.

Так косвенно дают понять, что согласны с взглядами в Пекине на вопрос о Китае как нации и о его связях с внешним миром. Согласно этим взглядам внешний мир должен воспринимать Китай как нечто вечное. В Китае «династии» могут сменять одна другую, но перед остальным человечеством всегда находился и находится один Китай.

Далее подчеркивается взаимное открытие друг для друга экономик обеих стран. Здесь важно, имея в виду и нынешнее состояние экономических отношений, то, что в США подчеркивают, что Америка экономически открылась для Китая, предоставила КНР возможность пользоваться возможностью «покупать» все то, что предоставляли «полки американского универмага».

Наконец, третьим по счету после установления дипломатических отношений и экономических связей тут называется предоставление американцами китайцам возможности учиться в США,

создавать кадры современно образованных инженеров, бизнесменов, ученых и чиновников.

Итак, в целом в США подчеркивают, что они всегда были готовы устанавливать и поддерживать связи с Китаем, что эти связи выгодны прежде всего Китаю.

Благодаря дипломатическому признанию со стороны США КНР как государство имеет возможность активно присутствовать и действовать на международной арене.

Благодаря установлению экономических связей с США получать все то, что невозможно получить из какой-либо иной страны.

Благодаря возможности обучать своих молодых людей в Америке Китай получает кадры современно образованных, обладающих современными и наиболее продвинутыми знаниями и технологиями как в инженерном деле, так и в бизнесе, в науке и в искусстве управления государственными делами.

Одним словом, здесь заложена мысль о том, что Америка, несмотря на временное отчуждение Китая, открыла для него свои закрома, проявила необычайное великодушие, щедрость, и Китай обязан все это ценить и относиться к Америке должным образом.

При всем при этом необходимо принимать во внимание, что речь вице-президента США Пенса предназначена и для американцев, и для китайцев, то есть предназначена для того, чтобы разъяснять людям в Америке и властям и людям в Китае взгляд нынешней администрации США на историю и нынешнее состояние американо-китайских отношений.

Американцам при этом разъясняют, что Америка всегда была права в отношениях с Китаем и что у нее есть все основания требовать от китайских властей признания этого и удовлетворять требования американцев не наносить ущерб Америке, тем более не вмешиваться в ее внутренние дела.

Далее вице-президент США разъясняет, как повела себя Америка по отношению к Китаю в конце прошлого столетия. Он сказал, что после «конца» Советского Союза *«мы пришли к предположению, что свободный Китай — это неизбежность»*. *«Будучи ведомы оптимизмом, на пороге XXI века Америка согласилась пре-*

доставить Пекину открытый доступ к нашей экономике и привела Китай во Всемирную торговую организацию».

Итак, здесь подчеркивается, что в США в конце прошлого века пришли к мысли о неизбежности краха режимов не только в СССР, но и в КНР.

Исходя из этого предположения, то есть из того, что Китай становится и станет свободным, США пошли на то, чтобы предоставить Пекину открытый доступ к своей экономике и ввели КНР в ВТО.

Это означает, что в Америке сегодня подчеркивают, что там не вмешивались во внутренние дела в Китае, а просто сделали для китайцев максимум возможного, открыли им двери и в американскую, и в мировую экономику. И все это в надежде на то, что Китай неизбежно будет свободной страной, подобной США и государствам Европы.

Такой была оценка ситуации в КНР, и такими были внешнеполитические шаги правительства США.

В них нашел свое выражение тот взгляд, что в каком-то смысле СССР и КНР имеют общую судьбу или что КНР подобна СССР и ее ждет та же судьба.

В Америке явно неверно оценили тот факт, что Китай — это не Россия, КНР — это не СССР. В США недоучли, далеко не сразу начали понимать, что собой представляет глобальная стратегия Китая.

Все это также свидетельствует о том, что в США в этом случае неправильно оценили роль и место экономики. Исходили из того, что экономика может определять политику КПК — КНР. На самом же деле экономика может играть определенную роль, но никоим образом не решающую роль.

Политика, глобальные замыслы — вот что определяет действия нынешних руководителей КПК — КНР. Они считают своей главной задачей сохранение и укрепление своей власти в Китае и осуществление планов распространения своей власти на остальное человечество.

Таким образом, речь идет об ошибочных, неправильных расчетах в США на то, что экономические интересы будут заставлять КПК — КНР следовать за Америкой.

Более того, здесь имеет место просчет в определении возможностей и планов КНР на мировой арене, в частности в экономике, торговле, финансах. Речь ныне везде идет о соперничестве КНР с США.

Вице-президент США разъясняет свой взгляд на политику предшествующих администраций США.

Он подчеркивает, что *предшествующие администрации избрали свою политику в отношении Китая в надежде на то, что свобода в Китае будет расширяться во всех ее формах. Не только в экономике, но и в политике. При этом в сочетании с вновь обретенным в Китае уважением классических либеральных принципов, частной собственности, религиозной свободы и всей «семьи» прав человека. Однако эти надежды так и испарились, оставшись неосуществленными.*

Все это говорит о том, что надежды и расчеты США применительно к Китаю оказались тщетными.

Американцы в своей политике в отношении Китая и его лидеров руководствовались одновременно и надеждами, и расчетами.

Если говорить о надеждах или об идеалистических, иллюзорных представлениях о Мао Цзэдуне, то в свое время в США находили отклик штампы «Красная звезда над Китаем», «идеалист», «левый», «революционер», «вождь». Даже «борец за независимость и самостоятельность» Китая, за его свободу от контроля и господства со стороны СССР.

Если говорить о расчетах, то сначала в Америке исходили из материальной заинтересованности Мао Цзэдуна, КПК — КНР в Соединенных Штатах Америки и в их поддержке перед лицом якобы агрессивно настроенного по отношению к Китаю СССР.

Затем появились надежды на Дэн Сяопина как на «китайца в ковбойской шляпе», как на того, кто ориентировался на США, кто считал отношения с США главными во внешней политике Китая, как на того, кто главным принципом политики сделал призыв «не высовываться», то есть уступить США первое место на мировой шахматной доске.

При этом у США был расчет на неразрывные экономические, торговые и финансовые связи между США и КНР, на то, что именно они будут определять стратегию и тактику КПК — КНР.

С этим сочеталось представление о КНР как о стране, которая уже не является ни «коммунистической», ни «социалистической» и в которой, дескать, появляются все большие «свободы».

Ко всему этому добавлялись и надежды и расчеты на вечное противостояние Китая с Россией (СССР), на зависимость Китая в этом плане от поддержки США.

Во всех случаях Китай при этом видели как слабого партнера, как того, кто вечно будет следовать за США.

В результате произошло столкновение «американской мечты» в отношении Китая, американских надежд на вечные отношения с Китаем как с младшим партнером с суровой действительностью, с проявлениями реального воплощения глобальной стратегии Китая.

Для американцев в начале нынешнего столетия неожиданно (так же неожиданно, как это стало в 1969 году для СССР) оказалось, что Китай традиционно руководствуется иррациональными представлениями о себе как о главной нации на Земле, что его столкновение с СССР было продуманным, намеренным и инициативным шагом в осуществлении его глобальной стратегии, что он сначала использовал в своих интересах СССР, а потом выступил против него как против военного врага, а затем сначала использовал США, а потом встал в позицию их активного глобального соперника и конкурента.

В США ошибались и в оценке того, что произошло в 1969 году на границе между СССР и КНР.

Американские эксперты, в том числе Майкл Пиллсбери, тогда «отмахивались», когда им старались разъяснить, с кем приходится иметь дело в лице Мао Цзэдуна и его последователей. Они ошибочно исходили из того, что Мао Цзэдун тут лишь защищал независимость и самостоятельность нации Китая, думали, что СССР был при этом агрессором.

На самом деле это был важнейший шаг во внешней политике Мао Цзэдуна. Ему тогда удалось перестроить всю конфигурацию фигур на мировой арене. Заставить США оказывать помощь и под-

держку Китаю. Считать СССР общим и главным врагом и США, и КНР, хотя на самом деле это СССР пришлось первым оказать сопротивление попытке Мао Цзэдуна навязывать свои планы. СССР тогда оказался первым по времени защитником всего остального человечества от глобальной стратегии Китая.

Америка, ее власти, ее президенты, их администрации, начиная с президента Никсона и до президента Обамы, ошиблись в своих надеждах и в своих расчетах.

Надежды — это упование на некую высшую справедливость. В США они часто сопутствовали расчетам, так сказать, трезвому взгляду на интересы, которые побуждают людей и страны действовать именно так, а не иначе.

Американцы до сих пор практически всегда ошибались в своих представлениях о Китае, его политике.

Можно сказать и так: американский идеализм в отношении Китая, американские иллюзии в отношении Китая потерпели крах.

Впервые в истории американцам пришлось осознать, что им приходится иметь дело с глобальной стратегией Китая, в которой Америке отводится роль сначала соперника, а потом и ассимилированного, подчиненного.

Американцы ошибались и в том, что касается сущности политического режима, установленного в Китае при правлении Мао Цзэдуна, и в том, что касалось оценки взаимоотношений России (СССР) и Китая (КНР), а также в том, что все, что в истории этих отношений происходило, касалось Соединенных Штатов Америки.

Американцы не поняли, что Россия и Китай — это «две большие разницы». При этом стратегия Китая опаснее всего на свете.

Вице-президент США, фактически признав ошибочность всей предшествовавшей политики США в отношении КНР, переходит к трактовке ситуации, которая сложилась к настоящему времени.

Он констатирует, что *мечты о свободе так и остались далекими от китайского народа. И в то время как Пекин все еще разглагольствует о «реформах и открытости», эта знаменитая политика Дэн Сяопина сегодня звенит как пустой колокол, звучит фальшиво.*

Здесь важно отметить, что в КПК — КНР шла и продолжается борьба между последователями Мао Цзэдуна и противниками его политического курса. Только они, прежде всего Ху Яобан и Чжао Цзяян, были настроены в пользу политических преобразований, движения к свободе, равенству и братству. Они же были подлинными инициаторами и «моторами» в деле осуществления «политики реформ и открытости» в Китае. Дэн Сяопин, как и в иных случаях, «присоседился» к политике «реформ и открытости».

В США предпочитали иметь дело с теми, кто, по их мнению, обладал «реальной властью», то есть сначала с Мао Цзэдуном, а потом с Дэн Сяопином. Ни тот, ни другой, ни их последователи никогда не были и не являются приверженцами свободы. Четкого представления о Дэн Сяопине у американских лидеров нет и вплоть до настоящего времени.

Здесь можно лишь вспомнить о том, как в 1979 году, накануне вторжения войск НОАК на территорию Вьетнама, Дэн Сяопин, находясь в США, беседуя с президентом Картером, сообщил ему о планах войны против Вьетнама. При этом он упомянул о том, что Вьетнам — это, дескать, «союзник» СССР, поэтому война против «союзника» СССР — это общее дело КНР и США, и тут Китай берет на себя часть этой «ноши».

Когда же Картер заметил, что вряд ли стоит это делать, и сказал, что у американцев есть опыт в этом отношении, то Дэн Сяопин самодовольно «поставил президента США на место», сказав, что китайцы — это не американцы; китайцы что говорят, то и делают.

Таким образом, ни война Мао Цзэдуна против Индии, а затем против СССР, ни война последователя Мао Цзэдуна Дэн Сяопина против Вьетнама не были глубоко изучены в США. Им не дали правильную оценку и из них не сделали должные выводы.

Далее вице-президент США Пенс изложил видение в США того, чего за последние десятилетия достигла КНР, и того, благодаря чему это удалось сделать:

За последние 17 лет, то есть в XXI веке, ВВП Китая вырос в девять раз. КНР стала второй самой большой экономикой в мире. Большая часть успехов или достижений — это следствие американских инвестиций в Китае. И Коммунистическая партия

Китай также использовала арсенал таких средств, которые несовместимы со свободной и честной торговлей, включая тарифы, квоты, манипуляции с валютой, вынужденный трансферт технологий, хищение интеллектуальной собственности и субсидии в сфере промышленности, которые выдавались скупно, как конфеты, поодиночке. Все эти меры политического характера создали основу промышленности Пекина, и это произошло за счет конкурентов, соперников — в особенности за счет Америки.

В истории нечто подобное уже было. Начиная с момента создания КНР и на протяжении следующего десятилетия, СССР вложил бесценные ум, знания, труд, технологии в развитие Китая. В ответ получил совершенное по воле Мао Цзедуна нападение на границе и перевод населения КНР на рельсы отношения к нашему народу и нашей стране как к якобы историческому и национальному, классовому и военному врагу нации Китая.

Вице-президент Пенс признает, что экономический потенциал КНР за первые 17 лет нынешнего столетия вырос в девять раз. Это большой рост.

В то же время, с точки зрения администрации президента США, этого удалось достичь за счет двух источников.

Во-первых, за счет американских инвестиций в Китае. Политика предоставления КНР инвестиций осуществлялась в эти годы:

- благодаря позиции администрации президента США;
- благодаря действиям американских бизнесменов и финансовых;
- а также благодаря тому, что власти КНР, а также деловые круги КНР, действовавшие в соответствии с указаниями и политикой властей государства, создавали декорацию, которая оказалась привлекательной для американской стороны.

Так китайская сторона сыграла одновременно:

- и на том, что американские власти обманулись, клюнули на обман властей Китая, поверили пропаганде КПК — КНР;
- и на стремлении американского бизнеса к наживе.

Все это устраивало американцев вплоть до тех пор, пока ущерб от действий китайской стороны не стал столь чувствительным, что игнорировать создавшееся положение стало больше невозможно.

Во-вторых, с точки зрения администрации президента США это произошло по той причине, что власти КНР использовали то, что несовместимо со свободной и честной торговлей:

- хищения интеллектуальной собственности;
- тарифы;
- квоты;
- манипуляции с валютой;
- вынужденный трансферт технологий;
- субсидии в сфере промышленности, выдававшиеся выборочно и фактически тем, кто «покупался» и был готов действовать в интересах не американской, а китайской стороны.

Картина того, что наличествует и происходит в настоящее время во взаимоотношениях РФ и КНР, представляется тем, при обдумывании чего можно и нужно принимать во внимание приведенную выше характеристику американско-китайских отношений, поведение американской администрации, американских чиновников и бизнесменов, а также действий китайской стороны, которые представляют собой неразрывно связанные между собой акции властей и бизнеса.

Далее вице-президент Пенс отмечает: действия Китая внесли свой вклад в дефицит в торговле с США, который в 2017 году составил 375 миллиардов долларов, то есть почти половину нашего (американского) дефицита в торговле. На этой неделе президент Трамп как раз и сказал, что «мы перестроили, пересоздали» Китай за последние 25 лет.

В чем-то у России и Америки в этом деле «общая судьба». Им достается в разное время, в различных условиях и ситуациях, но заниматься созданием основ промышленности Китая, «заново строить Китай».

Затем вице-президент США сказал, что *в настоящее время Коммунистическая партия Китая с помощью своего плана, именуемого «Сделано в Китае — 2025», поставила задачу контролировать 90% самых продвинутых (передовых) областей промышленности в мире, включая робототехнику, биотехнологии и искусственный интеллект, и, поставив такую цель, как завоевание командных высот в экономике XXI века, Пекин направляет своих чиновников и свой бизнес на овладение американской интеллектуальной собственностью — основой нашего (то есть американского) лидирующего положения в экономике — любыми необходимыми методами.*

При анализе действий китайской стороны на территории РФ и применительно к отношениям с нашей стороной необходимо также обращать особое внимание на стремление китайской стороны приобрести, заполучить высокие технологии, в том числе и прежде всего в области самых передовых областей: робототехники, биотехнологий и искусственного интеллекта. При этом необходимо иметь в виду, что все это в КНР используется прежде всего в военной области.

Вице президент США Пенс также подчеркивает, что *в настоящее время Пекин требует от многих американских бизнесов передать ему их секреты в сфере торговли как плату (цену) за ведение бизнеса в Китае. Он также координирует всю соответствующую деятельность и выступает в качестве спонсора при приобретении американских фирм с целью заполучить право собственности на то, что ими создано. Хуже всего то, что китайские секретные службы осуществляют полномасштабную кражу американской технологии, включая материалы (светописные копии, синьки) военного характера.*

И, используя эти украденные технологии, Коммунистическая партия Китая превращает плуги (орала) в мечи, причем в массовых масштабах.

Попытка все это осмыслить может привести к пониманию того, что руководители КПК — КНР, последователи Мао Цзэдуна,

и в прошлом, и в настоящее время руководствуются стремлением создать в конечном счете такой военный потенциал, который даст им возможность навязывать свои решения любой нации на Земле. В Китае с древности укоренилась мысль о том, что для этого необходимо обладать перевесом в военных силах в четыре раза над тем или иным противником.

Американский вице-президент, очевидно основываясь на имеющихся в распоряжении американцев материалах, также останавливается на очень важном вопросе. Он говорит, что китайские власти стараются заполучать то, что в Америке рассматривается как ее секреты. Имеются в виду секреты, которыми американцы пользуются в сфере торговли. Таким образом, китайские власти разоружают американцев и в этой области.

Далее китайские власти стремятся приобретать право собственности на американские предприятия. При этом «китайские секретные службы осуществляют полномасштабную кражу американской технологии, включая материалы военного характера».

Таким образом, в широких масштабах осуществляется и экономический, и военный шпионаж.

Вице-президент США делает вывод о том, что КПК, используя украденные технологии, «в массовых масштабах» «перековывает орала на мечи».

Иными словами, все украденное китайские власти используют для наращивания своего военного потенциала.

Очевидно также, что то, что происходит в этой области в американо-китайских отношениях, репродуцируется по всему миру, во взаимоотношениях с теми странами, где «есть что украсть» в этих целях.

Вице-президент США Пенс констатирует, что *Китай в настоящее время тратит на войну (расходует в военных целях) столько же, сколько вся остальная Азия, и Пекин отдает при этом приоритет тому, чтобы подвергать эрозии военные преимущества Америки — на суше, на море, в воздухе и в космосе. Китай хочет ни больше ни меньше как выдавить США из западной части*

Тихого океана и пытается мешать нам (американцам) приходить на помощь нашим союзникам.

Таким образом, американцы пришли к выводу, что речь идет не только о стремлении КНР извлечь все преимущества и все выгоды из экономических и торговых связей с США. Речь идет о большем. КНР взяла курс на наращивание своего военного потенциала и на эти цели тратит громадные средства. Важным представляется то, что совокупные расходы КНР на военные цели превышают расходы всех государств Азии. Таким образом, эти государства, по отдельности и совместно, оказываются слабее КНР.

Еще более важным для американцев представляется то, что КНР осуществляет такое развитие военной отрасли, что это подвергает эрозии военные преимущества США на суше, на море, в воздухе и в космосе. Сегодня к этому, очевидно, надо добавлять упоминание о киберпространстве.

И это еще не все. КНР хочет выдавить США из западной части Тихого океана.

Китайские власти, по словам Пенса, пытаются мешать США приходить на помощь своим союзникам, очевидно, в первую очередь в этом регионе.

Создается военное противостояние США и КНР. Америке приходится реагировать на этот курс КНР. Странам, которые это так или иначе затрагивает, приходится или придется принимать все это во внимание, делать из этого практические выводы. Представляется важным обратить внимание на то, что, возможно, в первую очередь это касается Японии, Индии и Австралии, то есть всего того региона, который именуют Индо-Пасификой (регионом Индийского и Тихого океанов).

Вице-президент США развивает свою мысль: *Пекин также использует свою силу как никогда ранее. Китайские суда осуществляют рутинное патрулирование возле островов Сенкаку, которые находятся административно под управлением Японии. И в то время когда лидер Китая, стоя в Розовом саду Белого дома в 2015 году, сказал, что у его страны «нет намерений милитаризовать Южно-Китайское море», сегодня Пекин разместил про-*

двинутые (технологически самые совершенные) антикорабельные ракеты и ракеты «воздух — воздух» на архипелаге военных баз, созданных на искусственных островах.

Агрессия Китая была на дисплеях на этой неделе. Когда военное судно Китая подошло на 45 ярдов к кораблю США «Дектур» в то время, когда он осуществлял операции в порядке свободы навигации в Южно-Китайском море, оно (это китайское военное судно) таким образом вынудило наш (американский) корабль совершить срочный маневр, чтобы избежать столкновения. Несмотря на такое тревожащее поведение непристойного характера, флот США будет продолжать летать, плавать и совершать операции везде, где это допускается международным правом и где этого требуют наши национальные интересы. нас не запугать; мы не уступим.

Америка надеялась, что экономическая либерализация приведет Китай к еще большему партнерству с нами и со всем миром. Вместо этого Китай выбрал экономическую агрессию, которая в свою очередь поощрила его растущую военную силу.

Вице-президент США подчеркивает то, что расходятся слова и дела руководителей Китая. Он также признает, что американцы в свое время сделали неверные выводы и надеялись на то, что «экономическая либерализация приведет Китай к еще большему партнерству с нами и со всем миром».

Очевидно, что такого рода «экономические» расчеты в настоящее время в мировой политике, особенно тогда, когда речь идет о таких государствах, как КНР, не работают, оказываются ошибочными. Американцы пришли к выводу о том, что Китай «выбрал экономическую агрессию, которая в свою очередь поощрила его растущую военную силу».

Военная угроза со стороны КПК — КНР — вот что чрезвычайно заботит руководителей США в настоящее время.

Поэтому они стремятся довести до сведения и своего народа, и властей КНР, и остального человечества, что США «не удастся запугать». Они не уступят Китаю в ныне развернувшемся соперничестве, прежде всего военного характера. Таким образом, возникает перспектива гонки вооружений, нарастающего противостояния

вооруженных сил Америки и Китая. Очевидно также, что речь идет не только и не просто о том, что именуется по традиции «гонимой вооружений». Речь идет о «стремительном движении» обеих стран, США и КНР, ко все большему военному противостоянию в глобальных масштабах.

Вице-президент сделал публичной и оценку ситуации с правами человека в Китае:

В равной степени Пекин также и не двинулся, как мы надеялись, вперед к большей свободе для своего народа. На протяжении некоторого времени Пекин медленно продвигался по направлению к большей свободе и к уважению прав человека, однако в последние годы он сделал резкий поворот назад по направлению к контролю и подавлению.

Итак, в США, очевидно, особенно начиная с 1980-х годов, да и в последнем десятилетии прошлого века и в первом десятилетии века нынешнего, то есть уже на протяжении целых тридцати лет, не только в настроениях общества, но даже в политике властей Америки господствовали или превалировали представления о том, что реформы, которые, как там полагали, осуществлялись в КНР, с одной стороны, являются процессом экономической либерализации, или либерализации в сфере экономики, и, с другой стороны, являются путем «к большей свободе для своего народа», «к большей свободе и к уважению прав человека».

Однако и в том, и в другом случае американцы ошиблись или позволили себя обмануть.

Теперь вице-президент США констатирует, что «в последние годы», то есть в период правления Си Цзиньпина, Китай «сделал резкий поворот по направлению к контролю и подавлению».

Здесь необходимо повторить, что в КПК — КНР, особенно после смерти Мао Цзэдуна, никогда не прекращалась и не прекращается борьба между последователями политического курса Мао Цзэдуна, особенно в том, что касается внешней политики и внутриполитического режима в стране, и противниками этого курса. И если при правлении Ху Цзиньтао действительно могло складываться впечатление о некоем движении в сторону «гармонизации»,

«мира и развития», то при правлении Си Цзиньпина действительно осуществляется «поворот к контролю и подавлению».

Вице-президент США Пенс продолжает:

Сегодня Китай создал беспрецедентное государство полицейского надзора, и он становится все более экспансивным и назойливым, зачастую пользуясь технологией США. «Великая стена (великий брандмауэр) Китая», кажется, становится все выше, решительно препятствуя тому, чтобы свободный поток информации достигал народа Китая. И к 2020 году цель правителей Китая состоит в том, чтобы создать оруэлловскую систему, которая позволяет контролировать виртуально каждый аспект человеческой жизни, — так называемый «кредитный счет социального порядка». Как говорится на официальном сайте этой программы, она «позволит достойным доверия путешествовать везде под небесами и в то же время сделает невозможным для дискредитировавших себя сделать даже малейший шаг».

Итак, излагая свой нынешний политический курс в отношении КПК — КНР, вице-президент США сначала критикует политику нынешних властей Китая в сфере экономики, затем в сфере военного дела и, наконец, в области прав человека. И везде американцы наконец увидели, что им пришлось столкнуться с тем, что в Пекине относятся к США как к сопернику и всегда вели и ведут ожесточенную борьбу против этого соперника по всем направлениям и всевозможными средствами.

В частности, вице-президент США отмечает, что в КНР создано «беспрецедентное государство полицейского надзора». Именно это и есть важный признак того, что нынешний политический режим в КНР — это режим предельной или максимальной концентрации власти. При этом Си Цзиньпин стремится к восстановлению в Китае на практике и заново режима самовластия, своего самовластия и единовластия.

В КНР власти стремятся лишить людей возможности получать свободный доступ к информации. Стремятся контролировать виртуально каждый аспект человеческой жизни. Дело ведет к «оцифровыванию» всего населения страны, к тому, что население страны

хотят разделить на две противопоставленные одна другой части. На «чистых» в политическом отношении, с точки зрения властей. И на «нечистых» в том же политическом отношении. Людей будут оценивать по всему их индивидуальному поведению. Доводя до каждого человека то, как он выглядит с точки зрения властей. Людям даже запретят свободно передвигаться по стране. Выделят тех, кого можно «допускать» в поезда, самолеты, автомобильный транспорт, и тех, кому все это запрещено. Несомненно, что ограничения приобретут систематизированный и всеобщий характер, если властям, номенклатуре партии, удастся создать ту систему, тот «новый порядок», о котором идет речь. Здесь необходимо иметь в виду, что существование при таком же «новом порядке» ждет и всех тех людей в мире, которые пока находятся вне власти КПК — КНР, но могут попасть под эту власть.

С точки зрения вице-президента США, когда речь заходит о свободе религии в Китае, тогда приходится констатировать, что новая волна преследований и гонений обрушивается и повергает китайских христиан, буддистов и мусульман.

Это означает, что власти КПК — КНР допускают существование на подконтрольной им территории только таких церквей, которые согласны во всем подчиняться упомянутым властям, выполнять все их установки и распоряжения. Религия в КНР находится в полном подчинении правящей партии, партийной номенклатуры и первого по рангу руководителя этой партии.

И когда речь заходит о свободе религии, тогда новая волна преследований и гонений обрушивается на китайских христиан, буддистов и мусульман.

Вице-президент США упоминает о следующем:

В прошлом месяце (в сентябре 2018 года) в Пекине была закрыта одна из самых крупных в Китае подпольных церквей. По всей стране власти сбрасывают кресты, сжигают библии и сажают в тюрьму верующих. Пекин в настоящее время заключил сделку с Ватиканом, которая позволяет открыто атеистичной Коммунистической партии прямо играть роль при назначении

католических епископов. Для китайских христиан это время отчаяния.

Здесь попутно можно вспомнить о жалком существовании «ло-скутков» Русской православной церкви в Китае, которую власти даже не признают за одну из официально разрешенных и действующих церквей.

Что касается китайских христиан, то их история насчитывает сотни лет. В настоящее время они существуют, и их существование допускается властями, вероятно, в значительной степени по той причине, что их довольно много. Католиков около 10 миллионов, а протестантов около 50 миллионов. В то же время есть основания говорить о «времени отчаяния» для них из-за того, что власть в КНР в настоящее время принимает решительные меры с тем, чтобы ни католики, ни протестанты не оказались никакой значительной силой, тем более организованной силой, в случае возникновения политических катаклизмов в Китае.

Вице-президент США говорит и о буддистах, и о мусульманах в Китае:

Пекин также наносит удары по буддизму. За последние десять лет более 150 тибетских буддистов-монахов сожгли себя, протестуя против репрессий Китая, направленных против верующих и их культуры. И в Синьцзяне Коммунистическая партия бросила не менее миллиона мусульман-уйгуров в правительственные лагеря, где они подвергаются круглосуточной промывке мозгов. Те, кто выжил в этих лагерях, описывают все это как намеренную попытку Пекина задушить уйгурскую культуру и подавить мусульманскую веру.

Может быть, впервые в истории взаимоотношений Америки и Китая власти США на самом высоком и официальном уровне позволили себе прямо осудить политику властей, в данном случае КПК — КНР, в отношении последователей буддизма и мусульман. И здесь возникает вопрос о соотношении определенных сторон внутренней политики, в которые иностранцам не стоит вмешиваться, и религии, веры, которая объединяет людей не одной стра-

ны, а многих стран. Во всяком случае, очевидно, что не только граждане индивидуально, в личном качестве, или через свои организации, но и власти других стран, отражая настроения верующих в своих странах, имеют право, руководствуясь своей совестью, человеколюбием, высказывать свое мнение о положении таких же верующих в ту или иную религию в Китае.

Администрация президента США пришла к общему выводу, исходя из того, что происходит во внутренней жизни Китая:

Однако, как свидетельствует сама история, то государство, которое подавляет свой собственный народ, редко на этом останавливается. Пекин также имеет своей целью расширять свой доступ в более широкий мир. Как сказал доктор Майкл Пиллсбери из этого самого Гудзоновского института, «Китай препятствует действиям и целям правительства США. По сути дела, Китай строит такие свои отношения с союзниками и врагами Америки, которые находятся в противоречии с любыми мирными или продуктивными намерениям Пекина».

Здесь можно обратить внимание на то, что в мире в настоящее время сосуществуют две вещи. С одной стороны, нации заинтересованы в мирных и нормальных взаимоотношениях и разнообразных связях между странами. С другой стороны, люди в каждой стране, естественно, требуют от властей обеспечения прав человека, тех или иных свобод.

Людей в разных странах связывают общие интересы и ценности. Они не могут равнодушно относиться к ущемлению прав и свобод и в своей стране, и в других странах. Выражение позиции по вопросу о правах человека представляется неотъемлемым правом человека. Власти в условиях демократии отражают мысли и настроения людей своей страны.

В последние десятилетия получила распространение мысль о том, что идеологию и межгосударственные отношения лучше отделять друг от друга. В частности, в КПК — КНР считают, что отношения между КНР и РФ должны быть «деидеологизированы».

Однако, судя по тому, что заявил вице-президент США Пенс, общественное мнение в этой стране оказывает на власти такое дав-

ление, что администрация президента США не может не считаться с этим и прямо осуждает власти КПК — КНР, говоря о «том государстве, которое подавляет свой собственный народ»; добавляя, что такое государство «редко на этом останавливается. Пекин также имеет своей целью доступ в более широкий мир».

Здесь имеется в виду, что Америка намерена защищать свои представления о свободе человека, о человеческом достоинстве как применительно к своей стране в ее взаимоотношениях с КНР, так и прежде всего декларативно в других странах, в том числе в Китае.

Важно подчеркнуть, что в США и общество, и правительство осуждают политику властей КПК — КНР как «подавляющую свой собственный народ». Таким образом, у американо-китайских отношений сегодня возникает и их идеологический аспект.

Мало того, в Америке в настоящее время обращают внимание на то, что власти КПК — КНР практически ведут борьбу против того, что в Америке видят как общечеловеческие ценности, и в тех странах, которые являются союзниками США, и в тех странах, которые являются врагами США.

Иначе говоря, в США констатируют, что идеологическое наступление на США Пекин осуществляет в мировых масштабах. Поэтому США заявляют о намерении со всей твердостью защищать свои представления об упомянутых ценностях, прежде всего о правах и свободах человеческой личности.

Далее вице-президент США Пенс переходит к характеристике поведения Пекина на мировой арене:

Китай использует так называемую «дипломатию долгов» с тем, чтобы расширять свое влияние. Сегодня эта страна предлагает сотни миллиардов долларов в виде займов для создания инфраструктуры правительствам от Азии до Африки, до Европы и даже до Латинской Америки. И при этом условия этих займов непрозрачны до крайности и выгоды в подавляющем большинстве случаев потоком текут в Пекин.

Итак, в арсенале администрации США возникает и существует утверждение о том, что Китай использует так называемую «дипломатию долгов» с тем, чтобы расширять свое влияние.

Здесь необходимо принимать во внимание то, что идеология, которой на практике руководствуются власти КПК — КНР, содержит в себе в качестве одной из краеугольных основ понятие «долга» перед Китаем остального человечества, перед всей Поднебесной.

Все здесь начинается с самоутверждения КПК — КНР в качестве центрального государства, или центра всего человечества.

При этом уже давно введены мысли о том, что другие страны, пользуясь своим временным военным преимуществом, в истории ущемляли суверенитет, права Китая как нации, наносили унижения и оскорбления Китаю.

Поэтому те, кто так поступал, оказались «в долгу» перед нацией Китая.

Они должны «склонить голову, признать вину».

Это их моральный или нравственный долг.

Далее речь в КПК — КНР идет о том, что существуют территории и акватории, а также, вероятно, в настоящее время и воздушное, и космическое, и киберпространство, которое должно по праву принадлежать Китаю.

Во всяком случае, любые государства должны уступать в случае, если власти КПК — КНР сочтут эти территории, акватории, пространства принадлежащими Китаю.

В Китае существует термин «утраченные территории». Следовательно, мысль о «долгах» иностранцев перед Китаем распространяется и на все то, что в КПК — КНР считают «утраченными территориями».

И вот теперь, в период, когда КПК — КНР начали «мирное наступление» в масштабах земного шара с тем, чтобы заставить человечество, все его части, выполнять требования китайской стороны, некоторые люди в мире заговорили о том, что Китай, дескать, делает это главным образом с помощью того, что они называют «мягкой силой».

На самом деле в арсенале китайских философов с древности существовала мысль о том, что китайская цивилизация, китайская культура превосходит любую иную цивилизацию и культуру.

Поэтому все остальные должны признать превосходство китайской цивилизации и культуры, подчиниться требованиям Китая, удовлетворить все его претензии добровольно. Тогда мир на плане-

те будет сохраняться. Если же кто-то будет сопротивляться, тогда его придется заставить признать верховенство Китая с помощью применения силы, которой он не сможет оказать сопротивление, так как она будет «непреодолимой».

Нынешняя ситуация, когда Китай применяет «дипломатию долгов» и представляет собой применение на практике упомянутого принципа. Китай использует свои финансовые возможности, чтобы опутывать тех, кого он сочтет необходимым, сетью долгов с тем, чтобы в конечном счете заставить их подчиниться политическим требованиям Китая.

То, что иной раз именуется с подачи китайской стороны «народной дипломатией», также является одним из рычагов, с помощью которых внушается все та же мысль о том, что другие страны и народы что-то «задолжали» Китаю, обязаны действовать только так, чтобы это было сочтено проявлением дружбы к Китаю, быть «друзьями Китая», понимая, что понятие «дружбы» может и должно использоваться только в этом, одностороннем порядке, и, во всяком случае, должны признать, что «будущее принадлежит Китаю».

Вице-президент США привел в качестве примера то, что произошло со Шри-Ланкой:

Спросите только у Шри-Ланки, у которой образовался огромный долг китайским государственным компаниям с целью построить порт, который имеет сомнительную коммерческую ценность. Спустя два года эта страна больше не смогла выплачивать свой долг, и тогда Пекин оказал нажим на Шри-Ланку с тем, чтобы заставить ее передать этот новый порт непосредственно в руки китайцев. Вскоре он превратится в военную базу для увеличивающегося китайского флота открытого моря.

Это не просто один из примеров действий Пекина, в данном случае в Азии, но это показатель с той точки зрения того, что это осуществление далеких планов Пекина. Пекин стремится покупать не только порты для обслуживания своих экономических интересов, но и создавать базы для своего военно-морского флота в различных морях и океанах. Так «долговая дипломатия» раскры-

вает свои намерения, то есть то, что она предназначена для обслуживания вооруженных сил КНР.

Вице-президент США приводит также пример действий Пекина в Западном полушарии:

А в нашем полушарии Пекин также распространил свою «линию жизни» на коррумпированный некомпетентный режим Мадуро в Венесуэле, выдав 5 миллиардов долларов в виде сомнительного займа, который можно выкупать поставками нефти. Китай также является единственным самым крупным кредитором этой страны, опутав народ Венесуэлы долгом в размере более 50 миллиардов долларов. Пекин также коррумпировает политиков некоторых стран, предоставляя прямую поддержку партиям и кандидатам, которые обещают приспособиться к стратегическим целям Китая.

В дополнение к упоминанию о применении «долговой дипломатии» в отношении Венесуэлы вице-президент США также подчеркнул, что одной из составных частей глобальной стратегии Пекина является такой метод, как подкуп политиков, политических партий, политических сил различных стран, которые «обещают приспособиться к стратегическим целям Китая».

Всеим странам, которые ощущают на себе политику Пекина, необходимо обратить внимание на то, что власти КПК — КНР принимают меры для подкупа тех иностранцев, которые готовы за деньги служить властям КПК — КНР. В этих странах необходимо провести работу по выявлению и наказанию таких «прислужников» властей КПК — КНР в своих государствах.

Далее вице-президент США Пенс останавливается на вопросах, связанных с Тайванем:

Начиная с прошлого (2017) года Коммунистическая партия Китая убедила три нации в Латинской Америке разорвать связи с Тайванем и признать Пекин. Эти действия угрожают стабильности в Тайваньском проливе, и Соединенные Штаты Америки осуждают эти акции. И в то время как наша администрация будет с уважением относиться к нашей политике одного Китая,

как это нашло отражение в трех совместных коммюнике и в Законе (Акте) об отношениях с Тайванем, Америка будет всегда верить в то, что демократический выбор Тайваня показывает лучший путь для всего китайского народа.

В мире с 1949 года имеет место процесс борьбы между островным и континентальным Китаем за связи с различными странами.

По сравнению с тем, какой была ситуация несколько десятилетий тому назад, в настоящее время для нее характерны некоторые особенности.

С одной стороны, складывается впечатление, что в мире среди китайцев, в китайской диаспоре во всех странах, где она существует, больше нет серьезного соперничества сил, поддерживающих, с одной стороны, КПК и, с другой стороны, ГМД. Внешне КПК здесь победила. ГМД либо потерпел поражение, либо «ушел в тень».

Вместе с тем вполне очевидно, что свое место в мировом сообществе продолжает занимать Тайвань.

Прежде всего США и европейские страны, имея дипломатические отношения с КНР, поддерживают экономические и культурные связи с Тайванем.

Именно такая конструкция в настоящее время оказалась пригодна для сохранения мира и в то же время для продолжения и развития всесторонних связей этих и других стран с Тайванем, который стал демократической страной, обладающей самыми современными технологиями.

Более того, именно это может рассматриваться как абсолютно нормальная ситуация.

Здесь, по сути дела, не ущемляются интересы людей на Тайване, и в то же время страны, имеющие такого рода отношения с Тайванем, фактически действуют в соответствии со своими нравственными ценностями, со своими представлениями о правах человека.

Одним словом, отсутствие дипломатических связей при наличии связей экономического и культурного характера — это в настоящее время, при нынешней ситуации, и максимально возможное, и в то же время не ущемляющее никого ни в таких странах, ни на самом Тайване положение дел.

При этом это ситуация не «временная» или «подвешенная». Никто ни на Тайване, ни в упомянутых странах не торопится изменять ситуацию. Никто не считает, что власти КПК — КНР с неизбежностью «вернут» Тайвань.

Это фактически пример современного противостояния свободного мира и несвободного мира, свободных людей на Тайване и в соответствующих странах и несвободных людей, точнее, властей государства на территории континентального Китая.

Далее очевидно, что двадцать с лишним миллионов жителей Тайваня в своем подавляющем большинстве не желают попасть под власть КПК и предпочтут скорее погибнуть, чем оказаться в этом положении. На Тайване нет никаких политических и общественных сил, которые готовы превратиться в «подчиненных» властей КПК.

Существует и вопрос о дипломатических связях Тайбэя и Пекина с различными странами во всем мире. Подавляющее большинство государств в настоящее время имеет их с Пекином, то есть с КНР. Пекину в последнее время удалось добиться того, что еще несколько стран разорвали отношения с Тайванем и установили их с Пекином.

Здесь обращает на себя внимание позиция США. Они, как и в других случаях, стремятся сохранять сложившееся к настоящему времени положение. С точки зрения США именно это способствует сохранению стабильности в Тайваньском проливе. Изменения в ситуации, то есть разрыв дипломатических отношений с Тайванем и установление их с Пекином, подстегивают пропаганду Пекина, вдохновляют ее, а может быть, и неких политиков внутри континентального Китая на нагнетание напряженности в Тайваньском проливе.

Что касается термина «один Китай», то, судя по заявлению вице-президента США Пенса, США будут продолжать с уважением относиться к своей политике или к своей трактовке содержания этой формулировки.

Из этого следует, что в свое время, в 1972 году, США согласились с употреблением термина «один Китай» в совместном документе, подписанном США и КНР. Однако при этом каждая сторона вкладывает в этот термин свое содержание.

Власти КПК — КНР считают, что сам этот термин «Китай» принадлежит только им, что термин «Китай» и термин «КНР» — это синонимы.

С точки зрения США термин «Китай» имеет отношение к культуре и истории, но не к конкретному государству или государствам. Фактически на мировой арене в настоящее время Китай — это одна нация, у каждой из двух частей которой, у континентальной и островной части, есть свое государство. В одном случае КНР, в другом случае КР (Китайская Республика).

По словам вице-президента США Пенса, США подчеркивают, что «Америка будет всегда верить в то, что демократический выбор Тайваня показывает лучший путь для всего китайского народа».

Таким образом, Америка, с одной стороны, согласна повторять утверждение общего характера об «одном Китае», но, с другой стороны, фактически вкладывает в эту формулу свое содержание, прежде всего настаивая на своем понимании свободы и демократии. И далее утверждая, что с ее точки зрения «демократический выбор Тайваня показывает лучший путь для всего китайского народа».

Так в США предлагают поддерживать приемлемые для обеих сторон, для США и КНР, двусторонние отношения, в том числе в вопросе о Тайване. В то же время США твердо стоят на своих идейных позициях, фактически отделяя межгосударственные отношения от идеологии, давая понять, что идеологии у США и КПК — КНР разные.

Вице-президент США далее делает два важных вывода:

И это лишь некоторые методы, с помощью которых Китай стремится продвигать свои стратегические интересы по всему миру с возрастающей интенсивностью и искушенностью (извращенностью). И при всем при этом все предыдущие администрации игнорировали действия Китая, и во многих случаях они содействовали им. Но те дни (времена) прошли.

Итак, во-первых, администрация президента США доводит до сведения прежде всего американцев, но и остального человечества, конечно, до сведения Пекина, что в Америке наконец-то

сделали вывод о том, что у Китая существует стратегия, что эта стратегия является глобальной, что в настоящее время и уже на протяжении некоторого времени КПК — КНР «стремятся продвигать свои стратегические интересы по всему миру с возрастающей интенсивностью и изощренностью».

Это касается теперь и США, и России, и всего остального человечества. Следовательно, у каждой из частей человечества возникает необходимость это осознать, сделать выводы и защищать свои интересы и общие интересы перед упомянутым наступлением или активной политикой КПК — КНР.

Второй вывод, вторая мысль, которую администрация президента Трампа доводит до населения США, состоит в том, что все предыдущие администрации игнорировали это, игнорировали действия Китая, а во многих случаях содействовали им. Это происходило по той причине, что американцы, начиная со времен президента США Никсона и его советника по этому вопросу Киссинджера, обманывались и вводились в заблуждение Мао Цзэдуном и его последователями, прежде всего Дэн Сяопином.

Здесь необходимо сказать, что Мао Цзэдун считал, что за всю свою жизнь он сделал два главных дела.

Во-первых, «прогнал Чан Кайши на Тайвань».

Во-вторых, «зажег огонь» «культурной революции».

И то, и другое было частью его стратегии применительно и к тому, что происходило в Китае, и к тому, что происходило на мировой арене.

Борьба против Чан Кайши явилась, с точки зрения Мао Цзэдуна, первым этапом осуществления его замыслов или его стратегии. Чан Кайши был главным соперником Мао Цзэдуна в борьбе за власть внутри Китая. Поэтому изгнание Чан Кайши из континентального Китая было чрезвычайно важно для Мао Цзэдуна. Благодаря этому под властью Мао Цзэдуна оказалась подавляющая часть населения Китая, большая часть нации Китая. Так Мао Цзэдун решил вопрос о той основе, на которой можно было начинать осуществление глобальной стратегии Китая.

Мао Цзэдун решал вторую задачу, начал осуществление своей глобальной стратегии путем подготовки, начала и осуществления «культурной революции».

Термины, когда их употребляют Мао Цзэдун и его последователи, зачастую предназначены для того, чтобы вводить в заблуждение тех, кого Мао Цзэдун и его последователи считают противниками.

«Культурная революция», конечно же, была предназначена для возвращения Мао Цзэдуном себе абсолютной власти над нацией Китая, для уничтожения внутри Китая, в своем, так сказать, «стратегическом тылу», всех тех, в ком он видел своих главных врагов внутри страны, прежде всего Лю Шаоци, но и Пэн Дэхуая, а также многих других.

В то же время Мао Цзэдун не считал таким противником Дэн Сяопина. Различие между Лю Шаоци и Дэн Сяопином состояло в частности, но в важной частности в том, что Лю Шаоци был против подготовки и начала войны против нашего народа и нашей страны, а Дэн Сяопин поддерживал в этом Мао Цзэдуна, неотступно следовал за Мао Цзэдуном в его враждебности по отношению к нашему народу и нашей стране. Дэн Сяопин был нужен Мао Цзэдуну как одна из фигур, с помощью которых он осуществлял свои замыслы на мировой арене. Далеко не случайно Мао Цзэдун в 1974 году доверил именно Дэн Сяопину донести его мысли до американцев и до Генеральной Ассамблеи ООН.

Стратегия Мао Цзэдуна на мировой арене предусматривала изменение конфигурации в пользу КПК — КНР.

Ситуация сложилась изначально, то есть в момент объявления о создании КНР, таким образом, что Америка не имела отношений с КНР и в США считали Китай союзником и марионеткой Советского Союза. В СССР пытались сделать все возможное, чтобы удержать Китай в едином фронте социалистических стран.

Мао Цзэдун, исходя из своих стратегических замыслов, повел дело к тому, чтобы полностью отделить Китай от СССР, противопоставить народы и страны, превратить наш народ и нашу страну в сознании и в представлении китайцев в якобы исторического и национального, классового и военного врага Китая.

Мао Цзэдун обработал соответствующим образом сначала высших руководителей партии, потом партийную номенклатуру, членов партии, затем и все население страны. На это у него ушли годы, особенно 1960-е годы. В результате никто в Китае не высту-

пил против действий Мао Цзэдуна, когда по его воле в 1969 году солдаты его армии начали стрелять в нас на границе, убили наших людей, начали войну.

В то же время вся эта операция была необходима Мао Цзэдуну и в целях перестройки сознания людей в Китае на отношение к нам как к военному врагу и с тем, чтобы получить аргументы, позволявшие изменить политику США в отношении Китая. То была часть его стратегического замысла, одной из целей которого было создание на «мировой шахматной доске» такой конфигурации, когда Китай получал бы помощь со стороны США, а США и СССР (Россия) продолжали бы находиться в конфронтации. Тем временем Китай, согласно замыслу Мао Цзэдуна, мог бы накапливать силы, чтобы затем стать не только политическим, но и экономическим и военным центром земного шара.

У «культурной революции» Мао Цзэдуна была важная, с точки зрения Мао Цзэдуна, внешнеполитическая цель. Мао Цзэдун называл эту кампанию «культурной революцией», хотя, по сути дела, речь шла об изменении образа мыслей китайцев, в значительной степени их представлений о России (СССР) и об Америке в целях осуществления глобальной стратегии Мао Цзэдуна.

И Мао Цзэдун не скрывал своих главных целей. Он говорил именно в период «культурной революции», что «советский ревизионизм и американский империализм натворили столько плохих дел, что народ всего мира их не пощадит». Тем самым Мао Цзэдун доводил до своих приверженцев, сторонников и последователей мысль о том, что он действует от имени и в интересах «народа всего мира» и что его целью является борьба за свержение и «советского ревизионизма», и «американского империализма». Здесь можно обратить внимание на то, что именно тогда и в этом случае Мао Цзэдун поставил на место своего первого и главного врага — «советский ревизионизм», передвинув «американский империализм» на второе или «на следующее, очевидно по времени, место».

И если применительно к нашей стране это было в то время военное противостояние, то в отношении Америки это был прием, рассчитанный на введение американцев в заблуждение, на обман американцев, на внушение им мысли о том, что Китай считает сво-

им единственным главным врагом СССР и готов ради помощи со стороны США следовать за ними, во всяком случае, в совместной борьбе против СССР.

Американцы, а тогда в первую очередь Никсон и Киссинджер, не поняли стратегических замыслов Мао Цзэдуна, «клюнули» на мысль об СССР как об «общем враге» Америки и Китая, сочли, что им необходимо предоставить Китаю все возможное для его усиления как в экономическом, так и в военном отношении.

В то же время стратегия Мао Цзэдуна предусматривала, с одной стороны, как бы «замораживание» враждебности в отношении СССР, оставление отношений с СССР «в подвешенном состоянии». С другой стороны, сосредоточение усилий на пропагандистской обработке населения США с тем, чтобы у него не было и тени подозрительности в отношении намерений Китая, чтобы в США не проявляли бдительности по отношению к планам и действиям Мао Цзэдуна и его последователей. Последователи Мао Цзэдуна добивались «мирного разоружения Америки» перед действиями властей КПК — КНР.

Таким образом, американцы до последнего времени неправильно оценивали стратегическую обстановку в мире. В настоящее время они как бы опомнились. В политике США по отношению к КНР произошел крутой поворот.

Конечно, с их точки зрения существуют угрозы интересам США и со стороны России, и со стороны воинственных мусульман, ряда мусульманских государств, даже со стороны КНДР.

Однако главная угроза, общая опасность для всех — это политика властей КПК — КНР.

Вице-президент США, фактически стремясь закрепить за президентом Трампом поддержку населения Америки, говорит, что «те дни, те времена прошли». Это означает, что и сами США будут считать своей главной стратегической задачей противостояние политике КПК — КНР, принятие таких действий, которые бы заставили Пекин пойти на договоренности на принципах мира, самостоятельности, равноправия.

Вместе с тем США фактически призывают Россию, другие государства вместе с Америкой противостоять осуществлению Китаем его глобальной стратегии.

В свое время, еще в 1957 году, и даже не в Китае, и не где-нибудь, а в Москве, на международном совещании коммунистических и рабочих партий, Мао Цзэдун, претендуя на место их единственного вождя и учителя, говорил о том, что им не следует бояться мировой ядерной войны, и ничего, что в ней сгорит половина человечества, пусть даже погибнут триста миллионов китайцев, потому что в итоге оставшиеся создадут на развалинах империализма новый прекрасный свой мир (или, употребляя термин Цзян Цзэминя, свой «новый порядок»).

Мао Цзэдун стремился тогда использовать это мировое коммунистическое движение, этот «социалистический лагерь» в своих интересах, в интересах установления на Земле господства своей власти и своей идеологии.

Тогда же он говорил, что все в этом мире устроено так, что либо Восток довлеет над Западом, либо Запад довлеет над Востоком, либо ветер с Востока одолевает ветер с Запада, либо ветер с Запада одолевает ветер с Востока.

Под «Востоком» Мао Цзэдун имел в виду себя, своих приверженцев и последователей, имел в виду нацию Китая и ее место на планете Земля.

Ныне все это предстает в новом свете.

Коммунистического движения в его прошлом виде не существует, социалистического лагеря не существует.

В то же время последователи Мао Цзэдуна ныне обладают властью над почти полуторамилиардным населением Китая, над пятой частью человечества, над неисчерпаемыми людскими резервами для любых целей.

У них уже есть военный, экономический, финансовый и «культурный», прежде всего пропагандистский, потенциал, который представляется им достаточным для того, чтобы развернуть активное наступление на мировой арене по всем направлениям, по всем азимутам, во всех сферах жизни, в мирной и немирной обстановке.

При этом руководители КПК — КНР стремятся внушать всем людям на Земле следующие мысли:

О нации Китая как ведущей и главной нации.

О навязываемом ими порядке как о «новом порядке».

Об «общей судьбе» всех частей человечества с судьбой нации Китая (по сути дела, тут имеется в виду мысль о том, что «есть нация Китая, есть человечество, нет нации Китая, нет и человечества, к чему тогда оно»).

О «сообществе единой судьбы человечества» (то есть о том, что каждая часть человечества должна считать, что ее судьба — это судьба нации Китая, что судьба нации Китая определяет ее судьбу).

Об абсолютном руководстве нации Китая над человечеством.

Об охватывающей весь мир единой системе коридоров поставки в Китай всего ему необходимого, прежде всего природных ресурсов (земли, воды, воздуха), то есть об «одном поясе, одном пути».

О «китайской мечте» как о будущем всего человечества.

Наконец, о великом возрождении великой нации Китая.

Так ныне все более отчетливо вырисовывается глобальная стратегия Китая.

Сегодня это приобретает форму противостояния, а в будущем, вероятно, и столкновения Китая (Востока) и Америки (Запада).

Тут все происходит так, как думали и, очевидно, думают последователи Мао Цзэдуна: либо ветер с Востока, то есть Китай, победит ветер с Запада, то есть Америку, либо наоборот.

Именно поэтому нынешняя администрация США пришла к выводу о необходимости известить о своей оценке ситуации в мире, намерений и политики властителей нынешнего Китая и граждан Америки, и все остальное человечество, и руководителей КПК — КНР.

Человечество оказалось сегодня перед проблемой, с которой оно никогда не сталкивалось в своей истории.

Вместо вопроса о международном коммунистическом движении, о лагере социализма возник созревающий в недрах прошлого вопрос об эгоизме и эгоцентризме нации Китая, о маоцзэдуновском национализме, о национализме его последователей, который претендует на господство над всем и вся в подлунном мире.

Если говорить о нашей стране, то для нас вопрос о взаимоотношениях с Китаем — это самый главный вопрос нашей внешней политики. Это касается и нашей внутренней политики. Здесь при-

ходится думать и о наших взаимоотношениях с другими странами, прежде всего с США. Для нас важно, чтобы все эти отношения строились на принципах мира, самостоятельности, равноправия.

Изложив свое понимание действий руководителей КПК — КНР в сфере внешней политики, особенно применительно к интересам США, вице-президент Пенс переходит к описанию того, что в связи со сказанным делают президент Трамп и его администрация:

При президенте Трампе, под его руководством, Соединенные Штаты Америки защищают наши интересы с обновленной силой Америки.

Мы создаем сильнейшие военные силы в истории всего мира, и они остаются такими. Ранее в нынешнем году президент подписал закон с самым большим увеличением наших средств на оборону со времен Рональда Рейгана — 716 миллиардов долларов — с целью распространить наше доминирующее положение на все сферы и области.

Мы модернизируем наш ядерный арсенал, мы удерживаем за собой первенство и развиваем новые сверхзвуковые истребители и бомбардировщики, мы создаем авианосцы и боевые корабли нового поколения, и мы инвестируем как никогда раньше в наши вооруженные силы. Это включает в себя инициирование процессов создания космических сил США с целью обеспечить наше продолжающееся доминирование в космосе, и мы санкционировали увеличение возможностей в киберпространстве с целью создать сдерживающие силы против наших противников.

Прежде всего нынешняя американская администрация стремится успокоить граждан США, подчеркивая, что она всемерно укрепляет военный потенциал США, обеспечивая военное превосходство Америки над любым противником на земле, в морях, в воздухе, в космосе и в киберпространстве.

Тем самым, помимо успокоения населения США, американские власти доводят до сведения китайских партнеров желательность мирного решения всех вопросов, а также показывают остальному человечеству, что американцы берут на себя важнейшую часть ответственности за поддержание мира в отношениях с Китаем.

Вице-президент Пенс также разъясняет то, что делают власти США в сфере экономических и торговых отношений с КНР:

И по указанию президента Трампа мы также ввели тарифы на 250 миллиардов долларов на китайские товары, причем специально с самыми высокими тарифами в высокотехнологичных отраслях промышленности, которые Пекин пытается захватить и контролировать. И президент также сделал ясным, что мы введем еще больше тарифов с тем, чтобы иметь возможность существенно, более чем вдвое, увеличить это число, если честная сделка на принципе взаимности не будет осуществлена.

Наши меры имели важное влияние. Курс акций на самой большой бирже в Китае упал на 25% за первые 9 месяцев этого года (2018 года), по большей части по той причине, что наша администрация противостояла практической деятельности Пекина в области торговли.

Как сделал это ясным президент Трамп, мы не хотим, чтобы рынки Китая пострадали. Фактически мы хотим, чтобы они процветали. Но США желают, чтобы Пекин осуществлял такую политику в сфере торговли, которая была бы свободной, честной и осуществлялась на принципе взаимности (двусторонней заинтересованности).

Вице-президент США Пенс подчеркивает необходимость переговоров между сторонами в связи с политикой Пекина, который, по словам вице-президента, стремится захватить и контролировать высокотехнологичные отрасли промышленности США. Американская сторона считает необходимым добиться того, чтобы Пекин осуществлял такую политику в сфере торговли, которая была бы свободной, честной и осуществлялась на принципе взаимности. В данном случае США выражают пожелания, которые отражают интересы других государств. В каждой стране существует необходимость заново рассмотреть вопрос обо всех аспектах экономической, торговой, финансовой и иной политики КНР в отношении данной страны. Все то, что не соответствует принципам ведения свободной, честной торговли на принципе взаимности, должно быть устранено.

Разъяснив принципиальную позицию администрации США, вице-президент доводит до американцев оценку того, что со своей стороны делают руководители КПК — КНР:

К сожалению (печально то, что) правители Китая отказались следовать этим путем, по крайней мере пока. Американский народ заслуживает того, чтобы знать, что, в ответ на ту твердую позицию, которую занял президент Трамп, Пекин осуществляет всеобъемлющую и скоординированную кампанию с целью подорвать поддержку нашего президента, нашу повестку дня и самые лучшие, бережно хранимые идеалы нашей нации.

Итак, нынешняя администрация США, впервые за все почти пятьдесят лет межгосударственных отношений с КНР, открыто и прямо высказала свои претензии современным китайским руководителям.

Их осуждают за то, что они осуществляют всеобъемлющую и скоординированную кампанию с целью подорвать поддержку президента Трампа внутри США, подорвать основные принципы, на которых основывается Конституция США, подорвать «самые лучшие, бережно хранимые идеалы нашей нации», нации американцев.

Иными словами, в Америке осознают, что во взаимоотношениях с Китаем речь идет и о попытках Пекина вмешиваться во внутренние дела США и о соперничестве КНР с США в той области, которая касается основ нравственности, представлений о справедливости, которые у США и КНР диаметрально противоположны.

Здесь можно задуматься и о том, что было время, когда представления о нравственности, о справедливости, о человеческой жизни, о человеке и государстве, о свободе и демократии в СССР, а также в КНР, с одной стороны, и в остальном мире, с другой стороны, диаметрально расходились.

В настоящее время Америка опомнилась, избавляется от иллюзий и осознает, что новое противостояние по тем же вопросам, только теперь между Америкой и теми в мире, кто разделяет общечеловеческие представления о справедливости, о нравственности, о правах человеческой личности, с одной стороны, и правителями Китая и, к несчастью, весьма значительной частью населения

Китая уже началось и продолжается, требуя сосредоточения усилий на этом вопросе практически всего человечества.

Позиция, выраженная вице-президентом США от имени президента и американского народа, — это не только и не столько вопрос о борьбе между властями Америки и Китая, а вопрос о защите человека от государства, человеческой личности от самовластия, общечеловеческих ценностей, собственно добра, от зла, представленного в нынешнем мире в первую очередь и главным образом политикой нынешних властителей КПК — КНР, которые являются продолжателями и последователями глобальной стратегии Мао Цзэдуна.

Вице-президент США продолжает:

Я хочу сказать вам сегодня, что мы знаем о действиях Китая — некоторые из этих сведений мы получили из разведывательных источников, иные доступны для общественности. Но все это факты.

Вице-президент США Пенс разъясняет свою позицию:

И, как я уже сказал ранее, Пекин осуществляет целиком и полностью правительственного характера подход с целью продвигать свое влияние и принести выгоду своим интересам. Эта мощь используется в наиболее активной и принудительной манере с целью вмешиваться в наши внутренние дела и в политику Соединенных Штатов.

Очень важным представляется то, что в Америке обратили внимание на общую характеристику политики нынешних властителей Китая и на их вмешательство во внутренние дела США. Все это присуще политике руководителей КПК — КНР, которую они осуществляют в отношении других стран.

Американцы с полным основанием подчеркивают, что вся политика (или самое главное в политике) КПК — КНР в отношении США формируется, определяется в одном центре и проводится при руководстве из одного центра, по его директивам. Этим центром являются руководящие органы КПК. Лишний раз подчеркнем, что это политика именно и только Коммунистической партии Китая.

Целью политики Пекина в отношении Америки является продвижение своего влияния и принесение выгоды своим интересам.

Здесь важно обращать внимание и на то, все действия КПК — КНР внутри или применительно к США и к другим странам — это действия, осуществляемые по воле и во исполнение планов ЦК КПК, а не действия неких отдельных лиц, самостоятельных и независимых предпринимателей, людей или организаций. Все они выполняют волю ЦК КПК, его руководителей. Политика в отношении США и других стран настолько важна для КПК, что дело обстоит именно и только так.

Целью политики Пекина в отношении Америки и других стран является продвижение своего влияния и принесение выгоды своим интересам.

Здесь важно обратить внимание на все инструменты и на все методы, с помощью которых властители Китая стремятся оказывать воздействие на положение дел в нашей стране. На нашу внутреннюю и внешнюю политику прежде всего. На наши действия в отношении Китая.

Такая работа ведется со всеми:

- с руководителями государства;
- с чиновниками на всех уровнях;
- с бизнесменами;
- в сфере культуры, литературы и искусства, пропаганды, образования, науки, особенно с молодежью, в сфере туризма.

Туристов из КНР перед поездкой в РФ обрабатывают специально в духе пропаганды, которая особо подчеркивает «исторические, особенно территориальные долги» наших людей правителям Китая. Китайская сторона навязала нам особое уважение к памятным местам для КПК как к «святым местам для китайцев», а также согласие с формулировкой «красный туризм» в России по местам, которые определяет ЦК КПК.

Китайская сторона во всех областях практических взаимоотношений действует исключительно к своей выгоде, в своих интересах, прикрываясь лозунгами о «совместной или двусторонней выгоде или выигрыше».

Наконец, в Америке констатируют, что мощь, сосредоточенная в руках властителей Китая, используется в наиболее активной и принудительной манере с целью вмешиваться во внутренние дела и в политику США.

Американцы ощутили, что с китайской стороны им не советуют, а навязывают подчинение «мощи» Китая.

В нашей стране все те, кто инстинктивно защищает свое человеческое достоинство, кому доводилось на практике иметь дело с китайскими партнерами, ощутили на себе их стремление навязывать свою волю и извлекать максимальную выгоду для себя.

Вице-президент США продолжает:

Коммунистическая партия Китая вознаграждает или оказывает принудительное воздействие на американский бизнес, на киностудии, университеты, аналитические центры (мыслительные центры), ученых, журналистов и на местные (муниципальные) власти, на власти штатов и на федеральных чиновников.

Иначе говоря, китайские власти, осуществляя все эти действия, применяют и такой метод, как подкуп людей.

Это может делаться в разных формах: оплата поездок в Китай, оплата издания трудов, предоставление выгод материального характера в любой области.

Одновременно китайские власти следят за всеми теми, кто в нашей стране может оказывать влияние на настроения или политику в отношении Китая, и в случае, если это сочтут нужным, принимают меры с целью их запугивания, лишения их «права голоса», оказания на них воздействия со стороны тех российских чиновников, которые подчиняются указаниям властей КПК — КНР.

Хотя мы об этом уже упоминали, но представляется важным повторно сказать и здесь о том, что в последнее время попытки оказывать давление на средства массовой информации и даже на деятельность Общественного совета при Министерстве культуры РФ делают дипломаты, советники посольства КНР в РФ. Например, по настоянию одного из них буквально за несколько дней до проведения презентации, подготовленной к изданию книги о Си Цзиньпине (в серии «Жизнь замечательных людей»), это

мероприятие было отменено. В другом случае китайский дипломат пытался заставить журналиста «Независимой газеты» не публиковать основанные на статистических данных заметки о положении в экономике Китая.

Далее вице-президент США подчеркивает:

Хуже всего то, что Китай инициировал осуществление беспрецедентных усилий с целью оказывать воздействие на американское общественное мнение, на выборы в 2018 году и на окружающую среду, ведущую к президентским выборам 2020 года.

Говоря прямо, руководство со стороны президента Трампа работает; а Китай хочет, чтобы в Америке был другой президент.

Американцы ощутили, что вмешательство властей КПК — КНР во внутренние дела в Америке приобрело такой характер, что в Китае ныне поставлена задача добиться того, чтобы в Америке был не президент Трамп, а другой президент.

Это означает, что в Пекине пришли к выводу, что позиция и политика президента США Трампа в отношении Китая фактически ставит преграду на пути осуществления глобальной стратегии Китая в отношении США.

Это побуждает задуматься над ситуацией и в отношениях США и КНР, и в мире в целом. Получается, что обе стороны, и американцы, и китайцы, пришли к выводу о том, что в настоящее время их стратегии несовместимы, что их соперничество приобрело столь серьезный характер, что это требует самых решительных действий.

Вице-президент США предъявляет руководителям КНР самые серьезные претензии за все время существования межгосударственных отношений США и КНР:

Китай вмешивается в демократию Америки. Как сказал президент Трамп только на прошлой неделе, мы «обнаружили, что Китай пытается вмешиваться в предстоящие выборы 2018 года».

Наше разведывательное сообщество говорит, что «целью Китая являются правительства (власти) в Америке на уровне штата и на местном уровне, а также чиновники, чтобы эксплу-

атировать любые расхождения по политике на федеральном и на местном уровне. Они используют проблемы, вызывающие разногласия, такие как тарифы в области торговли, чтобы продвигать политическое влияние Пекина».

В июне (2018 года) Пекин распространил деликатный документ, озаглавленный «Уведомление о пропаганде и о цензуре», в котором изложена его стратегия. В нем содержится заявление о том, что Китай должен «наносить удары точно и осторожно, раскалывая различные группы на местном уровне» в Соединенных Штатах Америки.

Вице-президент США Майк Пенс довел до сведения американцев мысль о том, что Америка еще никогда не подвергалась такой пропагандистской обработке, которая фактически разоружает ее перед лицом генерального наступления Китая:

В этих целях Пекин мобилизовал тайных агентов, открыто (публично) действующие группы и средства пропаганды с целью изменить представления в Америке о китайской политике. Как недавно сказал мне высокопоставленный профессионал из нашего разведывательного сообщества, то, что делают русские, бледнеет в сравнении с тем, что делает Китай повсюду в нашей стране.

Можно предположить, что здесь играют свою роль традиционные представления, существующие в США.

В прошлом веке у американцев глубоко укоренилась мысль о том, что коммунизм — это главный враг Америки, а СССР — это главный источник такого коммунизма.

При этом в Китае, в Мао Цзэдуне, видели борца за независимость нации, видели Китай как страну, которая все еще находится на трудном и длительном пути к тому, чтобы всего-навсего «подняться».

В Китае не видели угрозы, во всяком случае такой же угрозы, как со стороны СССР, угрозы, равной угрозе со стороны СССР.

Только внимательное изучение в последние два-три десятилетия практических действий КПК — КНР на мировой арене, и в особенности в отношении США, привели некоторых американцев к выводу о существовании «столетнего марафона», сто-

летнего плана навязывания Китаем своего контроля и господства Соединенным Штатам Америки.

При этом оказалось, что в Пекине уделяют огромное внимание пропаганде на США, обработке сознания американцев.

Собственно говоря, здесь можно повторить, что Мао Цзэдун считал одним из двух своих главных дел (за всю его жизнь) начало и проведение «культурной революции» (то есть то, что он «зажег огонь культурной революции»), то есть попытку изменения образа мыслей населения Китая.

Оказалось, что одной из частей этой «культурной революции», осуществление которой фактически не прекращалось и продолжается, является попытка изменить образ мыслей и китайцев в отношении американцев (не говоря уже о том, что речь шла и об изменении образа мыслей китайцев по отношению к СССР, к России, чего Мао Цзэдуну и его последователям удалось добиться, в том числе и начав войну против нашего народа и нашей страны на границе в 1969 году), и американцев в отношении Китая и китайцев как тех, кто якобы слаб, нуждается и всегда будет нуждаться в американской помощи и идет за США, то есть разоружить американцев перед действиями властей КПК — КНР, ввести их в заблуждение относительно подлинных целей последователей Мао Цзэдуна.

Важно иметь в виду, что своих целей в отношении американцев власти КПК — КНР достигали в условиях мира между Китаем и Америкой, без применения военной силы, более того, преподнося себя как фактического союзника в борьбе против «агрессии» со стороны СССР, стремясь заполучить американские военные технологии якобы лишь для того, чтобы противостоять СССР.

В настоящее время по всей Америке действуют тайные агенты Пекина, действуют открыто группы, занимающиеся такой пропагандой, используются все средства пропаганды с целью воздействия на американцев.

По словам вице-президента США, то, что пытаются делать в США сторонники нынешних властей РФ, бледнеет по сравнению с тем, что делают агенты Пекина. Перед Америкой вместо коммунистической угрозы возникла и встала угроза со стороны последователей Мао Цзэдуна. В США начали осознавать это.

Вице-президент США также заявляет:

Высокопоставленные китайские чиновники также пытались воздействовать на руководителей бизнеса с целью осудить наши действия в сфере торговли, используя их желание осуществлять свои операции в Китае. Вот один недавний пример. Они угрожали отобрать лицензию на ведение бизнеса у ведущей американской корпорации, если та откажется открыто выступить с заявлением против политики нашей администрации.

Таким образом, в настоящее время дело дошло до того, что китайская сторона пытается использовать американских бизнесменов, у которых есть заинтересованность в китайском рынке, с тем чтобы заставлять этих американцев открыто и прямо выступать против политики властей США. Очевидно, что все это относится не только к американо-китайским отношениям.

Далее вице-президент США переходит к важным составным частям современных американо-китайских отношений:

А если говорить о воздействии на промежуточные выборы, то вам достаточно взглянуть только на те тарифы, которые Пекин устанавливает в ответ на наши тарифы. Здесь их специальной целью являются те промышленные предприятия и штаты, которые будут играть важную роль в выборах 2018 года. По некоторым оценкам, более 80% округов в США были целями Китая во время выборов президента Трампа в 2016 году; в настоящее время Китай хочет настроить этих избирателей против нашей администрации.

Итак, одной из практических целей китайской пропаганды, нацеленной на то, чтобы на месте Трампа был другой президент, является пропагандистская обработка тех штатов и промышленных предприятий, которые будут играть важную роль в выборах 2018 года. Это означает, что в Пекине не только внимательно изучают предвыборную конъюнктуру в США, но и ведут практическую работу, используя возможности, предоставляемые американской демократией, с той частью избирателей, которая может сыграть решающую роль при выборах в конгресс и сенат США

в 2018 году. Такого еще не было в истории американо-китайских отношений. Более того, такого иностранного вмешательства еще не было в истории США.

Американский вице-президент обращает внимание и еще на одно обстоятельство:

И Китай также непосредственно обращается к американскому избирателю. На прошлой неделе китайское правительство заплатило за многостраничную вкладку в газету «Де-Мойн Реджистер» — самую популярную газету в том штате, из которого родом наш посол в Китае, и основном штате на выборах 2018 года. Вкладка была предназначена выглядеть как статья о новостях. Она рисовала нашу политику в сфере торговли как безрассудную и наносящую ущерб законопослушным гражданам.

К счастью, американцы на это не покупаются. Например, американские фермеры стоят вместе со своим президентом, видят реальные результаты той твердой позиции, которую он занимает, включая заключенное на этой неделе соглашение между США, Мексикой и Канадой, благодаря которому мы в существенной степени открыли рынки Северной Америки для продукции из США, а это крупная победа для американских фермеров и промышленников.

Но действия Китая не сосредоточены только на влиянии на нашу политику и на наши политические ходы, маневры в нашей стране. Пекин также делает шаги с целью эксплуатировать свои экономические возможности и использует привлекательность громадного внутреннего рынка Китая, чтобы продвигать свое влияние на американские корпорации.

Таким образом, в администрации президента США пришли к выводу о том, что китайские власти фактически подкупают американские корпорации возможностью извлекать выгоду из громадного китайского рынка, заставляя их за предоставление им таких возможностей занимать внутри США позиции, выгодные для властей КПК — КНР. Очевидно, что с этой точки зрения можно посмотреть и на действия китайской стороны в отношении ряда корпораций в РФ.

Вице-президент США обращает внимание на то, что КПК в последнее время начала расширять деятельность своих партийных организаций за рубежами КНР и применительно к совместным с иностранцами предприятиям, которые действуют в КНР. На этих предприятиях начинают создавать партийные организации КПК. Это означает, что владельцев таких предприятий — иностранцев заставляют «прислушиваться» к «голосу» КПК даже на принадлежащих им в Китае предприятиях.

Вице-президент США говорит:

В настоящее время Пекин требует от американских совместных предприятий, которые действуют в Китае, создавать там «партийные организации» внутри этих компаний, предоставляя Коммунистической партии голос (право иметь голос) и, возможно, и право вето при принятии решений о найме на работу и об инвестициях.

Вице-президент США также привлекает внимание американцев к тому, что китайские власти все более настойчиво требуют от американских корпораций, предприятий, заинтересованных в ведении бизнеса в КНР, беспрекословно подчиняться требованиям китайской стороны и вести себя в соответствии с этими требованиями тогда, когда речь идет о Тибете и Тайване:

Китайские власти также угрожали американским компаниям, которые описывают Тайвань как отдельный и особый географический объект (общность) или которые отклоняются от китайской политики по Тибету. Пекин вынудил авиакомпанию «Дельта Эрлайнс» публично принести извинения за то, что она не именовала Тайвань «провинцией Китая» на своем вебсайте. Он также оказал нажим на компанию «Мариотт» с требованием уволить своего служащего — гражданина США, которому понравится твит о Тибете.

Здесь можно отметить, что в КНР учитывают ситуацию в той или иной стране. Например, ориентируя, пропагандистски накачивая своих туристов перед их поездкой в ряд северных государств Европы, китайские власти, очевидно понимая, что политика КНР

в ряде областей не приветствуется в Европе, наталкивается на протесты, на сопротивление иностранцев, советуют в беседах с европейцами не затрагивать «четыре Т», то есть вопросы о Тибете, о Тайване, о Туркестане и о Тяньаньмэнь.

Вице-президент США также отмечает то, что «Голливуд» фактически попал под влияние и власть своих китайских «хозяев»:

Пекин рутинно требует, чтобы «Голливуд» рисовал Китай в строго позитивном свете, и он наказывает студии и продюсеров, которые этого не делают. Пекинские цензоры быстро редактируют или объявляют вне закона те кинокартины, которые критикуют Китай даже в малой степени. В картине «Мировая война Зет» должны были исправить упоминание в сценарии о вирусе, источником которого был Китай. Фильм «Красный рассвет» был в цифре отредактирован с тем, чтобы злодеями были корейцы, а не китайцы.

Вице-президент США Пенс продолжает:

Помимо бизнеса Коммунистическая партия Китая тратит миллиарды долларов на средства пропаганды в Соединенных Штатах, как и в других странах.

Интернациональное радио Китая в настоящее время транслирует дружественные Пекину программы более чем через 30 радиостанций в Америке, многие в главных американских городах. Китайская глобальная телевизионная сеть вещает на более чем 75 миллионов американцев, и она получает приказы прямо от своих хозяев в Коммунистической партии. Как заявил высший лидер Китая во время посещения ее штаб-квартиры: «Медиа (СМИ), находящиеся под руководством партии и правительства, являются фронтом пропаганды и должны считать Партию (КПК) своей “фамилией” (фамилией их владельца, то есть “своей семьей”, а себя — частью этой “семьи”»).

Вот по какой причине в прошлом месяце министерство юстиции приказало, чтобы эта станция была зарегистрирована в качестве иностранного агента.

Коммунистическая партия также угрожала и задерживала китайцев — членов семей американских журналистов, которые

были слишком любопытны. И она блокировала вебсайты СМИ США и затрудняла для наших журналистов получение виз. Это произошло после того, как «Нью-Йорк таймс» опубликовала доклад о расследовании состояния здоровья некоторых из лидеров Китая.

В КНР придают огромное значение влиянию на американцев через всевозможные средства массовой информации, скупают журналистов, которые идут на это, и «наказывают» тех журналистов и те американские СМИ, которые стремятся оставаться на своих позициях, свободно высказывать свое мнение. И это относится к ситуации в других, кроме США, странах.

Вице-президент США обращается также к ситуации в науке и в области образования:

Однако СМИ — это не единственное место, где КПК стремится поощрять культуру цензуры. То же самое правдиво и применительно к академической сфере.

Достаточно бросить взгляд на Ассоциацию китайских студентов и ученых; существует более 150 филиалов этой организации в кампусах американских учебных заведений. Эти группы помогают организовывать социальные мероприятия для некоторой части более чем из 430 000 китайцев по национальности, обучающихся в Соединенных Штатах; они также дают сигнал тревоги в китайские консульства и посольства в случаях, когда китайские студенты и американские учебные заведения отклоняются от линии Коммунистической партии.

В США существуют китайские организации. Например, есть Ассоциация китайских студентов и ученых. У этой организации имеется 150 филиалов по всей стране. Вице-президент США обращает внимание на то, что китайские власти через упомянутую Ассоциацию китайских студентов и ученых держат под своим контролем более 430 тысяч китайских студентов, обучающихся в Америке, а также американские учебные заведения.

Сложился «порядок», при котором работники упомянутых филиалов немедленно обращаются в посольство и в консульства КНР

в США, «давая сигнал тревоги в случаях, когда китайские студенты и американские учебные заведения отклоняются от линии Коммунистической партии Китая». Очевидно, что американцы не будут с этим мириться.

Все это также означает, что что-то подобное имеет место в других странах, в частности в России, где китайские студенты находятся под соответствующим присмотром, где действуют многочисленные центры китайской пропагандистской и иной работы в виде институтов Конфуция, заблаговременно оформленных в качестве якобы российских учреждений в составе российских же университетов и вузов.

Очевидно, что в посольство и в консульства КНР в РФ стекается информация о тех китайских студентах и о тех российских учебных заведениях, которые отклоняются от линии КПК. Более того, университеты и вузы в России, в которых активно действуют представители КНР, превращаются в учреждения, где китайская сторона старается не допустить возникновения и распространения взглядов, которые в КПК — КНР считают «вредными» для своих интересов.

Вице-президент США приводит пример такой деятельности китайской стороны в США:

В университете Мериленда китайская студентка недавно сказала на церемонии выпуска после обучения о том, что она назвала «свежим воздухом свободного слова» в Америке. Официальная газета Коммунистической партии быстро подвергла ее наказанию (выговору). Она стала жертвой шторма критики в социальных медиа, которые находятся под строгим контролем в Китае, и ее семья у нее дома подверглась оскорблениям, унижениям. Что до самого университета, его программ обменов с Китаем, одних из самых широких в стране, то вдруг этот поток превратился в тонкую струйку.

Следовательно, имеется необходимость прежде всего внимательно проанализировать то, что делается представителями китайской стороны в школах, вузах и университетах России. Необходимо обеспечить свободу слова в нашей стране всем тем, кто дает свою

оценку тому, что делают власти КПК — КНР и внутри Китая, и на международной арене.

Необходимо также иметь в виду, что все граждане КНР, особенно студенты, находятся под надзором и контролем со стороны властей КПК — КНР.

Они знают, что в случае «неправильного» поведения, «ошибочных высказываний» их семьи в Китае подвергнутся наказанию.

Важно также прекратить практику фактически содержания некоторых наших учебных заведений (школ и вузов) на китайские деньги частично или полностью.

Мы не должны зависеть от властей КПК — КНР.

Обмены с КНР должны осуществляться исключительно на равноправной основе.

Ссылки на «безденежье» недопустимы, когда речь идет о нашей внутренней жизни и о попытках китайских властей ставить под свой контроль те или иные ее стороны.

Вице-президент США упоминает и о других приемах, которыми пользуются китайские власти в Америке:

Китай также оказывает давление в академической сфере и с помощью других методов. Пекин предоставляет щедрые пожертвования университетам, аналитическим центрам и ученым при том понимании, что они будут избегать тех мыслей, которые Коммунистическая партия находит опасными или оскорбительными. Специалистам по Китаю в особенности известно, что их визы будут задержаны или в них будет отказано, если их исследования противоречат тому, о чем говорит Пекин.

Все это целиком и полностью относится и к политике китайских властей на территории нашей страны. Ситуация усугубляется тем, что некоторые чиновники РФ публично запрещают нашим ученым «переходить красную линию» и размышлять о «стабильности» в Китае.

Вице-президент США Майк Пенс резюмирует:

И даже те ученые и группы, которые избежали китайского финансирования, являются целью этой страны, что обнаружил

Гудзоновский институт, что ему известно из первых рук. После того как вы предложили быть спикером тому, кто не нравится Пекину, ваш вебсайт подвергся сильной кибератаке, инициированной из Шанхая. Вам известно лучше, чем многим, что Коммунистическая партия Китая пытается подорвать академическую свободу и свободу слова в Америке сегодня.

Действительно, внешняя политика и внешнеполитическая пропаганда КПК — КНР направлены, в частности, на то, чтобы «подрывать академическую свободу и свободу слова» и в Америке, и в других странах.

Вице-президент США делает вывод из того, что им сказано:

Эти и другие акции, взятые в совокупности, конституируют интенсифицируемые попытки сдвинуть американское общественное мнение и публичную политику (политическую жизнь) от лозунга президента Дональда Трампа «Америка прежде всего (Америка во-первых)». Однако наше послание правителям Китая таково: этот президент не уступит, и американский народ не станет колебаться. Мы будем продолжать прочно стоять за нашу безопасность и нашу экономику, и мы даже надеемся на улучшение отношений с Пекином.

Таким образом, оказывается, что власти КПК — КНР развернули внутри США борьбу за свое воздействие на американцев. Президент Трамп выдвинул свою установку «Америка прежде всего (Америка во-первых)», имея в виду и противодействие этому пропагандистскому и политическому наступлению властей КПК — КНР, особенно на американской земле.

Пропаганда КПК — КНР с точки зрения нынешней администрации США пытается внушать американцам, что главное в современном мире — это нация Китая, ее интересы, ее цели, ее установки, ее претензии на главенствующую роль, ее глобальная стратегия, ее лозунг «Будущее принадлежит Китаю».

Вице-президент США доводит до сведения американцев и властей КНР, что президент Трамп не намерен уступать давлению со стороны властей КПК — КНР.

При этом он опирается на мнение американского народа, который в этом отношении не станет колебаться.

Нынешняя американская администрация ставит вопрос таким образом, что речь для американцев идет о том, чтобы со всей твердостью «стоять за безопасность и экономику» Америки.

При этом вице-президент Пенс также говорит, что у США есть надежда на то, что, доведя эту твердую позицию до Пекина, американцам в конечном счете удастся договориться с Китаем.

Свою речь вице-президент США Майк Пенс завершает рядом утверждений:

Наша администрация будет продолжать действовать со всей решительностью с тем, чтобы защищать американские интересы, рабочие места для американцев и американскую безопасность.

Что касается построения заново наших вооруженных сил, мы будем продолжать утверждать американские интересы в Индийском океане и в Тихом океане.

Что касается ответа на практические действия Китая в сфере торговли, то мы будем продолжать требовать таких экономических отношений с Китаем, которые являются свободными, честными и взаимными, требуя, чтобы Пекин разрушил свои барьеры в торговле, выполнял свои торговые обязательства и полностью открыл свою экономику точно так же, как мы открыли нашу.

Мы будем продолжать предпринимать действия вплоть до того времени, когда Пекин прекратит воровать американскую интеллектуальную собственность и остановит грабительскую практику навязанных трансфертов технологии.

С тем чтобы продвигать вперед наше видение свободной и открытой зоны Индо-Пасифика, мы создаем новые и прочные связи с нациями, которые разделяют наши ценности во всем этом регионе, — от Индии до Самоа. Наши отношения будут проистекать из духа уважения, будут строиться на партнерстве, не на доминировании.

Мы выковываем новые соглашения в сфере торговли на двусторонней основе. Точно так, как на прошлой неделе президент Трамп подписал улучшенную торговую сделку с Южной Кореей,

и мы скоро начнем переговоры по исторической двусторонней сделке в сфере свободной торговли с Японией.

И мы ускоряем международное развитие и финансовые программы, предоставляя иностранным государствам (нациям) справедливую и прозрачную альтернативу китайской дипломатии долговых ловушек. В этих целях президент Трамп подпишет БИЛД-АКТ в качестве закона в ближайшие дни.

В следующем месяце у меня будет привилегия представлять США в Сингапуре и в Папуа — Новой Гвинее на конференциях АСЕАН и АПЕК. Там мы торжественно откроем новые меры и программы с целью поддержать свободную и открытую Индо-Пасифику, и от имени президента я передам послание о том, что обязательства Америки перед Индо-Пасификой никогда не были настолько сильны.

С той целью, чтобы защищать наши интересы здесь, дома, мы усиливаем Комитет по иностранным инвестициям в США, стремясь сделать более строгой проверку китайских инвестиций в Америке, защитить нашу национальную безопасность от грабительских действий Пекина.

И когда это касается вредоносного воздействия Пекина и его вмешательства в американскую политическую жизнь и политику, мы будем продолжать выставлять все это напоказ вне зависимости от того, какие формы все это будет принимать. И мы будем работать с лидерами на каждом уровне общества с целью защитить наши национальные интересы и самые ценные наши идеалы. Американский народ будет играть решающую роль — и фактически это уже происходит.

Вице-президент Пенс подтверждает все установки администрации президента Трампа в сфере внешней политики, в области реакции на внешнеполитические действия КПК — КНР.

Он особо подчеркивает, что американцы намерены говорить обо всем об этом открыто и публично.

В США считают, что это является действенным средством отстаивания своих интересов во взаимоотношениях с режимом, существующим в КНР. Есть основания считать, что это существенно и для других стран.

Наконец, вице-президент США подчеркивает, что при осуществлении внешней политики нынешней администрации американский народ будет играть решающую роль.

Вице-президент Пенс доводит до лидеров КНР, что благодаря открытому осуждению политики Пекина в отношении США американской администрацией в Америке усиливается новое согласие в вопросе о Китае:

В то время как мы собрались здесь, новый консенсус возникает и растет по всей Америке.

Все больше лидеров бизнеса размышляют о том, что будет за пределами следующего квартала, и они дважды подумают, прежде чем нырять в китайский рынок, если это означает передачу другому своей интеллектуальной собственности или содействие угнетению (гнету) со стороны Пекина. Но еще больше тех, кто должен последовать их примеру. Например, «Гугл» должен немедленно прекратить создание такого ужаса, как «Стрекоза», что усилит цензуру со стороны Коммунистической партии и подвергнет риску тайны китайских покупателей.

Все больше журналистов сообщают правду бесстрашно и не в погоне за привилегиями, они глубоко копают (ныряют) с тем, чтобы доискаться (обнаружить), где Китай проникает в наше общество и почему это делается, и мы надеемся, что больше американских и всемирных (глобальных) СМИ присоединится к этим усилиям.

Все больше ученых высказываются со всей своей силой и защищают академическую свободу, и все больше университетов и аналитических (мыслительных) центров руководствуются смелостью с тем, чтобы отвергнуть легкие деньги Пекина, понимая, что каждый доллар приходит с соответствующими требованиями. Мы уверены в том, что еще больше будет тех, кто присоединится к этому ряду.

Вся наша нация, американский народ проявляет всевозрастающую бдительность наряду с новообретенной (найденной, обнаруженной заново) положительной высокой оценкой действий нашей администрации с целью осуществить перезапуск экономических и стратегических отношений с Китаем с тем, чтобы в конечном

счете интересы Америки оказывались на первом месте (превыше всего).

И под руководством президента Трампа Америка будет отстаивать и проводить этот курс. Китай должен знать, что американский народ и избранные им его представители из обеих политических партий полны твердой решимости.

Дело обстоит так, как об этом заявлено в нашей национальной стратегии безопасности: «Конкуренция не всегда означает враждебность». Дело обстоит так, как об этом со всей ясностью сказал президент Трамп: мы хотим конструктивных отношений с Пекином, таких, при которых наше процветание и безопасность будут увеличиваться совместно, а не по отдельности. И в то время когда Пекин движется все дальше от такого видения, правители Китая все еще могут изменить курс и вернуться к духу «реформ и открытости» и большей (более великой) свободы. Американский народ не желает ничего большего; китайский народ заслуживает ничего меньше этого.

Вице-президент США даже предлагает свое видение позиции КПК — КНР, которые фактически считают, что отношения Америки и Китая являются соперничеством. В США полагают, что к этому можно подходить и следующим образом: «Конкуренция не всегда означает враждебность». Речь идет, с точки зрения американцев, о мирном соревновании при том понимании, что процветание и безопасность обеих стран неразрывно связаны. США предлагают руководителям КНР изменить курс и вернуться к духу «реформ и открытости», большей, великой свободы.

Вице президент США в конце своей речи обращается к высказыванию Лу Синя и к китайской пословице:

Великий китайский писатель Лу Синь часто сокрушался из-за того, что его страна «либо смотрит на иностранцев свысока, как на грубых животных, либо снизу вверх взирает на них, как на святых, но никогда как на равных». Сегодня Америка протягивает руку Китаю; мы надеемся, что Пекин вскоре протянет руку в свою очередь нам — и с делами, а не со словами и с обновленным уважением к Америке, однако мы не смягчимся вплоть до тех пор,

когда наши отношения с Китаем будут основываться на честности, взаимности и уважении суверенитета.

Во-первых, вице-президент США Майк Пенс в данном случае напоминает о том, что китайский писатель Лу Синь отмечал, что для китайцев издавна, можно сказать, традиционно характерно либо презрительное, либо подобоострастное отношение к иностранцам. Поэтому так трудно добиться равноправия во взаимоотношениях иностранцев с китайцами.

Америка это понимает. Она в настоящее время протягивает руку Китаю, предлагая равноправие во взаимоотношениях. Она надеется, что в Китае придут к согласию с предложенным принципом.

В США надеются и на то, что в Китае начнут «с обновленным уважением» относиться к Америке. Это означает, что в США в настоящее время видят, что пока в Китае не относятся к Америке с уважением и не настроены на установление и поддержание истинные равноправных отношений.

В двусторонних отношениях пока из-за позиции китайской стороны отсутствуют честность, взаимность и уважение суверенных прав каждого из партнеров.

Таким образом, американцы доводят до китайцев свою трактовку сложившейся ситуации во взаимоотношениях Америки и Китая.

В этих отношениях можно поправить все то, что им мешает, все зависит от действий китайской стороны. Американская сторона полагает, что она сделала и делает для этого все возможное.

Все это также свидетельствует о том, что, принимая во внимание характеристику традиционных взглядов в Китае на иностранцев, все здесь сказанное можно отнести, в частности, и к отношениям России и Китая.

Наша сторона также всегда протягивала руку с предложением равноправия в отношениях. И в настоящее время такого рода предложение, если говорить о взаимоотношениях народов, остается в силе.

Декоративно или внешне в отношениях России и Китая как бы и нет вопросов.

Однако, по сути дела, такие вопросы есть.

Прежде всего это оценка нападения по воле Мао Цзэдуна на нас его солдат и развязанная им война на границе в 1969 году. В настоящее время в КНР эту войну полностью оправдывают. В 2017 году одному из участников тех боев был вручен высший военный орден КНР.

Это также и недорешенный пограничный вопрос, так как стороны подписали лишь соглашения о прохождении линии границы и между ними еще нет нового всеобъемлющего договора о границе, с которым были бы согласны обе стороны и который заменил бы все ныне существующие договоры о границе.

Далее вице-президент США Пенс говорит о китайской пословице:

Есть старая (древняя) китайская пословица, которая говорит нам, что «люди видят только настоящее, а Небо видит будущее». И поскольку мы направляемся вперед, то пусть мы будем следовать по пути к будущему в мире и при процветании с решимостью и с верой.

Верой в руководство со стороны президента Трампа и в те отношения, которые он выковал с президентом Китая...

Верой в длительную дружбу между американским народом и китайским народом...

Верой в то, что Небо видит будущее — и по Божьей милости Америка и Китай встретят это будущее вместе.

Спасибо. Благослови вас Бог. И пусть Бог благословит Соединенные Штаты Америки.

Здесь американская сторона выражает надежду на благополучное будущее двусторонних отношений Америки и Китая.

Эта надежда основана и на воле провидения, и на деятельности президента США Трампа, на сохранении и развитии установленных им отношений с председателем КНР Си Цзиньпином, и на многолетней дружбе народов Америки и Китая. Это упования на то, что именно воздействие всего этого, понимание того, что это и есть основа благоприятных для обеих сторон отношений в будущем.

Если же говорить о взаимоотношениях нашей страны и Китая, то и здесь важным представляется поддержание благожелательной атмосферы в отношениях, постоянных откровенных обменов мнениями между первыми лицами обеих сторон, а также и на всевозможных других уровнях, в том числе между учеными обеих стран, сохранение дружбы между народами и памяти об истории, о дружбе, о реестре взаимных добрых дел народов России и Китая. Все это может быть гарантией добрых отношений между Россией и Китаем на принципах мира, самостоятельности и равноправия сторон.

Примечание.

29 сентября 2018 года президент США Трамп во время пресс-конференции упомянул о Майкле Пиллсбери как о «ведущем авторитете по Китаю («Мистер Пиллсбери говорит, что в Китае уважают президента Трампа и его политику»)). 4 октября вице-президент США Майк Пенс начал свою речь в Гудзоновском институте с обращения персонально «к доктору Майклу Пиллсбери». В речи М. Пенса отражены взгляды Пиллсбери, особенно относительно истории двусторонних отношений (М. Пиллсбери подчеркивал, что в современной КНР извращена трактовка истории американо-китайских отношений и ни слова не говорится обо всем том добром, что Америка сделала для Китая; с его точки зрения, эту историю можно положить в основу добрых отношений между двумя странами). С взглядами М. Пиллсбери можно ознакомиться в нашей работе «За кулисами американо-китайских отношений».

«КОРЕЙСКОЕ ПОЛЕ» ПРОТИВОСТОЯНИЯ АМЕРИКИ И КИТАЯ

Противостояние между США и КНР в настоящее время, в конце второго десятилетия XXI века, является глобальным. Оно одновременно ведется сторонами на многих полях. Одним из таких полей является «корейское поле» противостояния Америки и Китая.

27–28 февраля 2019 года в столице Вьетнама Ханое произошла встреча между президентом США Дональдом Трампом и лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном. В средствах массовой информации КНР появилась трактовка итогов этой встречи. Это было сделано в форме публикации интервью, которое корреспондент журнала «Гуаньча» взял у одного из специалистов по этому региону, профессора Народного университета Китая Цзинь Цаньжуна.

Мы приведем текст этой публикации и снабдим его своими комментариями. Упомянутый текст будем давать курсивом. Вопросы журналиста обычным курсивом, ответы эксперта полужирным курсивом.

Сама публикация появилась в журнале 1 марта 2019 года под заголовком:

«“Цзинь Тэ Хой” мэй тань лун, взнь ти кэ нэн чу цзай чжэ ли — Почему Ким Чен Ын ни о чем не договорился с Трампом? (Разговор Кима и Трампа не принес результата; проблема тут, вероятно, вот в чем)».

Итак, фамилия китайского эксперта Цзинь. Вполне вероятно, что он кореец и его корейская фамилия Ким. Следовательно, это человек, владеющий корейским и китайским языками и действительно имеющий основания выступать в качестве эксперта в этом вопросе.

Что же касается перевода заголовка этой публикации, то китайские пропагандисты из журнала «Гуаньча (Обзор, обозреватель или наблюдатель)» сосредоточили внимание читателей на том, что они предлагают как ответ на вопрос о причинах того, что переговоры Трампа и Ким Чен Ына 27–28 февраля 2019 года в столице Вьетнама Ханое оказались безрезультатными. Иными словами, читателя сразу же ориентируют на то, что «переговоры-то идут», стороны, США и КНДР, имеют возможность вступить в переговоры и даже вступать в переговоры, встречаться и вести переговоры, однако результата им достичь не удастся. Следовательно, обращают внимание на то, что СМИ в КНР предлагают (и только они знают) ответ на главный вопрос: от кого или от чего зависит достижение результата на этих переговорах.

К этому заголовку журналом даны следующие пояснения:

Вторая встреча Трампа и Ким Чен Ына, которая привлекла столько внимания, закончилась совсем не так, как ожидалось. Главам государств так и не удалось подписать какое-либо соглашение. После небольшой пресс-конференции президент США сел на «борт номер один» и улетел домой.

Почему же встреча закончилась таким необычным образом? О чем не смогли договориться стороны? Как будет проходить денуклеаризация Корейского полуострова в дальнейшем? Какие меры предпримут лидеры стран для решения своих внутренних проблем? И состоится ли третья встреча Трампа и Ким Чен Ына?

Эти и другие вопросы мы задали в ходе эксклюзивного интервью с заместителем директора Института международных отношений, руководителем центра стратегических разработок Народного университета Китая профессором Цзинь Цаньжуном.

Редакция китайского журнала сразу же пытается создать впечатление, что «все остальные» ожидали совсем иного результата, но вот только в КНР знают, почему и что произошло. Более того, журнал обращает внимание на то, что главам государств США и КНДР «так и не удалось подписать какое-либо соглашение». Из

этого можно сделать вывод, что даже сами встречавшиеся лидеры Америки и Северной Кореи, решив встретиться, проведя к этому подготовку, встретившись, так и не смогли прийти к соглашению. Значит, достижение соглашения зависит не от них — вот что имеет в виду орган СМИ КНР.

Далее китайский журнал подчеркивает, что главный вопрос в отношениях Трампа и Ким Чен Ына — это вопрос о денуклеаризации Корейского полуострова. Очевидно, что и тот, и другой хотели бы достичь соглашения по этому вопросу. Однако на сей раз им этого сделать не удалось. Очевидно, что причина тут не в желании и того, и другого прийти к согласию.

Китайский журнал в связи с возникновением этой ситуации переносит внимание читателей на то, что с его точки зрения тут могут играть свою роль внутренние проблемы у каждой стороны. Так китайский журнал пытается внушать читателям, очевидно в особенности в КНР, что достижению соглашения могли помешать некие внутренние проблемы для каждого из встречавшихся в Ханое лидеров. При таком повороте трактовки очевиден вопрос о том, почему же Трамп и Ким Чен Ын отправились так далеко, почему они не предусмотрели такого исхода своей встречи.

В воздухе повисает и вопрос о том, почему ни Трамп, ни Ким Чен Ын не смогли разрешить перед поездкой свои имеющиеся в виду в данном случае внутренние проблемы. Или, может быть, они знали о таком исходе, но, именно имея в виду состояние дел каждый внутри своей страны, решили осуществить эту встречу, показать людям внутри своих стран сложность проблемы, добиться внутри страны поддержки в тех или иных вопросах своей политики и потом на этой основе договариваться о следующей встрече?

Редакция китайского журнала даже подводит своих читателей к вопросу о том, состоится ли третья встреча Трампа и Ким Чен Ына. Иначе говоря, то, что послужило причиной несогласия в данном случае, может оказаться фактором, который помешает следующей встрече Трампа и Ким Чен Ына. Таким образом, у средства пропаганды КПК, очевидно, имеется задача ориентировать читателей в КНР на то, чтобы прийти к выводу о том, что ключ к решению проблемы денуклеаризации Корейского полуострова нахо-

дится не в Вашингтоне и не в Пхеньяне, а в ином месте. Можно предположить, что в данном случае имеется в виду Пекин.

«Гуаньча»: Такое завершение встречи лидеров США и КНДР стало большой неожиданностью для всех. Нам всегда казалось, что изначальные договоренности при встречах на уровне глав государств должны достигаться заранее, маловероятно, что подобные встречи могут закончиться без подписания какого-либо соглашения. Как вы считаете, могло ли произойти что-то необычное в ходе встречи, что привело к такому финалу?

Цзинь Цаньжун: Обычно такое не происходит. Стороны были настроены на проведение плодотворной встречи. Соответствующие органы обеих стран проводили надлежащую подготовительную работу, но, возможно, лидеры стран ждали от встречи слишком многого. Недопонимание между сторонами возникло из-за их могущества.

Отвечая на первый вопрос, то есть на вопрос о том, не произошло ли что-то необычное в ходе встречи, что привело к такому финалу, китайский эксперт прежде всего высказывает мнение о том, что, возможно, лидеры «ждали от встречи слишком многого; недопонимание между сторонами возникло из-за их могущества».

Так оказывается, что в КНР своей аудитории пытаются представлять виновниками того, что произошло, и Трампа, и Ким Чен Ына, делая упор на том, что у каждого из них было «преувеличенное представление о своем могуществе», то есть что каждый перед встречей был уверен в том, что ему удастся заставить партнера пойти на уступки. Оказалось, что каждый был готов твердо и неотступно настаивать на своих претензиях. Понимание всего этого возникло только при личной встрече. Поэтому ее безрезультативность стала следствием недопонимания, существовавшего до встречи. Существовавшего реально, но не осознанного ни Трампом, ни Ким Чен Ыном. Поэтому стороны изложили свои позиции и разошлись.

Все это также свидетельствует о том, что сама проблема Корейского полуострова, или ядерного разоружения на Корейском

полуострове, является сложной, многосоставной, затрагивающей многие страны, требующей учета многочисленных и внутренних для каждой стороны, и международных факторов. С наскока эту проблему решить невозможно.

Очевидно, что каждой стороне требуется основательно готовить встречу с учетом позиций и других заинтересованных стран, в данном случае прежде всего Китая.

Помимо всего прочего в этом случае сталкиваются два переговорщика, каждый из которых фактически «ставит на кон», то есть в зависимость от нахождения путей решения проблемы, в определенной степени свое положение у себя в стране. Каждый в одно и то же время и «царь и бог» у себя дома, и должен учитывать обстановку внутри своей страны.

Играет свою роль и «замах» Трампа на решение проблем международного характера, которые предшествующие администрации США не решали, и накопившееся в КНДР представление о своей исключительности, о «духе чучхе», что требует трактовки любых результатов как полной победы над «противником». В этом смысле обе стороны попытаются представить (каждая внутри своей страны) провал встречи в Ханое как свою победу на пути навязывания партнеру своего мнения.

— Оба участника встречи пребывали в противоречивом настроении, особенно в отношении соглашения. Встреча с лидером КНДР благополучно сказалась на политической карьере Трампа. Предшествующие ему президенты, начиная с Клинтона и заканчивая Обамой, были бессильны перед ядерной проблемой Корейского полуострова. Если Трамп сможет решить ее, это поможет ему на выборах.

Китайский эксперт именно в таком духе оценивает позицию Трампа. Действительно, отношение к кандидату в президенты на следующих выборах в США будет в известной степени зависеть от решения Трампом проблемы ядерной угрозы со стороны КНДР.

Так Трамп попадает в зависимость от достижения соглашения с Ким Чен Ыном. В то же время все, чего удалось добиться Трампу до сих пор, было следствием своего рода «уступки» со стороны

самого Трампа. Ведь это он согласился на переговоры и встречи с Ким Чен Ыном.

Можно предположить, что Трамп мог действительно переоценивать значение своего шага, думать, что одно это заставит Ким Чен Ына пойти навстречу США в их требованиях.

Итак, важно иметь в виду, что американцы боятся применения ядерного оружия против их страны Ким Чен Ыном. Это приходится учитывать Трампу. Более того, он, очевидно, хотел бы сыграть на этом. На продвижении к решению этого вопроса. Пока ему удалось лишь добиться временного прекращения соответствующих испытаний в КНДР. И в то же время Трамп попал в заложники в этой ситуации. В Ханое ему пришлось довольствоваться согласием партнера продолжать переговоры по этому вопросу.

— Ким Чен Ын в свою очередь стремится заполучить расположение США. Для Северной Кореи это прежде всего значило бы получение реальной пользы в виде снятия экономических санкций и признания со стороны США.

Китайский эксперт оценивает позицию Ким Чен Ына. При этом выделяет два действительно «главных интереса» Ким Чен Ына: (1) снятие экономических санкций и (2) признание КНДР со стороны США. Так возникает перспектива достижения соглашения в результате договоренности, с одной стороны, о ядерном разоружении и, с другой стороны, о «допущении» КНДР на мировую арену и в качестве партнера в торгово-экономических отношениях, и в качестве равноправного члена международного сообщества.

Весь вопрос при этом упирается в понимание того, что собой должна представлять договоренность о ядерном разоружении: на кого и на что это распространяется, как это осуществляется, что получается в результате.

— Именно эти устремления и подтолкнули их к проведению еще одной встречи. Но в то же время и Трамп, и Ким Чен Ын — очень сильные лидеры, поэтому у их команд и специалистов и возникают проблемы в общении. Информация просто не доходит до них в нужном виде. Когда у сильных лидеров возни-

кает острое желание провести встречу, их команда перестает учитывать различия и преувеличивает сходства (совпадение) в занимаемых ими позициях. В результате лидеры стран понимают, как сильно отличаются их взгляды, только уже во время самой встречи. Прийти к каким-либо договоренностям в таком случае не представляется возможным.

С точки зрения китайского эксперта, в настоящее время все зависит от степени взаимного понимания между Трампом и Ким Чен Ыном, от понимания того, что их «могущество» не должно мешать им делать взаимные уступки, так как только такие уступки могут привести к соглашению. Китайский эксперт предлагает исходить из того, что здесь главное — отношения двух лидеров, каждый из которых руководствуется своими личными интересами и желаниями и вынуждает свой «обслуживающий персонал» снабжать лидеров лишь той информацией, которая им может понравиться.

Так, по мнению китайского эксперта, оказывается, что и Трамп, и Ким Чен Ын были дезориентированы перед своей встречей, не имели объективной информации о позиции партнера. Личная воля, личные решения при этом выступают на первый план. Складывается также мнение о том, что Китай может «помочь» и Трампу, и Ким Чен Ыну составить правильное представление о позиции партнера на переговорах.

— *Да, даже сейчас видно, насколько сильно лидеры стран стремятся к диалогу. Еще до начала переговоров Трамп заявил, что он «не хочет ускорять процесс денуклеаризации Корейского полуострова». После окончания переговоров высказал надежду, что следующая встреча «состоится очень скоро». Можно ли рассматривать это как гибкость занимаемой Трампом позиции?*

Редакция китайского журнала возвращает эксперта «в правильное русло». Она вводит утверждение о том, что оба лидера, Трамп и Ким Чен Ын, «сильно» стремятся к диалогу. Иными словами, желание и необходимость вести диалог и добиться соглашения существует и в США, и в КНДР. Весь вопрос в том, чтобы «помочь» им найти взаимопонимание. При этом предлагается обратиться

к вопросу о гибкости позиции Трампа. Редакция напоминает, что Трамп говорил и о том, что он не хочет спешить с ядерным разоружением, ускорять этот процесс применительно к Корейскому полуострову, и о том, что его следующая встреча с Ким Чен Ыном состоится очень скоро. Таким образом, эксперту предлагают обосновать позицию КПК — КНР, которая в данном случае сводится к тому, что Трамп должен понять, что ему необходимо учесть требования Пекина в вопросе о ядерном разоружении на Корейском полуострове.

— Трамп действительно так сказал, и это точно не понравится американцам. Они станут говорить: «Наш президент уехал развлекаться во Вьетнам, объявив в своей стране чрезвычайное положение». Чтобы оправдаться перед своим народом, Трампу пришлось заявить, что переговоры прошли «продуктивно», и положительно высказаться о лидере КНДР. Трудно сказать, насколько искренними были эти слова.

Эксперт подхватывает «наставления» редакции журнала и делает упор на затруднительном положении Трампа в Америке после неудачи в Ханое. При этом эксперт «продвигает» мысль о том, что обстоятельства, возможно созданные и китайской стороной, вынудили Трампа говорить о встрече в Ханое как о «продуктивной», а также положительно высказаться и о лидере КНДР. Тем самым и в данном случае китайская пропаганда хотела бы подводить американцев к выводу о том, что прежде, чем вести переговоры с Ким Чен Ыном, США следовало бы договориться по этим вопросам с КПК — КНР.

— Значит, третья встреча Трампа и Ким Чен Ына все-таки состоится?

— Сейчас у Трампа хватает проблем внутри страны, приближаются выборы, они будут уже в следующем году, поэтому именно сейчас — самое благоприятное время для заключения соглашений с Северной Кореей. Во втором полугодии Трампу будет уже не до этого, про следующий год и говорить нечего. Позиция лидеров двух стран остается неизменной, и если тре-

тя встреча не состоялась до сих пор, то ее уже скорее всего не будет.

Рассуждения эксперта сводятся к тому, чтобы довести до США позицию КПК — КНР. Эта позиция в данном случае состоит в том, что Трампу остается только поторопиться, исходить из того, что, начиная со второй половины 2019 года, ему уже будет недосуг заниматься этим вопросом. Следовательно, возникает и остается лишь одно: сначала договориться с Китаем, пойти на уступки и на сделку с КНР по вопросу о торгово-экономических проблемах, а затем, заручившись поддержкой Пекина, провести встречу с Ким Чен Ыном и получить искомое соглашение.

— После первой встречи в прошлом году ядерная проблема КНДР несколько раз обострялась, а стороны не приблизились к решению. На эту встречу возлагали столько надежд, но в итоге никакое соглашение так и не было подписано. Почему, по-вашему, программа денуклеаризации полуострова зашла в тупик?

— Главная причина — расхождение позиций двух лидеров, из-за которых стратегическое доверие между странами снижается, а их требования друг к другу так сильно отличаются. КНДР все еще не доверяет США, ей нужен мирный договор, установление дипломатических отношений и поддержка Америки. Но Америка боится, что, сделав это, она не получит отказ от ядерного оружия в ответ.

Редакция журнала и опрашиваемый ею эксперт называют главной причиной недоговоренности сторон их взаимное недоверие. Каждая сторона твердо знает, чего она хочет добиться. При этом запрос партнера устраивает в принципе другую сторону. Получается, что возможность заключить соглашение имеется. Все дело в том, чтобы определить параметры соглашения и договориться о неких устраивающих каждую из сторон гарантиях с каждой стороны в целях выполнения достигнутого соглашения. Нужны гарантии выполнения соглашения. КНР может намекать на то, что она может выступить в качестве своего рода гаранта для обеих сторон.

— Кажется, стороны стремятся получить желаемое, ничем не жертвуя.

— Именно так. Из-за многолетней неприязни друг к другу стороны не испытывают взаимного доверия и к тому же сталкиваются с возражениями у себя на родине. Многие представители истеблишмента не доверяют Северной Корее, которая отвечает им взаимностью. Ненависть друг к другу слишком глубоко засела в умах этих двух народов, которые не дают своим правителям полной свободы действий. От этого и возникают различия в занимаемых ими позициях.

Здесь эксперт обращается к вопросу о доверии. История взаимоотношений, в данном случае США и КНДР, оставила у каждой из сторон глубокое недоверие к партнеру. Эксперт пытается создать впечатление, что даже в ситуации, когда лидеры США и КНДР хотели бы найти взаимопонимание и прийти к соглашению, настроения, глубинная ненависть народов обеих стран друг к другу не дают своим правителям полной свободы действий. Думается, что такая постановка вопроса выдвигается в КНР с той целью, чтобы подводить обе стороны, США и КНДР, к пониманию того, что им не удастся договориться, если они не обратятся к Китаю как к единственному и заслуживающему доверия посреднику. Китай хотел бы оставить «корейское поле» противостояния между ним и Америкой в состоянии, когда ключ к решению проблем, касающихся Корейского полуострова, оставался бы всегда в руках Пекина. Китай хотел бы оставить и КНДР, и США в положении, когда они могут договариваться друг с другом, и обеспечивая каждая свои интересы, и в то же время оставаясь в определенной зависимости от Пекина.

— В такой ситуации лидерам обеих стран необходимо принять важное решение, заручиться поддержкой технократов, придумать действенный способ. Сейчас стороны желают решить вопрос, но не могут из-за слишком значительных различий.

Кроме того, как я вижу, дипломатические службы обеих стран контролируются спецслужбами, что ограничивает их

возможности. То, что цены за номер в отеле поблизости увеличились в пять раз благодаря СМИ, уже стало «международным анекдотом».

Здесь применяется один из ныне обычных приемов дипломатии КНР. Выдвигается мысль о том, что лидерам каждой страны необходимо принять единоличное «политическое решение». При этом эксперт пытается бросать тень на спецслужбы США, отделяет их от дипломатической службы США. Такой подход характерен и для действий руководителей КПК — КНР в их взаимоотношениях с США. Китайская пропаганда пытается внушать иностранцам, что их лидеры имеют возможность договариваться с КПК — КНР по любым вопросам. Правда, для этого лидеры должны не принимать во внимание мнение разведывательных служб и органов безопасности своих стран.

— Во время пресс-конференции Трамп заявил, что при встрече обсуждались расхождения и санкции. В каких областях, по вашему мнению, существует этот раскол? Смогут ли США вернуть КНДР за стол переговоров путем усиления санкций?

— Сейчас нет ясного ответа на этот вопрос, нам остается только строить предположения.

На данный момент нам стало известно несколько ключевых моментов. Во-первых, это сказанные в ходе пресс-конференции слова Трампа о желании КНДР добиться снятия сразу всех санкций США, а США так поступать не намерены.

На практике или публично в Ханое сторонам не удалось договориться, по словам Трампа, из-за расхождения по вопросу о порядке и объеме снятия с КНДР американских санкций. Северокорейская сторона требовала снять «все и сразу».

Это, возможно, оказалось своего рода «предварительным условием» со стороны КНДР. США не пошли на выполнение такого предварительного условия.

Если это было так, тогда очевидно, что Ким Чен Ын намеренно выдвинул условие, которое давало ему возможность при данной встрече не оказаться лидером, сразу же согласившимся на предло-

жения американцев. Так Ким Чен Ын добивался того, что в КНДР никто не мог сказать, что он «проявил слабость» при переговорах с американцами.

Нельзя исключать и того, что такая позиция Ким Чен Ына была следствием оказания на него нажима Пекином. Руководители КПК — КНР могли стремиться к тому, чтобы создавать ситуацию, при которой у американцев должно было складываться мнение, что КНДР находится в зависимости от КНР, а следовательно, достижение соглашения между США и КНДР возможно только после того, как американцы пойдут на уступки Пекину и заключат соглашение об урегулировании торгово-экономических разногласий с Китаем.

— Во-вторых, это сообщение, опубликованное в южнокорейских СМИ, в котором говорится о том, что стороны по-разному понимают сам термин денуклеаризации. США под этим словом имеют в виду «отказ КНДР от обладания ядерным оружием», а КНДР — уничтожение всего ядерного оружия как на самом полуострове, так и рядом с ним. Сюда попадают и Китай, и Россия, отчего такое понимание становится совершенно нереалистичным.

Далее китайский эксперт, очевидно, приближается к «сути дела». Если со стороны Северной Кореи ставился вопрос о снятии с нее американских санкций, то с американской стороны выдвигалось требование денуклеаризации, то есть ядерного разоружения.

И вот тут начинала просвечивать подлинная позиция руководителей КПК — КНР. Они намерены добиваться того, чтобы такого рода вопросы решались не просто при их участии, но при выполнении выдвигавшихся ими предварительных условий. От американцев при этом на «корейском поле» противостояния Китая и Америки требовалось выполнять предварительные условия КПК — КНР. От северных корейцев Пекин требовал такого ведения переговоров, такой позиции на переговорах с американцами, из которой американцам, да и самим северным корейцам, было совершенно ясно, что китайские руководители хотят, чтобы они «оказались хозяевами» на упомянутом «корейском поле».

Именно по этой причине появились расхождения по вопросу о содержании понятия и термина «денуклеаризация» в переговорах Трампа и Ким Чен Ына.

Американцы при этом имели в виду отказ КНДР от обладания ядерным оружием. Северные корейцы, фактически излагая предварительное условие КПК — КНР, включали сюда и денуклеаризацию всего Корейского полуострова, и уничтожение всего ядерного оружия рядом с Корейским полуостровом, то есть и в Китае, и в России. Китайский эксперт доводит такую трактовку ситуации до самих жителей КНР, до КНДР, до США, с тем чтобы всем им дать понять, что уступки здесь американцы могут получить или могут надеяться получить только после того, как они сами пойдут на уступки в американо-китайских переговорах по торгово-экономическим разногласиям.

Попутно из этого также может следовать и вывод о том, что КНР доводит до США, что она фактически имеет основания выступать и от имени России, что Россия «у нее в кармане».

— В-третьих, КНДР невероятно затянула процесс отказа от ядерного оружия и даже решила сохранить ракеты малой дальности. Для США интерес представляют только межконтинентальные ракеты, но для Японии и Южной Кореи опасны как раз ракеты с малым радиусом действия. США необходимо принять во внимание интересы своих союзников.

Согласование интересов при подходе к решению проблем Корейского полуострова упирается в то, что каждая из сторон в любой момент имеет возможность затянуть или отложить решение любого аспекта этих проблем. Тем более что вопрос этот — это и двусторонний вопрос во взаимоотношениях США и КНДР, и многосторонний вопрос с участием по крайней мере Китая, России, Японии, Южной Кореи, и региональный вопрос с участием всего того, что вкладывают в понятие Северо-Восточной Азии, да и мировая проблема, если иметь в виду вероятность ядерных взрывов, применения атомных бомб. И США, и КНДР приходится учитывать все эти интересы и в то же время искать решения, приемлемые прежде всего для них в двустороннем порядке.

Здесь сосуществуют полная независимость и самостоятельность «главных игроков» и зависимость каждого из них от целого ряда приводящих, или внешних, факторов.

— Смогут ли США вернуться к тем методам, которые они применяли в 2017 году, пока не ясно. Могу сказать только, что, как мне кажется, Трамп что-то готовит и хочет узнать, как на это отреагирует Северная Корея. В своем новогоднем обращении Ким Чен Ын предупредил, что, «придерживаясь санкций, США недооценивают решимость КНДР, которая пойдет теперь новым путем». На самом деле этот их «новый путь» ничем не отличается от старого.

Я думаю, что ждать возвращения к мерам 2017 года в ближайшее время не стоит, стороны будут пытаться наладить общение и углубить взаимное доверие. Но если через три месяца прогресса в этом направлении не последует, то начнутся трудности.

Китайский эксперт рассуждает о ситуации на Корейском полуострове, во взаимоотношениях прежде всего США и КНДР. В то же время за этими рассуждениями явно сквозит намерение обеспечить интересы КПК — КНР. Эксперт пытается внушать и северным корейцам, и американцам, что у них нет времени. Если они в ближайшие месяцы не добьются результата, тогда каждая сторона так или иначе может вернуться к своей изначальной позиции, а эти позиции несовместимы. Все это делается средствами массовой информации КНР, очевидно, с той целью, чтобы побудить прежде всего США сначала быстро пойти навстречу Китаю, достичь соглашения в споре по торгово-экономическим вопросам, а затем, возможно, заполучить содействие Китая в решении проблем Корейского полуострова.

— Какую, по-вашему, роль в решении корейского вопроса сыграет Китай?

— Можно сказать, что в решении корейского вопроса Китай всегда был источником «положительной энергии», всегда склонял стороны к мирному диалогу. Позиция Китая в этом

вопросе предельно ясна. С одной стороны, он признает необходимость денуклеаризации полуострова. Пекин также предлагает сделать это мирными методами, прежде всего путем переговоров, о чем в 2017 году говорил министр иностранных дел КНР Ван И. Сначала надо провести «прекращение в обмен на прекращение», а потом произойдет «продвижение по двум направлениям». В позиции Китая по этому вопросу серьезных изменений не предвидится.

Далее китайский эксперт переходит к изложению того, как с точки зрения пропаганды КПК — КНР всем заинтересованным сторонам следовало бы воспринимать позицию Пекина.

Им надлежит думать, что Пекин согласен с освобождением Корейского полуострова от ядерного оружия. Этот исходный пункт выдвинут Пекином, во-первых, исходя из того, что это, случись оно, никак не ослабляет ядерную мощь Китая. Во-вторых, в этом случае Пекин рассчитывает на некую контрольную функцию при осуществлении таких решений, а также на роль гаранта или согаранта в дальнейшем при наблюдении за соблюдением такого соглашения. Здесь для Пекина чрезвычайно важным представляется поставить и КНДР, и США в ту или иную, но своего рода определенную зависимость от КПК — КНР. Главное для Пекина здесь в том, чтобы на упомянутом «корейском поле» противостояния с США остаться в преимущественном положении.

Далее Пекин подчеркивает, что он выступает здесь за диалог, за решение вопросов исключительно мирными методами. Это, по сути дела, во всяком случае означает, что Пекин готов и к тому, что существующее ныне положение может сохраняться бесконечно долго.

Наконец, если говорить о конкретных шагах по пути денуклеаризации Корейского полуострова, то КПК — КНР предлагают сначала договориться «о прекращении в обмен на прекращение». Это означает, что США и Южная Корея должны отказаться сначала в принципе, затем на практике от размещения ядерного оружия в Южной Корее. В обмен на это Пекин согласен с тем, чтобы и Северная Корея лишилась своего ядерного оружия. С точки зрения Пекина для него это «двойной выигрыш». Пекин также

предлагает в дальнейшем осуществлять продвижение по двум направлениям. Очевидно, что имеются в виду отношения между КНДР и Южной Кореей, КНДР и США. И в том, и в другом случае китайская сторона рассчитывает оставаться и как бы в стороне от происходящего, и в то же время в роли гаранта соблюдения сторонами своих договоренностей. Так в общем и целом КПК — КНР рассчитывают на этой части нашей планеты сохранять свое в определенном смысле доминирующее положение.

— То, что местом проведения переговоров был выбран именно Вьетнам, весьма символично. Когда «ливийская модель» перестала действовать, США предложили переход к «вьетнамской модели». Как вы это понимаете и какова вероятность того, что такая модель работает в случае с Северной Кореей?

— В понятие «вьетнамская модель» заложено два смысла, касающихся внешней и внутренней политики.

Раньше Вьетнам находился с США в состоянии войны, после чего произошло примирение, поэтому Америка надеется, что с Северной Кореей эта история повторится. А с точки зрения внутренней политики это внедрение экономической конкуренции при коммунистическом строе, а также оживление рынка при политической стабильности в стране.

Изложив пропагандистскую трактовку того, что в данном случае касается интересов Китая, эксперт переходит к изложению того, что его читатели должны знать о Вьетнаме.

Очевидно, что к вопросу о Вьетнаме китайскому эксперту приходится обращаться по той причине, что встреча Трампа и Ким Чен Ына в феврале 2019 года произошла в Ханое.

Китайский эксперт стремится сосредоточить внимание читателей, особенно в КНР, на своем толковании решения США провести эту встречу именно во Вьетнаме.

Фактически это объяснение современной пропагандой КПК того, что произошло во взаимоотношениях США и Вьетнама.

Здесь, во-первых, утверждается, что сначала Вьетнам находится в состоянии войны с США, а затем у него произошло примирение с США. Следовательно, трактовка китайского эксперта прежде

всего состоит в том, чтобы внушать читателям в КНР, что США питают надежду на то, что то же самое произойдет и в американо-северокорейских отношениях.

Далее китайский эксперт также вводит утверждение о том, что США считают, что им удалось во Вьетнаме внедрить экономическую конкуренцию при социалистическом строе, а также добиться оживления рынка при политической стабильности в стране. США питают надежду на то, что им удастся добиться того же самого в Северной Корее.

Из всего этого следует, что КПК — КНР имеют своей целью противодействие упомянутым действиям США в отношении Вьетнама и в отношении Северной Кореи. Таким образом, есть основания видеть некое сходство ситуаций на «вьетнамском поле» и на «корейском поле» противостояния Америки и Китая. Это также представляет собой своего рода предупреждение и КНДР, и Вьетнаму, подчеркивание мысли о том, что им «не следовало бы» «поддаваться на уловки» США. Более того, оказывается, что противостояние с Америкой — это то общее, что объединяет или может объединять Китай, Северную Корею, Вьетнам. При этом вполне допустимо, что внешне американцам может и должно казаться, что они чего-то добиваются во всех трех упомянутых странах, однако на самом деле все три страны могут выжимать выгоду из отношений с Америкой и в то же время «оставаться самостоятельными» и противостоять Америке.

— Безусловно, «вьетнамская модель» не лишена привлекательности для КНДР, но сложно сказать, сможет ли она перенять ее из-за разницы в положении этих двух стран.

Во-первых, Вьетнам был объединен, а Корея — нет. При этом Юг явно превосходит Север по всем показателям, и этот факт сильно давит на КНДР. Во Вьетнаме такой проблемы не было.

Китайский эксперт сопоставляет ситуацию в Корее с ситуацией во Вьетнаме.

И здесь возникает некое допущение мысли о том, что американцам, возможно, удалось или удастся чего-то добиваться в отно-

шениях с Вьетнамом. Очевидно, имеется в виду желание КПК — КНР, чтобы Вьетнам не «сближался» с США. При этом также специально вводится сомнение: вряд ли КНДР пойдет в этом отношении по пути Вьетнама. Китайской стороне хотелось бы, чтобы в КНДР сохранялось твердое убеждение в том, что США, что ни говори, это противник, в отношении которого следует держать ухо востро.

Китайский эксперт обращает внимание на различие между Вьетнамом и Кореей. Вьетнам был объединен, а Корея — нет. Кроме того, эксперт подчеркивает, что в Корее юг полуострова явно превосходит север по всем показателям, и этот факт сильно давит на КНДР. Во Вьетнаме такой проблемы не было.

Если уж обращаться к истории, то необходимо в первую очередь сказать о том, что в 1950 году Мао Цзэдун ввел свои войска в Корею, воевал на стороне Ким Ир Сена против США и Южной Кореи. В 1979 году Дэн Сяопин ввел свои войска во Вьетнам, воевал против нынешнего вьетнамского государства, то есть против вьетнамских коммунистов.

Далее, после окончания Второй мировой войны, фактически по ее следам, как ее следствие, на части каждой из этих трех стран — в континентальной части Китая, на севере Вьетнама (причем раньше, чем в Китае), в северной части Кореи — возникли государства, правящими партиями в которых стали коммунистические партии.

В приходе к власти китайских коммунистов важную роль сыграла помощь со стороны СССР. КНДР возникла на той части территории Кореи, которая была освобождена от японских оккупантов армией СССР. Вьетнамские коммунисты сами создали в 1945 году свое государство в северной части страны. Каждый из трех вождей-коммунистов в каждой из трех стран, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Ким Ир Сен, ставили перед собой одну и ту же цель — взять под свою власть всю территорию страны.

Вьетнамским коммунистам это в итоге тридцатилетней войны удалось. Они добились этого главным образом своими силами и при помощи со стороны СССР и КНР.

Мао Цзэдун так и «застрял» в ситуации, когда у нации Китая существуют два государства. Одно — в континентальной части

Китай. Это КНР. Другое — в островной части Китая. Это Китайская Республика.

Ким Ир Сен попытался силой оружия поставить под свой контроль весь Корейский полуостров. Сначала он обратился за помощью к Сталину. Сталин рекомендовал прежде всего посоветоваться с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун одобрил планы Ким Ир Сена в надежде сохранять рычаги воздействия на Северную Корею. Ким Ир Сenu после нападения на Южную Корею сначала удалось захватить значительную часть ее территории. Затем коалиция вооруженных сил США, Южной Кореи, ряда государств — членов ООН стала одерживать верх и даже захватила Пхеньян. Тогда Мао Цзэдун ввел свои войска в Корею и стал воевать фактически за Ким Ир Сена с целью сохранения у власти и его самого, и его партии, и его государства, рассчитывая на укрепление влияния нации Китая на северную часть Корейского полуострова.

После прекращения огня в Корее Мао Цзэдун, несмотря на желание северных корейцев, еще пять лет не выводил свои войска из КНДР. Таким образом, история всех трех наций в чем-то схожа, но в чем-то существенно различается. Более того, у корейцев и у вьетнамцев есть нечто общее: они не хотят снова попасть под господство или под контроль китайцев.

Эксперт обращает внимание на разницу в соотношении севера и юга страны и в Корее, и во Вьетнаме. Такое сравнение вряд ли правомерно. Юг Вьетнама все тридцать лет после окончания Второй мировой войны находился в состоянии непрекращавшихся войн: сначала с участием французов, потом с участием американцев. Таким образом, не существовало вопроса о мирном развитии обеих частей Вьетнама.

Китайский эксперт говорит о превосходстве юга Кореи над севером по всем показателям. Очевидно, что это делается с тем, чтобы внушать Северной Корее, что у нее есть «один правильный путь» — следовать за Китаем, по пути Китая, под руководством и под защитой Китая. Только в этом случае Северная Корея сможет «догнать и перегнать» юг Кореи.

— Во-вторых, в странах отличаются политические режимы: руководство Вьетнамом осуществляет партия, на-

ходящаяся в центре политической системы страны, в КНДР такое же высокое место занимает высший руководитель. Безусловно, роль Трудовой партии Кореи важна, но она не принимает такого же активного участия в управлении страной, как Коммунистическая партия Вьетнама. Если во Вьетнаме у партии сменится глава, это ни на что серьезно не повлияет, а в КНДР о смене вождя и помыслить страшно.

Далее китайский эксперт обращает внимание, очевидно, прежде всего своих читателей в КНР, на то, что есть существенная разница между тем, что он называет «политическими режимами», говоря попутно и о «политических системах» и той, и другой страны. Здесь можно задуматься о том, что в связи с такой постановкой вопроса можно сказать о политическом режиме или о политической системе в Китае, в КНР. Сам намек на такую ситуацию может говорить о том, что это, очевидно, допустимо с точки зрения тех властей, которые определяют политику в сфере пропаганды.

Если же оставаться в сфере обсуждения вопроса о Корее и о Вьетнаме, то привлекает внимание то, что в средствах пропаганды КПК в настоящее время фактически прямо говорят о том, что во Вьетнаме существует руководящая роль коммунистической партии, партии в целом, а в Корее фактически же установлен режим личной власти, власти династии одной семьи, семьи Кимов. Поэтому во Вьетнаме со сменой первого лица в партии вряд ли что-то изменится, а в Северной Корее «о смене вождя и помыслить страшно». Иными словами, существующий политический режим в Северной Корее держится прежде всего на физическом существовании и действиях вождя. Отсюда для властей КНР, очевидно, следует вывод: работать в целях воздействия на партию во Вьетнаме и действовать в целях оказания своего влияния прежде всего на очередного вождя в Северной Корее. Все это может также говорить о том, что ситуация в Северной Корее не столь устойчивая, как ситуация с политическим режимом и политической системой во Вьетнаме. Это могут принимать во внимание в КПК — КНР.

— Когда дело доходит до реформ, то Вьетнам, руководимый партией, с легкостью может признать некоторые прошлые ее

решения ошибочными и изменить их. Таким образом, партия «идет в ногу со временем», что хорошо для нее. В Северной Корее же существует одна большая трудность — передача руководства страной по наследству «родственникам Байтоушань». Такой принцип передачи власти нельзя назвать современным, и признание прошлых ошибок в таком случае становится невероятно сложным процессом. Ведь признание ошибок — это отрицание отца высшего руководителя. Поэтому нынешнему северокорейскому лидеру нельзя подвергать сомнению никакие решения его предшественников. А это в значительной степени затрудняет проведение реформ.

Китайский эксперт продолжает сравнивать положение во Вьетнаме с положением в Северной Корее. Можно в связи с этим подумать и о том, не возникают ли эти его рассуждения в связи с ситуацией в Китае. Ведь речь идет о том, что у руководителя, у руководства, у правящей партии могут быть ошибки. Наличие ошибок здесь допускается. Отсюда возникает вопрос об исправлении ошибок. В КНР такая ситуация существует. Однако в настоящее время предлагается считать, что главное не в обращении к прошлому, не в том, чтобы искать какие-то ошибки, признавать какие-то ошибки, исправлять какие-то ошибки, а в том, чтобы понимать, что КПК — КНР наконец-то обрели такого «великого вождя», как Си Цзиньпин, который дает мудрые и правильные указания по всем главным вопросам. Казалось бы, при таком взгляде на ситуацию в КНР не должно появляться даже намек на возможность существования, признания и исправления ошибок. И если китайский эксперт говорит в принципе о такой возможности, а один из ведущих органов пропаганды публикует эти высказывания, то за этим что-то кроется. Пока ответа на этот вопрос нет.

Если же говорить о ситуации в Северной Корее, то китайский эксперт, который, как можно вспомнить, вероятно, сам является по происхождению корейцем, делает упор на том, что положение в Северной Корее отличается от положения во Вьетнаме. Там, по мнению эксперта, можно в случае необходимости исправлять ошибки. В Северной Корее сложилась и десятки лет существует ситуация, при которой существование и наличие единственного, всегда

действующего правильно вождя является безусловным. Этого вождя, а точнее, всю эту «семью вождя или семью вождей» сравнивают в Северной Корее со священной для корейцев горой Пектусан, или по-китайски Байтоушань. В Северной Корее установлен такой политический режим, при котором авторитет очередного вождя — сына или внука предыдущего или предшествующих верховных правителей — покоится на незыблемости утверждения о безошибочности всех решений его предков. Поэтому Ким Чен Ын должен ради сохранения себя у власти сохранять в неприкосновенности авторитет и своего отца Ким Чен Ира, и своего деда Ким Ир Сена. А все это ведет к тому, чтобы оставлять в неприкосновенности «авторитет» и вождя, и партии. Это исключает признание и исправление ошибок. Как бы там ни было, а этот китайский эксперт подводит читателей к мысли о том, что, во всяком случае, у предшествующих вождей могли быть некие ошибки, которые необходимо исправить. Какие это ошибки — этот вопрос также остается без ответа.

Эксперт лишь говорит о том, что такое положение в значительной степени затрудняет проведение реформ. Может быть, имеются в виду реформы по примеру того, что делается в КНР.

— *Что, на ваш взгляд, необходимо предпринять для улучшения ситуации в Северной Корее?*

— *Во-первых, нужно поддерживать диалог с США и не пытаться претворить в жизнь угрозу, озвученную Ким Чен Ыном в новогодней речи. Не надо провоцировать изменчивую политику США. Во-вторых, нужно активно развивать отношения с Южной Кореей. Правительство Мун Чжэ Ина всячески этому способствует. Оно относится к левому крылу. Исторически КНДР более симпатизировали правые правительства, но случай с Мун Чжэ Ыном — особенный, его родители родом из Северной Кореи. Такой шанс КНДР упустить не должна. В-третьих, необходимо развивать отношения всестороннего сотрудничества с Китаем, самой важной для КНДР страной. А также с другими странами Юго-Восточной Азии.*

Редакция китайского журнала и этот китайский эксперт, подводя итоги, задают вопрос и дают на него ответ. Вопрос таков:

что следует предпринять для улучшения ситуации в Северной Корее?

Здесь важно обратить внимание на то, что себя китайские пропагандисты представляют при этом как того, у кого есть право давать советы или наставлять северных корейцев. Из рассуждений, приведенных в журнале, следует, что положение в Северной Корее таково, что его нужно исправлять. Северные корейцы должны понять, что они совершали и совершают ошибки. Китай же претендует здесь на роль учителя, в данном случае «народа Северной Кореи».

КПК — КНР дают в этой ситуации ряд советов Ким Чен Ыну.

Первый совет состоит в том, чтобы поддерживать диалог с США и не пытаться претворять в жизнь угрозы в отношении США.

Это означает, что Китай в одно и то же время доводит и до США, и до КНДР, что они должны учитывать мнение Китая и быть благодарны Китаю за то, что именно он выступает в качестве посредника и гаранта, которому обе стороны могут и должны доверять. США и КНДР должны быть обязаны КНР и возникновением самой возможности вступить в диалог, и в дальнейшем достижением соглашения по результатам диалога. Такова мысль китайской стороны.

При этом китайские пропагандисты доводят и до США, и до КНДР, что они выступают против угроз со стороны КНДР в адрес США. Такая постановка вопроса, с одной стороны, прежде всего направлена на то, чтобы еще и еще раз убеждать США в том, что Китай «выступает за мир» и сдерживает КНДР в ее угрозах. С другой стороны, это и намек КНДР на то, что КНР может содействовать КНДР в деле продолжения диалога с США, конечно, при условии, что угрозы Ким Чен Ына будут оставаться угрозами.

Второй совет КПК — КНР северным корейцам состоит в том, чтобы активно развивать отношения с Южной Кореей. В этом находит свое проявление стремление руководителей КПК — КНР создавать впечатление, что они выступают «за мир» на Корейском полуострове, но на самом деле речь идет о том, что КПК — КНР хотели бы оказаться в роли «покровителя» «мира и согласия» между двумя частями корейской нации.

Третий совет представляется самым важным: КНДР необходимо развивать отношения всестороннего сотрудничества с Китаем, самой важной для КНДР страной. А также с другими странами Юго-Восточной Азии.

Здесь фактически прямо изложены цели и желания руководителей КПК — КНР. Прежде всего они стремятся к тому, чтобы КНДР понимала, что главной страной на международной арене для Северной Кореи является не кто-то еще, но только и только КНР. Не США, не Россия, не другие страны, а именно КНР. Отношения КНДР с КНР должны быть отношениями всестороннего сотрудничества. Фактически здесь северным корейцам предлагается в обмен на защиту и покровительство со стороны КНР полностью подчиниться руководителям Китая.

Китайский эксперт тут же говорит об отношениях с другими странами Юго-Восточной Азии. Возможно, здесь есть намек на желание китайской стороны снова пытаться создавать под своей эгидой блок государств, включающий наряду с Китаем Северную Корею, Вьетнам, Лаос и Камбоджу.

Весьма характерно здесь то, что китайские пропагандисты говорят о Юго-Восточной Азии и не говорят о Северо-Восточной Азии, то есть не говорят ни о России, ни о Монголии. С точки зрения современных пропагандистов политики руководителей КПК — КНР, Россия остается в стороне и от «корейской проблемы», и от политики КНР, в частности в их противостоянии с США, и вообще при осуществлении ими своей глобальной стратегии.

— *Необходимо предпринять определенные меры в сфере экономического развития страны, особенно в сфере открытости для внешнего мира. Стране необходимо привлекать больше иностранного капитала. У КНДР есть свои ресурсные преимущества. В Северной Корее много молодежи, образование находится на приемлемом уровне, общество построено в духе конфуцианства и обладает высокой трудоспособностью. Страна богата полезными ископаемыми и не страдает от засухи.*

— *Одним словом, КНДР необходимо поддерживать связь с внешним миром и использовать свои преимущества.*

— *Именно так.*

— *Большое спасибо за то, что дали интервью.*

Эксперт, заканчивая свои рассуждения, фактически напоминает и Северной Корее, и США, что Китай мог бы содействовать развитию событий в благоприятном направлении, если и США, и КНДР согласятся с мнением КПК — КНР, чтобы Северная Корея пошла по пути Китая и установила с внешним миром, очевидно прежде всего с США, отношения такого же характера или на таких же принципах или основаниях, что и современные китайско-американские отношения.

Китайская сторона предлагает США свое содействие в превращении Северной Кореи в «такую же страну, как Китай», когда речь будет идти о налаживании отношений между США и Северной Кореей. Так возникает намек на то, что если и США, и КНДР будут «слушаться» Китая, то в этом районе земного шара может возникнуть ситуация «вечного мира» и сотрудничества между всеми тремя сторонами, сотрудничества в принципе точно такого же, как любое сотрудничество «обычных» стран, скажем, всех тех, кого в США видят как вполне приемлемых партнеров на мировой арене.

Итак, внешне, при первом взгляде, речь идет о взаимоотношениях США и КНДР. На самом деле обоим упомянутым тут сторонам приходится учитывать позиции по этому вопросу прежде всего Китая, а также Южной Кореи, Японии, России.

Мы сочли важным сосредоточиться на позиции Китая, исходя из того, что именно это дает возможность и глубже понять нынешнюю ситуацию на мировой арене, и попытаться точнее определить интересы нашей страны в связи с этой проблемой.

Здесь есть и вопрос о том, почему встречи между Трампом и Ким Чен Ыном состоялись сначала в Сингапуре, а затем во Вьетнаме.

Конечно, это были встречи на территории «третьих стран». Американцы, очевидно, соглашались на эти встречи, имея в виду и то, что они проводятся не в Китае. Особенно устроила американцев встреча во Вьетнаме. Ким Чен Ын также стремился проде-

монстрировать, что он встречается с американским президентом не на территории США и не в КНР. Более того, фактически встреча в Ханое могла напомнить о том, что и Вьетнам, и Корея стремятся быть совершенно независимыми от Китая.

Наконец, здесь важно подчеркнуть, что в настоящее время противостояние между Америкой и Китаем существует и осуществляется на «всех полях». Двусторонние отношения КНР и США с той или иной страной могут находиться в том или ином состоянии, и в то же время на любом таком «поле» возникает и происходит столкновение интересов этих двух стран — Америки и Китая. Наконец, каждое сражение США и КНР на любом из таких «полей» их противостояния затрагивает интересы России.

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В настоящее время в мире одновременно развиваются два процесса: процесс глобализации, то есть взаимных связей между всеми частями человечества; и процесс самосознания, осознания себя каждой нацией, осознания нацией самой себя, внутри самой себя и самоутверждения каждой нации на мировой арене, внутри всего сообщества наций.

При этом главным для каждой нации выступает то, что происходит внутри нее самой.

В то же время существуют и играют свою роль двусторонние взаимоотношения между нациями.

В данном случае между Россией и Китаем.

Наконец, при этом присутствует и играет свою роль «некто третий». Этим «третьим», также в данном случае, являются США, является Америка как нация, как страна и народ.

Она присутствует применительно к существованию и к жизни каждой из двух упомянутых наций, России и Китая. Ее присутствие, ее действия, ее политика сказываются на взаимоотношениях двух упомянутых наций.

При всем при этом имеет место взаимное влияние, то есть имеется не только влияние и воздействие Америки на состояние и развитие российско-китайских отношений, но и влияние и воздействие отдельно каждой из двух наций, России и Китая, и их взаимоотношений между собой, то есть российско-китайских отношений, на Америку.

Таким образом, речь идет о сложном механизме и о чрезвычайно сложном процессе.

Все это происходит в непрестанно меняющемся мире, меняющейся обстановке в мире, где особенно выпуклыми становятся процессы глобализации и самосохранения каждой нации, заботы

каждой нации об обеспечении продолжения своего существования и своей жизни.

В настоящее время в России при обмене мнениями между научными работниками иной раз возникает и вопрос об американском факторе в российско-китайских отношениях.

Слово «фактор» означает причину, движущую силу какого-либо процесса или явления.

Следовательно, люди в нашей стране считают необходимым реагировать на Америку, ее политику применительно к нашим взаимоотношениям с Китаем, а главное, стремятся понять значение этого для нас самих, для России как нации.

Конечно, при этом возникает и вопрос о том, насколько существенным может быть то, что именуется американским фактором, до какой степени можно считать действия Америки причиной или движущей силой там, где речь идет о взаимоотношениях России и Китая.

Думается, что все это относительно. Решающего значения этот фактор не имеет. Его либо вообще можно не принимать во внимание, либо, принимая во внимание, понимать его ограниченность. Он остается чем-то посторонним, внешним, возможно, играющим некоторую роль, на которую и можно обращать внимание. Но не более того.

В то же время при ближайшем рассмотрении оказывается, что можно и нужно видеть картину во всей возможной полноте с точки зрения истории, а также характера взаимоотношений народов между собой.

Дело в том, что на нашей планете существовали, существуют и, можно надеяться, будут вечно существовать, в частности, эти три нации: Россия, Америка, Китай.

Могут меняться государства, представляющие их на мировой арене, и при этом нации, то есть народы и страны, будут продолжать вечно существовать.

Таким образом, существует и будет существовать вопрос о сожительстве, о сосуществовании этих трех наций.

Их сожительство, их сосуществование связаны между собой. Само их существование, существование каждой из них, неразрывно связано с существованием двух других, каждой из двух других.

Это означает, что и существование, и действия, и — в частности и в особенности — внешняя политика каждой из них оказывает и будет оказывать воздействие и влияние на каждую из двух других.

Таким образом, для нас в России можно и нужно, необходимо рассматривать вопрос о том, как на наших интересах, как на наших взаимоотношениях с Китаем может сказываться политика США, отношения между США и КНР. В какой степени все это может быть причиной или движущей силой процессов, происходящих в наших взаимоотношениях с Китаем или происходящих в нашей стране, но связанных как с нашими взаимоотношениями с Китаем, так и с нашими взаимоотношениями с Америкой.

При этом одновременно существует тот же вопрос применительно к политике Китая, к тому, как она может сказываться на наших взаимоотношениях с Америкой.

Наконец, существует и вопрос о том, как наша политика может сказываться на Америке и на Китае, в частности, на их взаимоотношениях между собой.

У всей этой проблемы имеется исторический аспект. В свое время можно и нужно было обращать внимание на то, что Китай оставался как бы «недвижным», а Россия и Америка, каждая по своему, действовала, строила отношения с Китаем.

Был период, когда каждая страна, Россия и Америка, действовала фактически отдельно, они действовали порознь в своих отношениях с Китаем.

Собственно говоря, всемирная история сложилась таким образом, что на протяжении длительного времени Россия, Китай, Америка жили «каждый в одиночку».

При этом в Китае тянулась бесконечная нить сменявших одна другую монархических династий, Америка выступала как новое самообразование в Западном полушарии, а Россия оказалась одновременно на обоих весьма удаленных один от другого краях евразийского материка с выходом и в Атлантический, и в Тихий океан, пыталась идти «своим путем» и при этом неизбежно испытывала воздействие со стороны как Запада, так и Востока.

Соприкосновение, или знакомство, России с Китаем началось в XVII веке. Соприкосновение Америки с Китаем началось в XVIII веке.

В каждом случае имел место свой отдельный процесс. Взаимного воздействия эти процессы друг на друга не оказывали. Один происходил на суше, другой — через океан.

У России и Китая происходило пограничное размежевание на суше, а между Америкой и Китаем был великий Тихий океан и проблемы сухопутной границы не было.

В Опиумных войнах в Китае ни Россия, ни Америка не участвовали.

В то же время Россия и Америка в XIX веке заключали с Китаем каждая свои договоры.

В 1895 году Китай потерпел поражение в войне от Японии. Иными словами, реальная военная опасность для Китая возникла именно со стороны Японии.

Исходя из того, что угроза военного нападения со стороны Японии к этому времени стала главной для Китая и тогда, и на обозримый период в будущем, по поручению фактически правившей в Китае императрицы Цыси ее фактически же главный министр Ли Хунчжан совершил кругосветное путешествие, пытаясь найти в мире союзника для отражения агрессии со стороны Японии.

Произошли первые встречи на высшем уровне, или саммиты. Ли Хунчжан встретился с Бисмарком, с президентом США Кливлендом, с императором России Николаем Вторым.

США не вступили тогда в союз с Китаем. Одна лишь Россия в 1896 году подписала с Китаем тайный договор о совместном отпоре военной агрессии со стороны Японии. Таким образом, желательная тогда для Китая перспектива некоего тройственного союза России, Китая, Америки растаяла, так и не воплотившись в жизнь. Реалией стала двусторонняя договоренность между Россией и Китаем. Америка осталась от Китая в стороне.

В конце XIX века, собственно говоря, на рубеже XIX и XX веков, произошли события, получившие название восстания ихэтуаней, или Боксерского восстания. Одним из аспектов ситуации того времени стало то, что все иностранцы, находившиеся в столице великой Цинской империи городе Пекине, проживавшие в посольском квартале, оказались под угрозой их физического уничтожения. И тогда впервые в мировой истории восемь государств —

Германия, Япония, Россия, Англия, Америка, Франция, Австрия и Италия — в 1900 году создали объединенную армию, которая, в частности, пришла Пекин и спасла иностранцев от грозившей им смертельной опасности. Тогда Россия и Америка в первый раз действовали совместно на территории Китая.

В дальнейшем отношения России с Китаем и Америки с Китаем складывались по отдельности, причем по-разному с двумя тогда главными политическими силами Китая: с партией Гоминьдан Китая (ГМД) и с партией Гунчаньдан Китая (КПК).

Попутно важным представляется отметить, что Россия отменила неравноправные договоры с Китаем в середине 1920-х годов, а США — в середине 1940-х годов.

Когда Мао Цзэдун в 1935 году фактически пришел к власти в КПК, в нашей стране в 1938 году в журнале «Новый мир» были напечатаны очерки американского журналиста Эдгара Сноу под названием «Вожди и герои китайского народа». Это было начало прославления Мао Цзэдуна в нашей стране. Это тоже была своего рода акция с участием представителей трех сторон: России (СССР), Китая, Америки.

Во время Второй мировой войны опять-таки именно наша страна, тогда СССР, и Китай, тогда Китайская Республика, фактически стали первыми союзниками при отражении нападения со стороны «держав оси»: Германии, Италии, Японии.

СССР первым начал помогать Китаю отражать японскую агрессию, вести Антияпонскую войну. Особенно много сделали тогда наши летчики.

Вслед за нами и США стали помогать Китаю в его Антияпонской войне, в том числе в воздухе.

К концу Второй мировой войны СССР и США совместно способствовали тому, что Китай стал одним из пяти постоянных членов ООН с правом вето. Благодаря позиции СССР и США китайская делегация на церемонии создания ООН состояла из представителей ГМД и КПК. Именно позиции СССР и США способствовали осуществлению встречи Чан Кайши и Мао Цзэдуна в 1945 году в Чунцине.

Во второй половине 1940-х годов в Китае началась внутренняя война между ГМД и КПК.

США выступали на стороне ГМД.

СССР поддерживал дипломатические отношения с Китайской Республикой и в то же время оказывал существенную и искреннюю помощь КПК в ее Южном походе из Северо-Восточного Китая на юг страны, завершившемся созданием КНР.

С 1949 года существовали союзнические дружественные связи между СССР и КНР.

В то же время США имели дипломатические отношения с правительством Китайской Республики на острове Тайвань.

В 1950–1953 годах была война на Корейском полуострове. В последнее время в КНР начали утверждать, что эта война не относится к «войнам нового Китая», то есть что она не такая, как война в 1962 году против Индии, в 1969 году против СССР, в 1979 году против Вьетнама, а в войну на Корейском полуострове Китай «был втянут» Советским Союзом.

В 1969 году Мао Цзэдун осуществил военное нападение на СССР на границе, кровью разделил наши страны и народы.

Именно это побудило США вступить в контакты с КПК на высшем уровне.

В 1972 году состоялся визит президента США Никсона в Пекин и его встреча с Мао Цзэдуном на основе провозглашения ими принципа «общего отношения» к СССР как к «угрозе войны» и для КНР, и для США.

В первой половине 1970-х годов имела место разрядка в отношениях СССР и США.

В настоящее время Москва и Пекин заявляют, что это лучший период в истории их взаимоотношений.

США в последние годы начали осознавать, что Мао Цзэдун и его последователи на протяжении последних сорока лет использовали помощь и содействие со стороны США для усиления своего военного и экономического потенциала и в то же время с точки зрения своей глобальной стратегии относились к США как к сопернику на мировой арене.

В настоящее время США и КНР ведут переговоры с целью решения проблем, особенно в сфере торговли и экономики.

Таким образом, ситуация во взаимоотношениях между Россией, Америкой и Китаем остается сложной.

Важной особенностью ситуации является то, что для отношений РФ и США характерно своего рода военное противостояние. Здесь имеют место и некоторые высказывания и действия.

Во взаимоотношениях Америки и Китая на первом плане находятся экономика и торговля. Стороны говорят о желании сохранять соглашения в сфере военного сотрудничества. Стороны не считают отношения в военной области напряженными или настоятельно требующими разрядки.

Вполне вероятно, что в России могут обращать внимание на то, что китайская сторона так или иначе проявляет удовлетворение ростом военной напряженности между РФ и США и в то же время сама исключает военную напряженность во взаимоотношениях КНР и США.

Проще говоря, Пекин даже как бы подталкивает Россию к обострению отношений с США, в том числе отношений по военной линии, и в то же время всячески демонстрирует свое желание не допускать никакого обострения по той же военной линии во взаимоотношениях Китая и Америки.

Когда речь идет о российско-китайских отношениях, тогда для нас главное — это обеспечение интересов нашей страны при нынешнем состоянии отношений между Америкой и Китаем.

Речь идет о защите наших интересов от угроз и опасностей. Это тем более необходимо, учитывая активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК — КНР своей глобальной стратегии в настоящее время.

Это, в частности, проявляется и в том, что власти в Пекине все чаще публикуют интервью в «Жэньминь жибао» и на центральном телевидении с теми из нашей страны, кто превозносит достижения, проекты руководителей КПК — КНР. Так создают у населения КНР впечатление о согласии в нашей стране с лозунгом «Будущее принадлежит Китаю».

Тем, кто занимается изучением проблем, связанных с Китаем, приходится реагировать на действия Пекина и работать в условиях, когда утверждается, что отношения России и Китая в настоящее время находятся в наилучшем состоянии за всю их историю.

При всем при этом существуют США, их нынешняя политика в отношении России и Китая.

Прежде всего заявление о том, что именно со стороны этих двух государств исходит главная угроза для США.

Очевидно, что в наших интересах использовать то, что возможно, из нынешнего состояния американо-китайских отношений.

Мы живем во времена, когда без учета фактора Америки, политики Америки невозможно говорить об отношениях России и Китая, о политике Китая в отношении России и о политике России в отношении Китая.

Здесь необходимо вспомнить о том, что Россия и Америка никогда не вели между собой войны на территории друг друга.

Америка и Китай никогда не вели между собой войны на территории друг друга.

В то же время Мао Цзэдун несет ответственность за подготовку и начало пограничной войны против нашего народа и нашей страны в 1969 году.

Необходимо повторить, что исторически первые связи КНР и США были установлены в конце 1960-х годов на основе «общего понимания» между Мао и Никсоном, заключавшегося в том, что СССР (Россия) — это якобы агрессор, военная угроза, угроза войны со стороны России для Китая (КНР) и для Америки (США).

Дипломатические отношения между КНР и США были установлены в 1979 году и сопровождались главной мыслью, которую Дэн Сяопин довел тогда до президента США Джеймса Картера: КНР заранее уведомляет США о том, что будет совершено военное нападение на Вьетнам как на «союзника» СССР.

В свое время Мао Цзэдун призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны в составе Китая, Америки, Японии, государств Европы, мусульманских стран. Дэн Сяопин после смерти Мао Цзэдуна повторил этот призыв Мао Цзэдуна. Никто из других мировых лидеров в те времена этого не делал. Никто в Китае никогда не дезавуировал этот призыв.

В отношениях Америки и Китая в последние несколько лет возникли новые обстоятельства.

Америка как бы «очнулась» и пересматривает свой прежний взгляд на Китай.

Начинает понимать, что Китай всегда относился к Америке как к сопернику, и начинает реагировать на это.

Появляется и понимание того, что в мире главной проблемой становится глобальное противостояние между США и КНР.

Противостояние происходит на всех «полях», в том числе и на «поле России».

Америка и Китай проводят в отношении России политику в расчете воздействовать на нее.

Политика России в отношении Америки внимательно изучается и в самих США, и в КНР, из чего и там, и там делаются выводы.

Политика России в отношении Китая внимательно изучается и в КНР, и в США, из чего и там, и там делаются выводы.

Как себя вести России, исходя из интересов нашего народа и нас как страны?

Прежде всего, очевидно, проводить полностью независимую и самостоятельную политику. Не «склоняться» ни в одну, ни в другую сторону.

При этом важно иметь в виду, что в отношениях России и Китая есть долговременные «подвешенные» факторы, которых нет в отношениях России и Америки.

Это вопрос о границе, о неравноправных договорах, о договоре о режиме границы, об оценке исторического прошлого, особенно и в первую очередь относительно подготовленного и осуществленного по воле Мао Цзэдуна нападения на нас на границе в 1969 году.

Это и вопрос об оценке властями КПК — КНР политики «царской и советской России» в отношении Китая, вопрос о «старых и новых царях». Сюда включается фактор войны, фактор «долга крови», что в особенности ощущается при знакомстве с пропагандистской трактовкой в КНР 50-летия событий на острове Даманском.

С Америкой у Китая такого нет, то есть в КНР нет такой военной вражды к США, какая есть, судя по пропаганде, в историческом плане по отношению к нашей стране.

Следовательно, нам необходимы настойчивость и терпение в целях защиты наших интересов, готовность защищать свои интересы, обсуждать и решать все вопросы.

Здесь также необходимо исходить из того, что и в США провозглашается лозунг «Америка прежде всего», «Сделаем Америку снова великой», и в КНР звучит призыв к «великому возрождению великой нации Китая».

Россия и Америка в настоящее время имеют перед собой руководство КПК, глобальная стратегия которого состоит в том, чтобы не в обстановке новой мировой войны, а в нынешней мирной, или смешанной мирно-военной, или «не мирной и не военной», ситуации осуществлять свою глобальную стратегию. Постепенно, как некий удав, парализовать волю других наций, одну за другой, поодиночке, втягивать их в себя и переваривать все нации на Земле, превращая их в составные части единой общей нации Китая.

Цель при этом состоит в том, чтобы добиться осуществления принципа, отраженного в государственном флаге КНР: на сплошном красном фоне там имеются одна крупная и четыре малые звезды, при этом все звезды одного, желтого цвета.

Это, вероятно, может отражать воплощение «мечты Китая, или китайской мечты», представление об «общей судьбе человечества», о появлении «сообщества единой судьбы человечества».

Это может символизировать будущую картину мира, где все человечество будет «красным» (в КНР в настоящее время пропагандируется мысль о присущем нации Китая «красном гене», который будет передаваться из поколения в поколение), а все его «ставшие желтыми» части будут находиться под единой властью центрального правительства *Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян чжэнь фу* — Республики народа нации Китая.

Америка должна оставаться «внешним или посторонним фактором» для нашей стороны, когда речь идет об отношениях России и Китая.

Наша политика должна быть такой, чтобы американцы понимали, что Россия не выступает на стороне Китая.

В то же время китайцы должны понимать, что Россия не выступает на стороне Америки.

Россия должна исходить из стремления налаживать отношения, разрешать проблемы во взаимоотношениях и с Китаем, и с Америкой.

При этом важно основываться на трех принципах: вечном мире, абсолютной независимости и полном равноправии.

Соблюдать эти принципы целесообразно и нам, и Америке, и Китаю. Такова цель. Именно это может поставить в правильное положение американский фактор в наших отношениях с Китаем.

В целом важно подчеркнуть, что Россия полностью свободна в своих действиях, в своей политике и не находится в зависимости ни от американского фактора в российско-китайских отношениях, ни от китайского фактора в российско-американских отношениях.

ЧТО ПИШУТ О ДАМАНСКОМ ПОЛВЕКА СПУСТЯ В КНР И В РФ

Даманский. Это слово вошло в нашу историческую память. Стало частью истории наших отношений с Китаем. Как бы незаметно пролетело полвека с того времени, как произошли события на острове Даманском в 1969 году. Сегодня, в 2019 году, оказалось, что и в нашей стране, и в Китае вспоминают о них, излагают свой взгляд на эти события. Очевидно, что ни у нас, ни в Китае это не забыто. Для нас об этом нельзя забыть, и это невозможно забыть.

Эти события врезались в память народа нашей страны. Люди в нашей стране помнят об этих событиях. Их осознание становится все более глубоким.

Это происходит по той причине, что, во-первых, в XX веке мы оказались обмануты теми, кому мы сорок лет искренне и существенно помогали, и, во-вторых, неожиданно для нас оказалось, что те, кого мы считали «другом, союзником, товарищем и братом», рассматривают нас как якобы своего исторического, национального, классового и военного врага и даже из-за угла начали против нас единственную во второй половине XX века войну с нападением на нас на границе.

Состояние наших двусторонних отношений с КНР заставляет прежде всего всех тех людей в нашей стране, кому так или иначе приходится на практике иметь дело с представителями КПК — КНР, да и вообще все наше население, реагировать на нынешнюю активную политику руководителей КПК — КНР в отношении нашего народа и нашей страны. При этом оказывается, что события на острове Даманском остаются в одно и то же время и историческими, и современными, едва ли не самыми главными, требующими внимания, отстаивания наших позиций, защиты коренных интересов нашего народа и нашей страны.

Трактовка этих событий в нашей стране и в КПК — КНР диаметрально противоположна. Мы, имея на то все основания, считаем, что в 1969 году на Даманском подверглись совершенно неожиданному тайно подготовленному военному нападению на нас, оказались в состоянии навязанной нам по воле Мао Цзэдуна пограничной войны.

В КПК — КНР необоснованно утверждают, что мы «вторглись» на «территорию Китая», а потому, дескать, армии Мао Цзэдуна не оставалось ничего иного, как стрелять в наших людей и убивать их.

Итак, речь идет, повторим, о единственной во второй половине XX века войне, о военном нападении на границе на наш народ и на нашу страну. Приверженец и главный помощник Мао Цзэдуна в его политике по отношению к нам Чжоу Эньлай называл события на острове Даманском «пограничной войной». Мао Цзэдун за годы, предшествующие началу им упомянутой войны, под выдвинутым им лозунгом — установкой *бэй чжань* («готовиться к войне» или «готовить войну»), — очевидно, используя имевшиеся для этого предпосылки, обработал население КНР в духе враждебного отношения к нам. Ответственность за подготовку и начало этой войны против нас полностью и исключительно лежит на Мао Цзэдуне и его приверженцах и последователях.

Начиная со времен правления в Китае Мао Цзэдуна и вплоть до настоящего времени официальная оценка в КПК — КНР событий, связанных с островом Даманским, состоит в полном оправдании действий Мао Цзэдуна и в осуждении того, что наша сторона предпринимала в целях защиты, обороны от неожиданного нападения со стороны Мао Цзэдуна.

Более того, за нами числят «долг крови», то есть требуют возмездия за жертвы среди тех военнослужащих армии Мао Цзэдуна, которые выполняли его враждебные нам военные замыслы. Главное при этом — воспитание сегодня у армии и населения КНР ненависти к нам как к военному врагу. Подобную ненависть в настоящее время в КНР пропагандируют прежде всего в отношении нашего народа и нашей страны, а также в отношении Японии.

С тех пор как в 1969 году произошли события на острове Даманском, прошло полвека. Что же говорят о Даманском полвека

спустя? Начнем с того, что пишут в КНР. Это поможет затем точнее оценить то, что публикуется в нашей стране.

Обратимся к следующей статье (цитировать здесь и в других случаях будем курсивом): <http://army.81.cn/content/2019-02/25/content-9434209.htm>.

Мы привели здесь электронный адрес этой публикации в КНР. Из него следует, что она была помещена на сайте *Чжун го лу цзюнь цзинь жи яо вэнь/чжэн вэнь* — «Главные известия сегодня. Сухопутные войска (КНР)». Это появилось под крупным заголовком:

Хун сэ цзи инь дай дай чуань, гэ мин сюе и юн янь сюй — «Красный ген передается из поколения в поколение, кровь революции струится вечно».

«Пятьдесят лет со времени получения почетного наименования “Заслуженная боевая рота (Рота боевых заслуг)” приветствует особых гостей».

Источник: автор сайта «Интернет-сеть Сухопутных сил Китая». Дата появления: 25 февраля 2019 года.

После заголовка помещен ряд лозунгов-характеристик упомянутой роты: «Славная рота, известная своими боевыми подвигами! Ударная рота, способная побеждать в боях! Образцовая рота с присущим ей великолепным стилем! Вот это именно и есть заслуженная боевая рота (рота боевых заслуг)!».

Итак, очередная годовщина событий на острове Даманском отмечена в КНР публикацией, созданной, естественно, по указанию руководящих органов ЦК КПК военными пропагандистами. Автор текста служит в интернет-сети Сухопутных вооруженных сил КНР. Таким образом, в КПК — КНР то, что связано с Даманским, относят к военной области. К тому, что произошло во взаимоотношениях военного характера с врагом, который создавал военную угрозу для Китая с севера, как это подчеркнул Дэн Сяопин в разговоре с М. С. Горбачевым в Пекине в 1989 году. Военный аспект проблемы выступает как исток оценки тех событий и их значения полвека спустя. В трактовке пропаганды ЦК КПК подчеркивается, что речь идет о военном враге, о войне против военного врага. Следовательно, среди военнослужащих КНР, а далее и молодежи, всего населения с тех пор и до настоящего времени нескончаемо

и без перерывов продолжается воспитание в духе внушенной еще Мао Цзэдуном мысли о том, что наш народ и наша страна являются якобы историческим, национальным, классовым и военным врагом нации Китая.

Первый, набранный крупными иероглифами заголовок публикации начинается с термина «красный ген», при этом говорится, что он «передается из поколения в поколение». К этому в той же фразе присовокупляется термин «кровь революции», при этом говорится, что она «струится вечно».

Это сердцевина военной, да и не только, пропаганды на население КНР, прежде всего на ее вооруженные силы. Такая пропаганда, очевидно, нужна, с точки зрения руководства КПК — КНР, как средство сплочения вокруг себя, в поддержку своему пребыванию у власти, населения страны. Ведь при этом подразумевается, что существовал и существует такой военный враг, против которого должно объединяться и под знаменем «природного» патриотизма, и под знаменем революции.

При этом ставятся в один ряд, неразрывно объединяются слова «красный», «ген», «кровь», «революция». Причем предлагается считать, что все это «передается из поколения в поколение» и «струится вечно». Иначе говоря, все это вечно присуще нации Китая, продолжается и будет продолжаться, передаваясь из поколения в поколение. Событиям на Даманском сразу же придается «вечный характер». Они просто не могут остаться в прошлом или считаться незначительным инцидентом.

Очень важным представляется стремление пропаганды КПК в этом случае обращаться к понятиям «ген» и «кровь». Тем самым подчеркивают, что это то, что органически присуще нации Китая, каждому ее представителю от рождения. От этого ни одна частица нации Китая избавиться при всем желании не может.

Так генетически присущее, присущее от природы, соединяется с «красным цветом» и с «революцией», то есть с понятиями, символизирующими КПК, должны восприниматься в качестве неотъемлемых характеристик этой партии и всей ее деятельности.

Так оказывается, что оценка событий на Даманском с позиции пропаганды в КНР в настоящее время — это оценка того, что вечно присуще нации Китая, что вечно присуще Коммунистической

партии Китая, ее главному делу: сохранению красного цвета и продолжению ее революции.

Бои на Даманском оказываются при этом отстаиванием и генетически присущих нации Китая прав на территории, и вечно струящейся крови революции, осуществляемой Коммунистической партией Китая.

Бои на Даманском при этом предстают как бои одновременно и неразрывно и за нацию Китая, и за Коммунистическую партию Китая. Память об этих боях скрепляет нацию Китая и Коммунистическую партию Китая.

В КПК — КНР было решено в области пропаганды довести до населения свою трактовку событий того времени и их значения, проведя мероприятие в одном из подразделений вооруженных сил КНР. Пропагандисты напоминали о «заслуженной боевой роте (роте боевой славы)» и о посещении ее месторасположения почетными гостями. Это происходило тогда, когда исполнилось 50 лет со времени событий на острове Даманском. Эта рота получила свое почетное звание пятьдесят лет тому назад. В 2019 году власти КНР организовали посещение роты теми, кто в свое время принимал участие в тех боях, и родственниками тех, кто служил тогда в этой роте.

Так в сознании обрабатываемого пропагандой населения соединяют память о том, что произошло 50 лет тому назад, напоминание о том, что в составе вооруженных сил КНР есть рота, которая стала заслуженной и боевой, то есть, по сути дела, «гвардейской», именно за свои «заслуги» в боях на Даманском, а также о том, что в КПК — КНР сегодня чтят участников тех боев как тех, кто должен пользоваться уважением КПК и народа КНР, а ведь речь идет о тех, кто был послушным орудием враждебной нам политики Мао Цзэдуна, кто согласился с его утверждением о нас как об историческом и национальном, как о военном и классовом враге нации Китая, кто сделал первый выстрел в нас, поверив Мао Цзэдуну в его утверждении, что можно и нужно стрелять в того, кто появляется на той земле, которую Мао Цзэдун с помощью своей пропаганды приучал население КНР считать якобы захваченной нашей страной.

Китайскими «гвардейцами» при этом оказываются те, кто воевал против нас, ранил и убивал наших бойцов, осуществил воен-

ное нападение на наш народ и нашу страну. Это происходит в 2019 году. При этом возникает вопрос о настроениях, мыслях и чувствах, убеждениях тех, кто направил для участия в учениях на нашей территории солдат НОАК, и тех, кто участвовал в этих учениях на нашей земле в 2018 году.

В рассматриваемой публикации приводятся характеристики этой роты.

Во-первых, ее слава и ее боевые подвиги — это нападение на нас, убийство наших людей. Именно это сегодня прославляет пропаганда КПК.

Во-вторых, эту роту славят за то, что она является «ударной» и «способной побеждать в боях». Из этого, в частности, следует, что в вооруженных силах КНР считаются «славными» те, кто способен «нанести удар» и, главное, «умеет побеждать в боях». Это и своего рода напоминание о том, что этим «гвардейцам» предстоит сделать в будущем. Здесь нельзя не вспомнить о том, что в 2019 году Си Цзиньпин говорил о главной задаче армии КНР: быть боеспособной, готовиться к войне, обладать способностью воевать, обладать способностью побеждать.

В-третьих, говорится, что этой роте присущ великолепный стиль, то есть благородный дух, высокие душевные качества. Оказывается, что убивать нас, делать первый выстрел в нас по приказу руководства, что и делала эта рота в 1969 году на острове Даманском, — это и есть благородный дух и высокие душевные качества.

Это своего рода специфически китайские или исключительно самобытно китайские современные «духовные скрепы» в понимании и трактовке пропаганды КПК — КНР. Именно этого эта пропаганда требует от современных «гвардейцев» армии КНР.

В декабре 1967 года упомянутое подразделение получило приказ отправиться на северную границу в целях укрепления там обороны. В марте 1969 года вражеская армия двинула многочисленных вооруженных солдат и бронетехнику и вторглась на территорию нашей Родины; офицеры и солдаты этой роты перед лицом врага, сохраняя полное спокойствие, не щадя своей жизни, поклялись защищать достоинство Родины, своей кровью и жизнью защитили безопасность священной земли нашей Родины (при

этом отличилась большая группа героев)... выковали боевой дух роты: «Не щадя жизни биться до последнего вздоха, идти в атаку, не останавливаясь». В июле того же (1969) года Шэньянский военный округ присвоил ей наименование «Заслуженной боевой роты (Роты боевых заслуг)».

Рассматриваемая статья начинается с признания того факта, что подготовка нападения на нас на границе была начата в 1967 году. Это подтверждает то, что одной из важных для Мао Цзэдуна целей его «культурной революции» была обработка населения страны и реальная подготовка вооруженных сил КНР к отношению к нам как к военному врагу, разработка и осуществление таких реальных военных действий, которые бы имели своим следствием перевод всего населения КНР, правящую в континентальном Китае партию, то есть КПК, руководимое этой партией государство, то есть КНР, в состояние, когда для всех для них наш народ и наша страна являлись бы, безусловно, военным врагом, что начинать войну и вести войну, в случае если это сочтет необходимым «великий вождь председатель Мао», естественно, должно и полностью оправдано.

Так Мао Цзэдун за десятилетие с 1959 по 1969 год, а наиболее активно за пять лет, с 1964 по 1969 год, переориентировал население Китая на отношение к нам как к военному врагу. (Здесь необходимо учитывать, что идеологически Мао Цзэдун переориентировал КПК на противостояние с нами в первой половине 1940-х годов.)

Трактовка того, что произошло в 1969 году, начинается со лжи. Утверждается, что это наша сторона совершила нападение: «вражеская армия двинула многочисленных вооруженных солдат и бронетехнику и вторглась на территорию нашей Родины».

Таким образом, в настоящее время вооруженные силы КНР, их личный состав, а также все население КНР пропаганда ЦК КПК воспитывает в убеждении, что это наш народ и наша страна напали на КНР, на КПК в 1969 году. Главным здесь выступает утверждение о том, что наша сторона, ее вооруженные силы вторглись на «территорию Родины», то есть мы вторглись на территорию КНР. Нас представляют как агрессора, как захватчика. Этим и обосновывается война против нас в 1969 году. Население КНР, каждый

солдат НОАК должен считать, что мы военный враг, мы вторглись на землю Китая. Поэтому стрельба в нас, убийство наших бойцов — это оборона, защита, территории Китая.

Это означает и то, что во второй половине XX века мы оказываемся для населения КНР единственной страной, которая подготовила нападение на Китай, совершила это нападение и вторглась на землю Китая.

Утверждение о нашей вине и ответственности за это «нападение» является основой нынешней пропаганды КПК, когда речь идет об отношении к нашему народу и нашей стране применительно к событиям 1969 года. Эти установки остаются неизменными в настоящее время.

Далее утверждается, что «офицеры и солдаты перед лицом врага, сохраняя полное спокойствие, не щадя своей жизни, поклялись защищать достоинство Родины, своей кровью и жизнью защитили безопасность священной земли нашей Родины». Там и был «выкован боевой дух нашей роты: “Не щадя жизни, биться до последнего вздоха; не останавливаясь идти в атаку”».

В июле того же 1969 года Шэньянский военный округ присвоил роте почетное наименование «Заслуженной боевой роты (Роты боевых заслуг, Роты боевой славы)».

Итак, прежде всего необходимо обратить внимание и со всей серьезностью отнестись к тому, что о нас говорится как о «вражеской армии», как о «враге». В настоящее время в КПК — КНР такие термины, насколько нам известно, употребляют только применительно к нам.

С точки зрения руководителей КПК — КНР, военнотружущих их вооруженных сил, мы являемся или, по крайней мере, были в истории «вражеской армией», «врагом». Никто и никогда из руководителей КПК — КНР, последователей Мао Цзэдуна, не опровергал все это, не давал никакой иной оценки этим событиям. Речь в этой пропаганде идет о защите «священной земли нашей Родины», то есть Китая. Это термин, говорящий о том, что «вопрос о территориях, вопрос о границе» продолжает существовать.

В этот день (25 февраля 2019 года) в месторасположении роты было проведено мероприятие. Особых гостей встречали

под лозунгом: «С возвращением вас домой, в родную семью, горячо приветствуем старых героев!» Прибыли 28 человек — бывшие военнослужащие и родственники служивших в роте и погибших в тех боях, с тем чтобы совместно отметить этот священный и торжественный момент славы.

Далее автор статьи переходит к описанию проведенного мероприятия. Он отмечает, что 25 февраля 2019 года в месторасположение роты прибыли 28 человек — «бывшие военнослужащие и родственники служивших в роте и погибших в тех боях; они прибыли с той целью, чтобы совместно отметить этот священный и торжественный момент славы».

Итак, сегодня, в 2019 году, эта дата — пятидесятилетие событий на Даманском — отмечается в КПК — КНР как «священный и торжественный момент славы». Иными словами, нынешние руководители КПК — КНР считают нападение на наш народ и нашу страну «священным торжественным моментом славы». Мероприятие по этому случаю было организовано так, чтобы подчеркнуть передачу из поколения в поколение отношения к пограничной войне против нас как к «священному и торжественному моменту славы».

Автор статьи продолжает:

Возвратившись в те места, где они жили и сражались, старые солдаты испытывали безграничное воодушевление; и хотя сами казармы многократно перестраивались, но яркий красный флаг реял по-прежнему, жаркий боевой призыв звучал по-прежнему, поступь их была единой по-прежнему, картины прошлого одна за другой вставали в их памяти.

Главное здесь — привлечение внимания к тому, что, несмотря на то, что прошло 50 лет, «яркий красный флаг реял по-прежнему». Отношение к нам, историческая память о войне против нас вводится в сознание нынешних поколений людей в КНР как «подвиг славы», как продолжение движения «под красным флагом», то есть как «революционное деяние», как то, что было сделано для «сохранения Китая своего красного цвета». Здесь можно вспомнить о том, что в КНР посещение мемориального музея на острове

Даманском включено в «красный туристический маршрут», а в нашей стране китайские власти навязали нашим властям «красный туристический маршрут» по России и, по сути дела, заставили нашего чиновника на уровне заместителя главы правительства РФ повторять за представителями КПК — КНР характеристику места проведения шестого съезда КПК как «священного места для китайцев».

Автор статьи продолжал:

Выправка старых солдат оставалась прежней. Они как будто бы вышли из прошлого и вошли в будущее. В зале, где состоялась церемония, был вывешен лозунг: «В новую эпоху мощная армия будет стремиться вперед, не зная преград; мы жизнь отдаем в распоряжение партии, мы не будем считать, что выполнили свою клятву, до тех пор, пока не повергнем сильного врага».

Итак, пропаганда КПК в настоящее время, «в новую эпоху», то есть в эпоху правления Си Цзиньпина, предлагает считать незабываемой частью истории события на Даманском, соединять прошлое и будущее единой мыслью о том, что КПК — КНР должны обладать и обладают «мощной армией, которая будет стремиться вперед», «стремиться, не зная преград»; армией, которая «отдавала, отдает и будет отдавать жизнь в распоряжение партии, не будет считать, что она выполнила данную ею клятву, до тех пор, пока не повергнет сильного врага». Получается, что на нас смотрели и смотрят как на «сильного врага», против которого, естественно, всегда следует «готовиться воевать, готовиться побеждать в войне». В то же время у «мощной армии» КПК — КНР есть задача. Эта армия должна «отдать жизнь в распоряжение партии», эта армия «не должна считать, что она выполнила свою клятву перед партией, до тех пор, пока она не повергнет сильного врага». Иными словами, перед армией КПК — КНР и в настоящее время, и в будущем продолжает стоять задача «в войне повергнуть», «победить» наш народ и нашу страну как «врага».

Старым солдатам вручили памятные ордена. Была проведена церемония передачи памяти из поколения в поколение. Речь

шла о «наследовании красного гена, о том, чтобы история оставалась незабываемой, чтобы сохранялась кровная связь и боевой дух павших героев революции, а потому укрепляли веру в идеалы, воодушевляли энтузиазм офицеров и солдат в боевой подготовке и подготовке к войне».

Далее в статье, по сути дела, перечисляются пропагандистские установки, используемые в настоящее время в вооруженных силах КНР. При этом исходным событием, характеристика которого лежит в основе воспитания нынешних военнослужащих, предстает бой на Даманском. Оказывается, что это «подвиг славы», «пример воинской доблести». Поэтому упоминается о том, что «старым солдатам вручили памятные ордена». Память о боях на Даманском, с точки зрения ЦК КПК, должна быть увековечена и в этом жесте. Говорится о том, что «была проведена церемония передачи памяти из поколения в поколение».

Для того чтобы глубже осознать, что все это значит, необходимо задуматься над тем, о чем говорят и что делают в вооруженных силах нашей страны. Даманскому там не придают значения. Во всяком случае, не придают такого значения, как в КНР.

В КНР же речь идет о «наследовании красного гена», о том, чтобы «история оставалась незабываемой», чтобы «сохранялись кровная связь и боевой дух павших героев революции».

Так оказывается, что убийцы, стрелявшие в нас, убивавшие наших людей, — это в современной КНР те, кому присущ «боевой дух павших героев революции». Бои на Даманском в КНР сегодня характеризуют как «продолжение революции», как передачу из поколения в поколение «красного гена», то есть самой сути идеологии КПК. Все это делается с той целью, чтобы укреплять «веру в идеалы», усиливать «боевую подготовку», «подготовку к войне». Следовательно, солдат в современном Китае руководители КПК — КНР воспитывают в убеждении, что война против нас — это война «за идеалы» КПК. Нас при этом видят как военного врага, именно против которого и следует «усиливать боеготовность, боевую подготовку», именно против которого и надо «готовиться к войне».

В ходе подготовки к этому мероприятию офицеры и солдаты вместе со старыми солдатами соединяли славную историю роты, тщательно подготовили выступление на сцене, прочувствованно показали эту славную историю. Вспомнили о прошлом, вспомнили то незабываемое время...

Все это делалось под лозунгами: Не забывать о первоначальном желании (о стремлении, об идеалах — истоках), крепко-накрепко помнить о своей миссии, не расслабляться и вести самоотверженную борьбу, бороться за то, чтобы быть (образцовыми) военнослужащими... новой эпохи.

Одним из приемов осуществления «патриотического воспитания» солдат в современной КНР является организация «художественной самодеятельности на местах», «в ротах», где силами солдат и офицеров нынешнего поколения ставятся сценки, показывающие «бой» на острове Даманском. Причем это тесно увязывается с задачами, которые КПК, Си Цзиньпин ставят в настоящее время. Говорится о том, что солдаты «не должны забывать об изначальном стремлении»; очевидно, речь идет об «изначальных идеалах» КПК в трактовке современной пропаганды. От солдат и офицеров требуют помнить о «своей миссии». Следовательно, нас при этом видят как военного врага, победа над которым и есть «миссия» нынешней армии КНР. От солдат требуют быть образцовыми военнослужащими «новой эпохи», то есть «эпохи Си Цзиньпина».

При этом самым волнующим стало представление на сцене «Жалоба (исковое заявление) на несправедливость на реке Уссури». Это описание боев на северной границе, рассказ о том, как революционные предшественники сошлись лицом к лицу с вражеской армией, со злыми и алчными людьми, сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть и своей кровью и жизнью защитили безопасность территории Родины на северной границе. Автор материала лично видел, с какими чувствами представляли эти сцены нынешние офицеры и солдаты, что заставило немало старых солдат и родных павших героев пролить слезы.

На сцене была представлена история под названием «Жалоба (исковое заявление) на несправедливость на реке Уссури». Так бою на Даманском придается эпический размах. Так напоминают, а точнее, внушают, что за нашим народом и за нашей страной числится «исторический счет», что нам придется расплачиваться за «несправедливость», то есть за «захват» якобы принадлежащих Китаю земель на реке Уссури.

При этом современная пропаганда КПК внушает солдатам КНР характеристику нас как народа и страны, наших бойцов как «вражеской армии», как «злых и алчных людей» «на северной границе» Китая. Подчеркивается, что речь идет о «схватке с ними не на жизнь, а на смерть». Действия убийц, действовавших по воле Мао Цзэдуна, описываются как поступки тех, кто «своей кровью и жизнью защитил безопасность Родины на северной границе». И при этом стремятся играть на чувствах людей, говорят о том, что и сегодня, 50 лет спустя, у людей в Китае при мысли о Даманском выступают слезы.

При проводах офицеры и солдаты выражали намерение отрабатывать навыки уничтожения врага, говорили, что, «не щадя своей жизни, будут неудержимо рваться вперед и впишут новые главы в историю роты».

Тем самым прозрачно намекают на то, что намерены и в настоящее время, и в будущем «отрабатывать навыки уничтожения врага», не щадя жизни, рваться вперед, чтобы вписать «новые главы в историю». Этот пропагандистский материал начинается с характеристики нас как «врага». Он и заканчивается характеристикой нас как «врага». Для современной пропаганды КПК внушение своей аудитории именно такого отношения к нам, очевидно, представляется самым главным в настоящее время.

В китаеязычной печати появилась и следующая статья, приуроченная к 50-летию событий на острове Даманском (приведем ее электронный адрес: <https://mil.ifeng.com/c/7kev8BPdVmE>). Речь идет об интернет-издании «Фэнхуан (Феникс)» 28 февраля 2019 года под заголовком: *Чжэнь бао дао бао вэй чжэнь цянъ цзе фан цзюнь вэй фанъ цзи су цзюнь жу цинъ цзо ла чжэ се чжунъ*

бэй — «Перед оборонительным боем на острове Чжэньбаодао Освободительная армия провела вот такую некоторую подготовку с целью нанесения ответного удара по вторжению армии Советского Союза».

Это интернет-издание, или этот интернет-ресурс, по существу, является рупором вооруженных сил КНР в Сянгане (Гонконге). Это лишний раз подтверждает, что годовщина событий на острове Даманском использована по решению ЦК КПК именно и прежде всего в целях пропаганды на армию, на вооруженные силы и осуществлена с помощью пропагандистских инструментов, являющихся частями пропагандистского аппарата в армии КНР.

Если в предыдущем материале рассказывалось о мероприятии пропагандистского характера в настоящее время, именно в связи с 50-летием событий на острове Даманском, и там все было сосредоточено на мысли о необходимости из поколения в поколение передавать ненависть к нашему народу и нашей стране как к якобы военному врагу и передавать, наследовать «красный ген» в крови китайцев как нации, то вторая статья, к которой мы обращаемся, судя по ее заголовку, предназначена для внушения мысли о том, что война против нашей страны — трудное дело, что перед боями следовало и следует проводить всестороннюю, в том числе не только идейную, но и материальную подготовку.

В заголовке этой статьи прежде всего говорится о том, что бои на острове Даманском были со стороны Мао Цзэдуна и его войск якобы «оборонительными боями». Таким образом, пропагандистская обработка нации Китая в настоящее время начинается с фундаментальной лжи, с утверждения, что Мао Цзэдун якобы находился в обороне и оказался перед угрозой атаки, наступления со стороны нашего народа и нашей страны. Таким образом, наступление, внезапная неспровоцированная атака, применение оружия, первый выстрел — все это было якобы обороной против несуществующего наступления с нашей стороны. Так и вся стратегия Мао Цзэдуна в отношении нашего народа и нашей страны строится на лжи и выдается за оборону нации Китая от агрессии со стороны нации России.

Далее в этом заголовке говорится, что Армия освобождения народа Китая (то есть Армия народа Китая, которая имеет своей

целью освобождение всех и вся от тех, в ком Мао Цзэдун и его последователи видят своих врагов), оказавшись перед военной угрозой с севера, перед неминуемой атакой со стороны СССР, была, дескать, вынуждена принять превентивные меры, «провела вот такую некоторую подготовку с целью нанесения ответного удара по вторжению армии Советского Союза». Так ложь громоздится на ложь в расчете воздействовать на нынешних военнослужащих армии КНР, на членов КПК, на китайскую молодежь, на все население КНР. Говорится как о чем-то не подлежащем сомнению о «вторжении армии СССР», которое следует считать неминуемым, которое наша страна, дескать, готовила и на которое Мао Цзэдун мудро и вовремя отреагировал, организовав подготовку своей армии для нанесения превентивного, или ответного, удара.

Необходимо обратить внимание на то, что современная пропаганда ЦК КПК стремится внушать нынешним поколениям жителей КНР, что армия СССР готовила вторжение на территорию Китая. Это было главным содержанием обстановки, в которой Мао Цзэдун был, дескать, вынужден готовить оборонительный ответный удар. Именно это утверждение современной пропаганды ЦК КПК следует иметь в виду при чтении того, что было опубликовано в нашей стране в связи с 50-летием боев на острове Даманском.

В 2019 году исполняется 50 лет со времени оказания отпора в целях самозащиты (боя в целях самообороны и нанесения ответного удара) на острове Чжэньбаодао. Это тяжёлая история, и здесь не должно предавать прошлое забвению, не проронив ни звука, оставив все в неизвестности, допустить, чтобы все это покрылось пылью.

Статья начинается с утверждения, с внушения читателям мысли о том, что, с точки зрения нынешних властей КПК — КНР, «не должно предавать прошлое забвению, не проронив ни звука, оставив все в неизвестности, чтобы все это покрылось пылью». Таким образом, вопрос о войне против нас современная партийная пропаганда КПК считает необходимым «не предавать забвению», не позволять оставлять без высказывания своего мнения. Это означает, что и в настоящее время, и в будущем КПК не намерена допускать,

чтобы убийство наших людей из засады на границе «покрывалось пылью» в памяти людей ныне живущих и будущих поколений.

Начиная с 1959 года противоречия между Китаем и СССР чем дальше, тем во все большей степени становились серьезнее, в своем развитии дело дошло до того, что в отношениях между государствами возникло противостояние, причем все это во все возрастающей степени проявлялось в вопросе о границе. Обе стороны сфокусировались в своем споре на некоторых островах на границе на Дальнем Востоке на реках Хэйлуңцзян и Уссури, причем Советский Союз в одностороннем порядке прибег к жесткой политике.

Дальше в статье ложь громоздится на ложь. Читателям предлагается принимать как должное утверждения о том, что существовали «противоречия между Китаем и СССР», что «в отношениях между государствами возникло противостояние» и что все это «проявилось в вопросе о границе». Утверждается также, что СССР сфокусировался на «споре об островах» и «в одностороннем порядке прибег к жесткой политике». На самом деле это именно и только Мао Цзэдун в одностороннем порядке враждебно относился к нашему народу и к нашей стране. Именно Мао Цзэдун выдвинул вопрос о «противостоянии государств». Именно Мао Цзэдун повернул дело таким образом, что КПК — КНР стали официально ставить «вопрос о границе», утверждать, что в двусторонних отношениях существует «вопрос о границе», то есть что границы между нами нет.

С нашей стороны так вопрос никогда не ставился. Наша сторона соглашалась проводить консультации по пограничным вопросам. С нашей точки зрения **вопроса о границе** не существовало. Граница имелась. Можно было обсуждать **пограничные вопросы**, то есть вопросы, возникавшие на существующей границе. Это Мао Цзэдун организовал практические нападения своих подчиненных на нашу территорию, на наши острова, это он внушил своим подчиненным, что границы, которую признавала бы китайская сторона, не существует. Он делал это, несмотря на существование договоров о границе. Наконец, по воле Мао Цзэдуна, его подчиненные

действовали на границе жестко, вынуждая наших пограничников давать отпор их грубым и насильственным действиям.

Важно отметить, что в этой статье признается, что все это началось с 1959 года. Это, собственно говоря, означает, что именно с 1959 по 1969 год Мао Цзэдун готовил, готовил всестороннее военное нападение на нас на границе. Эта подготовка продолжалась десять лет. Это и много, так как многое Мао Цзэдуну удалось. В том числе удалось переориентировать население КНР на отношение к нашему народу и нашей стране как к якобы традиционному, национальному, классовому и военному врагу нации Китая. Это и мало, так как для нас, в том числе для руководителей КПСС — СССР, явилось полной неожиданностью применение подчиненными Мао Цзэдуна оружия на границе. И это несмотря на предупреждения о том, что это может произойти. Мне самому приходилось выступать с такими предупреждениями. Оказалось, что всего за десять, и даже за пять лет можно изменить отношение к другому народу с «дружественного» на военно-враждебное. Правда, для этого нужно, чтобы во главе КПК — КНР был такой политик, как Мао Цзэдун.

Начиная с 1966 года советская сторона начала запрещать судам Китая проплывать у острова Хэйсяцзыдао, кроме того, двинула канонерские лодки осуществлять воспрепятствование на реке. Начиная с лета 1967 года пограничные войска СССР многократно пускались в действие, выгоняли приграничное население нашей стороны с островов, находящихся по китайскую сторону от главного фарватера рек Хэйлуцзян и Уссури, избивали жителей, и эти явления становились все серьезнее. 5 января 1968 года пограничные войска СССР пустили в ход бронемашины на острове Цилициньдао на реке Уссури, совершили нападение на совершенно безоружное китайское приграничное население, в результате чего были убиты, ранены пять человек, что создало серьезный инцидент.

Все это говорится с тем, чтобы попытаться обвинить нашу сторону в том, что она первой «убила» людей во время столкновений на островах. На самом деле все столкновения были инициативно

в одностороннем порядке организованы во исполнение воли и планов Мао Цзэдуна. При этом Мао Цзэдун использовал следующий прием: он пускал вперед людей, которые выглядели как гражданское население. Фактически он прятался за их спинами. Этот прием Мао Цзэдун применял и для того, чтобы путем пропаганды внушать населению КНР, что наш народ «убивал» китайцев на границе, поэтому за нами, дескать, есть «долг крови». Мао Цзэдун приучал население Китая к позитивному восприятию готовившегося им убийства наших людей на границе в 1969 году.

Имея это в виду, Военный совет ЦК КПК дал указания, потребовав усилить охрану восточного участка границы между Китаем и СССР, и выработал некоторые установки сдерживающего характера. Говоря в общем и целом, потребовал, чтобы наши пограничные части со всей твердостью придерживались бы принципов правоты, пользы и меры, со всей решительностью защищали целостность территории, однако не были инициаторами провокаций; при обстоятельствах, когда того требует необходимость, можно осуществлять отпор в целях самозащиты.

Таким образом, очевидно, что не менее чем за год до событий на острове Даманском Военный совет ЦК КПК, то есть фактически высший орган власти в КПК — КНР, председателем которого был Мао Цзэдун, «дал указания, потребовав усилить охрану восточного участка границы между Китаем и СССР, и выработал некоторые установки сдерживающего характера». Это означает, что те, кто должен был исполнить приказ, напасть на нас на границе, за год до этого нападения, начиная готовиться к нему, фактически имели документ Военного совета ЦК КПК, которым с них снималась ответственность, которую на себя приняли Мао Цзэдун и его Военный совет. Это также означает, что за год до нападения на нас Мао Цзэдун дал указания готовить это нападение, тщательно разработать его план, приняв меры предосторожности.

В нашей стране ничего подобного не происходило. Действия Мао Цзэдуна и его приверженцев оказались для нас полной неожиданностью.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что в настоящее время китайская сторона фактически признает, что под руководством Мао Цзэдуна операцию на острове Даманском начали готовить самым тщательным и самым серьезным образом. Китайские военнослужащие уже тогда понимали, что им придется начать стрелять в наших людей, осуществлять спланированное и неспровоцированное нападение на нашу страну. Они уже тогда были готовы стрелять в нас, обосновывая это тем, что они, дескать, уничтожают тех, кто «вторгся на землю Китая». Указания, которые Мао Цзэдун и Военный совет ЦК КПК дали в связи с этой подготовкой, сводились к тому, чтобы китайские военные действовали по принципу «правоты, пользы и меры». Это означает, что Мао Цзэдун заранее оправдывал любые действия, уведомил военнослужащих, задействованных в подготовке операции, что их поступки будут им оправданы как «правое дело». Мао Цзэдун также ориентировал их на подготовку таких действий, которые принесли бы им и Мао Цзэдуну «выгоду». Наконец, Мао Цзэдун уведомил их о необходимости понимать, что операция будет носить ограниченный характер. Речь шла не о полномасштабной войне, но о частной операции, которая, тем не менее, означала начало стрельбы по нашим людям, по живым людям, осуществление реальных боевых действий, что показало бы и населению КНР, и людям в нашей стране, и, очевидно, что главное для Мао Цзэдуна, президенту США, что Мао Цзэдун действительно считает наш народ и нашу страну военным врагом нации Китая.

В целях осуществления указаний Военного совета ЦК КПК Шэньянский военный округ Освободительной армии (Армии освобождения) из состава дежурных частей, осуществляющих подготовку на случай войны, выделил и перевел часть отборных военнослужащих и усилил пограничные силы первой линии. Исходя из того, что армия СССР на направлении острова Чжэньбаодао усиливает агрессивные действия, военный округ провинции Хэйлуцзян предложил проект осуществления борьбы самозащиты с целью нанесения ответного удара в районе острова Чжэньбаодао. При этом планировалось организовать три пехотные роты, усилив их огневые средства, заранее тайно создать позиции, устроить

засаду на острове. И если армия СССР, применяя оружие, насильно будет вмешиваться в выполнение нашими пограничниками обходов, находящиеся в засаде подразделения окажут поддержку (патрулям). Шэньянский военный округ в основном согласился с этим проектом и запросил санкции сверху.

Итак, первое и главное решение о нападении на наш народ и нашу страну принял Мао Цзэдун. Он оформил это как решение Военного совета ЦК КПК. Это решение было спущено в Шэньянский большой военный округ. Округ выделил отборных военнослужащих для выполнения указаний Мао Цзэдуна и усиления подразделений первой пограничной линии. Низовой, то есть Хэйлунцзянский, военный округ, очевидно, исходя из духа и буквы указаний и Военного совета ЦК КПК, и Шэньянского большого военного округа, разработал конкретные предложения по проведению операции. При этом как бы не подлежащим сомнениям явилось утверждение о том, что «армия СССР» в районе острова Чэньбаодао «усиливает военные действия». Это означало, что принцип «выгоды» диктовал место проведения операции — остров Даманский. Хэйлунцзянский военный округ предложил для осуществления операции сосредоточить три усиленные пехотные роты, то есть несколько сотен военнослужащих, заранее тайно создать позиции, «устроить засаду». Все это свидетельствовало не об оборонительном, а об инициативном, наступательном характере операции. Китайские военнослужащие знали, на что шли. Мао Цзэдун вдохновил их и подготовил их к тому, чтобы тайно из засады делать первые выстрелы и убивать наших людей. При этом в предложенном плане операции предусматривалось, что находящиеся в засаде будут вести огонь по тем местам, где, с точки зрения Мао Цзэдуна и его приверженцев, имеют право ходить китайские пограничные патрули. На самом деле тогда это была территория, которая по договорам о границе принадлежала нашей стороне. Таким образом, конкретные предложения и план операции были внесены низовым Хэйлунцзянским военным округом, они были одобрены Шэньянским большим военным округом, а после этого направлены для получения одобрения или санкции на осуществление в Военный совет ЦК КПК. Все эти органы и их руководители

несут ответственность за принятие этого решения и осуществление нападения на наш народ и нашу страну.

На основе указаний Военного совета ЦК генеральный штаб согласился с проектом борьбы в целях оказания отпора в порядке самозащиты, представленного Шэньянским военным округом. И потребовал действовать в строгом соответствии с принципами вести борьбу острием против острия, вести борьбу с полной непримиримостью, выждать, пока противник раскроет свои карты, и в соответствии с принципами правоты, пользы и меры в одно и то же время и не показывать слабость, и не обострять противоречия. Одновременно выделить и перебросить отборные силы в направлении острова Чжэньбаодао для участия в действиях по нанесению ответного удара.

Такое подробное описание процедуры выработки плана операции, ее подготовки и осуществления наводит на мысль о том, что наряду с конкретными указаниями есть и ряд оговорок, которые начальники на каждом уровне делали, очевидно, стремясь как-то выгородить себя из зоны ответственности. Прежде всего Военный совет направил предложения по проведению операции в генеральный штаб НОАК, то есть не взял на себя всю полноту ответственности. Генеральный штаб в свою очередь принял меры по снятию с себя ответственности, ссылаясь на то, что речь идет только о «борьбе в целях оказания отпора для самозащиты». Генеральный штаб потребовал действовать острием против острия, то есть отвечать таким же ударом, который кто-то уже нанес. Генеральный штаб, правда, приказал действовать с полной непримиримостью, хотя и это означало нанесение непримиримого удара в ответ на чьи-то действия. Генеральный штаб дал также указание выждать, пока противник раскроет свои карты. Это также означало, что ответственность за первый выстрел Генштаб хотел бы переложить на конкретных рядовых участников операции. Генеральный штаб также приказал в одно и то же время и не показывать слабости, и не обострять противоречия. Все это позволяло работникам Генштаба в случае необходимости свалить вину на рядовых исполнителей, которых можно было бы и об-

винить в «обострении противоречий». Вместе с тем главное, что уловили рядовые исполнители, — это донесенный до них «дух» указаний Мао Цзэдуна: ваши действия оправданы, вам следует «не показывать слабость».

На этом основании Шэньянский военный округ принял решение направить рабочую группу во главе с заместителем командующего военным округом Сяо Цюаньфу к острову Чжэньбаодао для руководства работой по подготовке на случай войны, а также создать штаб на передовой линии. В общем и целом принципы борьбы состояли в следующем: ответный удар в целях самообороны строго ограничить китайской стороной от линии главного фарватера; действия должны быть быстрыми, не втягиваться, не увлекаться войной; добившись победы, после этого немедленно отходить в благоприятный район.

Операцию разрабатывали и осуществляли на самом высоком для такой операции уровне. Командовал операцией заместитель командующего этим большим военным округом. На передовой линии был создан штаб. Это ни в коем случае не была местная операция неких пограничников. Это ни в коем случае не были какие-то действия рядовых исполнителей. Важно также обратить внимание на то, что воля Мао Цзэдуна исполнялась таким образом, чтобы кровь наших людей была пролита, чтобы всему миру было ясно, что Мао Цзэдун считает нас военным врагом, что война против нашего народа нашей страны, с точки зрения Мао Цзэдуна, не только допустима, но и необходима и возможна. В то же время китайские военачальники старались сделать операцию ограниченной по масштабам, держаться «по китайскую сторону от главного фарватера», хотя в то время соглашение о таком проведении линии границы еще не было оформлено двусторонним соглашением. Было также дано указание «пострелять быстро», в военные действия не втягиваться и отойти на запасные позиции.

В действиях по самообороне и нанесению ответного удара на острове Чжэньбаодао участвовали отборные подразделения пехотинцев, артиллеристов, разведчиков 23-го, 46-го, 39-го, 64-го

корпусов Шэньянского военного округа, в общей сложности более двух тысяч человек, кроме того, пограничники, народные ополченцы и производственный корпус образованной молодежи оказывали поддержку.

В рассматриваемой статье также приводятся сведения о том, какие именно части участвовали в этой операции. В общей сложности в ее подготовке и проведении было задействовано более двух тысяч человек, не считая пограничников, народных ополченцев и даже учащихся, которых отправили на службу в армию, в то, что именовалось «производственным корпусом». Очевидно, что речь идет о тысячах людей.

С той целью, чтобы хорошо провести это сражение, части, участвовавшие в нем, провели большую подготовку. Например, проверяли и ремонтировали оружие, проверяли и распределяли боеприпасы; изучали вопрос о том, как скрытно маскироваться в засаде в снегу при тридцатиградусном морозе. Заранее подготовили некоторые способы спасения от мороза, доставки из тыла свинины, яиц, овощей и других продуктов, чтобы обеспечить тех, кто находился на передовой линии; усилить связь, создать линии связи; подготовить средства спасения раненых, лекарства, своевременно эвакуировать раненых. Кроме того, части, участвовавшие в бою на Чжэньбаодао, заранее проводили учения в заснеженных местах, похожих на остров Чжэньбаодао, проводили учения по устройству ночной засады и бою из засады; обдумали различные запасные варианты, были готовы ко всяким случайностям.

В рассматриваемой статье самым подробным образом рассказывается о подготовке к нападению на нас в районе острова Даманского ряда частей (а не только подразделений) НОАК. Особое внимание придавалось подготовке засады на тридцатиградусном морозе. Учения проводили в местах, где специально были созданы природные условия, похожие на те, что имелись на острове Даманском. Готовились капитально: думали о питании не на один раз. Думали о том, как вывозить раненых.

Перед боем на острове Чжэньбаодао участвовавшие в нем части издавали клич: «Ради защиты острова Чжэньбаодао мы не сдвинемся с места; даже если нам раздробят кости, наша воля не пошатнется! Ради того, чтобы свергнуть новых царей, мы хотим быть отважными героями в снегах!»

2 марта 1969 года прогремело потрясшее Китай и весь мир сражение самозащиты в целях нанесения ответного удара.

Статья заканчивается лозунгами, которые сегодня, в настоящее время, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века, пропагандируются в вооруженных силах КПК — КНР. Речь идет о «свержении новых царей», о том, что бои на острове Даманском и сегодня военные и население КНР должны считать «сражением», которое «прогремело», «потрясло Китай и весь мир» и которое, дескать, было «сражением самозащиты в целях нанесения ответного удара». На одной из иллюстраций к статье имеется лозунг: «Если меня не затрагивают, если на меня не нападают, то и я не нападаю, если же кто-то затронет меня, нападет на меня, то я уж всенепременно нападу на него, затрону его! (Нас не трогай, и мы не тронем, а затронешь, спуску не дадим!)».

Все это означает, что современные руководители КПК — КНР считают, что в 1969 году Мао Цзэдун и его последователи были правы, считают и внушают населению КНР, что это мы тогда якобы напали на Китай, «тронули» нацию Китая. Эти руководители и сегодня считают события 1969 года на Даманском тем, что потрясло и Китай, и весь мир. Придают этим событиям значение и в наших отношениях, и при оценке ситуации на планете в целом. При этом они обещают «тронуть» того, кто, по их мнению, когда-то осмелился «тронуть» их, тронуть с их точки зрения нацию Китая.

Познакомившись с тем, какова трактовка того, что произошло полвека тому назад на острове Даманском, в КПК — КНР, обратимся к тому, что об этом сообщали читателям в нашей стране. Прежде всего отметим, что трактовка в КНР является фактически официальной, единой, отражающей или выражающей официальную позицию властей и этой партии, и этого государства. В нашей стране официальные власти открыто никакого мнения не выска-

зали. Вместе с тем появившиеся сообщения отражают в той или иной степени то, как их авторы представляют себе позицию властей нашей страны.

Начнем с обращения к материалу, появившемуся в газете «Коммерсант». Судя по этому тексту, авторы собрали все, что, с их точки зрения, имеет отношение к этой теме.

Итак, 15 марта 2019 года в газете «Коммерсант» появилась статья под заголовком *«Остров изменения мировой истории. Как конфликт на Даманском повернул историю Китая, СССР и США»*. (Мы будем цитировать текст этой статьи курсивом.)

Авторы начинают с сопоставления двух понятий: «остров» и «мировая история». При этом имеют в виду, что этот остров, события, которые на нем произошли, изменили мировую историю. Эти события действительно сыграли свою роль. Они стали показателем изменений, которые долго накапливались в мировой истории и наконец прорвались именно в том, что произошло на острове Даманском. Можно трактовать мировую историю как нечто как бы «забывшееся во сне». Это был сон, когда многие люди и в самих двух соседних странах, то есть и в России (СССР), и в Китае (КНР), привыкли говорить, что их отношения являются «братскими, союзническими, товарищескими». В остальном мире, прежде всего в данном случае в Америке, люди привыкли считать, что существует «нерушимый союз, монолит» из СССР и КНР, что это главная угроза Америке со стороны единого «коммунистического мира». Поэтому для многих людей события на Даманском оказались громом среди ясного неба. Оказалось, что единого коммунистического мира, внутри которого войны невозможно себе и представить, не существует. Китайские коммунисты, «китайские красные» из-под «красной звезды над Китаем» стали стрелять в «русских или советских красных». «Красная звезда» Мао Цзэдуна оказалась «исключительно китайской золотой или желтой звездой». Это переворачивало все представление о ситуации в мире. Для американцев оказалось, что можно и нужно по-новому строить отношения с Китаем (с КНР), а также по-новому выстраивать отношения с Россией (с СССР). Существовавший в сознании американцев до этого момента союз России и Китая оказался несуществующим. В мире возникло военное противостояние между

Россией и Китаем. События на острове Даманском оказались началом открытого военного противостояния России (СССР) и Китая (КНР). Оказалось, особенно для русских, для людей в СССР, что Китай, Мао Цзэдун, его партия, его государство, его Китай — это вовсе не «друг, товарищ и брат». В самом Китае к моменту нападения на наш народ и нашу страну Мао Цзэдун настолько подготовил и высший слой номенклатуры, и партию в целом, и население страны, не говоря уже о вооруженных силах, к этому нападению на нашу страну, что никто в Китае открыто не возразил против начала Мао Цзэдуном войны против бывшего «союзника, друга и брата».

Соотношение интересов России, Америки, Китая представало в новом виде. Одного союза, союза России и Китая, больше не существовало. Возникла перспектива создания другого союза, союза Америки и Китая, на основе осознания якобы существовавшей общей военной угрозы, угрозы войны, нападения, которую, с точки зрения Мао и Никсона, представлял тогда СССР.

Что касается нашей страны, то необходимо подчеркнуть, что события на острове Даманском показали, что Россия (СССР) оказалась в новом, ином положении на мировой арене. Если до той поры у СССР был один главный враг — «империализм США», то, начиная с событий на острове Даманском, возникли два государства на мировой арене, США и КНР, которые считали Россию (СССР) своим военным врагом.

Россия (СССР) оказалась в ситуации, когда во взаимоотношениях с Китаем оказалось, что прежние лозунги, идеология перестали играть роль. Вместо них Мао Цзэдун на первый план выдвинул территориальные претензии, вопрос о границе, вопрос о том, что, с точки зрения Мао Цзэдуна и его приверженцев, за Россией был «долг крови».

Одним словом, начиная с событий на острове Даманском, все три страны — Россия, Америка, Китай — оказались в новой для себя ситуации. Главное же тут, пожалуй, было в том, что Китай тем самым вышел на мировую арену как претендент не только на роль авангарда, передового борца против России (СССР), но и на роль страны, с которой США пришлось не просто считаться, но и фактически присоединиться к ней, к Мао Цзэдуну в его взглядах на Россию (на СССР).

Здесь сразу же бросается в глаза то, что эти события в рассматриваемой статье именуются «конфликтом». Тем самым хотят скрыть от читателей суть того, что тогда произошло. Ведь под словом «конфликт» имеется в виду некое простое столкновение противоположных интересов. При этом авторы статьи не уточняют, кто виноват в возникновении конфликта. Мало того, в данном случае просвечивает желание внушать, что речь идет о чем-то малозначительном или незначительном, а также то, что в этом могут быть виноваты обе стороны. В данном случае это и не то, и не другое.

Мао Цзэдун на протяжении десяти лет, особенно последних пяти лет перед нападением на нас на границе, готовил население Китая к войне. Он выдвинул установку *бэй чжань* — «готовить войну, готовиться к войне». Он идейно, особенно во время своей «культурной революции», перестраивал образ мыслей, мышление населения КНР на отношение к нам как к якобы историческому, национальному, классовому и военному врагу нации Китая. В итоге, когда он совершил нападение на нас, начал войну на границе, на ее восточном и западном участках, никто в Китае открыто против этого не протестовал. Один лишь Мао Цзэдун и его приверженцы, в первую очередь Чжоу Энлай, несут ответственность за подготовку и начало этой войны. Это было единственное во второй половине XX века военное нападение (война) на наш народ и нашу страну из-за рубежа. Это была война за отторжение нашей земли, которая принадлежала нам по договору о пограничном размежевании.

Остров изменения мировой истории

*Как конфликт на Даманском повернул историю Китая,
СССР и США*

Ровно 50 лет назад, 15 марта 1969 года, начались решающие бои между советской и китайской армиями за остров Даманский. Начавшись как незначительная пограничная стычка между двумя коммунистическими странами, этот конфликт существенным образом сказался на устройстве мира в следующие 50 лет. В поисках защиты от СССР КНР стала сближаться с США и пережила своего соперника уже почти на 30 лет. Теперь конфликт на

Даманском приносит Москве и Пекину лишь головную боль: его одновременно нельзя праздновать и нельзя не праздновать.

Вопрос настолько важен, что нельзя оставлять без внимания каждое слово. То, что произошло в 1969 году на острове Даманском, не было «решающими боями между советской и китайской армиями». Это было заранее, по крайней мере за несколько месяцев, если не за год, подготовленное инициативное нападение действительно армии, вооруженных сил Мао Цзэдуна на наших пограничников, даже на безоружных пограничных представителей, подлое убийство их из засады.

Наша сторона, наша армия не готовилась ни к какому военному столкновению с армией КНР. наших военнослужащих вплоть до нападения на нас на острове Даманском политруки воспитывали в том духе, что НОАК — это армия рабочих и крестьян Китая, которая никогда не будет стрелять в нас.

Не было никакой «незначительной пограничной стычки между двумя коммунистическими странами». Наши пограничники, не имея в руках заряженного оружия, направились для переговоров с китайскими пограничниками в связи с тем, что те были на территории нашей страны. Вместо начала переговоров из засады военнослужащими армии Мао Цзэдуна, действовавшей согласно его воле и планам, были сделаны первые выстрелы. Начальник заставы старший лейтенант Иван Стрельников и старший лейтенант Николай Буйневич были подло убиты первыми. Так все это началось. От современных граждан России, которые пишут об этих событиях, требуется, по крайней мере, честность и точность в описании фактов. Не говоря уже об их интерпретации.

Особо следует сказать, что не было «стычки между двумя коммунистическими странами». Было подлое вооруженное нападение со стороны Мао Цзэдуна и его приверженцев, нападение на нас как на якобы исторического, национального, классового и военного врага. Никакими одинаковыми «коммунистическими странами» в то время наша страна и государство Мао Цзэдуна не были.

В статье говорится, что «КНР искала защиты от СССР». Это чудовищная ложь. В атаке, в нападении на наш народ и на нашу страну находился Мао Цзэдун. Наш народ и наша страна оказались

в состоянии, когда им пришлось защищаться от Мао Цзэдуна и его последователей. Наш народ и наша страна находились в обороне от наступления Мао Цзэдуна и его последователей.

На самом деле наш народ и наша страна, СССР, на протяжении сорока лет, в 1920–1950-х годах, существенно и искренне помогали КПК идти к власти в Китае. В том числе помогали создавать ее вооруженные силы.

Мао Цзэдун в первой половине 1940-х годов осуществил кампанию изменения идеологии КПК, настроил ее на то, чтобы считать враждебной идеологию ВКП(б), идеологию Сталина, которую тогда в целях маскировки в КПК именовали «деборинщиной».

Затем, в 1960-х годах, Мао Цзэдун развернул свою «культурную революцию». Речь шла об изменении образа мыслей китайцев, о внушении им отношения к нашему народу и нашей стране как, дескать, к историческому, национальному, классовому и военному врагу нации Китая.

История сложилась таким образом, что в России еще до событий 1917 года в нашей стране стремились сохранять мир в отношениях с Китаем. Советская власть, ВКП (б) / КПСС, СССР никогда и ничего не навязывали КПК и КНР. У КПК — КНР никогда не было никакой необходимости «защищаться» от СССР.

Другое дело, что Мао Цзэдун намеренно создал в умах своих приверженцев и последователей свою картину мира, свою конфигурацию сил в мире. Мао Цзэдун заставил руководителей США вместе с ним заявить о том, что США и КНР считают СССР военной угрозой для себя. Мао Цзэдун сделал это с той целью, чтобы заставить США вот уже сорок лет помогать КПК — КНР создавать свой военный и экономический потенциал.

Итак, сначала в 1920–1950-х годах СССР помогал КПК прийти к власти, а КНР усиливаться. Затем США в 1970–2010-х годах помогали КПК — КНР усиливаться, создавать свой военный и экономический потенциал. События на острове Даманском были созданы Мао Цзэдуном с той целью, чтобы, использовав Россию, затем использовать Америку в интересах глобальной стратегии Китая, направленной на обретение владычества над всем миром.

Таким образом, утверждение о том, что КНР «сближалась с США в целях защиты от СССР» является ложью. СССР никог-

да не представлял никакой, в том числе военной, угрозы для КНР. Можно сказать и следующее: нынешняя ситуация на земном шаре такова, что уже нет и никогда не будет никакой угрозы нападения на КНР, оккупации территории Китая кем бы то ни было в мире.

Станным выглядит и заявление о том, что «конфликт на Даманском» в настоящее время приносит Москве и Пекину «только головную боль». Судя по приведенным ранее китайским пропагандистским материалам, никакой «головной боли» руководители КПК — КНР в настоящее время по этому поводу не испытывают; для них это еще один повод утверждать «правоту» Мао Цзэдуна и его враждебной политики в отношении нашего народа и нашей страны, оправдывать начало им войны против нас в 1969 году.

Что же касается заявления о том, что годовщину событий на Даманском «одновременно нельзя праздновать и нельзя не праздновать», то очевидно, что имеется в виду то, что годовщину этих событий невозможно не отмечать ни в России, ни в Китае.

Дело тут в том, что это касается не только Москвы и Пекина, но прежде всего обеих наций, народов и стран, России и Китая. Мао Цзэдун создал в тогда почти четырехвековой истории двусторонних отношений такое событие, которое перевернуло традиционные мирные представления народов и стран друг о друге. Для того чтобы люди в Китае поняли, что один только Мао Цзэдун несет ответственность за нападение на Россию, очевидно, потребуется много времени. Пока до этого далеко.

Полвека боя с тенью

«В декабре 1967 года это подразделение получило приказ выдвигаться к северной границе для укрепления ее обороны,— начинается статья на официальном портале Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Army.81.cn. — В марте 1969 года большое количество вражеской пехоты и бронемашин вторглось на территорию отчизны. Офицеры и солдаты этой роты дали врагу отпор, проявили выдержку, отдали свои жизни за достоинство земли предков». Названий нигде нет, на знаменах части слов замазаны, чтобы не было понятно, где происходит церемония. Ясно лишь, что «это

подразделение» — китайское, а враг напал где-то на «северной границе» Китая.

Авторы статьи именно таким образом излагают содержание статьи, появившейся в Китае и уже рассмотренной нами ранее. Все произошедшее тогда они называют «боем с тенью».

Полвека спустя в нашей стране некоторые люди, которые родились уже после этих событий, позволяют себе так говорить о своих же, русских людях, которых подло убили из засады подчиненные Мао Цзэдуна. Подросли некоторые молодые, не желающие вдумываться в то, что надо четко знать, кто напал, кто защищался, и стоять на стороне тех, кому пришлось защищаться, тем более защищать ту землю, на которой живут авторы этой статьи, защищать свой народ.

Авторы повторяют ложь пропагандистов политики Мао Цзэдуна.

При этом для них важным оказывается только то, что пропагандисты КПК прямо не произносят слова «СССР» и «КНР».

В статье много фотографий: по случаю 50-летия неназванной «героической обороны» в некую военную часть на севере прибыли ветераны.

«Под горячие аплодисменты солдат и офицеров они твердой поступью вошли в конференц-зал, и мероприятие началось. Все встали и почтили молчанием революционных героев-мучеников, вставших на защиту границы», — продолжает автор. Для ветеранов предусмотрена обширная программа, подготовленная нынешними солдатами той самой военной части Северного военного округа КНР, где они когда-то служили. В ней — напутственные выступления перед бойцами, еда из полевой кухни по рецептам 1969 года и театральное выступление.

«Среди показанных зрителям постановок больше всего за душу брала “История Уссури (слово об Уссури)”, повествующая о боях за северную границу, о борьбе героев-революционеров против свирепого и жестокого врага, — передает автор статьи содержание постановки. — Многие зрители в ходе просмотра разразились слезами». В конце он сообщает, что и поныне «эта» боевая часть хранит славные традиции предков: «красный ген передается из

поколения в поколение». 11 марта статья была удалена с сайта, но сохранилась в кэше Google на сайтах, сделавших перепечатку с Army.81.cn.

Авторы этой статьи не дают никакой оценки тому, что говорит пропаганда ЦК КПК в настоящее время. Они не рассказывают читателям о том, что все сказанное в КНР — это ложь, это оскорбление памяти наших людей, которые подверглись подлому нападению, были подло убиты из засады, отдали свои жизни за свой народ и свою страну.

Авторы фактически подчеркивают то, что, с их точки зрения, означает, что обе стороны стараются так или иначе сгладить остроту проблемы.

Номера части, подробности события и имена участников стерты не случайно. Такую же картину можно наблюдать и по другую сторону российско-китайской границы, например, в новости на сайте «Вести Приморья», посвященной 50-й годовщине конфликта. Там хотя и используется слово «Китай», но исключительно в справочно-географическом ключе. Советские пограничники 50 лет назад, в марте 1969 года, противостояли «военнослужащим сопредельного государства», в бою с которыми «проявили выдержку, стойкость и самообладание». ГТРК «Бурятия» в новости о годовщине конфликта и вовсе ни разу не упомянула Китай: советские пограничники боролись, по их версии, с абстрактными «нарушителями границы».

Авторы отмечают, что в публикациях, появившихся в связи с годовщиной событий на острове Даманском, «стерты» «подробности событий и имена участников», подчеркивая, что это присуще публикациям и в РФ, и в КНР. Мы уже привели сведения о том, как все это освещалось в КНР. Судя по фактам, никак нельзя сказать, что современная пропаганда КПК — КНР «стирает» то, что связано с характеристикой тех событий. Напротив, она выпячивает враждебную нам суть содеянного Мао Цзэдуном, оправдывает и прославляет то, что было сделано им и его подчиненными, осуждает то, что делали наши люди.

Как сообщили «Ъ» несколько источников в Москве и Приморье, китайская сторона весь февраль пыталась убедить россиян не отмечать 50-летие боев на Даманском. К делу активно подключился даже консул КНР во Владивостоке Янь Вэньбинь, убеждавший центральные и местные российские власти не омрачать подобными празднованиями «отношения стратегического партнерства и сотрудничества», установившиеся в последние десятилетия между РФ и КНР. В результате был найден компромиссный вариант: годовщину первого боя на Даманском 2 марта в Приморье отметили мемориально-концертной программой, но скромно, без участия высокопоставленных чиновников.

Авторы обращают внимание на то, что представители властей КНР «весь февраль (2019 года) пытались убедить россиян не отмечать 50-летие боев на Даманском». Консул КНР во Владивостоке, по сути дела, требовал от «центральных и местных чиновников» РФ «не омрачать подобными празднованиями» «отношения стратегического партнерства и сотрудничества». Авторы пишут, что «был найден компромиссный вариант: годовщину первого боя на Даманском 2 марта в Приморье отметили мемориально-концертной программой, но скромно, без участия высокопоставленных чиновников».

На самом деле все это означает, что в КПК — КНР в связи с годовщиной этих событий осуществили мероприятия, носившие подчеркнутый максимально враждебный нам характер, и при этом выдвинули в центр внимания именно военный аспект, то есть осуждение нас как военного врага нации Китая, а чиновники РФ выполняли приказ своих китайских «хозяев» и придавали мероприятию, которое прошло в нашей стране, характер, который позволял чиновникам на местах, в Приморье, оправдаться перед китайскими «хозяевами», сделать так, что чиновники РФ не принимали участия в этом мероприятии. Таким образом нынешние местные власти РФ продемонстрировали, что они находятся в подчинении у властей КПК — КНР, не защищают коренные интересы нашего народа и нашей страны и оскорбляют память погибших и сражавшихся тогда людей, не осуждают враждебные нам действия Мао Цзэдуна, не осуждают его войну против нашего наро-

да и нашей страны. Они не обращают внимания на то, что в КНР продолжается враждебная нам пропаганда, прославление войны против нашего народа и нашей страны.

По рекомендации официальных Москвы и Пекина связанным с государством сайтам, газетам и телеканалам рекомендовано было «освещать тему очень аккуратно». В распоряжении «Ъ» есть копия справки МИД РФ, озаглавленная «К освещению годовщины событий на о. Даманском» и направленная в государственные СМИ для понимания желательного направления освещения события. В первых четырех предложениях конфликт на Даманском назван «черной страницей» истории российско-китайских отношений, из которой «были извлечены необходимые уроки». Остальные полторы страницы документа посвящены нынешней «благоприятной атмосфере» в двусторонних отношениях и совместному отстаиванию Москвой и Пекином «принципов справедливости и верховенства права» в международных делах.

Авторы статьи рассказали своим читателям, что по случаю годовщины событий на острове Даманском МИД РФ довел до государственных СМИ документ, свое мнение о том, что «конфликт на Даманском» — это «черная страница» истории российско-китайских отношений, из которой «были извлечены необходимые уроки».

Здесь все ложь. Прежде всего речь идет не о «конфликте», а о войне против нашего народа и нашей страны, о войне, ответственность за подготовку и начало которой несет Мао Цзэдун.

Это была оборона, защита нами, нашим народом, его лучшими представителями нашей земли, наших прав.

Это не «черная страница», так как на «черной странице» не написано ничего.

Это не «черная страница» и по той причине, что мы ничего «черного» на этой странице не написали.

Эта страница написана кровью наших людей, защищавших свою родину, свой народ, убитых Мао Цзэдуном и его последователями, исполнителями его воли.

Это ясная страница, справедливо осуждающая содеянное Мао Цзэдуном.

Сегодня это требует осуждения того, как нынешние власти КПК — КНР пропагандируют войну против нас, ненависть и вражду к нам как к якобы военному врагу.

Это не страница из истории российско-китайских отношений. Речь идет о том, что было в истории советско-китайских отношений.

Это проявление черного предательства Мао Цзэдуном уз дружбы, союза и товарищества в отношении советских и китайских коммунистов, людей обеих наших стран.

Речь идет о правоте нашего народа и нашей страны.

О защите нашей территории и наших прав.

Наконец, судя по фактам, нынешние власти РФ не извлекли из этого никаких уроков, кроме стремления выполнять все приказы своих хозяев в Пекине, приказы забыть о действиях Мао Цзэдуна, практически не возражать против враждебной и лживой оценки этих событий пропагандой КПК — КНР.

В результате 50-летие событий на острове Даманский на уровне Приморского края практически не отмечалось. Последнее сообщение на сайте администрации Приморья, посвященное годовщине, датировано 27 января, когда губернатор Олег Кожмяко провел совещание по вопросу подготовки к торжествам. Пресс-секретарь главы региона Дарья Сметанина на звонок «Ъ» и вопросы, переданные по мессенджеру, не ответила. Один из депутатов заксобрания Приморья, пожелавший остаться неназванным, сообщил «Ъ», что «из Москвы поступило указание не будировать тему, с Китаем надо дружить». По информации парламентария, в Приморье для участия в торжественных мероприятиях прибыли ветераны и родственники событий на Даманском. «Для них губернатор (Олег. — “Ъ”) Кожмяко и спикер парламента Александр Ролик провели прием, вручили памятные подарки, но в СМИ это не освещалось», — рассказал он.

Итак, из Москвы в Приморье «поступило указание не будировать тему, с Китаем надо дружить».

Слово «будировать» означает только одно: «сердиться, дуться». С нашей точки зрения, употреблять этот термин, говорить так —

значит запрещать людям в нашей стране давать правильную оценку тем событиям, запрещать говорить о той войне, о ее оправдании в настоящее время в КНР, об осуждении нас как якобы военного врага нации Китая в современной пропаганде КПК.

Важно подчеркнуть, что власти в Москве по случаю годовщины событий на острове Даманском дали указания на места. Следовательно, вопрос имеет самое большое значение. Очевидно, что в народе у нас память об этом живет. Власти в Москве вынуждены реагировать на это. Однако реакция на это своеобразная. Она свидетельствует о том, что для властей в Москве важнее всего мнение о властях в Москве не населения нашей страны, а властей в Пекине.

Власти в Москве считают, что они проводят политику, которая должна оцениваться как политика дружбы с КПК — КНР.

При этом прорезалась формулировка: «с Китаем надо дружить». Это означает, что речь идет не о равноправной дружбе между двумя сторонами, а о проявлениях дружбы к Китаю или о действиях, которые власти КПК — КНР расценят как стремление властей РФ «дружить с Китаем».

Власти из Москвы дали указание «не будировать тему». Это означает запрет всем тем, кто подчиняется этим властям, давать справедливую оценку действий Мао Цзэдуна, подготовленной и начатой им войны, а также запрет на осуждение враждебной нам прежде всего военной пропаганды, которая осуществляется в настоящее время властями КПК — КНР.

Заксобрание Приморья 27 февраля приняло в первом чтении закон «О праздничных днях и памятных датах Приморского края». В перечень памятных дат вошел День памяти Даманских событий. В пресс-службе Погрануправления ФСБ по Приморскому краю сообщили, что представители ведомства приняли участие в возложении венков в Лучегорске и Дальнереченске, городах, наиболее приближенных к местам событий 1969 года. В пресс-службе уточнили, что организацией памятных мероприятий занималась администрации края. Эту информацию подтвердил председатель совета Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», председа-

тель регионального отделения ОНФ Александр Федоров. Он признает, что освещения 50-летия событий «на федеральном уровне практически нет», и связывает это с «большой политикой».

В статье отмечается, что в самом Приморском крае были проведены мероприятия в связи с очередной годовщиной событий. Одновременно констатируется, что «освещение 50-летия событий на федеральном уровне практически нет». Так констатируется разрыв между настроениями людей и властей в нашей стране.

Минимализм при освещении событий и той, и другой стороной вполне объясним: отношения РФ и КНР нормализовались в конце 1980-х годов и последние 25 лет неуклонно улучшались.

Авторы рассматриваемой статьи выражают «понимание» политики властей РФ. При этом они пишут, что и та, и другая сторона «проявляют минимализм при освещении этих событий». Факты не дают возможности с этим согласиться. Со стороны властей КНР имеет место нечто иное: в КНР постоянно, все эти 50 лет, идет пропагандистская работа, организованная ЦК КПК. Упор в этой работе делается на внушении населению КНР, в первую очередь военнослужащим китайской армии, мысли о том, что Мао Цзэдун и его последователи абсолютно правы, подготовив и начав ту войну, что наш народ и нашу страну необходимо рассматривать как якобы исторического, национального, классового и военного врага нации Китая. Судя по тому, что сказано в тех материалах, о которых у нас шла речь выше, эти пропагандистские установки осуществляются с все большим и большим нажимом. Власти РФ пытаются не замечать всего этого.

Такая ситуация представляет собой «мину замедленного действия» под декоративно улучшающимися двусторонними отношениями. При такой ситуации подлинного доверия между сторонами быть не может. Задача защиты наших интересов не выполняется. Все дело в том, что власти РФ не занимают твердой и принципиальной позиции по этому вопросу. Представляется, что при нынешней ситуации возможны одновременное отстаивание нашей принципиальной оценки того, что сделали в свое время Мао

Цзэдун и его последователи, и усилия по поддержанию и развитию наших двусторонних отношений. Думается также, что народ нашей страны никогда не откажется от отстаивания своей правоты в этом вопросе.

В последние десять лет они достигли уровня, который российские и китайские официальные лица называют «лучшим за всю историю». В условиях затяжного противостояния с Западом Пекин превратился в главного политического партнера Москвы. Конфликт на Даманском в эту концепцию не вписывается, хотя является важнейшим событием в российско-китайской истории: именно воспоминания о нем и сопутствующих ему событиях определили верхнюю и нижнюю границу российско-китайского квази-альянса. Более того, для Китая это событие стало началом сближения с США, определившим траекторию его развития на 50 лет вперед.

События на острове Даманском до сих пор играют свою роль, особенно если говорить о настроении людей в нашей стране. Авторы статьи мучаются и пытаются найти оправдание официальной позиции властей РФ, говоря о каком-то «российско-китайском квази-альянсе». Невозможно утверждать все это в ситуации, когда армию КНР правящая там КПК воспитывает в духе военной вражды к нам, в духе оправдания той войны. Кроме того, никакого подлинного сближения с США у КНР не было и нет. Мао Цзэдун в свое время обманул американцев, они и сами обманулись. В последние годы в Америке начинают понимать, что Мао Цзэдун и его последователи в своей глобальной стратегии отводят США место своего главного глобального соперника.

Кто тут главный коммунист

В конце 1950-х годов отношения между СССР и КНР стремительно ухудшались из-за несогласия лидера Китая Мао Цзэдуна с курсом первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева на десталинизацию. В краткой индо-китайской войне 1959 года Москва выступила скорее на стороне Дели, что укрепило «великого корм-

чего» в мысли о том, что с «советскими ревизионистами» ему не по пути. В 1960-м СССР отозвал из Китая всех технических специалистов, после чего раскол между двумя социалистическими гигантами стал уже необратим. Пекин все чаще обсуждал на встречах с представителями иностранных государств «несправедливо оккупированные Россией территории», куда включал Курильские острова, Бессарабию, Приморье, Хабаровск, озеро Байкал и многое другое.

Авторы статьи дают оценку ряду событий и явлений в истории наших двусторонних отношений. При этом они упоминают о несогласии Мао Цзэдуна с десталинизацией в нашей стране. Свою позицию авторы статьи при этом не выражают. На самом деле Хрущев по сравнению с Мао Цзэдуном оказался человеком, который сумел прислушаться к мнению народа и осудил преступления Сталина. Мао Цзэдун в этом вопросе проявил себя как диктатор, который всегда жаждал власти, создал в КНР политический режим самовласти и уже после смерти Сталина и доклада Хрущева о культе личности и его последствиях развернул в Китае политические кампании, особенно «культурную революцию», число жертв которой, число пострадавших людей, превысило сто миллионов человек. Хрущев, наш народ были абсолютно правы в вопросе об отношении к Сталину и в вопросе об осуждении режима самовласти. В Китае также были и есть люди, осуждающие этот режим.

Авторы статьи, по сути дела, оправдывают позицию Мао Цзэдуна в вопросе о «войне нового Китая против Индии», как это трактуют в КНР. На самом деле Мао Цзэдун несет ответственность и за навязывание своего господства тибетцам, за ущемление прав последователей тибетского буддизма, а также и за войну против Индии. Наша сторона (Хрущев) совершенно права в своей позиции, в своем призыве к Китаю и Индии решать вопросы исключительно мирным путем. Попутно необходимо напомнить, что официальная позиция властей КПК — КНР состоит в том, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин якобы «были правы» в трех «войнах нового Китая»: против Индии, против СССР и против Вьетнама.

Авторы статьи как бы «нейтрально» приводят термин «советские ревизионисты». На самом деле Мао Цзэдун придумал эту

кличку, с ее помощью он внушал народу Китая, что наш народ и наша страна якобы являются «классовым врагом» нации Китая, вследствие чего Мао Цзэдун и начал пограничную войну против нас, стал виновником убийства наших людей подло из засады его солдатами. Этого простить Мао Цзэдуну нельзя.

Авторы статьи пишут, что в 1960-х годах СССР отозвал из Китая всех своих специалистов. Так авторы статьи оправдывают враждебную нашему народу политику Мао Цзэдуна и его последователей. В начале 1960-х годов Мао Цзэдун намеренно, готовя войну против нас, «очищая тылы» от наших людей и от всех сторонников дружбы и мира с нами в КНР как от «советских шпионов», заодно и выдал из КНР наших специалистов, которые оказывали народу Китая искреннюю и существенную помощь.

Авторы статьи называют КНР «социалистическим гигантом». На самом деле Мао Цзэдун был разрушителем, а не строителем. Своей политикой он завел Китай в такие тупики, из которых пришлось выбираться после его смерти.

Маршал Е Цзяньин, убравший из руководства «выдвиженцев» «культурной революции» Мао Цзэдуна, говорил, что при правлении Мао Цзэдуна режим, существовавший в КНР, носил черты феодально-фашистской диктатуры. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян утверждал, что при правлении Мао Цзэдуна в Китае не было никакой демократии.

Авторы статьи также как бы «нейтрально» рассуждают о «несправедливо оккупированных Россией территориях» Китая. В данном случае это совершенно несправедливо.

Вряд ли глава КНР собирался захватывать территории СССР силой, он просто сколачивал антисоветскую коалицию и пытался построить ее на общности интересов Китая со многими другими государствами, потерявшими часть территории в пользу Москвы по итогам различных войн. На встрече с французскими социалистами в сентябре 1964 года он подтвердил это, заявив, что не собирается требовать «обратно» Дальний Восток, но хочет переподписать с СССР договор о границе на благоприятных условиях.

Авторы статьи пишут, что Мао Цзэдун «просто сколачивал антисоветскую коалицию». Мао Цзэдун был врагом нашего народа и нашей страны, то есть врагом нас как нации, а не противником «ревизионизма» или сторонником «настоящего социализма».

Речь в данном случае идет о подготовленной и начатой Мао Цзэдуном войне против нашего народа и нашей страны. О войне, которая была начата и не окончена. Вопрос остался подвешенным. Официальная позиция властей КНР состоит в том, что договоры о границе являются якобы неравноправными, что стороны после подписания соглашений о прохождении линии границы подпишут новый общий договор о границе. До сих пор этого не произошло. Китайская сторона оставляет подвешенным и вопрос о неравноправных договорах, и вопрос об утраченных территориях, и вопрос о новом договоре о границе и, кстати сказать, не желает подписывать даже договор о режиме границы.

Когда речь идет о претензиях Мао Цзэдуна и его последователей к нашей стране, то позиция нашей стороны является абсолютно справедливой. Мы находимся в обороне, мы защищаем вечный мир, нашу абсолютную независимость и принцип полного равноправия.

Более того, когда речь идет о взаимоотношениях нашей страны с ее соседями на мировой арене, каждый случай необходимо рассматривать отдельно.

У России в ее истории отношения складывались по-своему и по-разному с ее соседями.

Во всяком случае, нет оснований обобщать и считать, что Россия была в том же положении в своих отношениях с Китаем, что и в других случаях.

Что же касается политики Мао Цзэдуна и его последователей, то она продиктована ненавистью и враждой к нам как к нации, как к народу и как к стране. Здесь речь не идет о взаимоотношениях тех или иных политических лидеров, политических партий, политических сил и государств. Все это имеет место, играет роль, но остается временным и второстепенным.

Мы, как народ и как страна, как нация, оказались, особенно начиная со второй половины XX века, в обороне. У нас возникла и существует необходимость защищать свое выживание и свою жизнь от посягательств на них Мао Цзэдуна и его последователей.

Мало того, к настоящему времени становится все более ясно и все более очевидно, что глобальная стратегия Мао Цзэдуна и его последователей представляет собой все возрастающую угрозу не только для нашего народа и нашей страны, но со временем для всех стран, для всего остального человечества, включая США.

Таким образом, это не Китай находился в опасности и не Китай был вынужден защищаться от нашего, как утверждал Мао Цзэдун, «контроля и господства», а это нам пришлось сначала оказаться в роли обманутого искреннего друга, а затем защищаться, в том числе и в прямом военном смысле, от нападения, от активного наступления Мао Цзэдуна и его последователей.

В настоящее время встала задача искать пути взаимного приспособления друг к другу нынешних КПК — КНР и остального человечества.

По всем этим причинам наивными и необоснованными выглядят, да и являются, попытки рассматривать наши двусторонние отношения либо с той точки зрения, что Россия, дескать, была в нападении, а Китай был вынужден от нее защищаться, искать союзника в лице США, либо с той точки зрения, что Россия и Китай были в одинаковом положении и есть основания точно так же обвинять Россию в войне 1969 года, как обвинять в этом КПК — КНР.

«Благоприятные условия» применительно к будущему договору о границе, о которых упоминают авторы статьи, китайские власти характеризуют как «справедливые и рациональные». При этом они имеют в виду, что наша сторона должна подчиниться и выполнить требования китайской стороны, считая их и только их «справедливыми и рациональными». Китайские власти претендуют на право только сами трактовать вопрос о том, является ли что-то «справедливым» и «рациональным». Они отвергают стремления других народов и стран иметь свое мнение по этому вопросу.

Мао Цзэдун не устраивала фактическая граница между государствами, сложившаяся по итогам Второй мировой войны.

Согласно договору между Российской империей и империей Цин от 1860 года она проходила по реке Уссури, при этом расположенные на ней острова, включая Даманский и Киркинский, были как бы ничейными. В 1941 году в условиях войны был сфор-

мирован Дальневосточный фронт, взявший острова на Уссури под свой контроль и сохранивший его и после разгрома владевшей северо-востоком Китая Японией. Провозглашенная в 1949 году Китайская Народная Республика своим существованием была во многом обязана «старшему брату с севера», поэтому территориальный вопрос не поднимался до начала советско-китайского раскола.

В статье утверждается, что Мао Цзэдуна «не устраивала фактическая граница между государствами, сложившаяся по итогам Второй мировой войны».

Это в одно и то же время и оправдание политики Мао Цзэдуна, и искажение реальной ситуации.

Во Второй мировой войне СССР и Китайская Республика были первыми по времени союзниками. Пятьдесят тысяч наших людей помогали Китаю оказывать сопротивление Японии, участвовали в Антияпонской войне в Китае. Наша армия вывела из строя сильнейшую японскую сухопутную армию, Квантунскую армию, и освободила после четырнадцатилетней японской оккупации Северо-Восточный Китай (сами китайцы освободить себя не смогли, японцы полностью подавили сопротивление китайцев на этой территории), передала войскам КПК трофейное японское вооружение, выступила в качестве надежного тыла для похода коммунистических войск на юг страны, завершившийся созданием КНР. Наша страна первой признала КНР, установила с ней отношения союза и дружбы. Помогала создавать регулярные вооруженные силы, строить основу промышленности в Китае. По просьбе китайской стороны наши войска в течение нескольких лет оставались в Порт-Артуре и Дальнем, затем были выведены оттуда. Наша сторона передала КНР Китайскую Восточную железную дорогу. Одним словом, мы сорок лет, с 1920-х по конец 1950-х годов, были искренним другом КПК, оказывали ей существенную помощь.

В дальнейшем оказалось, что все это время Мао Цзэдун видел в нас исторического, национального, классового и военного врага нации Китая. Он руководствовался иррациональной ненавистью и враждой к России как к нации.

Что же касается вопроса о пограничном размежевании, то в 1689 году под военным давлением тогдашняя Россия была вынуждена подписать неравноправный Нерчинский договор. На Дальнем Востоке жили многие малочисленные по населению народы. Раздел этих земель в условиях того времени между крупными странами, Россией и Китаем, был неизбежным. Во второй половине XIX века между Россией и Китаем были подписаны договоры о пограничном размежевании. Вот эти договоры Мао Цзэдун считал неравноправными. Нерчинский договор он считал равноправным. С точки зрения Мао Цзэдуна, Россия захватила полтора миллиона квадратных километров китайской территории. Последователь Мао Цзэдуна Дэн Сяопин в разговоре с министром иностранных дел СССР Шеварднадзе говорил о трех-четыре миллионах квадратных километров «утраченных» Китаем земель.

Авторы статьи фактически стоят на стороне Мао Цзэдуна и его последователей в вопросе о пограничном размежевании. При этом они повторяют ложь о том, что острова на реке Уссури были «как бы ничейными». На самом деле в соответствии с картой, приложенной к соответствующему договору и являвшейся его неотъемлемой частью, границей считалась красная линия, проведенная по китайскому берегу реки. Авторы статьи выступают в данном случае пропагандистами необоснованной и враждебной по отношению к нашему народу позиции Мао Цзэдуна и его последователей.

Чувствуя, что крошечная, по сути, проблема может привести к конфликту, Москва в феврале 1964 года направила в Пекин комиссию по урегулированию границы во главе с командующим погранвойсками СССР генерал-полковником Павлом Зыряновым. Как пишет в своей книге «Россия и Китай в XX веке, граница» находившийся в то время в КНР ученый и дипломат Юрий Галенович, глава китайской делегации Цзэн Юнцюань заявил, что Пекин считает все договоры между Российской империей и Китаем неравноправными.

Переговоры шли около полугода и закончились ничем: китайская сторона требовала от СССР признать фактически действующую границу не имеющей юридической силы и заявляла реальные претензии на 35 тыс. кв. км контролируемой СССР территории.

В статье упоминается о консультациях по пограничным вопросам в Пекине в 1964 году.

Позиция китайской стороны в то время состояла из двух частей.

С одной стороны, это отражало мнение Мао Цзэдуна. Выдвигались требования на полтора миллиона квадратных километров и требовали признать неравноправный характер договоров.

С другой стороны, очевидно выражая отношение к вопросу в то время председателя КНР Лю Шаоци, было выдвинуто предложение изменить положения договоров, провести границу по фарватеру судоходной или посередине несудоходной реки и таким образом договориться о границе на местности, о линии прохождения границы. Хрущев мгновенно согласился с этим предложением. Стороны в короткий срок договорились о линии прохождения границы. Все было готово к подписанию соответствующих документов. Однако Мао Цзэдун настаивал на признании нашей стороной договоров о границе неравноправными и на том, что наша страна якобы оккупирует полтора миллиона квадратных километров китайской территории. Поэтому тогда договориться о решении вопроса не удалось.

В то же время необходимо подчеркнуть, что именно на основе упомянутой договоренности фактически между Хрущевым и Лю Шаоци стороны в дальнейшем, после смерти Мао Цзэдуна, согласовали линию прохождения границы и подписали об этом соответствующие соглашения. Правда, договор о границе, новый общий договор о границе вместо всех ныне существующих договоров, на основе уже подписанных соглашений о прохождении линии границы так и остается в настоящее время подвешенным. Он не заключен.

После этого попыток решить дело миром до конфликта уже не было, и на всем протяжении границы начались стычки. Постепенно наиболее «горячим» участком стал район островов Даманский и Киркинский, где постоянно происходили столкновения разной интенсивности, до конца 1960-х годов обходившиеся без человеческих жертв. Выглядели они примерно одинаково: китайские крестьяне, солдаты и хунвэйбины перебирались на патрулируемые советскими пограничниками территории и пы-

тались заниматься там хозяйственной деятельностью или призывали советских солдат «покинуть китайскую землю», размахивая цитатниками Мао. Их приходилось физически выдавливать с острова обратно на китайский берег при помощи палок, рогатин и прикладов винтовок.

В статье говорится о деталях. Это искажает представление о происходившем. Снимает вопрос об ответственности Мао Цзэдуна за то, что происходило.

Главное остается в стороне. Это были годы, когда Мао Цзэдун готовил население КНР к позитивному восприятию нападения на нас на границе, началу войны против нас, убийству наших людей, пролитию крови, разделению наций пролитой кровью, совершению «первого выстрела», насаждению в умах китайцев отношения к нам как к якобы историческому, национальному, классовому, военному врагу нации Китая.

Наша сторона находилась целиком и полностью в обороне. Не предпринимала никаких наступательных действий. У нас никогда не было никаких планов военных действий, планов нападения на КПК — КНР. На нашей стороне нет никакой ответственности, никакой вины ни за подготовку, ни за начало войны на границе.

Мао Цзэдун, как свидетельствуют записи его бесед, серьезно опасался советского вторжения, и это чувство усилилось после подавления войсками Варшавского договора «пражской весны» в 1968 году. Именно после них руководство КНР приняло решение в ответ на «многочисленные провокации на границе преподать СССР горький урок», пишет китайский историк, профессор Пекинского и Восточно-Китайского педагогического университетов Ян Куйсун. Проведенный им анализ документов говорит о том, что подготовка к первой атаке 2 марта началась «за два-три месяца» силами Шеньянского (надо Шэньянского) военного округа, возглавляемого тогда генералом Чэнь Силянгом (надо Чэнь Силянем).

Авторы статьи повторяют полную ложь Мао Цзэдуна. Никогда не существовало никакой угрозы нападения на КНР с нашей стороны.

Об этом говорит один тот факт, что наши пограничные представители, будучи фактически безоружными, пошли навстречу тем, кто убил их из засады.

Здесь необходимо также принимать во внимание признание в КПК — КНР того, что операция на острове Даманском готовилась заранее. В подготовке участвовали тысячи людей.

Авторы статьи повторяют формулировку пропаганды последователей Мао Цзэдуна, говорят о решении руководства КНР «преподать» нам «горький урок».

Люди нынешних поколений в России оправдывают убийство своих предков, тех, кто своей кровью и жизнью защищали возможность для них сегодня жить и писать о событиях того времени. Необходимо подчеркнуть, что ничего подобного ни в малейшей степени нет в нынешней КНР. Там господствует полное оправдание войны Мао Цзэдуна против нас, полное оправдание убийц наших людей на границе во время боев на острове Даманском. В этом различие между ситуацией в нашей стране и в КПК — КНР. Это наводит на воспоминания о том, что в свое время перед событиями на Даманском нам приходилось предупреждать власть имущих о возможных действиях Мао Цзэдуна; и тогда должной реакции на эти предупреждения не было.

По словам Чэнь Силяна, которые приводит Ян Куйсун, для выполнения задания были отобраны три «специально подготовленные и вооруженные» роты численностью 200 человек каждая, что и обеспечило китайцам успех на начальном этапе первого боя на Даманском 2 марта: пограничников было всего 32 человека. Отправившись привычно вытеснять очередную группу китайских нарушителей, они попали в засаду. В результате погибли 32 советских солдата (позже подтянулись подкрепления), 15 были ранены. Число погибших китайцев неизвестно, но, по данным рабочей тетради подполковника Тихоокеанского пограничного острова П. А. Нестерова, с их стороны было около 100 жертв. Основные потери НОАК пришились на контратаку старшего лейтенанта Виталия Бубенина.

Второй, намного более масштабный бой состоялся 15 марта. В нем сошлись с советской стороны 218 пограничников из двух

погранотрядов, около 200 человек (две роты) 135-й мотострелковой дивизии при поддержке 11 бронетранспортеров, пять танков и артиллерия и с китайской стороны — несколько тысяч (точное число неизвестно) солдат при поддержке артиллерии. В силу численного превосходства китайцы под конец дня начали одерживать верх, после чего советские отряды было решено с Даманского отвести. Когда эвакуация была завершена, примерно в 17:00 генерал-лейтенант Олег Лосик в нарушение приказа Москвы велел открыть по войскам НОАК огонь из секретных на тот момент реактивных минометов БМ-21 «Град».

В результате большая часть китайских войск и техники была уничтожена, советские войска заняли разбомбленный остров, забрали убитых товарищей и отошли на свой берег. Потери сторон, по данным советских источников, составили 25 солдат СССР убитыми и 42 человека ранеными, китайцев — «около 600 человек убитыми». По китайским данным, НОАК потеряла 72 человека убитыми и 68 ранеными. В руки китайской армии попал новейший советский танк Т-62, до сих пор экспонирующийся в Пекине. 58-я жертва конфликта с советской стороны, рядовой Анатолий Власов, погиб при попытке его эвакуировать.

В статье приводятся «статистические данные». При этом складывается впечатление какого-то «бухгалтерского» подсчета. Сам термин «НОАК» в данном случае вызывает неприятное чувство. Еще раз повторим, что с нашей стороны это были люди, герои своего народа, защищавшие нашу землю, наше право оставаться независимыми и свободными от чужого господства людьми. С другой стороны, это были враги нашего народа Мао Цзэдун и его подчиненные, хладнокровные убийцы, которые вместе с Мао Цзэдуном покрыли себя вечным позором, который останется несмываемым вплоть до того времени, когда в Китае осудят враждебные по отношению к нашему народу действия Мао Цзэдуна.

Прикладной антисоветизм

Ужаснувшись перспективой перерастания небольшой стычки в большую войну, обе стороны отдали военным приказ прекра-

тить боестолкновения. В Москве, где конфликт на Даманском рассматривали как свидетельство агрессивных устремлений Пекина, всерьез стали изучать возможность нанесения по КНР превентивного военного удара. Это намерение укрепилось после боя у озера Жаланашколь в Казахстане 13 августа 1969 года, когда советским пограничникам пришлось вытеснять с территории Казахской ССР окопавшихся там китайских солдат. 18 августа представители СССР начали по дипломатическим каналам выяснять у восточноевропейских союзников и американцев, какова будет их реакция, если советская армия нанесет удар по китайским ядерным объектам. Информация об этих запросах дошла до Пекина и серьезно испугала руководство КНР.

Авторы статьи употребляют слово «антисоветизм». В настоящее время, учитывая то, что произошло в мире, прежде всего принимая во внимание то, что СССР исчез, возникает необходимость посмотреть на события второй половины XX века как на окрашенные временно в цвета «советизма» и «антисоветизма». В этом свете политика, действия Мао Цзэдуна в отношении нас оказываются не временными, а своего рода «вечными» действиями, враждебностью, военной враждой именно к нам как к народу и как к стране вне зависимости от того, является ли государство в нашей стране «советским».

Во времена правления Мао Цзэдуна широкое хождение в КНР имел термин «царская Россия». Звучал лозунг «Долой новых царей», при этом под царями подразумевались Брежнев и Косыгин.

Таким образом, представляется, что термин «антисоветизм» остался прошлым, в истории. Более того, он не выражает сути политики и действий Мао Цзэдуна и его последователей в отношении нашей страны. Это вражда и ненависть к нашему народу и нашей стране.

Авторы позволяют себе ставить на одну доску руководителей нашей страны и руководителя КПК — КНР Мао Цзэдуна. Для этого нет никаких оснований. Никто из руководителей нашей страны никогда не готовил и не осуществлял действия враждебного характера, военного характера в отношении Китая. Никто не готовил и не начинал войну против Китая. Только Мао Цзэдун виновен в нападении на наш народ и нашу страну.

То, что произошло на Даманском, никоим образом нельзя считать небольшой стычкой. Это была единственная во второй половине прошлого столетия война, нападение на нас на границе. Это было начало военного противостояния двух наших наций, наших народов и стран, осуществленное исключительно по воле Мао Цзэдуна. Только он несет за это ответственность. Недопустимо принижать значение того, что тогда произошло, для нашего народа и нашей страны.

Что же касается угрозы ядерной войны, то можно предположить, что ситуация складывалась следующим образом.

Когда Мао Цзэдун напал на нас, руководители СССР задумались о том, как остановить эту войну, как прекратить ее надолго, желательно навсегда. При этом оказалось, что здесь свою роль могут играть США, так как Мао Цзэдун стремился установить и наладить с ними отношения. Советская сторона никогда не имела никаких планов ядерной войны против Китая. В то же время, возможно, было осуществлено своего рода «активное мероприятие», когда через журналиста Виктора Луи во время его поездки на Тайвань до людей на острове, а через них до США была доведена мысль о том, что СССР окажется в ситуации, когда ему придется, защищая себя, создавать угрозу применения ядерного оружия в ответ на войну, начатую Мао Цзэдуном. Это «активное мероприятие» было продублировано в Америке. Оно принесло пользу. Американцы обеспокоились. Их обеспокоенность дошла и до Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун учел это и прекратил дальнейшие военные нападения на нас на границе. Внутри КНР он издал распоряжение, в котором утверждалось, что СССР может нанести ядерный удар по Пекину с целью сразу уничтожить всех руководителей КПК — КНР. Мао Цзэдун даже считал, что СССР специально направил свою правительственную делегацию в Пекин, чтобы задержать там руководителей КПК — КНР, а затем «накрыть» и их, и свою, советскую, делегацию ударом атомной бомбы.

Мао Цзэдун использовал ситуацию для нагнетания психоза и ненависти к нашему народу и нашей стране.

На практике никакой угрозы никогда не было. СССР, США, КНР вели себя, исходя именно из этого.

11 сентября в аэропорту Пекина состоялась встреча между советским премьером Алексеем Косыгиным и его китайским коллегой Чжоу Эньлаем. На ней была достигнута договоренность о неприменении в дальнейшем силы в пограничных спорах, разрядке напряженности и возобновлении железнодорожного и авиасообщения между странами. «Мы упоминали неравноправные договоры не для того, чтобы их пересмотреть, — заявил тогда Чжоу Эньлай. — Наоборот, мы хотим урегулировать пограничный спор на основе этих договоров». Хотя спор удастся урегулировать только в 1990 году, именно встреча двух премьеров отодвинула угрозу войны между странами.

Прежде всего снова приходится повторять, что дело было не в «угрозе» войны, а в том, что именно и только Мао Цзэдун подготовил и начал войну против нашего народа и нашей страны. Сразу же после нападения на нас на острове Даманском глава правительства СССР А. Н. Косыгин позвонил премьеру КНР Чжоу Эньлаю, стремясь остановить войну. Чжоу Эньлай, очевидно отражая позицию Мао Цзэдуна, да и сам считая, что пограничная война между КНР и СССР начнется раньше, чем война КНР с США, не пожелал говорить по телефону с А. Н. Косыгиным.

В начале апреля 1969 года на съезде КПК единственный в то время заместитель Мао Цзэдуна как председателя ЦК КПК, министр обороны КНР Линь Бяо довел до всей партии, до всего мира, что глава правительства СССР пытался остановить войну. Так Линь Бяо фактически возложил вину за нападение на нашу страну на Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Очевидно, что в результате всего происходившего Мао Цзэдун был вынужден согласиться на предложения нашей стороны о встрече глав правительств, и такая встреча состоялась в Пекине на аэродроме 11 сентября 1969 года.

А. Н. Косыгин имел перед собой главную цель — остановить войну. Чжоу Эньлай оговорил прекращение стрельбы целым рядом условий. Впоследствии, когда начались переговоры, китайская сторона попыталась создавать впечатление, что Косыгин согласился с условиями Чжоу Эньлая. Это было не так. Однако стороны вступили в переговоры. Возможно, и в данном случае, как в свое

время в 1964 году позиция Лю Шаоци, в 1969 году сыграла свою роль позиция Линь Бяо.

Что касается слов Чжоу Эньлая о желании урегулировать спор о границе на основе неравноправных договоров, а не отменять их, то это именно и означало намерение Мао Цзэдуна, выраженное Чжоу Эньлаем, навязать нам согласие с именно такой характеристикой этих договоров, то есть согласиться с постановкой Мао Цзэдуном вопроса о якобы захваченных нашей стороной территориях Китая.

Тем не менее в марте 1969 года были запущены процессы, которые изменили ход истории. Узнав о переходе советско-китайской конфронтации в «горячую фазу», советник президента США по нацбезопасности Генри Киссинджер предположил, что Пекин теперь может быть готов к сближению с США на анти-советской основе. Весь остаток 1969-го и 1970 год администрация президента Ричарда Никсона через пакистанское посольство в Китае приглашала КНР к диалогу и делала демонстративные дружественные шаги ей навстречу. Например, были отменены военно-морские патрули Тайваньского пролива, защищавшие остров от нападения с материка.

Президент США Никсон, очевидно под воздействием того, что произошло на Даманском, да и других факторов, начал активно продвигаться к встрече с Мао Цзэдуном.

Это было движение с обеих сторон. У каждой имелись свои расчеты. Американцы начали понимать замыслы Мао Цзэдуна и его последователей только во втором десятилетии нынешнего столетия.

Американские предложения совпали с желанием Мао Цзэдуна обезопасить страну от превосходящей военной угрозы с севера. В декабре 1970 года «великий кормчий» внезапно попросил своего биографа, американца Эдгара Сноу передать Ричарду Никсону предложение посетить Пекин. Сергей Радченко, профессор международных отношений университета Кардиффа, пишет, что записи беседы Мао Цзэдуна с Эдгаром Сноу, отправленные

в низшестоящие партийные организации для обсуждения, вызвали у кадров как минимум недоумение. Глава коммунистического Китая называл яркого антикоммуниста Никсона «лучшим парнем в мире» и предложил построить «мировой антисоветский фронт» в составе КНР, США, Японии, Ирана, Пакистана, Турции и стран Западной Европы.

Авторы статьи утверждают, что Мао Цзэдун, дескать, просто хотел обезопасить свою страну от угрозы с севера.

Они почти полностью повторяют то, что Дэн Сяопин утверждал при встрече с Горбачевым в 1989 году.

На самом деле эти утверждения являются не просто лживыми.

Они опасны и по той причине, что фактически оправдывают и войну Мао Цзэдуна против нашей страны, и вообще глобальную стратегию Мао Цзэдуна.

Оказывается, что в нашей стране появляются те, кто оправдывает войну против нас, оправдывает убийство людей, которые защищали нашу страну.

Наша страна никогда не была «угрозой с севера» для Китая.

Наоборот, это Мао Цзэдун оказался военной угрозой для нас с востока.

Мало того, авторы статьи распространяют слухи о том, что распространение внутри КПК высказываний Мао Цзэдуна о Никсоне, дескать, «вызвало» у партийных кадров «недоумение».

Речь идет о том, что происходило уже после событий на острове Даманском. Обстановка тогда в руководстве партии, в партии в целом, то есть в КПК, да и вообще применительно к населению страны, была такой, что все там оказались готовы к восприятию планов Мао Цзэдуна вместе с США создавать всемирный единый фронт борьбы против СССР. Никогда не было никаких подтвержденных сведений о том, что кто бы то ни было в Китае времен правления Мао Цзэдуна открыто возражал против создания такого единого фронта. В данном случае авторы статьи выступают в качестве подручных пропагандистов КПК, распространяющих враждебные слухи, оправдывающих враждебные нашему народу действия Мао Цзэдуна и его последователей.

В 1971 году США наконец перестали блокировать передачу места в Совбезе ООН континентальному Китаю (с 1949 года его занимали представители Китайской Республики на Тайване), а в 1972-м Ричард Никсон приехал в Китай, начав уже полноценную разрядку в двусторонних отношениях. Этап взаимодействия, длившийся с оговорками почти полвека, закончится, по сути, только при президенте Дональде Трампе. Дэн Сяопин, пришедший к власти в Китае после смерти Мао Цзэдуна и начавший реформы в 1978 году, был во многом не согласен с предшественником, но в нелюбви к СССР и желании углублять дружбу с США они совпали полностью.

Авторы трактуют позицию Дэн Сяопина, как и позицию Мао Цзэдуна, как «нелюбовь к СССР» и «желание углублять дружбу с США». Это необоснованные и неприемлемые характеристики политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

На самом деле речь шла не о любви или нелюбви к нашему народу, а о ненависти к нашему народу и нашей стране, о претензиях территориального характера, о подготовке и начале войны, о переводе отношения к нам в КНР на рельсы взгляда на нас как на якобы исторического, национального, классового, военного врага нации Китая.

Можно сказать, что, начиная со второй половины прошлого столетия, у нашего народа и нашей страны не было более опасного врага, чем Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и их скрытые и открытые последователи.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что речь идет также не о «желании углублять дружбу с США», а о том, что сначала Мао Цзэдун, а затем Дэн Сяопин и их последователи на протяжении сорока лет использовали США в целях наращивания своего военного и экономического потенциала, видя при этом в Америке главного в настоящее время своего соперника на мировой арене.

Советско-китайские отношения восстановились только в 1989 году с визитом в Пекин главы ЦК КПСС Михаила Горбачева. В 1990-м был подписан договор, согласно которому граница между странами была проложена в соответствии с международным

правом, по главному фарватеру рек Амур и Уссури. Даманский и Киркинский после этого перешли Китаю и стали островами Чжэньбао и Цилицинъ.

В 1989 году произошла нормализация отношений между СССР и КНР. Перед этим на протяжении десяти лет наша сторона всегда была готова осуществить эту нормализацию. В КПК — КНР шла борьба по этому вопросу. Ху Яобан и другие хотели нормализовать отношения без всяких условий. Дэн Сяопин выдвигал препятствия на этом пути, ставил условия и задержал нормализацию на десять лет. Попутно можно упомянуть о том, что из-за позиции Дэн Сяопина в 1980 году было прекращено действие советско-китайского договора 1950 года о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Между нашими странами до сих пор так и не подписан новый общий договор о границе. Были заключены только соглашения о прохождении линии границы. Линия границы по главному фарватеру была определена, как уже отмечалось, в соответствии с договоренностью 1964 года между Хрущевым и Лю Шаоци. Попытка авторов этой статьи оправдать действия Мао Цзэдуна и его последователей не обоснована. Это действия тех, кто в нашей стране, по сути дела, выполняет «задания» своих «хозяев», то есть враждебного нам механизма пропаганды в КНР.

Во второй половине нулевых пограничный вопрос был урегулирован окончательно: Китаю перешла территория 337 кв. км, включая остров Тарабаров и половину острова Большой Уссурийский.

Комментируя случившееся, зампредседателя Госдумы по международным делам Наталья Нарочницкая сказала тогда, что «уступка территории очень небольшая, а важность стратегических отношений с Китаем очевидна».

Нет оснований утверждать, что пограничный вопрос урегулирован окончательно. В договоре 2001 года между нашими странами сказано, что обе стороны отмечают отсутствие взаимных территориальных претензий. В то же время спустя три года после подписания этого договора было заключено соглашение о прохождении линии границы у города Хабаровска, по которому часть островов

была передана КНР. При этом в Китае это было в пропагандистском плане охарактеризовано как «возвращение только половины петушиного гребня». Острова Хабаровска по конфигурации, с точки зрения пропагандистов КПК — КНР, напоминают петушиный гребень.

Пропаганда КПК ставит вопрос таким образом, что и после подписания упомянутого договора 2001 года Китай якобы имел право предъявлять претензии, в то время как наша сторона должна была считать, что у нее претензий нет, а в 2004 году Китай, дескать, вынудил нашу сторону отдать ему половину островов, на которые он претендует у Хабаровска.

Некоторые в нашей стране считают, что «уступка очень небольшая», то есть признают, что имела место уступка. Одновременно подчеркивают, что «важность стратегических отношений с Китаем очевидна». Так предлагается считать, что речь идет со стороны властей РФ об обеспечении прочности стратегических отношений с КНР.

На самом деле, как это уже было отмечено, в вопросе о границе так и не достигли результата, который бы устраивал обе стороны. Главное же тут в том, что в КПК — КНР и в настоящее время оправдывают войну, которую Мао Цзэдун начал против нас в 1969 году.

Точка отсчета

Конфликт на Даманском подвел Россию и Китай максимально близко к состоянию войны, и память об этом событии во многом сформировала нынешний формат взаимодействия двух стран. «Стратегическое партнерство и сотрудничество» Москвы и Пекина сильно отличается от союзнических связей, существующих, к примеру, между США и странами Западной Европы. Глава Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин характеризует его как «Антанту» — «гармоничное объединение двух крупных держав, основанное на общности некоторых ключевых интересов, общей неприязни к Соединенным Штатам, определенной координации действий во внешней политике и политике безопасности и определенной взаимной симпатии лидеров».

Авторы рассматриваемой статьи пытаются внушить своим читателям, что в истории наших двусторонних отношений имел место некий «конфликт», то есть столкновение интересов обеих сторон. При этом авторы уходят от вопроса о том, кто был виноват.

Авторы также говорят, что упомянутый «конфликт на Даманском подвел Россию и Китай максимально близко к состоянию войны.

На самом деле события на Даманском явились частью осуществлявшейся Мао Цзэдуном глобальной стратегии. Она была направлена на то, чтобы закрепить уже сформированную действиями Мао Цзэдуна, его партии и армии военную вражду и ненависть к нашему народу и нашей стране. Сделать первый выстрел. Начать «подвешенную» пограничную войну. Разделить наши народы пролитой намеренно и в одностороннем порядке, по инициативе только одной стороны, кровью. Доказать тем самым США то, что Мао Цзэдун, его последователи, его вооруженные силы, его партия, его государство на деле осуществляют политику, при которой они рассматривают наш народ и нашу страну как якобы исторического, национального, классового, военного врага нации Китая. Тем самым заставить США оказывать Мао Цзэдуну, его партии, его государству помощь в наращивании ими военного и экономического потенциала. Согласиться с навязывавшейся Мао Цзэдуном США мыслью о том, что Америка должна, как и Китай, видеть в нашей стране агрессора, угрожающего войной и Китаю, и Америке. И в то же время утверждать, что угрозы войны между Китаем и Америкой практически нет.

Авторы этой статьи предлагают своим читателям считать, что «стратегическое партнерство и сотрудничество Москвы и Пекина» основано на «общей неприязни к Соединенным Штатам» и на «определенной взаимной симпатии лидеров».

Это в одно и то же время и отражает только декоративную сторону отношений, и побуждает задуматься над вопросом о том, чем все это является на самом деле. Если говорить об отношении к США, то у каждой стороны, у России и у Китая, есть свое отдельное отношение к США. Никакой «общей неприязни» к Америке у них не существует. Симпатии лидеров играют ту или иную роль, но не определяют суть политики, во всяком случае в долгосрочном или стратегическом плане.

По сути, это означает, что Москва и Пекин будут координировать свои действия, но ничем друг другу не обязаны. Китай не поддержал ни независимость Абхазии и Южной Осетии, ни присоединение Крыма к России в 2014 году, Россия не высказалась в поддержку китайских притязаний в Южно-Китайском море.

Авторы констатируют некоторые факты. В то же время важно отметить, что власти РФ поддерживали политику Пекина в отношении Южно-Китайского моря.

Китай, по словам источников «Ъ» в Москве, достаточно жестко ведет переговоры с россиянами по экономическим вопросам, требуя максимального открытия российского рынка, но сам при этом открывать рынки для российской сельхозпродукции не спешит.

Здесь авторы статьи констатируют факты.

Военное и техническое сотрудничество двух стран интенсивно развивается: стороны вместе создают тяжелый вертолет и широкофюзеляжный самолет, а оборудование компании Huawei, которую в западных странах запрещают из-за подозрения в шпионаже, считается в России «вторым наиболее доверенным» после собственно российского. При этом российские банки и компании испытывают в Китае трудности с платежами из-за чрезмерно рьяного соблюдения китайскими контрагентами антироссийских санкций Запада, и Пекин не спешит что-то с этим делать.

Авторы статьи здесь продолжают констатировать факты.

В беседе с «Ъ» собеседники в экспертных и политических кругах КНР неоднократно заявляли, что для Пекина основной плюс нынешних отношений с Россией — «возможность не держать войска на одной из самых длинных в мире сухопутных границ» протяженностью 4209 км. Этот нижний предел ожиданий был сформирован как раз по итогам советско-китайского противостояния 1960–80-х годов, наиболее опасной точкой которого и стал конфликт на Даманском.

Обстановка на границе и ранее, и в настоящее время являлась и является иной. С нашей стороны политика никогда не была наступательной. Мы никогда не создавали никакой военной угрозы для Китая. Мы были вынуждены после неожиданного нападения на нас на границе в 1969 году принять меры в целях обороны. В то же время со стороны КНР, не говоря уже о том, что делали в свое время Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, никоим образом не проводится политика, которую можно было бы охарактеризовать как «возможность не держать войска» на границе с Россией.

Нет никаких оснований как бы «нейтрально» или «объективно» говорить, что в 1960–1980-х годах имело место «советско-китайское противостояние».

Тогда Мао Цзэдун заранее подготовил и начал войну против нас на границе. Наша сторона только принимала меры, прежде всего с целью прекратить огонь и далее обеспечить «отсутствие войны», отсутствие «военной напряженности».

Нет никаких оснований говорить о «конфликте на острове Даманском как о наиболее опасной точке советско-китайского противостояния». Опасность для нашей стороны создал Мао Цзэдун, особенно в 1960-х годах. Опасность продолжала сохраняться, по крайней мере, вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 году. Эта опасность существовала в той или иной степени до конца 1980-х годов, то есть до того момента, когда прежде всего благодаря нашим усилиям произошла нормализация отношений между СССР и КНР.

При этом, как многократно заявляли различные представители КНР, Пекин не поддерживает идею заключить с Москвой военный или любой другой союз. Как пишет научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Чжэн Юй, один из главных аргументов «против» заключается в том, что в любом союзе «по факту существует лидирующее государство». «Китайско-советский военный союз в 1950-х годах прошлого века был именно таким, ничем не отличается и НАТО», — замечает он. Согласно устоявшейся в Китае версии, конфликт СССР и Китая в 1960-е годы был вызван как раз тем, что Китай не желал быть марионеткой СССР наподобие восточноевропейских режимов. Начатый

китайцами конфликт на Даманском (в том, что стрелять первым начал Китай, сходятся российские и американские источники, хотя китайцы с этим не согласны) как раз и имел целью показать, что Пекин готов защищать суверенитет до последнего.

Авторы статьи здесь излагают и защищают ни на чем не основанные враждебные нашему народу и нашей стране утверждения Мао Цзэдуна и его последователей. Наша страна никогда и ничего не навязывала КНР. Наша страна никогда не стремилась устанавливать свой контроль и свое господство над КНР. Наша страна никогда не была военным врагом Китая, никогда не создавала военной угрозы для Китая. Никогда не существовал вопрос о том, что КПК — КНР являлись «марионеткой» КПСС — СССР. Все это ложь.

Более того, за всем этим авторы статьи скрывают тот факт, что это Мао Цзэдун и его последователи были военным врагом нашего народа и нашей страны. Именно они создали фактически самую большую военную угрозу для нас во второй половине XX века. Именно они построили более чем миллиардное население КНР на отношение к нам как к якобы историческому, национальному, классовому, военному врагу нации Китая.

Вершиной предательства своего народа и своей страны является здесь утверждение авторов статьи о том, что Пекин на Даманском якобы «до последнего» «защищал свой суверенитет». Мы никогда не угрожали суверенитету КПК — КНР. Мао Цзэдун и его последователи своими действиями создавали угрозу нашему суверенитету.

Позиция авторов этой статьи — это оправдание злейшего военного врага, оправдание хладнокровных подлых убийц. Оправдание тех, кто создал тогда наибольшую реальную военную угрозу для нашего народа и нашей страны, кто напал на нас и начал реальную войну против нас.

Предстоит осуществить большую работу, приложить много усилий, действовать на протяжении длительного времени с той целью, чтобы добиться взаимного понимания и взаимного доверия между нашими народами и странами. Доверие и взаимное понимание были разрушены именно Мао Цзэдуном и только Мао Цзэдуном, и именно тем, что он начал против нас войну на острове Даманском.

После боев на острове Даманском Китай сделал принцип неучастия в альянсах одним из краеугольных камней своей политики. Дэн Сяопин впервые заявил об этом в 1983 году, а затем генсек ЦК КПК Цзян Цзэминь сделал этот принцип частью официальной доктрины в выступлении на XIV съезде партии в 1992-м. В сознании китайцев формальный союз с СССР был связан с конфликтом с Москвой и столкновением на Даманском, а неформальное, ни к чему не обязывающее, основанное на общих интересах сотрудничество с США против СССР в 1970–1980-е годы — с нормализацией внешней политики, экономическим ростом и победой (в том числе территориальной) над главным геополитическим противником Пекина на севере. Это предопределило максимальный уровень сближения РФ и Китая, остающийся таковым и поныне.

Авторы статьи, продолжают играть роль «компрадоров-пропагандистов» КПК. Они доводят до своих читателей лживые, пропагандистские установки пропаганды ЦК КПК.

Прежде всего утверждение о «принципе неучастия в альянсах».

На самом деле Мао Цзэдун, встретившись с Никсоном, ввел принцип общего декларируемого военно-враждебного отношения к нашей стране, то есть фактически создал альянс с США на основе отношения к нам как к военному врагу.

Мао Цзэдун призвал создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны с участием Китая, Америки, Японии, государств Европы, мусульманских стран.

Дэн Сяопин повторил этот призыв после смерти Мао Цзэдуна.

Дэн Сяопин практически налаживал альянс с США в борьбе против СССР и его «союзника» — Вьетнама, начал войну против Вьетнама.

При правлении Дэн Сяопина в КПК — КНР появилось лживое утверждение о том, что договор 1950 года между СССР и КНР был якобы неравноправным. Это ложь.

Авторы статьи пытаются создавать впечатление, что они знают, что происходит «в сознании китайцев». На самом деле одно (враждебное нам) происходило в сознании Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей, другое (дружественное нам) проис-

ходило в сознании Ван Мина, Лю Шаоци, Пэн Дэхуая, Линь Бяо, Ху Яобана, Чжао Цзыяна.

Лживые утверждения авторов статьи — это оскорбление памяти тех людей нашей страны и Китая, которые искренне создавали и укрепляли дружественные, союзнические, товарищеские отношения между нами. И это авторы статьи делают «на крови» наших людей, убитых исполнителями воли Мао Цзэдуна.

Авторы пытаются внушать читателям в нашей стране лживое утверждение о том, что наш народ и наша страна были якобы главным геополитическим противником Пекина на севере. Это почти буквальное повторение лжи, которую произнес Дэн Сяопин во время встречи с М. С. Горбачевым в Пекине в 1989 году. Мы никогда не были геополитическим противником народа Китая. Это Мао Цзэдун и его последователи настраивали население Китая на отношение к нам как к главному врагу.

Сейчас две страны пытаются одновременно отметить дату, важную для ветеранов и региональной идентичности, и не допустить, чтобы ее широкое празднование отравило общеполитическую повестку.

Истинное значение годовщины при этом никто не обсуждает: 50 лет назад СССР и КНР сошлись у черты ядерной войны, вместе оценили ее перспективы и пришли к выводу, что она не нужна ни одной стороне. Конфликт на Даманском, таким образом, можно сравнить с Карибским кризисом в американо-российских отношениях: он заставил стороны здраво оценить, готовы ли они рискнуть миллионами жизней русских и китайцев ради самоутверждения. И хотя «разрядка» между Москвой и Пекином наступила лишь через 20 лет после битвы на заледеневшем острове, ее фундамент сделал сотрудничество между двумя странами более прагматичным, а значит — более долговременным.

Михаил Коростиков; Алексей Чернышев, Владивосток.

Авторы статьи внушают читателям в нашей стране утверждения пропаганды последователей Мао Цзэдуна, повторяя ложь о том, что с нашей стороны якобы имел место подход к черте ядерной войны в связи с событиями на острове Даманском.

На самом деле с нашей стороны никогда не было никаких попыток рисковать миллионами жизней ради самоутверждения во взаимоотношениях с Китаем.

Наоборот, Мао Цзэдун и его последователи прежде всего всегда стремились заполучить атомную бомбу. Далее вплоть до настоящего времени они не ограничивают наращивание своего ядерного потенциала. Они говорят, что, может быть, подумают об участии в соответствующих, устраивающих их переговорах, но лишь тогда, когда наша страна и США сократят 95% своих ядерных потенциалов. В нашей стране не поддерживали заявления Мао Цзэдуна о том, что «пусть в мировой ядерной войне» погибнет половина человечества.

Авторы специально подчеркнули, что их статья написана во Владивостоке, то есть поблизости от места нападения на нас тех, кто выполнял волю Мао Цзэдуна, осуществлял его глобальную стратегию.

Наконец, представляется необходимым сказать еще об одной статье на эту тему. Она появилась 15 марта 2019 года в газете «Новые Известия». Ее автор Станислав Грачев. Статья вышла под заголовком: «50 лет назад на реке Уссури сошлись в бою за безлюдный болотистый остров советские и китайские войска. Социализм для комаров и лягушек».

Обратимся к тексту этой статьи:

Сражаются друг с другом СССР и Китай. Две социалистические страны на деле доказывают себе и всему миру, что социализм и мир — понятия несовместные. После этого дня в СССР перестают употреблять выражение «Лагерь мира и социализма». Социализм — это да, но какой там к чёрту мир! Коммунистические режимы лупят друг по другу из стрелкового оружия, бронемашин, танков, тяжёлой артиллерии, тактическими ракетами. В ночь с 1 на 2 марта китайцы занимают безлюдный остров, который Советский Союз вопреки международным нормам считает своим. Принято, что граница на пограничных реках проходит посредине основного русла, и остров Даманский — явно китайский. Но нет — Москва тупо уверена, что он её. На переговоры с китайца-

ми, занявшими остров, идёт лейтенант Стрельников с группой солдат-пограничников, всего 18 человек. На льду Уссури китайцы уложили всех. Раненых добили штыками. К 15 марта обе стороны подтянули к острову технику. С советской стороны в бою участвует 25 танков, 36 бронемашин. Реактивными минами «град» накрывают китайский берег, убивают до 900 китайских солдат. А в 1997 году новая Россия тихо-спокойно передаёт остров Китаю, и ныне он носит имя Чжэньбаодао. За что погибли советские пограничники? За советский социализм на необитаемом острове, где только комары и лягушки?

Это, собственно говоря, образчик взгляда на те события, на историю некоторых людей в нашей стране. Они — неблагодарные потомки тех, кто в свое время подвергся вероломному военному нападению и своей кровью и жизнью защищал свой народ, свою страну, их существование, их жизнь, их свободу. И в то же время это проявление взглядов тех, кто практически выступает за подчинение нашего народа последователям Мао Цзэдуна, кто согласен с господством над нашим народом и нашей страной последователей Мао Цзэдуна.

Это написано тем, кто фактически отказывается от стремления исходить из фактов, отказывается от своей страны, от своего народа, кто хотел бы навязать им волю последователей Мао Цзэдуна, военных врагов нашего народа и нашей страны.

Для автора этой заметки СССР и Китай «как бы равны». Сам он находится при этом «как бы вне России (СССР)». Автор называет СССР и Китай (КНР) двумя социалистическими странами.

Прежде всего необходимо принимать во внимание, что речь у нас при рассмотрении характера событий на острове Даманском идет о взаимоотношениях двух наций, двух народов и стран. Речь идет о войне. Речь идет о том, что совершенно определенно и неопровержимо, исходя из фактов, наша страна никогда не готовила и не начинала войну против Китая. Войну подготовил и начал Мао Цзэдун.

Что же касается термина «социалистическая страна», то на самом деле тогда, в условиях того времени, в системе существовавших тогда взглядов, в нашей стране и Мао Цзэдуном сам этот термин понимался по-разному.

Социализм, социалистический лагерь, социалистические страны, во всяком случае применительно к взаимоотношениям СССР и КНР, в нашей стране понимались как некая идейная общность, члены которой являются союзниками по классу, поэтому они не воюют друг против друга, война между коммунистами немыслима, непредставима. Мао Цзэдун не был социалистом или коммунистом в понятиях того времени, в ситуации того времени, когда речь шла о военном нападении его войск на наш народ и нашу страну.

Главное в том, что Мао Цзэдун был сознательным военным врагом нашего народа и нашей страны.

Он олицетворял угрозу войны против нас, настоящую войну против нас.

История сложилась таким образом, что в нашей стране понятие мира при определенных обстоятельствах было выше всего, у нас действительно царила мысль: «Лишь бы не было войны».

Автор этой заметки утверждает, что «коммунистические режимы» «лупят» друг по другу. На самом деле наша сторона выступала в данном случае за мир, выступала как «лагерь мира». Мао Цзэдун выступал как сторонник войны, представал для нас как военный враг.

Это он и только он «лупил» по нашей стране, по нашему народу.

Наш народ и наша страна «не лупила» по Мао Цзэдуну, по Китаю.

Мы были вынуждены защищаться, обороняться.

Автор заметки пишет, что речь шла об острове, который наша сторона якобы вопреки международным нормам считает своим.

На самом деле именно по международным нормам этот остров в то время принадлежал нашей стороне. Это подтверждено договором и картой, являющееся неотъемлемой частью договора.

Именно Мао Цзэдун вопреки существующему договору попытался силой захватить часть нашей земли.

Принято, пишет автор, что граница проходит посередине основного русла реки.

В практике международных отношений было всякое. Во время пограничных консультаций 1964 года наша сторона приводила пример проведения линии границы по договору между двумя странами в Латинской Америке по противоположному берегу.

Автор заметки не упоминает о том, что граница проводилась в нашем случае по китайскому берегу в соответствии с красной линией на карте, линией, которая была проведена по китайскому берегу. Эта карта, как уже упомянуто, представляла собой часть соответствующего договора.

Более того, в 1964 году Н. С. Хрущев согласился с предложением фактически Лю Шаоци, готовя соответствующие документы, изменить положение существующего договора и провести линию границы заново.

Однако это было возможно только при том условии, что китайская сторона не будет увязывать такое изменение договорных условий с принятием нашей стороной ультимативного требования Мао Цзэдуна признать договоры о границе неравноправными, согласиться с его же утверждением о том, что Россия и СССР якобы захватили полтора миллиона квадратных километров чужой земли.

Именно из-за наглой ультимативной необоснованной позиции Мао Цзэдуна, которая фактически ставила нашу страну в положение раба, подчиненного такому ее «хозяину», как Мао Цзэдун, и не состоялось соглашение о прохождении линии границы в 1964 году.

Хрущев и Лю Шаоци хотели решить вопрос на практике.

Мао Цзэдун намеренно помешал решению, подвесил вопрос о границе, а затем подготовил нападение, войну, начал войну против нас на границе.

Мао Цзэдун видел свою цель применительно к нашей стране в условиях того времени в создании военного противостояния между Россией и Китаем. В формировании в Китае отношения к нам как к историческому, национальному, классовому, военному врагу нации Китая.

Автор этой заметки также пишет, что остров Даманский — явно китайский.

Так в наши дни в нашей стране открыто действуют предатели нашего народа и нашей страны. С их точки зрения, и остров Даманский, и все те миллионы квадратных километров нашей земли, на которые претендовали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и их последователи, являются китайскими.

Автор заметки говорит о «тупой уверенности» Москвы. На самом деле позиция нашей стороны в пограничном вопросе была основана на документах, на уверенности в своей правоте при защите нашего народа и нашей страны от необоснованных претензий и несправедливой войны со стороны Мао Цзэдуна и его последователей.

Выдающиеся наши правоведы-международники Крылов и Дурденевский обосновывали нашу позицию. Выдающийся дипломат Кузнецов защищал ее на переговорах.

Автор заметки пишет, что на острове Даманском китайцы «уложили» наших людей и «всех раненых добивали штыками». Это звучит как оправдание войны, обрушенной на нас Мао Цзэдуном, как оправдание подлости, зверства, бесчеловечности Мао Цзэдуна и исполнителей его воли.

Автор заметки пишет, что наши люди погибли «за советский социализм на необитаемом островке».

На самом деле наши люди подверглись единственному, начиная со второй половины прошлого века, военному нападению на границе, попали в ситуацию подлого неожиданного военного нападения и оборонялись, защищали себя, весь наш народ, своих потомков, в том числе и живущих в настоящее время.

Автор этой заметки оправдывает смертельного врага нашего народа и нашей страны, осуждает героев, благодаря которым существует и он сам, причем пишет вещи, оскорбляющие их память. Оказывается, что в нашей стране есть те, кто согласен покориться воле последователей Мао Цзэдуна. У них даже есть возможность открыто писать об этом.

Задача защищать наш народ и нашу страну продолжает оставаться актуальной. Наш народ и наша страна будут защищать себя. У нас хватит воли и сил для того, чтобы отстоять наше право на существование, на жизнь, отстоять нашу свободу, независимость, отстоять равноправие в отношениях, отстоять мир для нашего народа и мир на нашей планете.

* * *

Одно из средств массовой информации КНР под названием «Соху» 11 мая 2019 года опубликовало материал под заголовком «Китай выиграл пять войн, больше никто не осмелился на него нападать». Судя по содержанию этого материала и по тому, что он был опубликован 11 мая 2019 года, есть основания рассматривать его как своего рода реакцию в КНР в настоящее время и на пятидесятилетие событий на острове Даманском, и на то, как в Москве отмечали семидесятилетие победы в Великой Отечественной войне. Приведем ряд выдержек из этого материала.

Китай выиграл пять войн, больше никто не осмелился на него нападать. Последние несколько лет обсуждается вхождение Индии в Совет Безопасности ООН, что повлекло за собой вопрос о том, каким же образом Китай стал одним из пяти постоянных членов Совбеза. Однако статус постоянного члена Совета Безопасности не дает стране особых прав, скорее, наоборот, страны попадают туда на основании имеющейся реальной мощи.

Из 200 с лишним существующих стран только США и СССР могут стоять в одном ряду с Китаем. Англии и Франции, входящим в Совбез ООН, а также Германии и Японии не сравниться по мощи с КНР. Говорят, что «если воевать за мир, то он придет, если договариваться о мире, то он исчезнет». Многие могущественные страны начали свой путь к величию с громких военных побед.

А что же Китай? В его истории была далеко не одна великая война, их было несколько. Страна воевала практически со всеми главными мировыми державами. Не правда ли, Китай заслуживает уважения? Может ли Индия составить ему конкуренцию?

Первая война, в которой принял участие новый Китай, была движением за сопротивление американской агрессии и за оказание помощи корейскому народу. Война длилась три с лишним года, и когда военные действия зашли в тупик, США поняли, что если сейчас не сесть за стол переговоров, то ситуация может выйти из-под контроля. Можно сказать, что эта война велась за дело

возрождения китайской нации, именно она так сильно повлияла на весь мир, позволила Китаю гордо расправить плечи.

Вторая война — это война сопротивления Франции во Вьетнаме. 17 апреля 1950 года военный совет принял решение по указанию Мао Цзэдуна отправить группу китайских советников во Вьетнам для помощи в командовании войсками, сражающимися против Франции.

Третья война — Китайско-индийская пограничная война. В октябре 1962 года Китай начал войну самозащиты против Индии, которая шла для него успешно. 22 ноября Китай прекратил огонь и объявил о намерении начать мирные переговоры. Индия не смогла вести с Китаем войну тогда, как же у нее хватает совести сравнивать себя с Китаем теперь?

Четвертая война — война сопротивления США во Вьетнаме. США блокировали Вьетнам, используя свое военно-морское преимущество. В апреле 1965 года Вьетнам обратился за помощью к Китаю, и Мао Цзэдун принял решение предоставить им помощь в полном объеме. Для этого Китай отправил во Вьетнам зенитные, саперные, инженерные, железнодорожные и тыловые отряды общей численностью в 320 тысяч человек, которые бились с США бок о бок с вьетнамцами, вынудив Штаты признать свое поражение. 27 января 1973 года представители США, Вьетконга и Южного Вьетнама собрались в Париже для подписания Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, после чего США полностью прекратили боевые действия, а в марте начали вывод войск.

Пятая война — война с СССР за остров Даманский, случившаяся в марте 1969 года. Российская империя заключала с Китаем неравные договоры еще на закате династии Цин, в результате чего ей удалось отнять более 3 миллионов квадратных километров китайской земли. После образования нового Китая СССР активно помогал строительству КНР. Однако вскоре СССР стал бояться КНР из-за ее стремительного усиления, тогда отношения между странами и дали трещину. В марте 1969 года советские войска неоднократно нападали на остров Даманский и стреляли по более удаленным в глубь страны районам. Китайские войска были вынуждены обороняться, и в результате их действия привели к победе китайской стороны.

В своих речах и поступках Китай всегда опирался на собственную мощь, благодаря которой он и заслужил место среди постоянных членов Совета Безопасности ООН. Он побеждал всех, будь то могущественные страны вроде США, СССР, Англии и Франции или же вредные соседи вроде Индии и Вьетнама.

Пропаганда КПК утверждает, что КНР одержала военные победы над США в Корее, над Францией и над США во Вьетнаме, над Индией и над СССР. В КНР появляются рассуждения о том, что, дескать, в первой половине XXI века, до 2050 года, Китаю будет необходимо вести шесть войн: войну за Тайвань, войну за острова в Южно-Китайском море, войну за Тибет, войну с Японией, войну за Монголию, войну с Россией.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Михайлович Галенович родился 20 апреля 1932 года в Москве. В 1954 году окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Далее на протяжении четверти века участвовал в практической работе в области наших двусторонних отношений с Китаем. Работал на Выставке достижений экономического и культурного строительства СССР в городах Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухане; был переводчиком торгпредов в Китае И. А. Еремина и М. И. Сладковского. Ведал связями в области культуры и образования в посольстве СССР в КНР, работал в составе наших делегаций на пограничных консультациях и переговорах в 1964, 1969–1970, 1979 годах, переводил глав наших делегаций П. И. Зырянова, В. В. Кузнецова. Ему довелось переводить беседы А. Н. Косыгина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, А. Н. Шелепина с Ху Яобаном и Ли Сяньнянем, А. И. Микояна с региональными китайскими руководителями, послов С. В. Червоненко и С. Г. Лапина с Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Чэнь И. Работал во время их проезда и пребывания в Москве с Е Цзяньином, Ду Жуньшэном, Чэнь Ицзы. Был переводчиком во время пребывания в нашей стране китайских писателей и деятелей искусства: Тянь Ханя (в том числе во время его встречи с К. М. Симоновым), Лао Шэ, Ба Цзиня, Ся Яня, Мэй Ланьфана (при его встрече с Г. С. Улановой). Знаком со знатоками русского языка в Китае: Гао Маном, Янь Минфу, Ли Фэнлинем; со специалистами в области наших двусторонних отношений: Сюе Сяньтянем, Ян Чуаном, Линь Цзюнем, Гао Фэем. Как и другие сотрудники посольства СССР в Пекине в годы «культурной революции» в КНР, был награжден орденом за мужество при выполнении служебного долга. Занимался анализом в государственных учреждениях наших двусторонних отношений и таких внутривосточных событий в КНР, как «культурная революция» и «дело Линь Бяо».

В 1970-х годах в секретариате ООН был директором отдела внешних сношений, который ведал всеми информационными цент-

рами ООН в мире и связями ООН с неправительственными организациями.

Будучи в США, изучал состояние и перспективы китайско-американских отношений. Общался с известными американскими Китаеведами, политическими деятелями и журналистами: Эд. О. Клаббом, Дж. Сервисом, Дж. Фэйрбэнком, Эд. Райсом, М. Уилбуром, Р. Скалапино, Д. Барнетом, А. Уайтингом, Л. Паем, Э. Вогелем, С. Вэнсом, Т. Робинсоном, С. Левином, М. Пиллсбери, Г. Солсбери, С. Топпингом, Дж. Лилли, П. Чжаном, У. Оверхолтом, Р. Уитке.

С конца 1970-х годов на протяжении 10 лет занимался научно-организационной работой в качестве заместителя директора сначала Института Африки (где, в частности, изучал отношения Китая со странами этого континента), а затем Института Дальнего Востока АН СССР.

С конца 1980-х годов сосредоточился на научно-исследовательской работе, является главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. За три последних десятилетия стал автором 60 монографий. Вот главные направления его исследований и названия соответствующих монографий:

1. Анализ истории КНР и КПК и внутривнутриполитического положения в КНР («Из истории политической борьбы в КПК /1966–1969 гг./», «Смерть Мао Цзэдуна», «Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год», «Китайское чудо или китайский тупик», «Призрак Мао», «О чем пишут авторы сборника “Китай недоволен”»). Автор раздела «История Китая второй половины двадцатого столетия» в шестом томе «Истории Востока», изданной Институтом Востоковедения РАН. Ответственный редактор и автор «Введения» «Истории КНР (1949–1976)» — VIII тома десяти-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века».

Отношения между берегами Тайваньского пролива: «Самоутверждение сыновей Тайваня», «Китайские метаморфозы», «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй».

2. Жизнь и деятельность практически всех политических лидеров Китая в XX и XXI веках («Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши», «Мао Цзэдун вблизи», «Великий Мао», «Гибель Лю Шаоци», «Возвращение Лю Шаоци», «Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун», «Путешествие на родину Дэн Сяопина», «Дао Ху-гуна /о Ху Яобане/», «Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборон-

ной политики современного Китая», «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае», «Новое лицо Китая /о Ху Цзиньтао/», «Чжао Цзянь и реформы в Китае», «“Великое возрождение” “великой нации Китая” и Россия /о Си Цзиньпин/», «“Десять жизней” Ван Мина»).

«Китайская альтернатива» (сопоставление взглядов, позиций и действий Лю Шаоци и Мао Цзэдуна, Ху Яобана и Дэн Сяопина).

«За кулисами советско-китайских отношений». На основе рассмотрения мемуаров Ши Чжэ, переводчика бесед Мао Цзэдуна со Сталиным и Хрущевым, во многом по-новому предстает история взаимоотношений советских и китайских коммунистов и взаимоотношений внутри руководства КПК.

3. История и современное состояние двусторонних отношений России и Китая («“Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений», «Россия — Китай: шесть договоров», «История взаимоотношений России и Китая» /в четырех книгах/, «Четыреста лет соседства России с Китаем», «Россия и Китай в XX веке: граница», «“Войны Нового Китая” и его дипломатическая служба», «“Исторический счет” к России и к СССР в “Истории Коммунистической партии Китая”»; «“Исторический счет” к России и к СССР в “Истории Китайской Народной Республики”», «Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая»; серия из шести монографий под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры»: «От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена», «Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн /Чан Кайши/», «Сталин и Мао. Два вождя», «Два “первых лица”: Хрущев и Мао Цзэдун», «От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина», «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй»). Итогом анализа внешней политики КНР является труд «Глобальная стратегия Китая». В ней внимательно проанализирована внешнеполитическая деятельность Мао Цзэдуна. Ю. М. Галенович является автором раздела «Российско-китайская граница в XX веке» в коллективной монографии «Границы Китая: история формирования» под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова (М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 182–224).

4. Современное китайское россиеведение или оценка в КНР истории российско-китайских отношений, исчезновения СССР и КПСС, взаимоотношений РФ и КНР, внутренней и внешней

политики России («История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых», «Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых», «Россия в “китайском зеркале”. Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений», «Китайские поминки по КПСС и СССР», «Плач по безвременно усопшим. Трактовка в КНР исчезновения СССР и КПСС»).

5. Соотношение интересов России, Китая и США («Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века», «Китай и сентябрьская трагедия Америки», «Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов?»).

6. Отдельно необходимо отметить выполненный Ю. М. Галеновичем перевод с его предисловием и послесловием китайского классического труда «САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН (Троесловие)».

7. В КНР в переводе на китайский язык издана серия его монографий на общую тему «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры». Эта серия состоит из шести монографий: «От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена», «Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши)», «Сталин и Мао. Два вождя», «Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун», «От Л. И. Брежнева и Мао Цзэдуна до М. С. Горбачева и Дэн Сяопина», «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй». В этих работах китайским читателям представлено сопоставление взглядов автора и китайских коллег на историю наших двусторонних отношений с конца девятнадцатого по начало двадцать первого столетия.

Ю. М. Галенович — доктор исторических наук (защищенная в ИДВ АН СССР диссертация о политическом курсе Мао Цзэдуна в отношении нашей страны, о соотношении внутренней и внешней политики в годы «культурной революции» в КНР), кандидат филологических наук (защищенная в МГИМО МИД СССР диссертация об интонации простого предложения в современном китайском языке и о соотношении тона и интонации в китайском языке), профессор всеобщей истории. Читал лекции по истории взаимоотношений России и Китая в РГГУ и МГИМО (У), в Пекинском институте международных отношений. На протяжении нескольких десятилетий является заместителем председателя правления Общества российско-китайской дружбы. Заместитель председателя Всесоюзной ассоциации китаеведов. Председатель совета

Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

В итоге пять лет учебы на китайском отделении Московского института востоковедения, три года в аспирантуре МГИМО, двадцать пять лет практической работы в сфере двусторонних отношений, в том числе в Китае и в Америке, сорок лет научной работы.

Особенность этой работы в пристальном изучении трактовки в современном Китае истории наших взаимоотношений с Китаем, истории Китая в XX и XXI веках, внутривосточного положения и борьбы в Китае, истории взаимоотношений России (СССР, РФ) и Китая (Китайской Республики и Китайской Народной Республики) и комментариях китаеведа к этой трактовке.

В последние годы сосредоточился на изложении позиции нашей стороны в своего рода диалоге с китайскими коллегами по вопросам истории русско-китайских, советско-китайских отношений. В ответ на официальную трактовку в КНР истории взаимоотношений КПСС и КПК, СССР и КНР, России и Китая, изложенную в «современном троекнижии» («История КПК», «История КНР», «Обобщение подвешенных вопросов истории взаимоотношений России и Китая»), опубликовал свое троекнижие: «Исторический счет к России и СССР в “Истории КПК”», «Исторический счет к России и СССР в “Истории КНР”», «Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая». Развитием этой темы является и монография «За кулисами советско-китайских отношений».

В настоящее время важным представляется изучение китайских текстов по вопросам наших двусторонних отношений; трактовка, разъяснение их содержания, сути, формулировок и терминов с точки зрения китаеведа; сопоставление трактовок истории китайскими коллегами и российским китаеведом с позиций защиты коренных национальных интересов нашей страны.

Ныне все большее значение приобретает проблема соотношения интересов Китая и остального человечества. При этом важно обратиться к истории и состоянию американо-китайских отношений. На эту тему написаны и изданы работы: «Глобальная стратегия Китая» (М., 2016. 1176 с. Раздел «Казус Америки». С. 25–161: «За кулисами американо-китайских отношений»), «Истоки американо-китайских отношений». Подготовлены к изданию работы: «Америка — Китай: глобальное противостояние», «Китайские стратегемы».

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ АВТОРА

«Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май 1966 года — апрель 1969 года.

(В четырех книгах).

Кн. 1. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май — декабрь 1966 года. Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. Специальный выпуск. Для служебного пользования. М., 1974.

Кн. 2. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Январь — июнь 1967. М., 1974.

Кн. 3. «Культурная революция» в Китае. Июнь — ноябрь 1967. М., 1975.

Кн. 4. Ч. 1. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. М., 1977.

Кн. 4. Ч. 2. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. М., 1977.

Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.)/ Институт Дальнего Востока Академии наук СССР (ИДВ АН СССР). М., 1988. — 298 с.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. Т. 2. СССР и КНР (1949–1991 гг.). Книга первая. Книга вторая / Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН). — М., 1992. — 170 с., 140 с., 132 с.

Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. Ч. 1. Студенчество и интеллигенция. Ч. 2. Коммунистическая партия Китая. Ч. 3. Телесериал «Плач по реке»/ИДВ РАН. — М., 1995// Информационный бюллетень № 6, 7, 8. — 121 с., 169 с., 88 с.

Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ. Ч. 1 и 2 / Пер. с кит. и вст. ст. Ю. М. Галеновича «Неофициальная история реформ или исповедь китайского восьмидесятника»; ИДВ РАН. — М., 1996 // Информационный бюллетень № 10, 11. — 161 с., 147 с.

К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века / ИДВ РАН. — М., 1999. — 139 с.

- Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века** / Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». — М., 1999. — 316 с. — (Научные доклады. Вып. 99.)
- Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши.** — М.: Муравей, 2000. — 358 с. — (Политические деятели Китая. XX век).
- Гибель Лю Шаоци.** — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 144 с.
- Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века.** — М.: Изограф, 2000. — 288 с.
- Нации и государства: Сборник статей о китайско-американских отношениях.** — М.: ИДВ РАН, 2001. — 184 с.
- Россия и Китай в XX веке: граница.** — М.: Изограф, 2001. — 336 с.
- Заметки китаевода.** — М.: Муравей, 2002. — 328 с.
- Китайское чудо или китайский тупик?** — М.: Муравей, 2002. — 144 с.
- Призрак Мао.** — М.: Время, 2002. — 208 с.
- Москва — Пекин, Москва — Тайбэй.** — М.: Изографус, 2002. — 656 с.
- Самоутверждение сыновей Тайваня.** — М.: Муравей, 2002. — 200 с.
- Путешествие на родину Дэн Сяопина.** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. — 156 с. — (Лидеры Китая XX века).
- Китай и сентябрьская трагедия Америки** / Научно-образовательный ФОРУМ по международным отношениям. — М., 2002. — 168 с.
- Россия — Китай: шесть договоров.** — М.: Муравей, 2003. — 408 с.
- От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена.** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. — 200 с.
- Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая.** — М.: Муравей, 2003. — 335 с.
- Смерть Мао Цзэдуна.** — М.: Изограф, 2005. — 672 с.
- Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века.** — М.: Огни, 2005. — 264 с.
- Россия — Китай — Америка: От соперничества к гармонии интересов?** — М.: Русская панорама, 2006. — 575 с. — (Размышления историка).
- Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае.** — М.: Памятники исторической мысли, 2005. — 392 с.
- Мао Цзэдун вблизи.** — М.: Русская панорама, 2006. — 325 с. — (Лидеры Китая).
- Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века.** — М.: Муравей, 2006. — 384 с.
- Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI вв.)** / Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 272 с.

- История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых** / Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 132 с.
- Дао Ху-гуна.** В двух книгах. Кн. 1. Жизненный путь Ху Яобана. — М.: Русская панорама, 2008. — 448 с.
- Дао Ху-гуна.** В двух книгах. Кн. 2. Подвиг Ху Яобана. — М.: Русская панорама, 2008. — 540 с.
- Новое лицо Китая.** Кн. I. Положение в партии. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 376 с.
- Новое лицо Китая.** Кн. II. Состояние общества. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 376 с.
- Новое лицо Китая.** Кн. III. XVII съезд КПК: программа Ху Цзиньтао. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 306 с.
- Возвращение Лю Шаоци.** — М.: Русская панорама, 2008. — 407 с.
- Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 372 с.
- Сталин и Мао. Два вождя.** — М.: Восточная книга, 2009. — 574 с.
- Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых.** — М.: Время, 2010. — 304 с.
- О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен».** — М.: ИДВ РАН, 2009. — 85 с.
- Китайская мозаика.** — М.: ИДВ РАН, 2009. — 415 с.
- Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай.** — М.: Восточная книга, 2010. — 480 с.
- Троесловие: Сань-цзы-цзин** / Пер. с кит., предисл. и послесл. Ю. М. Галеновича. — М.: ИДВ РАН, 2010. — 370 с.
- ТРОЕСЛОВИЕ (САНЬ-ЦЗЫ-ЦЗИН)** / Пер. с кит., предисл. и комм. Ю. М. Галеновича. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2012. — На рус. и кит. яз. — 296 с. — (ANTIQUA: литературные памятники и источники).
- Пятьдесят лет с Китаем.** — М.: ВАГРИУС: Изограф, 2011. — 352 с.
- Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений.** — М.: Восточная книга, 2011. — 416 с.
- История взаимоотношений России и Китая.** В 4 кн. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2011. — (Размышления историка).
- Кн. I: Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в.) и Кн. II: Два государства — три партии (1917–1949 гг.). — 464 с., карты.
- Кн. III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Ч. 1: Гл. 1–11. — 464 с.

- Кн. III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Ч. 2: Гл. 12–21. — 336 с.
- Кн. IV: Две нации — три партнера (1991 — начало XXI в.) — 600 с., карта.
- Китайские интерпретации.** — М.: Восточная книга, 2011. — 400 с.
- Четыреста лет соседства России с Китаем.** — М.: Восточная книга, 2011. — 256 с.
- Китайские поминки по КПСС и СССР.** — М.: Восточная книга, 2011. — 264 с.
- «Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба.** — М.: Восточная книга, 2012. — 640 с.
- Великий Мао. «Гений и злодейство».** — М.: Яуза: Эксмо, 2012. — 784 с.
- Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзедун.** — М.: ИДВ РАН, 2012. — 322 с.
- От Брежнева и Мао Цзедуна до Горбачева и Дэн Сяопина.** — М.: ИДВ РАН, 2012. — 224 с.
- Чжао Цзыян и реформы в Китае.** — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2012. — 752 с. — (Лидеры Китая).
- «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая».** — М.: Восточная книга, 2012. — 512 с.
- «Великое возрождение» «великой нации Китая» и Россия.** — М.: Восточная книга, 2013. — 240 с.
- «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Китайской Народной Республики».** — М.: Восточная книга, 2014. — 288 с.
- «Плач» по «безвременно усопшим». Исчезновение СССР и КПСС: трактовка в Китае.** — М.: Восточная книга, 2014. — 192 с.
- Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая.** — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2015. — 1136 с.
- Глобальная стратегия Китая.** — М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. — 1176 с. — ил. — (Размышления историка).
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века:** в 10 т. / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: Наука, 2013.
- Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / Отв. ред. Ю. М. Галенович. — 2017. — 800 с.
- Китайская альтернатива.** — М.: Форум, 2017. — 376 с.
- За кулисами советско-китайских отношений («Судьба толмача»).** — М.: Русская панорама: СПСЛ, 2018. — 704 с. — ил. — (Размышления историка).

«Десять жизней» Ван Мина. — М.: НФАМ, 2018. — 492 с.

За кулисами американо-китайских отношений (Полвека спустя после рукопожатия Мао и Никсона в Пекине). — М.: Русская панорама: СПСЛ, 2019. — 816 с.

Истоки американо-китайских отношений. — М.: Издательский дом ВКН, 2019. — 464 с.

В КНР в 1999 году издательством «Сычуань жэньминь чубаньшэ» издана серия работ под общим названием **«Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры»**. Серия состоит из следующих книг:

Нигула юй Цыси. Ленин юй Сунь Чжуншань /Николай и Цыси. Ленин и Сунь Ятсен/. — 243 с.

Лян да юаньшуай: Сыдалинь юй Цзян Цзешу /Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши/. — 287 с.

Лян да линсю: Сыдалинь юй Мао Цзэдун /Два вождя Сталин и Мао Цзэдун/. — 485 с.

Лянгэ ибашоу: Хэлусяофу юй Мао Цзэдун /Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун/. — 294 с.

Булежинефу юй Мао Цзэдун. Гээрбацяофу юй Дэн Сяопин /Брежнев и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин/. — 205 с.

Шицзи чжи цзяо ды Элосы юй Чжунго /Россия и Китай на рубеже веков/. — 338 с.

Готовятся к изданию:

Китайские стратагемы.

Америка и Китай: глобальное противостояние.

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Социально-политическое электронное издание

Галенович Юрий Михайлович

КИТАЙ

40 лет спустя после Мао,

20 лет спустя после Дэна

Корректор Е. А. Соседова

Верстка О. Б. Русакова

Обложка И. И. Мамыкин

Подписано к использованию 10.02.20

Формат 12,5×19,5 см

Гарнитура Times New Roman

ООО «Издательский дом ВКН»

107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5

Телефон: (495) 374-59-68

Сайт: www.vkn-press.ru

Эл. почта: vkn@muravei.ru

**Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»**

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

Юрий Михайлович Галенович — китаевед, профессор, доктор исторических наук. Автор работ о Китае, русско-китайских и американско-китайских отношениях.

Многие годы работал в Китае, несколько лет в Америке. Знаком со многими видными американскими китаеоведами.

Обратил внимание на то, что во втором десятилетии XXI века в США появились работы о нынешнем состоянии американо-китайских отношений, а в свое время

был издан труд об истории американо-китайских отношений. Начиная диалог с американскими исследователями, выступает с тремя монографиями: «Истоки американо-китайских отношений», «За кулисами американо-китайских отношений», «Америка — Китай: глобальное противостояние».

В настоящее время становится все более очевидным, что на мировой арене двумя «главными игроками» являются американцы и китайцы. Во всяком случае, и те, и другие соперничают и так или иначе претендуют на лидерство.

Возникает вопрос о характере их взаимоотношений, история которых насчитывает около 240 лет. Это и мало, и много. С одной стороны, исторически это краткий срок. С другой стороны, здесь многое заставляет задуматься. Обращение к истокам представляется полезным для понимания их нынешнего состояния и перспективы. Это и повод говорить о взаимоотношениях наций на планете.

Всего лишь два века тому назад иностранцы стучались в двери Китая, добиваясь их открытия, а сегодня китайцы стучатся в двери остального человечества. Речь начинает идти о проблеме их взаимного приспособления.

Мы хотели бы познакомить читателей с тем, какими представляли себе китайцев и Китай американцы начиная с XVIII века.